

ISSN 1997-1370 (Print)
ISSN 2313-6014 (Online)

**Журнал Сибирского
федерального университета
Гуманитарные науки**

**Journal of Siberian
Federal University**

Humanities & Social Sciences

2026 19 (2)

ISSN 1997-1370 (Print)
ISSN 2313-6014 (Online)

2026 19(2)

Издание индексируется Scopus (Elsevier), Российским индексом научного цитирования (НЭБ), представлено в международных и российских информационных базах: Ulrich's periodicals directory, EBSCO (США), Google Scholar, Index Copernicus, Eriplus, КиберЛенинке.

Включено в список Высшей аттестационной комиссии «Рецензируемые научные издания, входящие в международные реферативные базы данных и системы цитирования».

Все статьи находятся в открытом доступе (open access).

ЖУРНАЛ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА Гуманитарные науки

JOURNAL OF SIBERIAN FEDERAL UNIVERSITY Humanities & Social Sciences

**Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки.
Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences.**

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет» (СФУ)

Главный редактор Н.П. Копцева. Редактор О.Ф. Александрова
Корректор Т.Е. Бастрыгина. Компьютерная верстка И.В. Гревцовой

*Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-28723 от 29.06.2007 г.,
выданное Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия*

№ 2. 26.02.2026. Тираж: 1000 экз.

Свободная цена

Адрес редакции и издательства:
660041 г. Красноярск, пр. Свободный, 82, стр. 24, ауд. 117.

*Отпечатано в типографии Издательства БИК СФУ
660041 г. Красноярск, пр. Свободный, 82а.*

<http://journal.sfu-kras.ru>

Подписано в печать 13.02.2026. Формат 60х90/8. Усл. печ. л. 19,6.
Уч.-изд. л. 19,1. Бумага тип. Печать офсетная. Тираж 1000 экз. Заказ № 25966.

Возрастная маркировка в соответствии с Федеральным законом № 436-ФЗ: 16+

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Н. П. Копцева – доктор философских наук, зав. кафедрой культурологии (Сибирский федеральный университет).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- Е. Е. Анисимова**, д-р филол. наук, Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева, г. Красноярск.
- О. Ю. Астахов**, д-р культурологии, профессор, Кемеровский государственный институт культуры.
- А. Ю. Близнавский**, д-р пед. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- Е. Б. Бухарова**, канд. экон. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- З. А. Васильева**, д-р экон. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- Д. Н. Гергилев**, д-р истор. наук, и.о. директора, Институт российской истории РАН, г. Москва.
- К. В. Григоричев**, д-р социол. наук, профессор, Иркутский государственный университет.
- Д. Григорова**, профессор Софийского университета им. Климента Охридского (Болгария).
- С. В. Девяткин**, канд. филос. наук, доцент, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород.
- С. А. Дробышевский**, д-р юрид. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- М. А. Егорова**, д-р юрид. наук, профессор, Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина.
- Е. В. Зандер**, д-р экон. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- Т. Х. Керимов**, д-р филос. наук, профессор, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург.
- А. С. Ковалев**, д-р истор. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- М. А. Колеров**, канд. истор. наук, действительный государственный советник РФ 1 класса, Информационное агентство Regnum, г. Москва.
- В. И. Колмаков**, д-р биол. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- А. А. Кроник**, профессор, Университет Ховарда, США.
- Л. В. Куликова**, д-р филол. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- В. Ю. Леденева**, д-р социол. наук, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН.
- О. В. Магировская**, д-р филол. наук, доцент, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- П. В. Мандрыка**, д-р истор. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- М. В. Москалюк**, д-р искусствоведения, Сибирский государственный институт искусств им. Д. А. Хворостовского, г. Красноярск.
- В. Г. Немировский**, д-р социол. наук, профессор, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, г. Москва.
- Н. П. Парфентьев**, д-р истор. наук, д-р искусствоведения, профессор истории, заслуженный деятель науки РФ, Национальный исследовательский Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск.
- Н. В. Парфентьева**, д-р искусствоведения, профессор, член Союза композиторов России, заслуженный деятель искусств РФ, Национальный исследовательский Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск.
- Н. Н. Петро**, PhD, профессор общественных наук, Университет Род-Айленда, США.
- Р. В. Светлов**, д-р филос. наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет.
- А. В. Смирнов**, д-р филос. наук, академик РАН, Институт философии РАН, г. Москва.
- А. Н. Тарбагаев**, д-р юрид. наук, профессор, заслуженный юрист России, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- Е. Г. Тарева**, д-р пед. наук, профессор, Московский городской педагогический университет.
- К. Б. Уразасва**, д-р филол. наук, профессор, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева (Казахстан).
- И. В. Шишко**, д-р юрид. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.

CONTENTS

Samoyedic Peoples Anthropology

Natalia P. Koptseva Ethnocultural Characteristics of the Samoyedic Peoples	236
Natalya N. Seredkina, Tikhon K. Ermakov and Ilya S. Gomonov The Concept of “Health” in the Nenets Culture	248
Ksenia A. Degtyarenko, Anna A. Shurmanova, Sophia I. Yuferova, Sofia A. Mikhailova and Alexandra A. Garth The Enets Ethnic Knowledge about Food and Medicinal Plants, Recorded in Folklore Monuments	259
Maria S. Koptseva, Stepan O. Zotov and Andrei A. Khoviakov Cultural Anthropology of Indigenous Medicine around the World: A Literature Review	271
Maria A. Kolesnik and Maria I. Bukova Ethnocultural Features of the “Treatment” of the Samoyedic Peoples	282
Natalia P. Koptseva and Yulia N. Perepelitsa Images of “Traditional Food” in Nenets Folklore	292
Natalya N. Seredkina and Varvara O. Lebedeva Representation of the Tungusic-Manchurian Peoples Knowledge about the Properties of Wild Plants in Social Networks	304
Ekaterina A. Sertakova and Natalia M. Leshchinskaia Food Culture of the Nenets of the Krasnoyarsk Krai	319
Anastasia V. Kistova and Alexandra A. Sitnikova The Concepts of “Health”, “Illness” and Ways of Their Representation in the Visual Arts	329
Anna A. Shpak and Maria S. Koptseva The Culinary Traditions of the Dolgans in the Krasnoyarsk Region	343

Linguoculturology

Jemma B. Amanzholova, Ainur S. Nurakhynova, Nursulu Zh. Shaimerdenova and Saule Zh. Bayandina Terminological Literacy and Sociolinguistic Competence of Students Studying Russian in Kazakhstan	354
Shynaray D. Burkitbayeva, Aidana E. Toxeitova and Meruyert S. Zeinebekova The Nominative Function of Derivative Colour Terms in the Kazakh Language Toponymic System	364

Elena P. Mariasova, Tatiana S. Paderina and Nataliya A. Sverdlova Cognitive Foundations of Metaphorical Transfer in Terminological Systems: The Earth Sciences Case	374
Nazgul T. Yedrenova, Zhadyra A. Baiyanbaeva and Karina N. Galay Artistic Images and Value Orientations in the Works of Ivan Bunin and in the Kazakh Literary Tradition	388
Polina P. Dashinimaeva and Ariuna G. Itigilova Translation Studies: Quantum Text Interpretation	399
 Anthropology of the North, Siberia and the Far East	
Vladimir N. Davydov and Olga M. Shulgina The Art of Agitation in Chukotka in the Late Soviet Period: “Meetings beyond the 180th Meridian”	410
Valeria V. Dzyuba, Maksim A. Glushenko, Zakhar Yu. Zharnikov and Vladimir S. Myglan Features of the Development of the Iconic Wooden Architecture of Nizhny Angara Based on the Materials of Dendrochronological Analysis	424
 Philosophical Anthropology, Anthropology of Art, Art Criticism	
Andrei M. Sergeev Once Again, about the Search for Russian Truth	438
Sergey Ye. Vinokurov Search for a National Image in Art Industry of USSR (Using Example of Assortment of “Ural Stonecutter” Factory in 1960s and 1980s)	447
 Cultural Studies	
Natalya G. Fedotova An Epistemological Research Model of the City Memory Sites’ Dynamics	462

**Samoyedic Peoples
Anthropology
Антропология
самодийских народов**

EDN: BNINHW
УДК 392.81

Ethnocultural Characteristics of the Samoyedic Peoples

Natalia P. Koptseva*

*Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Received 25.11.2025, received in revised form 08.12.2025, accepted 14.01.2026

Abstract. This article presents the results of a study of the ethnocultural characteristics of the Samoyedic peoples. The study's boundary is the territory of Krasnoyarsk Krai, currently home to Samoyedic ethnocultural groups such as the Enets, Nenets, Nganasans, and Selkups. Significant transformations in the ethnocultural characteristics of the Samoyedic peoples of the Krasnoyarsk Krai are documented, based on resource availability factors associated with traditional economic practices. Elements of spiritual culture take on museum, ethnopedagogical, and cultural-educational forms, and also serve as markers that allow representatives of these ethnic groups to manifest their ethnicity in cyberspace.

Keywords: Samoyedic peoples, Krasnoyarsk Krai, ethnocultural characteristics, S. M. Shirokogorov, psychomental complex.

Research area: Theory and History of Culture, Art.

The study was supported by the grant of the Russian Science Foundation No. 25–18–20096, <https://rscf.ru/project/25–18–20096/>, grant from the Krasnoyarsk Regional Science Foundation.

Citation: Koptseva N. P. Ethnocultural Characteristics of the Samoyedic Peoples. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2026, 19(2), 236–247. EDN: BNINHW

Этнокультурные особенности самодийских народов

Н.П. Копцева

*Сибирский федеральный университет
Российская Федерация, Красноярск*

Аннотация. Представлены результаты исследования этнокультурных особенностей самодийских народов, границей исследования выступает территория Красноярского края, где в настоящее время проживают такие самодийские этнокультурные группы, как энцы, ненцы, нганасаны и селькупы. Фиксируются существенные трансформации этнокультурных характеристик самодийских народов Красноярского края, в основе которых лежат факторы ресурсообеспечения, связанного с видами традиционного хозяйствования. Элементы духовной культуры принимают музейную, этнопедагогическую и культурно-просветительскую форму, а также выступают маркерами, позволяющими представителям данных этносов манифестировать свою этничность в киберпространстве.

Ключевые слова: самодийские народы, Красноярский край, этнокультурные особенности, С. М. Широкогоров, психоментальный комплекс.

Научная специальность: 5.10.1. Теория и история культуры, искусства.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25–18–20096, <https://rscf.ru/project/25-18-20096/>, гранта Красноярского краевого фонда науки.

Цитирование: Копцева Н. П. Этнокультурные особенности самодийских народов. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2026, 19(2), 236–247. EDN: BNINHW

Введение

Целью данного исследования является определение содержания понятий «этническая культура» и «этнокультурные особенности» сначала как сугубо теоретических, культурологических понятий, но с активным привлечением этнологии и особенно теории этноса Сергея Михайловича Широкогорова, а затем данные понятия будут привлечены для понимания специфики этнической культуры самодийских народов, относящихся в соответствии с законодательством Российской Федерации к коренным малочисленным народам Севера, Сибири и Дальнего Востока. Особое место в этой проблематике занимает Красноярский край, поскольку на его территории проживают такие самодийские народы, как ненцы, энцы, нганасаны и селькупы, т.е. представители всех ныне живущих самодийцев. В настоящее время этнологиче-

ские и этнокультурологические исследования самодийских народов (включая тех, кто проживает на территории Красноярского края) имеют длительную историю, начавшуюся с описаний путешественников, ученых и миссионеров по северным территориям Европы, а затем и Азии и продолжающуюся в настоящее время в трудах исследователей ряда академических институтов (Кунсткамеры, Института этнологии и антропологии им. Миклухо-Маклая РАН, Института языкознания РАН, Института лингвистических исследований РАН), а также университетов (РГПУ им. Герцена, СВФУ им. М. К. Аммосова, МГУ им. Ломоносова, НИУ ТГУ) и ряда других учебных и научных организаций. Можно отметить таких известных ученых, которые работали в области этнологии, социальной и культурной антропологии самодийских народов, как Б. О. Долгих (1962),

А. В. Головнев и С. Кан (1997), О Ханина (2021) и В. Гусев (2025), Ю. Н. Квашнин (2021), Х. Майкл (1963), Ф. Зигль (2012), В. А. Тишков (2005) и многих других. Исследования проводятся как в целом по группе самодийских народов на основе изучения исторического и актуального статуса их языков, так и отдельных аспектов их традиционной жизни (Dobzhanskaya, 1997; Simchenko, 1963, 1992, 1996a, 1996b; Fedorova, 1988; Vasilev, 1994; Dolgikh, Fainberg, 1960; Popov, 1948; Krivonogov, 2019; Golovnev, 2004; Krupnik, 1976; Khomich, 1961, 1966, 1989, 2003; Selkopy ..., 2011; Stepanova, 2008, 2014, 2018 и ряд других трудов).

В Сибирском федеральном университете исследования самодийской группы коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока проводятся в культурологических аспектах, привлекая концепции и методы этнологии, социальной и культурной антропологии, этносоциологии, лингвокультурологии и сопредельных дисциплин. Основным методом исследования здесь выступает теоретическая интерпретация эмпирических материалов, полученных в ходе полевых и киберполевых исследований (см. Korennye malochislennye narody..., 2012; Novye proekty..., 2018; Novye perspektivy..., 2020; Natsionalnaya politika SSSR..., 2022; Evenkiiskii natsionalniy..., 2021; Nevolko, 2011; Antropologiya pitaniya..., 2025; Zotov et al., 2025; Turukhanskie ekspeditsii..., 2025; Sovetskie praktiki..., 2025; Transformatsiya antropologii..., 2025; Degtyarenko et al., 2023, 2024; Tunguso-manchzhurskie narody..., 2025; Vizualnye obrazy rastenii..., 2025; Mezhetnicheskie otnosheniya..., 2024; Kolesnik, 2025; Koptseva, 2025a, 2025b, 2025c, 2025d4; Mikhailova, 2025 и ряд других работ).

Для продолжения этнокультурологических исследований самодийских народов как представителей коренных малочисленных народов Севера Красноярского края необходимо разрабатывать и корректировать существующую концептуально-теоретическую базу, в том числе понятийно-категориальный аппарат,

связанный с терминами «этнос», «этническая культура», «этнокультурные группы». В данной статье выполнено теоретико-концептуальное исследование, связанное с прояснением содержания и потенциала для теории и истории культуры, искусства термина «этнокультурные особенности», и демонстрация применения данного термина к современным исследованиям самодийских народов Красноярского края.

Понятия «этническая культура», «этнокультурные особенности коренных народов»

Как известно, автором понятия «этнос» является известный русский востоковед, антрополог, тунгусовед, этнограф Сергей Михайлович Широкогоров (1887–1939). Теоретические основы этноса были разработаны им в ряде трудов, включая «Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений» (2001), «Место этнографии среди наук и классификация этносов» (2001), «Социальная организация северных тунгусов (с вводными главами о географии расселения и истории этих групп)» (2017) и ряде иных трудов, изданных на русском и английском языках. Довольно большая часть его наследия остается по-прежнему неопубликованной. Однако и те работы, которые доступны широкому кругу читателей, позволяют сделать ряд важных выводов об основных положениях теории этноса С. М. Широкогорова.

1. Термин «этнос» имеет принципиальное значение, он определяется следующим образом: «группа людей, говорящих на одном языке, признающих свое единое происхождение, обладающих комплексом обычаев, укладом жизни, хранимых и освященных традицией и отличаемых ею от таковых других групп, может быть названа этносом, племенем, народностью. Это и есть этническая единица, объект науки этнографии» (Shirokogoroff, 2001);

2. Использование термина «этнос» позволяет комплексно представить все особенности данной группы людей: «имея объектом наблюдения этнос, этнография

изучает все проявления умственной и психической деятельности человека, т.е. 1) его материальную культуру, т.е. всю сумму знаний в области строительного искусства, одежды, питания и т.д.; 2) его социальную культуру, т.е. организацию общества, – государства, – и его органов, как семья, род и тому подобное; 3) его духовную культуру, т.е. религию, науку, философию и эстетическое искусство» (Shirokogoroff, 2001);

3. Этнография, по мнению С.М. Широкогорова, рано или поздно должна стать точной наукой, подобной другим компонентам естествознания (физике, химии, биологии и их разновидностям), поэтому внутри этнографии будут сформулированы закономерности, выражение которых, так или иначе, сможет принять математическую форму: «Культура каждого этноса или группы этносов состоит из сложного комплекса технических знаний, общественных институтов, суммы знаний научных и эстетических и религий. Между всеми явлениями и элементами этнографических комплексов существует некоторая связь, которая, вне зависимости от общего развития того или иного этноса, может быть, вероятно, выражена некоторым коэффициентом равновесия, причем величины коэффициентов, в зависимости от степени развития отдельных элементов, должны различаться. Конечно, до тех пор у нас еще нет метода для определения этих коэффициентов, но мы должны надеяться, что этот шаг по пути к точному величинному определению этнографических феноменов в конце концов будет сделан и поставит этнографию на одну степень с точными науками» (Shirokogoroff, 2001).

4. Тренин «психоментальный комплекс» в концепции С.М. Широкогорова должен означать некую устойчивую этническую характеристику, которая объяснила бы определенные константы этноса и одновременно связала бы в целостность его культурные формы (религию, язык, фольклор, родовые типы, устойчивые формы материального производства и другие): «термином «психоментальный комплекс» я называю здесь те элементы культуры, которые состоят из психических и мен-

тальных реакций на среду. Среда в целом и в своих элементах изменчива или стабильна, динамична или статична. Для удобства изложения эти элементы можно разделить на две группы, а именно: (1) комплекс реакций постоянного и определённого характера, хотя они варьируются в определённых пределах, и (2) комплекс идей, которые определяют определённые ментальные установки и которые также могут рассматриваться как теоретическая система данной единицы (или даже личности)» (Shirokogoroff, 1935: 1–2).

Применяя принципы теории этноса С.М. Широкогорова к исследованиям самодийских народов, нам надо предварительно выяснить, насколько правомерно рассматривать самодийские народы как целостную группу. Или в настоящее время сложились определенные исследовательские предпосылки, чтобы рассматривать каждый из этносов, входящих в эту группу, в качестве самостоятельного носителя своего «психоментального комплекса»? На этот вопрос сложно дать ответ. Возможно, следует учитывать количество людей, выступающих носителями этнической культуры? Но в современном мире, где процесс трансформации всех социальных качеств идет невероятными темпами, даже количество представителей этносов является спорным. Количество носителей родного языка и количество людей, относящих себя к этносу, для которого тот или иной язык является родным, отличается зачастую в десятки раз. Неоднократно отмеченные современными этнологами и антропологами трансформации традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Севера в процессах модернизации, имеющей индустриальный и постиндустриальный характер, также затрудняют понимание, кто и как в настоящее время представляет собой всю группу самодийских народов или ее отдельные этносы (нганасаны, ненцы, энцы, селькупы).

Тем не менее два важных принципа этнокультурологии самодийских народов, связанных с концепцией этноса С.М. Широкогорова, можно выделить:

1) в первом приближении целостный «психоментальный комплекс» можно отождествить с понятием «этнокультурные особенности»; важно заметить, что «психоментальный комплекс» должен указать на определенную «константу», на «типовую» реакцию этноса на события и процессы окружающей среды (как природной, так и социальной (социотехнической)), тогда как термин «этнокультурные особенности» остается по своему происхождению дескриптивным, размытым, не претендующим на обнаружение каких-либо модельных устойчивых характеристик, отличающих данный этнос от других;

2) термин «культурное равновесие», с помощью которого С.М. Широкогоров отстаивал равную культурную сложность всех этносов, также по замыслу его разработчика рано или поздно должен был принять математическую форму, стать формулой, указывающей на то, какие именно компоненты культуры своей «сложностью» уравнивают другие компоненты культуры «этноса», кажущиеся «просто наблюдателю» «примитивными», «неразвитыми».

Здесь исследования С.М. Широкогорова созвучны другому антропологу – Дж. Мердоку, который полагал, что создание обширной базы данных по различным культурным компонентам этносов (включая коренные этносы) будет способствовать обнаружению устойчивых корреляций, которые можно будет выразить с помощью математических знаков (Merdok, 2003; Murdock, 1967 и другие его труды). Но, возможно, многие из коренных этносов уже не перешли одно из «испытаний», которые были обозначены С.М. Широкогоровым в его теории этноса: испытание изменением климата и ландшафта, испытание изменением технологической основы социальной жизни, что приводит к их постепенной ассимиляции, которая усиливается потерей родного языка среди детей и молодежи этих этносов. В таком случае исследование устойчивых закономерностей для таких уходящих этносов становится попросту невозможным.

Объединяя концепцию этноса С.М. Широкогорова и теорию культуры как идеалообразования Д.В. Пивоварова (Pivovarov, Lubutin, 2000; Pivovarov, Medvedev, 2000), можно предложить следующие два определения терминов «этническая культура» и «этнокультурные особенности»:

1) этническая культура – понятие теории и истории культуры, обозначающее ряд процессов, связанных с идеалообразованием: создание, воспроизводство, сохранение и трансляция базовых идеалов культуры, носителем которых является этнос как отдельная и целостная группа людей, говорящих на одном языке, признающих свое единое происхождение, обладающих комплексом обычаев, укладом жизни, хранимых и освященных традицией, и отличающаяся по данным признакам от другого этноса;

2) этнокультурные особенности – понятие теории и истории культуры, обозначающее ряд характеристик этноса, связанных с особенностями создания, сохранения, воспроизводства и трансляции базовых идеалов этнической культуры, результатом процесса базового идеалообразования для этноса является формирование и функционирование психоментального комплекса данного этноса, отличающего его от других этнических групп.

Этническая культура самодийских народов

в контексте теоретической культурологии

На основе теории этноса С.М. Широкогорова и теории культуры как идеалообразования Д.В. Пивоварова можно сделать ряд концептуальных суждений относительно этнической культуры самодийских народов. Прежде всего, необходимо указать на ряд сложностей, которые препятствуют научному культурологическому исследованию данного объекта:

1) несмотря на законодательное закрепление ряда территорий и их юридический статус «территорий традиционного природопользования», этнокультурные группы самодийских народов живут либо дисперс-

но, либо в поселениях, для которых нехарактерна моноэтничность, но в которых проживают представители различных этнических сообществ, оказывающих друг на друга необратимое влияние;

2) уникальные особенности этнокультурных групп самодийских народов либо представлены в формах музейных экспозиций и коллекций, либо в форме этнографических описаний этнографов и этнологов прошлого времени, условную границу здесь можно провести по 1960-м годам, когда процесс активной индустриализации северных территорий привел к практически необратимой модернизации традиционных культур северных коренных этносов;

3) язык как «ядро» этноса более не выступает значимой характеристикой этнокультурной группы в достаточно большом количестве случаев, поскольку либо не был создан литературный язык, единый для разрозненных сообществ, либо предложенный литературный язык не стал общепринятым, что привело к отсутствию на едином литературном языке ряда важных текстов, включая учебники для школьников, пособия по естествознанию, литературные произведения, закрепляющие нормы, и другие лингвистические элементы, необходимые для «живого» языка; произошедшая замена ядра этнической культуры с «языка»

на «психологические формы этнической идентичности» также осложняет научное объективное понимание сути культурных и этнокультурных процессов, которые происходят сегодня в сообществах самодийских народов.

Учитывая эти сложности, ученые ищут и используют другой язык для описания данных процессов, чем ранее. В этот язык включаются такие важные термины, как «культурные практики», «этнокультурные практики», «этническая идентичность», «этнокультурная идентичность». Соответственно, изменяются методы исследований, все чаще применяются этнопсихологические и этносоциологические методики, полевые исследования активно дополняются киберполевыми исследованиями (Seredkina, 2024, 2025; Degtyarenko, 2024; Koptseva M., 2019, 2025; Zotov, 2025; Modern practices, 2014; Shpak, 2025; Shpak, Kirko, 2025; Koptseva, Shpak, 2024 и ряд других исследований).

На основе обзора современных этнографов, этнологов, социальных и культурных антропологов, этнокультурологов, этносоциологов и других специалистов можно выделить и обобщить в формате таблицы ряд этнокультурных особенностей самодийских народов Красноярского края (табл. 1). Необходимо отметить, что дан-

Таблица 1. Этнокультурные особенности самодийских народов Красноярского края
Table 1. Ethnocultural features of the Samoyed peoples of the Krasnoyarsk Region

№№	Этнокультурная характеристика	Ненцы (проживают на территории Таймырского Долгано-Ненецкого муниципального района)	Энцы (проживают в пос. Потапово и Воронцово Таймырского Долгано-Ненецкого муниципального района)	Нганасаны (проживают на территории Таймырского Долгано-Ненецкого муниципального района)	Селькупы (проживают в деревне Фарково Туруханского района)
1	Занятие домашним северным оленеводством	Распространено в Носковской тундре, ряде северных поселений, для многих семей других территорий утрачено	Остается 1 оленеводческая семья, для остальных утрачено	Для большинства семей утрачено, предпринимаются попытки восстановления с помощью государственной поддержки	Не является типичным

Таблица 1. Продолжение
Table 1. Continued

№№	Этнокультурная характеристика	Ненцы (проживают на территории Таймырского Долгано-Ненецкого муниципального района)	Энцы (проживают в пос. Потапово и Воронцово Таймырского Долгано-Ненецкого муниципального района)	Нганасаны (проживают на территории Таймырского Долгано-Ненецкого муниципального района)	Селькупы (проживают в деревне Фарково Туруханского района)
2	Занятие охотой на дикого оленя и других промысловых животных	Распространено	Распространено	Распространено	Является базовой экономической традиционной практикой
3	Рыбная ловля	Распространена	Распространена	Распространена	Распространена
4	Уровень владения родным языком (по данным ВВП 2020)	47,8 % (на основе данных по ненцам, проживающим на всех территориях России: 23768 из 49646)	49 % (91 из 185)	42 % (294 из 604)	26,7 % (на основе данных по селькупам, проживающим на всех территориях России: 924 из 3458)
5	Использование традиционной одежды	Элементы в повседневной жизни, костюм на праздниках	Элементы в повседневной жизни, костюм на праздниках	Элементы в повседневной жизни, костюм на праздниках	Элементы в повседневной жизни, костюм на праздниках
6	Религия	Элементы признания шаманизма как традиционной религии, православие, агностицизм	Элементы признания шаманизма как традиционной религии, православие, агностицизм	Элементы признания шаманизма как традиционной религии, православие, агностицизм	Элементы признания шаманизма как традиционной религии, православие, агностицизм
7	Виды технических и технологических практик	Современные с небольшим количеством традиционных элементов	Современные с небольшим количеством традиционных элементов	Современные с небольшим количеством традиционных элементов	Современные с небольшим количеством традиционных элементов
8	Фольклор в повседневной культуре	Элемент художественной самодельности, музейных коллекций, академических изданий, педагогических практик с детьми	Элемент художественной самодельности, музейных коллекций, академических изданий, педагогических практик с детьми	Элемент художественной самодельности, музейных коллекций, академических изданий, педагогических практик с детьми	Элемент художественной самодельности, музейных коллекций, академических изданий, педагогических практик с детьми

ные особенности носят ярко выраженный регионально-территориальный характер и, очевидно, не будут совпадать с этнокультурными особенностями самодийских народов, проживающих на территориях других субъектов Российской Федерации.

Таким образом, трансформация этнокультурных практик заключается в ослаблении всех элементов духовной культуры и акцентировании знаков, символов, эмблем, которые выступают, скорее, декоративно-художественными мар-

керами, обозначающими принадлежность человека к определенной этнокультурной группе. При этом экономические практики, связанные с оленеводством, охотой, рыбной ловлей, сбором дикоросов, остаются в той или иной форме, имеют

правовое государственное регулирование, их ресурсодобывающая успешность оказывает существенное влияние на современные процессы этнокультурной идентификации самодийских народов Красноярского края.

Список литературы / References

Degtyarenko K. A. Ermakov T. K. Shpak A. A. Gomonov I. S. Sovetskie praktiki zagotovki lekarstvennykh rastenii na territoriyakh Severa, Sibiri i Dalnego Vostoka [Soviet practices of harvesting medicinal plants in the territories of the North, Siberia and the Far East]. *Severnye Arkhivy i Ekspeditsii* [Northern Archives and Expeditions]. 2025. 9(3). 60–71.

Degtyarenko K. A. Ermakov T. K. Shpak A. A. Gomonov I. S. Transformatsiya antropologii pitaniya severnykh narodov Rossii: dosovetskii, sovetskii i postsovetskii periody [Transformation of the anthropology of nutrition of the northern peoples of Russia: pre-Soviet, Soviet and post-Soviet periods]. *Sibirskii antropologicheskii zhurnal* [Siberian anthropological journal]. 2025. 9(3). 90–100.

Degtyarenko K. A. Menzhurenko Y. N. Shpak A. A. Traditsionnoe obschinnoe ustroystvo i kulturnoe nasledie korennykh malochislennykh narodov Severa Krasnoyarskogo kraia [Traditional communal structure and cultural heritage of the indigenous peoples of the North of Krasnoyarsk Krai]. *Severnye Arkhivy i Ekspeditsii* [Northern Archives and Expeditions]. 2023. 7(3). 161–172.

Degtyarenko K. A. Pimenova N. N., Sertakova E. A. Materialnoe i nematerialnoe kulturnoe nasledie tungusomanchzhurskikh narodov [Material and intangible cultural heritage of the Tungus-Manchu peoples]. *Aziya, Amerika i Afrika: istoriya i sovremennost* [Asia, America and Africa: history and modernity]. 2024. 3(2). 52–72.

Degtyarenko K. A. Sovremennyye issledovaniya digital memory [Modern research of digital memory]. *Tsifrovizatsiya* [Digitalization]. 2024. 5(4). 20–26.

Dobzhanskaya O. E. Nganasany Muzykalnaya Kultura Sibiri: kollektivnaya monografiya. [Musical Culture of Siberia: collective monograph]. Novosibirsk: Novosibirskaya gosudarstvennaya konservatoriya im. M. I. Glinki, 1997. 87–102.

Dolgikh B. O. The origins of the Nganasans: Preliminary remarks. *Studies in Siberian Ethnogenesis*. 1962. 220–299.

Dolgikh B. O., Fainberg L. A. Taimyrskie nganasany [Taimyr Nganasans]. *Sovremennoe khozyaistvo, kultura i byt malykh narodov Severa* [Modern economy, culture and life of small peoples of the North]. 1960. 9–62.

Fedorova E. G. Ukrasheniya verkhnei plechevoi odezhdy narodov Sibiri (khanty, mansi, nentsy, entsy, nganasany, kety, evenki, eveny, chukchi, koryaki) [Ornaments of the Upper Shoulder Garment of the Peoples of Siberia (Khanty, Mansi, Nenets, Enets, Nganasans, Kets, Evenks, Evens, Chukchi, Koryaks)]. *Sbornik Muzeia antropologii i etnografii*. Akademiya nauk SSSR, Institut etnografii im. N. N. Miklukho-Maklaya. Tom 42. Leningrad: Nauka, Leningradskoe otделение, 1988. 86–104.

Golovnev A. V., Kan S. Indigenous leadership in northwestern Siberia: Traditional patterns and their contemporary manifestations. *Arctic anthropology*. 1997. 149–166.

Golovnev A. V. Kochevniki tundry. Nentsy i ikh folklоре [Nenets and their folklore]. Ekaterinburg: Institut istorii i arkheologii URO RAN, 2004. 344.

Khanina O. Enets-Russian language contact. Language contact in the territory of the former Soviet Union. John Benjamins Publishing Company, 2021. 85–118.

Khanina O., Gusev V. 3 Towards an integrated account of the history of Northern Samoyedic. *Towards a Holistic Understanding of Language Contact in the Past*. 2025. 383. 23–54.

Khomich L. V. Brak i semya u nentsev: traditsiya i sovremennost [Marriage and family among the Nenets: tradition and modernity]. *Materiali VI Mezhdunarodnogo Kongressa Finno-Ugrovedov: Otvetstvennyj red. EA Savel'eva*. 1989. 1. 287.

Khomich L. V. Oleni narty i upryazh u nentsev [Reindeer sledges and harness among the Nenets]. *Sbornik MAE*. 1961. 20. 40–53.

Khomich L. V. Nentsy: istoriko-etnograficheskie ocherki [Nenets: historical and ethnographic essays] M., Leningrad: Nauka, 1966. 326

Khomich L. V. Nentsy. [Nenets]. SPb.: Izd-vo “Drofa”, 2003. 123.

Kolesnik M. A. Proekty v sfere iskusstva dlya korennykh narodov Severa [Art projects for indigenous peoples of the North]. *Sibirskii iskusstvovedcheskii zhurnal [Siberian Art History Journal]*. 2025. 4(3). 24–41.

Kolesnik M. A. Sertakova E. A. Leschinskaya, N. M. Sitnikova A. A. Vizualnye obrazy rastenii Severa, Sibiri i Dalnego Vostoka v illustratsiyakh puteshestvennikov i etnografov XVIII–XIX vv [Visual images of plants of the North, Siberia and the Far East in the illustrations of travelers and ethnographers of the 18th-19th centuries]. *Sibirskii antropologicheskii zhurnal [Siberian anthropological journal]*. 2025. 9(3). 112–127.

Koptseva M. S. Mediaiskusstvo v kontekste vizualnoi antropologii [Media art in the context of visual anthropology]. *Sibirskii antropologicheskii zhurnal [Siberian anthropological journal]*. 2025. 9(3). 128–136.

Koptseva, M. S. Obzor nauchnykh issledovaniy v nekotorykh oblastyakh biologicheskoi antropologii v 2014–2019 gg. [Review of scientific research in some areas of biological anthropology in 2014–2019]. *Sibirskii antropologicheskii zhurnal [Siberian Anthropological Journal]*. 2019. 3(2). 23–37.

Koptseva N. P. Degtyarenko K. A. Ermakov T. K. Seredkina N. N. Turukhanskie ekspeditsii 1905 g. v materialakh Krasnoyarskogo podotdela Vostochnosibirskogo otdela Russkogo geograficheskogo obshchestva [Turukhansk expeditions of 1905 in the materials of the Krasnoyarsk subdivision of the East Siberian department of the Russian Geographical Society]. *Bylye gody [Bylye Gody]*. 2025. 20(3). 1591–1602.

Koptseva N. P. Kontseptsiya effektivnoi integratsii sistem znaniy korennykh narodov i «sovremennykh» sistem znaniy (S. Dittokh) [The concept of effective integration of indigenous knowledge systems and “modern” knowledge systems]. *Tsifrovizatsiya [Digitalization]*. 2025. 6(2). 8–32.

Koptseva N. P. Korennye prodovolstvennye sistemy i traditsionnye znaniya korennykh narodov Severa: kontseptsiya Andersa oskala i soavtorov [Indigenous food systems and traditional knowledge of indigenous peoples of the North: the concept of Anders Oskal and co-authors]. *Tsifrovizatsiya [Digitalization]*. 2025. 6(3). 8–37.

Koptseva N. P. Korennye znaniya Arktiki: kontseptsiya Stivena Bokinga [Indigenous knowledge of the Arctic: the concept of Stephen Bocking]. *Aziya, Amerika i Afrika: istoriya i sovremennost [Asia, America and Africa: history and modernity]*. 2025. 4, 2(11). 6–55.

Koptseva N. P. Prodovolstvennye sistemy korennykh narodov: kontseptsiya G. V. Kunlyaina (Kanada) i S. Chotiboribun (Tailand) [Food systems of indigenous peoples: the concept of G. V. Kuhnlein (Canada) and S. Chotiboriboon (Thailand)]. *Aziya, Amerika i Afrika: istoriya i sovremennost [Asia, America and Africa: history and modernity]*. 2025. 4, 3(12). 6–65.

Koptseva N. P. Shpak A. A. Tsifrovye gumanitarnye nauki i kulturnoe nasledie v sredakh s podderzhkoi iskusstvennogo intellekta i informatsionnykh tekhnologii: kontseptsiya S. Bretnakh i T. Margariya [Digital Humanities and Cultural Heritage in Artificial Intelligence and Information Technology-Enabled Environments: A Concept by S. Bretnach and T. Margaria]. *Tsifrovizatsiya [Digitalization]*. 2024. 5(4). 8–19.

Koptseva N. P., Avdeeva Y. N., Zamaraeva Y. S. Novye perspektivy dlya entsev: issledovatel'skie i prikladnye proekty [New prospects for the Enets: research and applied projects]. Krasnoyarsk: Sibirskii federalnyi universitet, 2020. 196.

Koptseva N. P., Degtyarenko K. A., Zamaraeva Y. S. Natsionalnaya politika SSSR po otnosheniyu k korennyim malochislennym narodam Severa v Evenkiiskom i Taimyrskom natsionalnykh okrugakh Krasnoyarskogo kraya v 1920–1970 gody [National policy of the USSR towards the indigenous peoples of the North in the Evenki and Taimyr national districts of Krasnoyarsk Krai in the 1920–1970s]. Krasnoyarsk: KROO SPK, 2022. 548.

Koptseva N. P., Amosov A. E., Ilbeikina M. I. Novye proekty dlya vozrozhdeniya evenkiiskogo yazyka i kultury [New projects for the revival of the Evenki language and culture] Sibirskii federalnyi universitet, Gumanitarniy institut. Krasnoyarsk: Sibirskii federalnyi universitet, 2018. 246.

Koptseva N. P., Amosov A. E., Bakhova N. A. Korennye malochislennye narody Severa i Sibiri v usloviyakh globalnykh transformatsii: na materiale Krasnoyarskogo kraya [Indigenous Peoples of the North and Siberia in the Context of Global Transformations: Based on the Krasnoyarsk Territory]. Tom 1. Krasnoyarsk: Sibirskii federalnyi universitet, 2012. 639.

Krivosnogov V. P. Etnicheskie protsessy u nganasan [Ethnic processes among the Nganasans]. *Severnye Arkhivy i Ekspeditsii* [Northern Archives and Expeditions]. 2019. 3(2). 17–31.

Krupnik I. I. Stanovlenie krupnotabunnogo olenevodstva u tundrovyykh nentsev [Formation of large-herd reindeer herding among the tundra Nenets]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet ethnography]. 1976. 2. 57–69.

Kvashnin Y. N. Yurak-Samoyeds: Problems of Ethnic Identification. *Arktika i Sever* [The Arctic and the North]. 2021. 44. 250–266.

Libakova N. M., Semenova A. A., Sertakova E. A. Modern practices of regional and ethnic identity of the Yakuts (North Asia, Russia). *Life Science Journal*. 2014. 11(12). 133–140.

Merdok Dzh. P. Sotsialnaya struktura [Social structure]. M.: OGI, 2003. 606.

Michael H. The Costume of an Enets Shaman. *Studies in Siberian Shamanism*. University of Toronto Press, 1963. 4. 124–156.

Mikhailova S. A. Tekhnologii iskusstvennogo intellekta i vozmozhnosti ikh primeneniya v kontekste sokhraneniya kulturnogo naslediya [Artificial intelligence technologies and the possibilities of their application in the context of preserving cultural heritage]. *Sotsiologiya iskusstvennogo intellekta* [Sociology of artificial intelligence]. 2025. 6(4). 81–91.

Murdock G. P. Ethnographic Atlas: A Summary. Pittsburgh: The University of Pittsburgh Press. 1967. 144

Nevolko N. N. The Historiographical Review of the Scientific Literature of the Late XIX to the First Decade of the XXI Century Concerning the Problem of Ethnic Identification of the Khakass Ethnos. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 2011. 4(6). 823–836.

Pivovarov D. V., Lubutin K. N. Sinteticheskaya teoriya idealnogo [Synthetic Theory of the Ideal]. Ekaterinburg – Pskov: Izd-vo POIKRO, 2000. 207.

Pivovarov D. V., Medvedev A. V. Istoriya i filosofiya religii [History and Philosophy of Religion]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural un-ta i Nizhnevart. pedagog, in-ta. 2000. 408

Popov A. A. Nganasany. Vyp. 1. *Materialnaya kultura* [Nganasany. Issue 1. Material Culture]. Trudy In-ta etnografii AN SSSR, nov. seriya. 1948. 3. 128

Seredkina N. N., Ermakov T. K., Shishkova E. E., Temnikova O. A. Evenkiiskii natsionalnyi (avtonomniy) okrug v kontekste sovetskoi natsionalnoi politiki 1920–1970 gg. [venki National (Autonomous) Okrug in the context of Soviet nationalities policy of the 1920s-1970s]. *Severnye Arkhivy i Ekspeditsii* [Northern Archives and Expeditions]. 2021. 5(3). 77–88.

Seredkina N. N. Metodika provedeniya kiberpolevogo issledovaniya [Methodology for conducting cyber field research]. *Sotsiologiya iskusstvennogo intellekta: regiony i gruppy: Vtoraya Vserossiiskaya konferentsiya s mezhdunarodnym uchastiem* [Sociology of artificial intelligence: regions and groups: Second All-Russian conference with international participation]. Krasnoyarsk, 03–05 dekabrya 2024 goda. Krasnoyarsk: KROO SPK, 2025. 240–250.

Seredkina N. N. Transformatsiya etnokulturnoi identichnosti v obscherossiiskuu grazhdanskuyu identichnost: kulturologicheskii analiz [ransformation of ethnocultural identity into all-Russian civic identity: a cultural analysis]. Krasnoyarsk: Sibirskii federalnyi universitet, 2024. 176.

Sertakova E. A., Leschinskaya N. M., Koptseva M. S., Zotov S. O. Tunguso-manchzhurskie narody Rossiiskoi imperii v trudakh pervogo Eniseiskogo gubernatora A. P. Stepanova i sibireveda G. I. Spasskogo [Tungus-Manchu peoples of the Russian Empire in the works of the first Yenisei governor A. P. Stepanov and Siberian scholar G. I. Spassky]. *Bylye gody* [Bylye Gody]. 2025. 20(3). 1152–1163.

Sertakova E. A., Zamaraeva Y. S., Omelik A. A., Koptseva M. S. Mezhetnicheskie otnosheniya v Turukhanskom krae v XVIII–XIX vv. [Interethnic relations in the Turukhansk region in the 18th–19th centuries]. *Bylye gody [Bylye Gody]*. 2024. 19(3). 1052–1062.

Shirokogoroff S. M. Psychomental Complex of the Tungus. London: Kegan, Paul, Trench, Trubner. 1935. 1. 496

Shirokogorov S. M. Sotsialnaya organizatsiya severnykh tungusov (s vvodnymi glavami o geografii rasseleniya i istorii etikh grupp) [Social Organization of the Northern Tungus (with introductory chapters on the geography of settlement and history of these groups)]. M., Nauka. Vostochnaya literatura, 2017. 710.

Shirokogorov S. M. Etnos. Issledovanie osnovnykh printsipov izmeneniya etnicheskikh i etnograficheskikh yavlenii [Ethnos. A Study of the Basic Principles of Change in Ethnic and Ethnographic Phenomena. Selected Works and Materials, Volume 1. Vladivostok, Far Eastern University Publishing House]. Shirokogorov S. M. Izbrannye raboty i materialy, Kniga 1. Vladivostok, Izdatelstvo Dalnevostochnogo universiteta, 2001. 19

Shirokogorov S. M. Mesto etnografii sredi nauk i klassifikatsiya etnosov [The Place of Ethnography Among the Sciences and the Classification of Ethnic]. Shirokogorov S. M. Izbrannye raboty i materialy, Kniga 1. Vladivostok, Izdatelstvo Dalnevostochnogo universiteta, 2001. 191.

Shpak A. A., Kirko V. I. Korennye soobshchestva i sposoby likvidatsiya tsifrovogo neravenstva: kontseptsiya Anny bon, Frensis SAA-Ditto i Gansa Akermansa [Indigenous communities and ways to eliminate the digital divide: the concept of Anna Bon, Francis SAA-Ditto and Hans Ackermans]. *Sotsiologiya iskusstvennogo intellekta [Sociology of Artificial Intelligence]*. 2025. 6(2). 25–48.

Shpak A. A. Sotsialnye transformatsii: iskusstvennyy intellekt v epokhu metavseleennykh [Social Transformations: Artificial Intelligence in the Age of Metaverses]. *Sotsiologiya iskusstvennogo intellekta [Sociology of Artificial Intelligence]*. 2025. 6(1). 76–84.

Siegl F. More on possible Forest Enets–Ket contacts. Eesti ja soome-ugri keeleteaduse ajakiri. *Journal of Estonian and Finno-Ugric Linguistics*. 2012. 3(1). 327–342.

Simchenko U. B. Nganasanskie ornamenty [Nganasan ornaments]. *Sovetskaya etnografiya [Soviet ethnography]*. 1963. 3. 166–171.

Simchenko U. B. Nganasany. Kn. 1. Sistema zhizneobespecheniya [Nganasany. Book 1. Life support system. Materials for the series “Peoples and Cultures” Materialy k serii «Narody i kultury». Vyp. XXII M.: IEA RAN; KMTS, 1992. 202.

Simchenko U. B. Traditsionnye verovaniya nganasan [Simchenko Yu. B. Traditional beliefs of the Nganasans. Part 2] CH. 2 Ser. «Biblioteka “Rossiiskogo etnografa”». M., KMTS IEA RAN, 1996. 193.

Simchenko U. B. Traditsionnye verovaniya nganasan [Traditional beliefs of the Nganasans. Part 1] CH. 1 Ser. «Biblioteka “Rossiiskogo etnografa”». M., KMTS IEA RAN, 1996. 215.

Stepanova O. B. Krasnye selkupy: revoliutsionnye preobrazovaniya sredi naseleniya Taza i Turukhana [Red Selkups: revolutionary transformations among the population of Taz and Turukhan]. *Yralskii istoricheskii vestnik [Ural Historical Bulletin]*. 2018. 1. 91–99.

Stepanova O. B. Severnye selkupy: sistema traditsionnykh vzglyadov v zerkale odnogo intervju [Northern Selkups: the system of traditional views in the mirror of one interview]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii [Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography]*. 2014. 2(25). 124–131.

Stepanova O. B. Traditsionnoe mirovozzrenie selkupov. Predstavleniya o krugovorote zhizni i dushe [Traditional Worldview of the Selkups. [Ideas about the Cycle of Life and the Soul]. SPb., Tsentr “Peterburgskoe vostokovedenie”, 2008. 304.

Tishkov V. A., Cheshko S. V., Aksyanova G. A. Narody Zapadnoi Sibiri: Khanty. Mansi. Selkupy. Nentsy. Entsy. Nganasany. Kety [Peoples of Western Siberia: Khanty. Muncie. Selkups. Nenets. Enets. Nganasans. Chum salmon]. M., Nauka, 2005. 805.

Tuchkova N. A., Glushkov S. V., Kosheleva E. Y. Selkupy. Ocherki traditsionnoi kultury i selkupskogo yazyka [Selkups. Essays on Traditional Culture and the Selkup Language]. Tomsk: Natsionalnyi issledovatel'skii Tomskii politekhnicheskii universitet, 2011. 318

Vasilev V.I. Nentsy, entsy, nganasany (severosamodiiskie narody) [Nenets, Enets, Nganasans (Northern Samoyedic peoples). *Narody Severa i Sibiri v usloviyakh ekonomicheskikh reform i demokraticheskikh preobrazovaniy*. [Peoples of the North and Siberia in the context of economic reforms and democratic transformations]. 1994. 412–440.

Zotov S.O. Fenomen «Tsifrovogo sleda» v antropologicheskikh issledovaniyakh pervoi chetverti XXI v. [The phenomenon of the “Digital trace” in anthropological research of the first quarter of the 21st century]. *Sibirskii antropologicheskii zhurnal [Siberian anthropological journal]*. 2025. 9(3). 82–89.

Zotov S.O., Khovyakov A.A., Seredkina N.N., Koptseva M.S. Antropologiya pitaniya samodiiskikh narodov [Anthropology of nutrition of the Samoyed peoples]. *Sibirskii antropologicheskii zhurnal [Siberian Anthropological Journal]*. 2025. 9(3). 101–111.

Zotov S.O., Koptseva M.S., Khovyakov A.A. Lekarstvennye rasteniya severnykh territorii Krasnoyarskogo kraya [Medicinal plants of the northern territories of Krasnoyarsk Krai]. *Severnye Arkhivy i Ekspeditsii [Northern Archives and Expeditions]*. 2025. 9(3). 53–59.

EDN: DBCCPJ
УДК 398: 615.89

The Concept of “Health” in the Nenets Culture

Natalya N. Seredkina*, Tikhon K. Ermakov
and Ilya S. Gomonov

*Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Received 02.12.2025, received in revised form 22.12.2025, accepted 15.01.2026

Abstract. This article is an analysis of the concept of “health” within the framework of the traditional culture of the Nenets through the prism of mythological and religious beliefs revealed in the analysis of Nenets folklore and visual art. The article examines three concepts of “health” characteristic of traditional cultures: as a positive definition reflecting a person’s harmony with the world order; as a condition caused by purposeful, harmful influence from outside; as a socially constructed definition related to the correlation between a person and society. The analysis of folklore texts and works of art demonstrates that the concept of “health” in Nenets culture functions not only as a medical, but also as a worldview category that forms a system of values and norms of behavior, serving as a significant ethno-identification factor for preserving the integrity of the ethnocultural group of Nenets.

Keywords: ethnic medicine, the concept of “health”, Nenets, traditional culture, medical anthropology.

Research area: Theory and History of Culture, Art.

The study was supported by the grant of the Russian Science Foundation No. 25–18–20096, <https://rscf.ru/project/25–18–20096/>, grant from the Krasnoyarsk Regional Science Foundation.

Citation: Seredkina N. N., Ermakov T. K., Gomonov I. S. The Concept of “Health” in the Nenets Culture. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2026, 19(2), 248–258. EDN: DBCCPJ

Концепт «здоровье» в культуре ненцев

Н.Н. Середкина, Т.К. Ермаков, И.С. Гомонов

Сибирский федеральный университет
Российская Федерация, Красноярск

Аннотация. Данная статья представляет собой анализ концепта «здоровье» в рамках традиционной культуры ненцев через призму мифологических и религиозных представлений, выявленных при анализе ненецкого фольклора и визуального искусства. В статье рассматриваются три концепции «здоровья», характерные для традиционных культур: как позитивное определение, отражающее гармонию человека с мировым порядком; как состояние, вызванное целенаправленным, вредительским влиянием извне; как социально-конструируемое определение, связанное с корреляцией между человеком и обществом. Анализ фольклорных текстов и художественных произведений демонстрирует, что концепт «здоровье» в культуре ненцев функционирует не только как медицинская, но и как мировоззренческая категория, формирующая систему ценностей и норм поведения, служа значимым этноидентификационным фактором для сохранения целостности этнокультурной группы ненцев.

Ключевые слова: этническая медицина, концепт «здоровье», ненцы, традиционная культура, медицинская антропология.

Научная специальность: 5.10.1. Теория и история культуры, искусства (культурология).

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25–18–20096, <https://rscf.ru/project/25-18-20096/>, гранта Красноярского краевого фонда науки.

Цитирование: Середкина Н. Н., Ермаков Т. К., Гомонов И. С. Концепт «здоровье» в культуре ненцев. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2026, 19(2), 248–258. EDN: DBCCPJ

Введение

Культура коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации представляет большой интерес для современных исследователей как сфера, в которой запечатлены ценностные традиционные знания (Koptseva, 2025; Kolesnik, 2025; Degtyarenko, et al. 2024; Shpak, 2024; Varlamov, 2024, et others), которые могут служить вектором для модернизации современной экономики данных народов. Особый интерес для ученых представляет тема этномедицины, значимость которой была обозначена еще Ю. В. Бромлеем и А. А. Вороновым (Bromley, Voronov, 1976). Сегодня данная тема получает свое развитие через изучение таких аспектов, как этноботаника (Tunon et al., 2024), значимость этномедицинских знаний

для современной этнокультуры (Pavlova, 2015; Degtyarenko et al. 2025), особенность традиционной медицины разных коренных народов (Voldina, 2014; Podmaskin, 2011). Отличительной особенностью современных исследований, связанных с изучением этнической медицины, является особый акцент не только на медицинской, но и на культурной составляющей, связанной с шаманизмом (Knyazkina, 2016), религиозной и мифологической картинах мира отдельных народов (Leshchinskaya, Sertakova, 2025). Актуальность поднимаемому в данной статье вопросу придаёт сохранившаяся тенденция значимости этномедицины для самих её носителей не только как инструмента поддержания их физического здоровья, но и для сохранения собственной идентичности и формы комму-

никации с окружающим миром (Degtyarenko, Pimenova, Sertakova, 2024; Leshchinskaya, Sertakova, 2025). В рамках данного исследования интерес представляет концепт «здоровье» как особый мировоззренческий феномен традиционной культуры коренных народов. Главное внимание в статье сосредоточено на выявлении концептуальных моделей репрезентации и конструирования данного концепта в культуре ненцев. В соответствии с поставленной целью выстраивается логика данной статьи. Сначала анализируются концептуальные модели представленности концепта «здоровье» в традиционной культуре коренных народов в целом, затем данные модели конкретизируются через анализ ненецких фольклорных и визуальных произведений.

Концепт «здоровье»

в традиционной культуре

«Здоровье» является одной из ключевых категорий культуры, способствуя не только формированию базовых представлений о нормальности, но встраиваясь в общий контекст самоопределения культуры, связываясь с наиболее фундаментальными оппозициями, формирующими социальный контекст (Douglas, 2002; Sontag, 2001). В контексте поворота к коренным знаниям и в более широком контексте к разнообразным формам производства знания за пределами классической научности (Tlostanova, 2020) становится необходимым понимать способы включения концепции «здоровье» в традиционные культуры, что становится не только этнографической проблемой, но и своеобразным переосмыслением проектов интеллектуальной истории и истории идей.

Анализируя формы представления концепта «здоровья» в традиционной культуре, можно условно систематизировать способы его представления на три группы. Первая связана с позитивным определением здоровья, в рамках которого это состояние описывается как «гармоничное», связываемое с балансом некоторых сил, определяющих характер человеческого существования. Вторая группа коннотаций связана с нега-

тивным определением здоровья как отсутствия болезнетворного влияния, что тесно связывает эту концепцию с представлением о вмешательстве в жизнь человека, преимущественно магического толка. Наконец, третья группа определений связывает здоровье с социальными процессами, акцентируя внимание на нём как на нормальном состоянии, являющемся не столько проблемой личности, сколько гарантом существования группы как целостности.

Ярким примером определения первого типа выступает концепция баланса «горячего» и «холодного» в традиционной медицине Мексики. Вообще, представления о здоровье в латиноамериканской традиционной культуре является усложнённым, в связи с активным вмешательством европейской медицины, однако ряд исследователей считают, что изначальным ядром теории «здоровья» выступает оригинальная концепция гармонии двух противоположностей, впоследствии усложнённая за счёт введения дополнительных элементов испанскими миссионерами (Reinert, 1986). Любая болезнь, таким образом, становится проблемой нарушения баланса двух ключевых сил, связанной как с внешним влиянием, так и с ошибками в поведении самого заболевшего.

Представление о здоровье как балансе двух сил влечёт за собой сложный набор практик излечения болезни и поддержания состояния здоровья (Tafur, 2009), заключающихся в различных вариантах диет и магических амулетов и ритуалов, защищающих от внешнего воздействия. При этом само представление о «горячем» и «холодном» состоянии фундировано глубоко в религиозно-мифологической системе мексиканской культуры (Currier, 1966). В этом смысле баланс воспринимается не только как «здоровье» человека, но и «здоровье» мироздания вообще, конструируя представление о взаимном отражении макрокосма и микрокосма. При этом баланс может быть связан и с доминированием одной из сил, например, в результате определённых действий человек может перейти в «горячее» состояние, и в этом случае сохранение ба-

ланса будет проявляться в уходе от прямого контакта с противоположной силой (Cameu, 1996) до тех пор пока баланс не будет восстановлен естественным путём. Таким образом, подобное позитивное определение здоровья строится на представлении о необходимости соотношения человека с некоторым естественным ходом вещей, с мировым балансом, встраивание в который и обеспечивает «нормальное» существование.

Негативная модель восприятия здоровья наиболее ярко представлена в традиционной гаитянской культуре и связана со спецификой медицинской антропологии культа вуду (Vonarx, 2011). В подобных системах, «здоровье» является некоторым состоянием естественного существования, не связанным с проблемой корреляции между организмом и некоторой нормой. Любое болезненное состояние воспринимается как результат насильственного вырывания из естественного состояния жизни, при этом важно подчеркнуть, что возвращение в состояние «здоровья» также будет связано исключительно с магическим воздействием, но направленным в этот раз на уничтожение изначального негативного влияния (Tareau, 2024).

Подобные системы в современных исследованиях являются значимыми для решения проблемы взаимодействия между физиологическими и психологическими процессами. Практики вудуизма зачастую связывают с психоаналитическими и психиатрическими подходами (Heaven, 2003; Meance, 2013), при этом особое внимание уделяется не только форме излечения, но и характеру формирующих вокруг этой практики социальных связей, особенно принципов властных иерархий и отношений, опирающихся на системы приведения в состояние «болезни». Важным отличием от концептов предшествующей группы является отсутствие явной рефлексии социального содержания ритуала самой культуры. Вудуизм остаётся личной проблемой, типом отношений между человеком и тем, кто накладывает на него «болезнь», и возвращение «естественного» состояния также остаётся индивидуальной задачей.

Примером последнего типа восприятия концепта «здоровье» можно считать традиционную культуру нуэров, впервые описанную Э. Эванс-Притчардом (Evans-Pritchard, 1969). В модели, описанной британским антропологом, «здоровье» является состоянием, обусловленным корреляцией между человеческой жизнью, социумом и миром духов. При этом последний является средой, отражающейся не только на индивидуальной жизни, но и на социальной организации. Болезнь возникает как результат разобщения между человеком и социальной средой, представленной реальным племенем или виртуальным сообществом духов. Исцеление в этой модели также является коллективным действием, направленным на изменение отношений не только между конкретным человеком и идеальным миром, но и на новое включение «больного» в социальное пространство.

В дельнейших исследованиях подобное понимание «здоровья» было углублено, что связано с необходимостью определения его как концепции, связанной с проявлением властных отношений и конструированием сдерживающих поведение человека категорий (Beidelman, 1981; Schacht, 2008). Продолжение подобного анализа можно видеть, например, в работах М. Фуко (Foucault, 1994), что приводит к окончательному встраиванию концепции «здоровья» в культурные координаты, более характерной для современных обществ.

Таким образом, представленные модели концептуализации «здоровья» в традиционных культурах могут быть ассоциированы с различным характером самого культурного пространства. В первом случае человек больше соотносён с глобальным космическим принципом, который и определяет «здоровье» как состояние гармонии с естественным законом. Во втором случае человеческое «здоровье» является естественным состоянием, которое может быть нарушено только индивидуальным вмешательством извне, из-за чего возникает пространство для конструирования отношений власти, связанных с привнесением «болезни» или, напротив, излечением от неё.

Наконец, третья модель демонстрирует социально-конструируемое представление о «здоровье», которое теперь связывается с корреляцией между человеком и обществом, которое заинтересовано в здоровье конкретного индивида. Таким образом, последняя модель превращает «здоровье» в проблему общественных отношений, становясь фундаментом для выстраивания властных схем, опирающихся на контроль за «нормальностью» индивида.

**Репрезентация концепта «здоровье»
в фольклоре и визуальном искусстве ненцев**

Фольклор и визуальное искусство коренных и коренных малочисленных народов Севера являются культурными практиками, знаково-символические формы которых содержат в себе ключевые аспекты традиционной картины мира этих народов. Это позволяет рассматривать данные практики в общем ряду исторических источников, представляющих научную ценность для истории и культуры коренных и коренных малочисленных народов. В рамках данного исследования интерес представляют произведения фольклора и визуального искусства ненцев, одного из наиболее многочисленных народов среди самодийской группы коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. Цель изучения данных культурных практик состояла в выявлении аспектов традиционного знания ненцев относительно концепта «здоровье». Источниковедческой базой послужили ненецкие легенды, шаманские песни, эпические песни, мифы-сказки, опубликованные в трудах Е. Т. Пушкаревой и Л. В. Хомич «Фольклор ненцев» (2001), Л. А. Лара «Шаманы и боги» (1998), В. А. Тонкова «Ненецкие сказки» (1936), а также художественные произведения ненецких художников Тыко Вылка (1886–1960) и Леонида Алексеевича Лара (род. в 1955 г.). Данные тексты анализировались с позиции представленности в них мотивов, связанных с темой здоровья. Выявление этих мотивов и их анализ показал, что тема здоровья в них выражена косвенно через ряд знаково-символических

вербальных и визуальных форм, в своей совокупности призванных раскрыть ее концептуальное содержание. Такими формами определены сюжетные мотивы, связанные с репрезентацией мифологической и религиозной картин мира ненцев. Это мотивы, связанные с 1) деятельностью богов, духов и шаманов, 2) описанием свойств природы и 3) характерных особенностей, присущих непосредственно самому человеку как персонажу фольклорных и художественных произведений. Рассмотрим данные сюжетные мотивы более подробно.

***Репрезентация концепта «здоровье»
в произведениях фольклора
через сюжетные мотивы, связанные
с деятельностью богов, духов и шаманов***

Сюжетные мотивы, связанные с деятельностью богов, духов и шаманов, наиболее часто встречающиеся в фольклорных произведениях ненцев. Среди них репрезентативными являются мотивы, упоминаемые в легендах, обращениях к богам, шаманских песнях и сказках. Так, в легенде «Я’Миня» (Lar, 1998) мотивы, связанные с деятельностью богов, направлены на выражение темы покровительства ими порядка на земле и защиты людей. Эту функцию в анализируемом тексте выполняет богиня Я’Миня, жена верховного божества Нума. Она предстает объектом поклонения и обращения за помощью к ней людей «в трудные минуты ...» (Lar, 1998: 46). Одно из таких обращений к богине опубликовано в труде Л. А. Лара «Шаманы и боги» (1998), которое представляет собой просьбу помощи по различным значимым для традиционного уклада ненцев аспектам жизни человека, в том числе касающихся здоровья детей («Пусть наши дети будут здоровыми»), защиты ненецкого народа «от бед и болезней» и здоровья оленей (Lar, 1998: 47–48).

Сюжетные мотивы, связанные с деятельностью духов, призваны репрезентировать причины нездоровья как отдельного человека, так и всего ненецкого народа в целом. Одной из таких причин, согласно фольклорным произведениям, является го-

сподство над человеком особого рода духов. В тексте шаманской песни «Призывание духов» они именуются как «злые духи», «духи болезней», «дух уродства»:

«Злые духи – Я’хлы пожирают души людей,

Духи болезней – Сустана убивают мой народ.

Дух уродства – Мэдна губит

Души и мысли моего народа» (Lar, 1998: 56).

Нездоровье в фольклорных произведениях связывается как с состоянием тела, так и души человека, поскольку духи, по поверьям ненцев, питаются человеческими душами и телами. Они призваны изгонять душу из тела человека, поэтому избавление от них и водворение души «на место шаманом» (Lar, 1998: 76) мыслилось в качестве условия исцеления и, соответственно, здоровья человека. Поэтому важным признавалась защита души с целью сохранения здоровья и предупреждения болезни, что возможно было, согласно Л.А. Лару, благодаря «своевременно[му] принесени[ю] духу жертвенного животного», которого определял шаман Среднего мира – я’нянгы тадебя (Lar, 1998: 76). Именно шаман играл в традиционной религиозной картине мира ненцев одну из ключевых ролей в процессе оздоровления человека, он выступал связующим звеном между богами, духами болезней и состоянием человека. В шаманской песне «Из жизни моего деда» шаман предстает в образе слепого старика, наделенного способностью лечить («Я был Молодым-Шаманом. Однажды Молодую-Девушку я лечил. Хоть и трудно было, но я ее вылечил») (Fol’klor nencev, 2001: 363) и оживлять умершего персонажа (Tonkov, 1936).

Первопричиной же нездоровья человека и господства над ним духов болезней, как показал анализ содержания фольклорных текстов ненцев, являются мысли и поступки как отдельного человека, так и целого народа. В ненецкой сказке «Побежденный кит», например, истощение оленей, а также ухудшение физического состояния членов семьи, их слабость и худоба, связываются с «неладным» поступком сына: «Олени

стали падать. Отец мой, мать, сестра, зять – тоже стали худые: еле ногами двигают. ... Отец однажды говорит мне: ... неладное что-то ты сделал» (Tonkov, 1936: 100). Вследствие этого поступка сын и члены его семьи были подвержены преследованию духа, выраженного в анализируемой сказке в образе кита. Материализация духов является типичным приемом, используемым в культурных и художественных практиках ненцев. Духи могут воплощаться как в вещественных предметах, так и в образах животных или насекомых (Tonkov, 1936).

Репрезентация концепта «здоровье»

в произведениях фольклора

через описание свойств природы

Концепт «здоровье» раскрывается в фольклорных произведениях ненцев также через мотивы, связанные с описанием свойств природы, что репрезентирует еще одну концептуальную связку между состоянием здоровья человека и внешними факторами, которыми выступают наряду с духами болезней и силы природы. Один из аспектов природы, который описывается в фольклорных произведениях, связан с ее целительными свойствами. Например, в мифе-сказке «Похождения Яв-Мала» персонажи, старик и старуха, отмечают свое хорошее самочувствие, избавление от всех болезней, и связывают они это состояние с выпитой ими водой из незамерзшей реки: «Она зачерпнула воду туеском, выпила. Напившись, сказала: – Странно! Что со мной случилось? Столько дней иду, и ничего у меня не болит. Цвет моих волос стал таким, как в день замужества, и у меня ничего не болит. Жаль, что мой туесок маленький, возьму-ка воды для Старика ... У меня исчезли все болезни!» (Fol’klor nencev, 2001: 93). Подобной целительной силой обладает также, согласно эпической песне «Три-Нохо», и кровь теленка, которая становится средством избавления персонажа от его имеющихся болей: «В чашу кровь [теленка] налила. Хораля стала поить. ... Хораля выпил. ... Утром Хораля проснулся... Стал пробовать шевелить рукой. Рука не болит» (Fol’klor nencev, 2001: 265). Наряду с цели-

тельной силой природы, она же выступает в своем обратном качестве как то, что может нанести вред здоровью человека: «... вдруг ветерок пролетел, этот ветерок на мои глаза попал. Весной еще сыро было – глаза не землю упали. Хэ, от этого ветерка...» (Fol'klor nencev, 2001: 363). Данный аспект природы осмысливается как существующий в тесной связи с силами богов нижнего мира, что репрезентирует концепт «здоровье» как феномен, обусловленный взаимозависимостью ряда факторов, образующих в своей совокупности концептуальную модель связи поступков и мыслей человека, воли и сил особого рода духов и возможностей самой природы.

***Репрезентация концепта «здоровье»
в произведениях фольклора
через описание характерных
особенностей человека как персонажа***

В фольклорных произведениях ненцев человек выступает одним из главных персонажей, который в концептуальной связке, представленной выше и формирующей суть концепта «здоровье» как взаимообусловленной системы факторов, выступает связующим звеном между всеми элементами данной системы. Можно выделить ряд характерных особенностей, присущих данному персонажу ненецких фольклорных произведений и имеющих отношение к концепту «здоровье». Прежде всего, стоит отметить подчеркнутую в произведениях подверженность человека болезням. При этом концепт «болезни» осмысливается в самом широком своем значении. Наиболее часто упоминается «болезнь головы», которая осмысливается как причина смерти персонажа: «Вечером у второй жены голова заболела. Утром и она умерла» (Tonkov, 1936: 113); «... голова заболела, и от этой боли ему все хуже становится. ... Мариндя тут же умер» (Fol'klor nencev, 2001: 231). Среди причин болезни, в частности ослабления ног персонажа, отмечается приверженность человека страху как разрушительной силе: «... ноги ослабели [от страха], в чум она ползком влезла» (Fol'klor nencev, 2001: 223). Наряду с ритуалами шамана, направленными

на изгнание духов болезней и возвращение души человека в его тело, выздоровление в фольклорных произведениях (см. напр. сказку «Два вая») ассоциируется нередко с верой персонажей в целительную силу примет: «Когда в чум пришел, край постели под больную подложил. Больная сразу выздоровела» (Tonkov, 1936: 115).

Наряду с представленной в фольклорных произведениях тенденцией приверженности человека к болезням, в том числе проявляющейся в его слабости, концепт «здоровье» находит свою репрезентацию также в характерных особенностях человека, имеющих положительную окраску. Персонажи предстают как активно занимающиеся хозяйственной деятельностью: охотой, оленеводством и рыболовством. Они отличаются своей выносливостью и силой, выступают активными участниками многочисленных битв и сражений, составляющих сюжетную основу большинства ненецких фольклорных произведений. Эти же характеристики находят свое выражение через описываемые в фольклорных произведениях мотивы, связанные с перекочевками персонажей, которые по своей длительности могли продолжаться от 7 дней до 3 месяцев (Tonkov, 1936).

***Репрезентация концепта «здоровье»
в художественных произведениях
ненецких художников***

В творчестве ненецких художников Тыко Вылка и Леонида Алексеевича Лара можно обнаружить две группы художественных произведений, знаково-символические формы которых репрезентируют отдельные аспекты концепта «здоровье».

Это произведения, репрезентирующие ценность гармоничного существования человека с природой в условиях Крайнего Севера. В качестве репрезентативных художественных произведений можно назвать работы Т. Вылка «На промысле за тюленем» (1959 г.), «Становище Белушья губа», «Стоянка Русанова» (1950-е гг.), «Губа Белушья», а также работы Л. А. Лара «Чум из бересты» (1989), «Последний сугроб» (1991), «Сказки

дедушки Хобко» (1992). Художественным пространством данных произведений выступает бескрайняя природа Севера с ее характерными климатическими и природными особенностями. Север выступает как пространство жизни человека, который не доминирует в художественном пространстве, но является гармонично вписанным в него как часть этого мира, как часть этой северной природы, в соответствии с закономерностями которой им осуществляется и его хозяйственная деятельность.

Другая группа произведений, главным образом, это произведения Л.А. Лара, репрезентирует концепт «здоровье» через знаково-символические формы, выражающие религиозную картину мира ненцев, связанную с шаманизмом. Одной из наиболее репрезентативных работ в контексте изучения концепта «здоровье» в культуре ненцев является картина Л.А. Лара «Духи болезней» (1992 г.) (рис. 1).

Сам художник описывает изображенный сюжет следующим образом: «Картина «Духи болезней» отражает поверья ненцев, считающих причиной болезни или смерти вселение злого духа болезней – Хабця́ Минрена или его посланников. Человек испытывает недомогание до тех пор, пока его душа не будет водворена на место шаманом, а злой дух изгнан из тела» (Лар, 1998: 76). Рассмотрим значение изображенных художественных знаков данного произведения с позиции философско-искусствоведческого анализа.

Художественный образ материального статуса произведения выстраивается благодаря контрасту двух краскоформ – насыщенно желто-красной и черно-коричневой. Мазками темных краскоформ образованы извилистые линии, в своем единстве формирующие своеобразную раму внутри художественного пространства произведения, что наделяет художественный образ материального статуса характеристикой замкнутости, окруженности. Данные краскоформы формируют передний план, тогда как средний и задний планы выстраиваются посредством желто-красных краскоформ, создающих контраст по отноше-

Рис. 1. Лар Л.А. Духи болезней. 1992 г.

Fig. 1. Lar L.A. Spirits of Diseases. 1992

Источник изображения: <https://in.gallerix.ru/lar-leonid/expo/kartiny-v-prodazhe/duxi-boleznej/>

нию к темным краскоформам переднего плана. В противовес их извилистым линиям желто-красные краскоформы имеют вертикальную направленность, поддерживаемую образом горящего огня. Персонажами художественного пространства произведения являются люди, представленные в одеяниях темного цвета, аналогичного темным краскоформам, образующих обрамление художественного пространства холста. Двое из них изображены сидящими в правом нижнем углу. Их местоположение в художественном пространстве картины сбоку, а также обращенность к центральному персонажу позволяет охарактеризовать их как наблюдающих. Отсутствие четких контуров в изображении силуэтов данных персонажей и их одеяний способствует уплотнению телесности, их слиянию с пространством темных краскоформ, в своем

символическом значении выражающих пространство обитания духов болезней и самих этих духов. Они, таким образом, оказываются окруженными и поглощенными духами болезней. Одним из главных персонажей является персонаж, представленный ближе к композиционному центру полотна на среднем плане. Он изображен сидящим у горящего огня с поднятой вверх головой и с бубном в руках. Данные художественные знаки соотносят данного персонажа с образом шамана, вызывающего к помощи верховного божества для избавления человека и ненецкого народа в целом от духов болезней. Горящий перед ним огонь в символическом значении выражает духовное устремление шамана, «горение» его души в процессе его умозрительного «восхождения» в верхний мир. В своей совокупности значения отдельных индексных знаков конструируют художественный образ индексно-иконического статуса произведения как особого рода систему взаимоотношений человека, духов и шамана, где человек занимает позицию наблюдающего, а шаман выступает главным активным деятелем на пути высвобождения души человека как причины болезни и возвращения ее вновь в его тело.

Выводы

Концепт «здоровье» в культуре ненцев находит свое осмысление в культурных и художественных практиках, среди которых

репрезентативными являются фольклорные и художественные произведения. Анализ данных произведений позволил конкретизировать модели репрезентации концепта «здоровье» в культуре ненцев и выявить ключевые для коренных знаний аспекты данного концепта. Определено, что концептуальное содержание концепта «здоровье» базируется на представлениях мифологической и религиозной картин мира ненцев. Кроме того, здоровье в культурных практиках предстает как осознанная общезначимая для ненецкой этнокультурной группы ценность, достижение и сохранение которой зависит от ряда как внутренних факторов, связанных с мыслями и поступками самого человека, так и внешних факторов, связанных с волей особого рода духов и богов, а также возможностями шамана. Наконец, «здоровье» приобретает значение мировоззренческого концепта в традиционной картине мира ненцев, определяющего систему ценностей и норм поведения человека. В противовес концепту «болезни» как негативной модели здоровье концептуально соотносится в традиционной картине мира ненцев с самой жизнью человека, этнокультурной группы в целом в пределах среднего человеческого мира, а также с их позитивными характеристиками. Это то, что обуславливает значение концепта «здоровье» в аспекте одного из важнейших мировоззренческих и этноидентификационных факторов в традиционной картине мира ненецкой этнокультурной группы.

Список литературы / References

- Beidelman T. O. The Nuer Concept of "Thek" and the Meaning of Sin: Explanation, Translation, and Social Structure. In: *History of religions*. 1981. 21, 2, 126–155.
- Bromley Yu. V., Voronov A. A. Narodnaia meditsina kak predmet etnograficheskikh issledovaniy [Traditional medicine as a subject of ethnographic research]. In: *Sovetskaia etnografiia [Soviet ethnography]*, 1976, 5, 3–18.
- Camey X. C. Traditional birth attendants in Mexico: advantages and inadequacies of care for normal deliveries. In: *Social science & medicine*. 1996. 43, 2, 199–207.
- Currier R. L. The hot-cold syndrome and symbolic balance in Mexican and Spanish-American folk medicine. In: *Ethnology*. 1966. 5, 3, 251–263.
- Degtyarenko K. A., Ermakov T. K., Shpak A. A., Gomonoov I. S. Sovetskie praktiki zagotovki lekarstvennykh rasteniy na territoriyah Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka [Soviet practices of harvesting medicinal plants from the territories of the North, Siberia and the Far East]. In: *Severnye Arhivy i Ekspeditsii [Northern Archives and Expeditions]*, 2025, 9, 3, 60–71. EDN TTDDMW.

Degtyarenko K. A., Pimenova N. N., Sertakova Ye. A. Material'noye i nematerial'noye kul'turnoye naslediye tunguso- man'chzhurskikh narodov [Material and Intangible Cultural Heritage of the Tungus-Manchu Peoples]. In: *Aziya, Amerika i Afrika: istoriya i sovremennost'* [Asia, America and Africa: history and modernity], 2024, 3(2), 52–72. DOI: 10.31804/2782–540X-2024–3–2–52–72.

Douglas M. *Purity and Danger*. Routledge, 2002. 272.

Evans-Pritchard, E. *The Nuer: A Description of the Modes of Livelihood and Political Institutions of a Nilotic People*. Oxford University Press, 1969. 271.

Fol'klor nencev. Sost. E. T. Pushkareva, L. V. Homich. Novosibirsk, Nauka, 2001. 504.

Foucault M. *The Birth of the Clinic: An Archaeology of Medical Perception*. Vintage, 1994. 240.

Heaven R. *Vodou Shaman: The Haitian Way of Healing and Power*. Destiny Books, 2003. 296 p.

Knyazkina T. A. Meditsinskaia praktika shamanov korennykh narodov Kamchatki (vтораia polovina XIX – nachalo XXI vv.) [Medical practice of shamans of indigenous peoples of Kamchatka (second half of the 19th – early 20th centuries)]. In: *Uchenye zapiski Komsomol'skogo-na-Amure gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Scientific notes of Komsomolsk-on-Amur State Technical University], 2016, 2(4), 21–26

Kolesnik M. A., Bukova M. I. Spravochnye bazy dannyh i enciklopedii po tradicionnoj medicine korennykh narodov mira: analiticheskij obzor [Reference databases and encyclopedias on traditional medicine of the indigenous peoples of the world: an analytical review]. In: *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Journal of the Siberian Federal University. Humanities], 2025, 18(7), 1250–1259.

Koptseva N. P. Koncept «pishchevaya kul'tura» i ego reprezentacii v etnicheskoj kartine mira tunguso-man'chzhurskikh narodov Krasnoyarskogo kraia [The concept of “food culture” and its representations in the ethnic worldview of the Tunguso-Manchurian peoples of the Krasnoyarsk Territory]. In: *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Journal of the Siberian Federal University. Humanities], 2025, 18(7), 1240–1249.

Lar L. A. *Shamany i bogi*. Tyumen, Institut problem osvoeniya Severa SO RAN, 1998. 126.

Leshchinskaya N. M., Sertakova E. A. Etnicheskaya medicina tunguso-man'chzhurskikh narodov Dal'nego Vostoka [Ethnic medicine of the Tungusic-Manchu peoples of the Far East]. In: *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Journal of the Siberian Federal University. Humanities], 2025, 18(7), 1312–1320.

Meance G. Vodou healing and psychotherapy. In: *Caribbean Healing Traditions*. Routledge, 2013. 78–88.

Mikhel D. V. Foster George as a pioneer of medical anthropology: for the 100th anniversary (1913–2006). In: *Meditsinskaya antropologiya i bioetika* [Medical Anthropology and Bioethics], 2013, 1(5)

Pavlova L. A. Ispol'zovanie etnomeditsinskikh znaniy v sovremennom mire [Use of ethnomedical knowledge in the modern world]. In: *Kurortnaia baza i prirodnye lechebno-ozdorovitel'nye mestnosti Tuvy i so-predel'nykh regionov* [Resort base and natural health resorts of Tuva and adjacent regions], 2015, 2, 23–27.

Reinert B. R. The health care beliefs and values of Mexican-Americans. *Home Healthcare Now*. 1986. 4, 5, 23–26.

Schacht R. Biocultural Anthropology In *Current Anthropology*. 2008. 49, 4, 543–543.

Shpak A. A. Figura antagonista v evenkiyskom epose [The figure of the antagonist in the Evenki epic]. In: *Sibirskiy iskusstvovedcheskiy zhurnal* [Siberian art history journal], 2024, 3(2), 70–85. DOI: 10.31804/2782–4926–2024–70–85.

Sontag S. *Illness as Metaphor and AIDS and Its Metaphors*. Picador, 2001. 192.

Tafur M. M., Crowe T. K., Torres, E. A review of curanderismo and healing practices among Mexicans and Mexican Americans. In: *Occupational Therapy International*. 2009. 16, 1, 82–88.

Tareau M. A. Anthropology and ethnobotany in health mediation: an illustration of a clinical, personalized approach for Haitian migrants in a French Guianese hospital. In: *Frontiers in Public Health*. 2024. 12, 130–146.

Tlostanov M. V. *Dekolonial'nost' by'tiya, znaniya i oshhushheniya* [Decoloniality of Being, Knowledge, and Sensation]. Center for Contemporary Culture “Tselinny”, 2020. 192.

Tonkov V. A. *Neneckie skazki*. Arkhangelsk, Sevkrajgiz, 1936. 224.

Tunon H., Westin A., Ivaşcu C. Ethnobotany. In: *CBM: s skriftserie*, 2024, 130, 160–192

Varlamov A. N. Istoricheskiy genezis motiva «protovoda» v mifologii evenkov [Historical genesis of the «proto-leader» motif in the mythology of the Evenks]. In: *Sibirskiy antropologicheskiy zhurnal [Siberian anthropological journal]*, 2024, 8(1), 18–26. EDN GGXMIB.

Voldina T. V. Istoriia izucheniia narodnoi meditsiny khantov [History of the study of traditional medicine of the Khanty]. In: *Meditsinskaia antropologiya i bioetika [Medical anthropology and bioethics]*, 2014. 1(7), <https://journals.iea.ras.ru/medanthro/article/view/371> (accessed 25 November 2025).

Vonarx N. Haitian vodou as a health care system: between magic, religion, and medicine. In: *Alternative Therapies in Health & Medicine*. 2011. 17, 5, 44–51.

Voronova O. P. *Prezident Novoj Zemli Tyko Vylko*. M., Sov. Hudozhnik, 1977. 157.

Zotov S. O. Kopceva M. S., Hovyakov A. A. Lekarstvennye rasteniya severnyh territorij Krasnoyarskogo kraya [Medicinal plants of the northern territories of the Krasnoyarsk Territory]. In: *Severnye Arhivy i Ekspedicii [Northern Archives and Expeditions]*, 2025, 9, 3, 53–59.

EDN: GNGPHE
УДК 39

The Enets Ethnic Knowledge about Food and Medicinal Plants, Recorded in Folklore Monuments

Ksenia A. Degtyarenko*, Anna A. Shurmanova,
Sophia I. Yuferova, Sofia A. Mikhailova
and Alexandra A. Garth

*Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Received 08.12.2025, received in revised form 29.12.2025, accepted 15.01.2026

Abstract. This article presents the results of a study of folklore texts of the Enets ethnocultural group as sources of ethnic knowledge about the plant world and the nutritional and medicinal properties of plants. The materials for the analysis were folklore works published as part of a series of works by the N.N. Miklouho-Maclay Institute of Ethnography: “Mythological Tales and Historical Legends of the Enets” (1961) and “Everyday Stories of the Enets” (1962). The texts included in these publications were collected and prepared by the distinguished ethnographer and researcher of the indigenous peoples of the North, Boris Osipovich Dolgikh (1904–1971). Folklore works, everyday stories, supplemented by autobiographical materials, living evidence of the past and present life of the Enets, reveal the ethnocultural characteristics of this indigenous small people, record the uniqueness of the Enets among other representatives of the Samoyedic peoples, and also allow us to identify the main types of representation of elements of the plant world in Enets folklore and the directions of their use.

Keywords: ethnic knowledge, Enets, Yeniseian Samoyeds, Samoyedic peoples, flora, food plants, medicinal plants, Enets folklore.

Research area: Theory and History of Culture, Art.

The study was supported by the grant of the Russian Science Foundation No. 25–18–20096, <https://rscf.ru/project/25–18–20096/>, grant from the Krasnoyarsk Regional Science Foundation.

Citation: Degtyarenko K.A., Shurmanova A.A., Yuferova S.I., Mikhailova S.A., Garth A.A. The Enets Ethnic Knowledge about Food and Medicinal Plants, Recorded in Folklore Monuments. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2026, 19(2), 259–270. EDN: GNGPHE

Этнические знания энцев о пищевых и лекарственных растениях, зафиксированные в памятниках фольклора

К.А. Дегтяренко, А.А. Шурманова, С.И. Юферова,
С.А. Михайлова, А.А. Гарт

Сибирский федеральный университет
Российская Федерация, Красноярск

Аннотация. В статье представлены результаты исследования фольклорных текстов энецкой этнокультурной группы в качестве источников об этническом знании о растительном мире, о пищевых и лекарственных свойствах растений. Материалами для анализа послужили фольклорные произведения, опубликованные в рамках серии трудов Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая: «Мифологические сказки и исторические предания энцев» (1961) и «Бытовые рассказы энцев» (1962). Тексты, вошедшие в настоящие издания, были собраны и подготовлены выдающимся этнографом, исследователем коренных народов Севера Борисом Осиповичем Долгих (1904–1971). Фольклорные произведения, бытовые рассказы, дополненные автобиографическими материалами, живыми свидетельствами прошлой и настоящей жизни энцев, раскрывают этнокультурные особенности этого коренного малочисленного народа, фиксируют своеобразие энцев среди других представителей самодийских народов, а также позволяют выделить основные виды репрезентации элементов растительного мира в энецком фольклоре и направления их использования.

Ключевые слова: этнические знания, энцы, енисейские самоеды, самодийские народы, растительный мир, пищевые растения, лекарственные растения, энецкий фольклор, Б. О. Долгих.

Научная специальность: 5.10.1. Теория и история культуры, искусства.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25–18–20096, <https://rscf.ru/project/25–18–20096/>, гранта Красноярского краевого фонда науки.

Цитирование: Дегтяренко К. А., Шурманова А. А., Юферова С. И., Михайлова С. А., Гарт А. А. Этнические знания энцев о пищевых и лекарственных растениях, зафиксированные в памятниках фольклора. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2026, 19(2), 259–270. EDN: GNGPHE

Введение

Накопленные коренными малочисленными народами традиционные знания о природе представляют собой бесценное культурное наследие и источник уникальной информации, актуальность которой возрастает в условиях современных экологических вызовов. Энцы (ранее енисейские самоеды) – народ самодийской этнической группы, один из са-

мых малочисленных коренных народов Российской Федерации. Согласно Всероссийской переписи населения, в 2020 году насчитывалось 203 человека, 196 из которых проживали на территории Красноярского края (Population of indigenous peoples..., 2021). Существует две этнические группы энцев – лесные и тундровые. Эти группы говорят на двух разных диалектах – сомату (тундровые энцы) и пэ-

бэй (лесные энцы). Территориально лесные и тундровые энцы отдалены друг от друга. Также друг от друга эти этнические группы отличаются в некоторых аспектах традиционной культуры: на тундровых энцев значительное влияние оказало соседство с нганасанами, на лесных энцев – с ненцами. Культура и язык энцев находятся под угрозой исчезновения. В условиях быстро меняющейся природной среды и современных глобализационных процессов сохранение и систематизация этнических знаний о данном народе приобретает особую значимость.

Первостепенное значение в контексте данной темы исследования имеют фундаментальные этнографические работы, посвященные изучению энцев, которые заложили основу для изучения этногенеза, специфики расселения, языковых особенностей, традиционной материальной и духовной культуры народа. В качестве примеров можно привести труды Г.Н. Прокофьева (Prokov'ev, 1937); Е.Д. Прокофьевой (Prokov'eva, 1953); Б.О. Долгих (Dolgikh, 1970; Dolgikh, 1962; Dolgikh, 1961); В.И. Васильева (Vasil'ev, 1982; Vasil'ev, 1963); Ю.Н. Квашнина (Kvashnin, 2004; Kvashnin, 2004a); В.П. Кривоногова (Krivonogov, 1998; Krivonogov, 2019); И.П. Сорокиной (Sorokina, 2010; Sorokina, 2005; Sorokina, 2009); монографии «Народы Западной Сибири: Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энцы. Нганасаны. Кеты» (Narody Zapadnoi Sibiri, 2005). Энецкий фольклор представлен также в сборниках К.И. Лабанаускаса (Labanauskas, 2002) и З.Н. Болиной (Bolina, 2014) и др. Не менее важными являются исследования этнокультурной группы энцев учеными кафедры культурологии и искусствоведения Сибирского федерального университета, неоднократно проводившими полевые исследования в местах компактного проживания энцев на территории Красноярского края. В работах раскрываются историографические особенности изучения энецкого языка, специфика сохранения и воспроизводства этнокультурного наследия энцев, а также посвященные духовной культуре энцев (Kistova, Pimenova, Reznikova, et al., 2019; Reznikova, 2018;

Fil'ko, Khudonogova, 2019; Novye perspektivy dlya entsev, 2020).

В контексте данной статьи также необходимо обратиться к исследованиям, посвященным особенностям взаимодействия коренных малочисленных народов Севера, в частности энцев, с окружающей природной средой. Так, например, характеристику экосистемы Арктики и Севера России, а именно полуострова Таймыра, как территории проживания коренных малочисленных народов (долган, ненцев, эвенков, нганасан, энцев) дают М.Ю. Телятников, Е.В. Банаев, А.А. Онучин, А.С. Шишкин (Telyatnikov, Banaev, Onuchin et al., 2014). Особенности использования биологических ресурсов коренными народами, влияние природно-климатических изменений, промышленного освоения арктических территорий на традиционный уклад коренных малочисленных народов, проживающих на территории Арктической зоны Российской Федерации, к которым относятся энцы, раскрывают в своей работе Г.В. Алексеев и В.Г. Дмитриев (Alekseev, Dmitriev, 2016). А.А. Петров, полагаясь на материалы и сведения Дарьи Спиридоновны Болиной, приводит примеры антропонимов энцев, в которых отражается тесная связь коренного народа и окружающей природы, в том числе мира растений (Petrov, 2024). Научные сведения, представленные в вышеперечисленных работах, свидетельствуют о природном окружении энцев и их традиционной хозяйственной деятельности, неразрывно связанной с использованием растительных ресурсов.

Несмотря на отсутствие научных исследований, раскрывающих тему этнических знаний энцев о растениях, существует ряд работ по этноботанике и этнофармакологии других самодийских и соседних северных народов, что позволяет обозначить общие подходы и методы, применяемые в данной научной области. К таким работам относятся труды В.А. Паутовой (Pautova, 2005), В.Н. Адаева и А.Ю. Коневой (Adaeva, Koneva, 2024), в которых авторы фиксируют одно из съедобных растений – белокрыльник болотный (*Calla palustris*),

которое употребляли в пищу ханты, манси и селькупы. Ряд работ отечественных ученых представляют примеры использования растений в пищевых и лекарственных целях тунгусо-маньчжурскими народами (Koptseva, 2025; Koptseva, Zotov, 2025; Sitnikova, Kistova, 2025; Seredkina, Ermakov, 2025; Leshchinskaya, Sertakova, 2025; Koptseva, Shpak, 2025). Р.П. Корчагина с соавторами затрагивает вопросы метаболизма лекарственных препаратов у селькупов, ненцев и нганасанов (Korchagina, 2011). О.Б. Степанова (Stepanova, 2024; Stepanova, 2006), а также В.Н. Адаев (Adaev, 2003) исследуют особенности народной медицины таких народов, как селькупы, ненцы, и роль растений в мировоззрении данных народов. Также следует отметить наличие исследований, не относящихся к этноботанике, но касающихся флористического состава регионов проживания самодийских народов – например, работа О.М. Афониной, О.В. Лавриненко, И.А. Лавриненко (Afonina, Lavrinenko, Lavrinenko, 2019), которая дает представление о флористическом составе региона, где проживают самодийские народы. Таким образом, тематика исследований, связанных с фиксацией в памятниках фольклора энцев этнокультурных знаний о пищевых и лекарственных растениях, остается актуальной и нуждается в подробном изучении.

Методология

Ключевыми методами исследования являются качественный контент-анализ и источниковедческий анализ. Основные материалы исследования – литературные источники, в частности труды известного этнографа, исследователя коренных народов Севера Бориса Осиповича Долгих (1904–1971) «Мифологические сказки и исторические предания энцев» (1961) и «Бытовые рассказы энцев» (1962), в которые вошли записи, сделанные ученым в 1948–1949 годы. Методология исследования основана на работах ученых, занимающихся анализом фольклорных произведений и других памятников культуры как источников о культуре народов (Varlamov, 2020; Varlamov,

2022; Asylgarayeva, 2023; Zborovitskaya, 2024), изучением культурной памяти (Koptseva, Menzhurenko, Degtyarenko, 2022; Sertakova, 2025), а также на концепциях коренных знаний (Koptseva, 2025), этнобиологии и этноботаники (Koptseva, 2025a; Zotov, Koptseva, Khovyakov, 2025; Khovyakov, Seredkina, Zotov, et al., 2025).

Результаты

Источниками для анализа выступили записи, собранные Борисом Осиповичем Долгим и зафиксированные им в двух изданиях, опубликованных в рамках серии трудов Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Каждая запись снабжена отдельными комментариями Б.О. Долгих. Дополнительно в изданиях представлены изображения и схемы-зарисовки основных действий и расположения основных действующих лиц в процессе заключения брака, подобные схемы присутствуют также при описании судебных актов. Присутствуют также схемы конкретного рода (Таси), изображения пятен-меток, которыми метили оленей и т.д.

1. «Мифологические сказки и исторические предания энцев», изданные в 1961 году, были «первой специальной публикацией произведений народного творчества энцев» (Dolgikh, 1961: 3). Ранее публиковались лишь отдельные фольклорные произведения. Мифологический фольклор энцев идет первым блоком и представлен 12 записями, второй блок – исторические предания энцев, представленные 33 записями. Записи были сделаны на русском языке (но включают слова и выражения на энецком языке) по рассказам Романа Алексеевича Силкина, Лебо Совалова, Нейчи Силкина, Холю Каплина, Монтуку Горнока (нганасан), Ламбаку Горнока (нганасан), Мейо Силкина, Аяку Турутина, Сихоле Турутина, Григория Ефимовича Горлашкина (Сяра), Ивана Ивановича Силкина (Ледо), Константина Николаевича Силкина (Таляк).

2. «Бытовые рассказы энцев» – второй том энецкого фольклора, содержащий записи рассказов Романа Алексеевича Силкина (1884(?)–1960), энца, находившегося

в среде ненцев, лесных (пэ-бай, лесные бай, карасинские самоеды) и тундровых (сомату (маду), хантайские самоеды) энцев, русских, что, несомненно, отразилось в записях. Записи подразделяются на две части – автобиографические рассказы – 14 записей, наполненные свидетельствами событий, непосредственно связанных с рассказчиком, и традиционные рассказы – 13 записей, завязанные на фольклоре энцев. Повествование происходило на русском языке с использованием слов на энецком и ненецком языках. Б. О. Долгих определяет значение автобиографии Р. А. Силкина в качестве ценного историко-этнографического источника (Dolgikh, 1962: 4).

Фольклорные материалы в указанных изданиях репрезентируют близость энцев с природой, окружающим природным пространством, на котором завязан традиционный уклад жизни коренных народов – «Старшая женщина ушла за **тальником**» (Dolgikh, 1961: 82); «Если дрова кончим, она **тальник** будет выкапывать из-под снега» (Dolgikh, 1961: 155). Посредством элементов растительного мира происходит ориентация на местности, растения встречаются в названиях местности: «Кругом **тальник**. Куда-то скрылся в **тальник**» (Dolgikh, 1962: 23); «Он показал, где **тальниковые заросли**» (Dolgikh, 1962: 37); «Вроде как пурга начинается. Но в **тальнике** ничего, там пурги не будет» (Dolgikh, 1962: 40); «Озеро крутое, по берегам **тальники**, лес» (Dolgikh, 1961: 182); «Лес – гольная **береза**, смешанная с другими деревьями. Есть **ельник**, есть **осина**» (Dolgikh, 1961: 184); «Я шел там и видел всякий лес: **береза**, **листвен**, **ель**» (Dolgikh, 1961: 202).

Элементы растительного мира используются в качестве сырья для изготовления бытовых и сакральных предметов, при этом в большинстве случаев речь идет об орудиях охоты или для военных действий: «Там есть старая **трава**, летом выросла и так засохла. Ты поди туда и натереби этой **травы** себе на перину» (Dolgikh, 1962: 19); «Ложусь я на свою **траву**» (Dolgikh, 1962: 20); «Пошел в скрад, он из **тальника** сделан, а сверху закрыт **травой**» (Dolgikh, 1962: 42);

«В **тальниках** рубит он также деревянные ловушки фэдюко вроде пастей. В них тоже попадают ушканы. Вместо приманки он крошит **вершины тальника**. Вот ушканы и попадают в них. Иногда попадаются и куропатки, за зернами (**почками тальника**) идут» (Dolgikh, 1962: 189); «мать сделала ему из **тальника** лучок и из палочек стрелочки с гвоздиками-наконечниками» (Dolgikh, 1961: 17); «Сегодня пусть рубят **березы**, не шибко толстые **березы**, длиною полторы сажени пусть будут <...> “Ну, вот, сто человек всего. У тебя тридцать, у него семьдесят. Теперь пошлешь людей, пусть **березы** рубят. По полторы сажени длиною, не толстые и не тонкие. Каждому по палке” <...> “Каждый человек пусть себе выберет палку по силе, чтобы мог он поднять ее над головой и ударить”» (Dolgikh, 1961: 202).

Примеров использования березы и ее элементов в энецком фольклоре очень много: «Санка была четырехкопыльная, **березовая**» (Dolgikh, 1962: 106); «санка **березовая**» (Dolgikh, 1962: 156); «лук тебе надо обмотать **берестой**, оклеить надо. Дерево надо **корень от лиственницы** <...> “Его надо крепким делать. Тетиву сплести из трех жил и тоже оклеить **берестой**” <...> Старший брат принес **бересту**, еще когда младший лук тесал. Намотал ее на лук, на тетиву. Теперь стал **березовый** лук» (Dolgikh, 1962: 168–169); «У него остяцкий лук был, обмотанный **берестой**» (Dolgikh, 1961: 99); «Пошел за ножом. У ножа ручка обернута **берестой** (тэнир)» (Dolgikh, 1961: 62); «Однажды с неба упали на землю мужчина и женщина. В руках у них были котел и туясок из **бересты**» (Dolgikh, 1961: 69); «Возьми **берестяные** покрышки, а шесты брось» (Dolgikh, 1962: 174).

Интересной особенностью энецкого фольклора являются подробные описания действий по сбору материала для изготовления элементов традиционной жизнедеятельности и сам процесс производства: «“Надо **березу** обдирать. Тепло становится, комары уже начинают летать. Надо два бока [две покрышки на чум] кончить нам этим летом. Завтра идите, если день хороший будет. День надо выбрать, чтобы дождик

был, сырость. Если сырость будет, тогда лучше будет сдираться **береста**” <...> “Иди с нами, понесешь **бересту**, а мы ее сдирать будем”. Против Лузина там гольная **береза**. Стоячую березу **порешь** вверх с комля, пока рука хватит. Потом ножом поддерешь края и сдираешь руками. В это время там под корой у **березы** гольная вода. Только пошевелишь **бересту** руками и она упадет. Целый день **бересту** драли. Нас было пятеро <...> “На один бок хватит. Завтра надерем на другой бок”. Пришли к чуму, стали чистить **бересту**, **кору** сверху снимать, скоблить изнутри и в большом котле стали варить, чтобы мягкая была» (Dolgikh, 1962: 107–108).

Присутствуют описания и сакральных элементов энецкой культуры, в которых задействованы растения: «“Вот Дели – сырота. Надо ворожить, чтобы узнать, как он будет в дальнейшем жить” <...> “Две стоящие рядом **березы** просверлите. И потом в отверстие поперек от одной к другой палку положите” <...> Целый день до полудня мы крутили, крутили эту палку <...> “Если твой край загорится, это значит, что ты долго будешь жить и будешь счастливым. Так же и я, если мой край загорится. Но если мой край не загорится, то я скоро помру. Вот так и ворожат”» (Dolgikh, 1962: 108–109) (рис. 1); «Ворожба с **березой** называется по-нашему, по-самоедски, куа **сбодзил тади**» (Dolgikh, 1962: 110). В комментариях Б.О. Долгих указывает на примеры схожего обряда у белорусов, вследствие чего ученый предполагает его заимствование от последних: «Возможно, поэтому, что этот обряд, как и выражение «дякую» (благодарю), был занесен на Енисейский Север стрельцами “литовского” (т.е. белорусского) происхождения, которых много было в XVII в. в Мангазейском (Туруханском) уезде» (Dolgikh, 1962: 111).

«Если эта лесина поет песни, то надо из нее шайтан делать. В ней какой-нибудь богесть. Надо отрубить от нее сучоки или прямо из нее вырубить шайтан» (Dolgikh, 1962: 108); «Гольного **ельника** нарубим, сделаем шайтанскую санку. Но санка будет крытой. Вытешем из **ели** доски и закроем ее

крышкой. Санку будем большую делать <...> “Что это? Не человек я”. Стал он деревом с тремя развилками. Вырос, как новое дерево <...> “Правда, что я вчера заторопился делать санку. К нам пришел самый чистый бог. Дерево выросло за ночь” <...> Сели кругом этого дерева и стали делать санку и до вечера санку кончили. Только, только осталось положить хаха [шайтана]» (Dolgikh, 1961: 49); «Поели и пошли лес рубить, шайтанскую санку делать <...> “Там одна приметная **ель** есть. Из нее вырубим два полоза” <...> “Когда оленя убьете, срубите **листвень**. Назад когда повернетесь, эту **листвень** увидите <...> **Листвень** кривая. Это совсем молодая лесина будет. Когда срубите, из нее вода пойдет, совсем сырая. Одну сторону стешите. Только спину, **корень** оставьте. У убитого оленя возьмите из брюшины кровь и тот пенек, где отрубили, кровью помажьте” <...> “Во сне я видел, что мне надо бубен. Из этой лесины ты бубен сделаешь <...> Убитой телки шкурой его покроете”. С этого начались шаманы в роде Бай» (Dolgikh, 1962: 148–150).

Присутствуют несколько упоминаний использования тальника для организации в чуме места для шамана: «**тальнику** нарубили, постелили в передний угол» (Dolgikh, 1962: 14); «В передний угол садится шаман только, когда шаманит. Для этого в передний угол кладут свежий снег, **тальничную** циновку и оленью постель» (Dolgikh, 1961: 65).

«“Если гром будет греметь, прячьтесь под **ель**. На **ель** гром не придет. А под **листвень** не прячьтесь, в нее гром ударить может. Бить в нее будет все равно. А под **елью** безопасно. Когда увидите, что морок поднимается, то выбирайте **ель** с широкими ветвями до конца [т.е. сверху донизу]. Сразу [т.е. заблаговременно] надо ее выбрать, как загремит гром, за эту **ель** пойдете”» (Dolgikh, 1962: 108).

Зафиксировано также своеобразие погребального обряда: «**Ель** и **березу** мы считаем чистыми деревьями, а **листвень** отставляют покойникам. Из нее им делают чум» (Dolgikh, 1962: 147). «Строят мэро как чум, только трубы у мэро нет, кладут

лес ровно, концы срубают» (Dolgikh, 1962: 74). Мэро – чум из древесных стволов, используемый при похоронах. В комментариях Б. О. Долгих фиксирует в этом отличие энцев и нганасан от соседних народов и ненцев и в подтверждение приводит более ранние упоминания о данном способе захоронения: «П. Третьяков о захоронениях в 50–60-х годах XIX в. писал, что туруханские самоеды, т.е. энцы и нганасаны, “хоронят умершего... в чумообразном шалаше, устроенном из лесин” (П. Третьяков. Туруханский край. “Записки ИРГО по общей географии”, т. II СПб., 1869, стр. 403)» (Dolgikh, 1962: 80); «У самоед и Басев одна вера – покойник должен лежать в чуме. А они вдвоем таскают лес хоронить отца. На третьи сутки поставили это мэро» (Dolgikh, 1962: 142) (рис. 2).

В рассматриваемых произведениях также проявлены схожие черты с фольклорными текстами ненцев в отношении космологических и мифологических представлений об устройстве мира, связанных с образом дерева: «Дерево – это **лиственница** (ками), черное, крепкое. Дерево с виду, как чум. Ребенок ищет дверь, колукает **кору** на дереве. К этому дереву на верху корнями привязана украденная женщина <...> Ну, теперь ушел опять к этому дереву. Уголь у него был <...> Руки натер углем и, сложив руки у рта, по-

дул на вершину дерева и все восемь концов его загорелись <...> Ветви дерева все сгорели. Потом до ствола, имевшего вид чума, дошел огонь. Кора этого дерева, будто нюк. И нюк этот загорелся и чум весь загорелся. Чумища-то не осталось, все сгорело» (Dolgikh, 1961: 85).

Имеется и упоминание антропофагии, схожие примеры из фольклора ненцев о таких персонажах, как мохоеды (Golovnev, 2004: 313–314; Golovnev, 2004: 142), в котором встречаются элементы растительного мира: «сихио работает, плетет веревку из **травы**. Сихио плетет веревку длиною 150 махов» (Dolgikh, 1961: 73); «Он сам ест оленьё мясо, а его жены едят **ягель**, как олени» (Dolgikh, 1961: 76).

Упоминание мха встречается в качестве пищи оленей: «начевали бы, да здесь **мху** нет» (Dolgikh, 1962: 121); «Здесь **мху** нет. Что будут олени напрасно здесь держать?» (Dolgikh, 1962: 122); «видит дикие **мох** едят» (Dolgikh, 1962: 129); «Олени копают тут же среди санок, **мох** здесь хороший» (Dolgikh, 1962: 144).

Основным рационом коренных народов, согласно рассматриваемым фольклорным текстам, является мясо и рыба: «Без всякой муки, сытой был и был одетый» (Dolgikh, 1962: 52); «“На что мне ваш хлеб, ваша мука? Не надо мне. Рыбу не продам. Я жил без хлеба и буду жить. На что мне хлеб? Буду жить так, буду рыбу есть сам. Зимой питаемся только сухой рыбой, да вар-

Рис. 1. Ворожба с березой
Fig. 1. Sorcery with a birch tree

Рис. 2. Чум «мэро»
Fig. 2. Chum "méro"

кой, да оленей еще едим»» (Dolgikh, 1962: 117); «Тогда не было хлеба. Только одно мясо и рыбу ели тогда. Не было иголок, только дикого оленя костями шили. Топоры были каменные» (Dolgikh, 1961: 107). Примеры употребления энцами растений в пищу единичны: «“По **морошку** идти темно. Может быть, если до завтра не помру, то пойду, есть хочется очень сильно” <...> Утром встает, котлик взяла и идет по **морошку**. Старая-старая, зубов нет совсем. <...> Лайду не модет найти, **морошка** ведь на лайде бывает <...> Идет по лайде, ищет залыбы, где растет **морошка**» (Dolgikh, 1961: 15); «Что тут **морошку** собирать, когда я сына нашла!» (Dolgikh, 1961: 18); «Дяха махано по берегу моря идет и увидел: один человек собирает **морошку**. Подошел этот человек-женщина, тоже у нее одежды нет. Дяха махано спрашивает: “Какой ты человек?” Она отвечает: “Все время здесь живу, **морошку** собираю”. Ну Дяха махано тоже стал **морошку** собирать» (Dolgikh, 1961: 71). В комментариях к тексту Б. О. Долгих отмечает, что персонаж женщины, собирающей морошку на берегу моря, очень древний (Dolgikh, 1961: 72). «“Ну, жена, что ты молчишь! Мать почему не будишь? Пусть мне чистит стрелы. В сумке я принес гостинец, **морошку**. Отца буди, что он спит? Пусть мою сумку, в которой **морошка**, увезет теперь царю своему” <...> Пока он есть, жена отца своего и мать свою разбудила. Мать вышла на улицу: “Правда **морошка** висит, гостинцы принес мой зять”. Она живо сняла сумочку и насилу притащила ее в чум. Видит, в ней стрелы все в крови. А это какая **морошка**, это все пальцы » (Dolgikh, 1961: 105–106).

Часто встречаются случаи распития чая без уточнения состава, но присутствует упоминание о сборе сырья: «“как будем зиму жить? Юколы, варку, все приготовили и муку взяли. Теперь юколу с чем будем есть? С водой будем пить? Теперь надо **листья** рвать. Пусть приготавливают **листья**. Теперь **листья** уже падают. Пошли всех 30 чумов женщин, чтобы каждая себе полный куль нарвала на зиму. А то скоро все снег закроет. Пусть собирают «**чай**»”. Назавтра

из всех 30 чумов женщины пошли. По берегу полно этой **травы**. К вечеру женщины пришли, кули полны. Собранную **траву** повесили на грядку, чтобы высушить» (Dolgikh, 1962: 120).

Примеры использования растений в лечебных целях в текстах отсутствуют. Процессы лечения связаны с действиями шамана – «Шаманы раньше нам так представлялись как доктора» (Dolgikh, 1962: 110), с продуктами натурального происхождения (на основе жира птиц) – «Где найдем гусиный жир? Это лучше всех лекарств. Сразу кровь перестанет и зарастет разрезанное мясо. Однако у остяка это есть. Он специально гусей летом добывал» (Dolgikh, 1962: 41), а также с готовыми фармацевтическими препаратами – «У меня есть лекарства, – только сказала. Тогда у каждого купца были порошки да что-нибудь еще» (Dolgikh, 1962: 31); «стали чем-то мазать, лечить. Сыпят в рану какое-то желтое лекарство» (Dolgikh, 1962: 43).

Заключение

Массив зафиксированных этнокультурных данных проявляет самобытность и своеобразие этнических знаний, особенности бытовой и сакральной сторон жизни энцев. Важной особенностью фольклорных текстов энцев является поэтапное описание бытовых процессов, сакральных действий, а также процессов, связанных с изготовлением предметов традиционной жизнедеятельности. При этом в данных описаниях и в целом в фольклорных текстах явно присутствуют примеры взаимовлияний разных этносов. Отдельно, особенно с учетом записей, полученных от Р. А. Силкина, Б. О. Долгих акцентирует внимание на фиксации традиционных форм хозяйственной деятельности в зависимости от разделения по месту традиционного проживания (долины рек в лесной зоне, лесотундра, тундра), а также с учетом историко-временного периода их формирования. С этим связана и специфика пищевой культуры энцев, в рационе которых первостепенное значение имеет мясо зверей и птиц, рыба. Несмотря на значительную роль растительного мира

в жизни энцев, примеры использования ко- лях единичны (морозка, чай из листьев),
рненным народом растений в пищевых це- а в лечебных целях и вовсе отсутствуют.

Список литературы/References

- Adaev V., Konev A. O maloizvestnom sedobnom rastenii sibirskih ostyakh i chinovnikah (istoriia nachala XIX v.) [About a little-known edible plant, the Siberian Ostyaks, and officials (early 19th century)]. *Etnografiia [Ethnography]*, 2025, 3(29), 78–99. DOI: 10.31250/2618–8600–2025–3(29)-78–99.
- Adaev V.N. Rastenia v mirovozzrenii Khantov i Nentsev (Rol' predstavlenii v sisteme ratsional'nogo prirodopol'zovaniia) [Plants in the Worldview of the Khanty and Nenets (The Role of Beliefs in the System of Rational Environmental Management)]. *Ekologiya drevnikh i sovremennykh obshchestv [Ecology of Ancient and Modern Societies]*, 2003, 2, 200–202.
- Afonina O.M., Lavrinenko O.V., & Lavrinenko I.A. MKhI v rastitel'nykh soobshchestvakh na severo-zapade Bolshezemel'skoi tundry (Nenetskii Avtonomnyi Okrug) [Mosses in Plant Communities of the Northwestern Bolshezemelskaya Tundra (Nenets Autonomous Okrug)]. *Botanicheskii Zhurnal [Botanical Journal]*, 2019, 104(9), 1333–1354.
- Alekseev G.V., Dmitriev V.G. Malye narody v usloviyakh progressivnogo osvoeniya Arkticheskoi zony RF [Indigenous Peoples in the Context of Incremental Development of the Arctic Zone of the Russian Federation]. In: *Arkticheskoe prostranstvo Rossii v XXI veke: faktory razvitiya, organizatsiya upravleniya: Monografiya [Russia's Arctic Space in the 21st Century: Factors of Development and Management Organization. Monograph]*. Pod redaktsiei V.V. Ivantera. SPb., OOO Izdatel'skii dom "Nauka", 2016. 397–420. EDN XWNDSP.
- Asylgarayeva A.I. Tsennostnyye sostavlyayushchiye kartiny mira nentsev: analiz mifologicheskikh tekстов [The value components of the Nenets worldview: an analysis of mythological texts]. In: *Tsifrovizatsiya [Digitalization]*, 2023, 4(2), 26–33.
- Bolina Z.N. *Ezzuy – Sled narty*. Dudinka [Ezzuy – The Sledge Track], 2014. 169.
- Chebotaeva N. A., Gardamshina M. I., Kalitenko E. V., Savrasova G. P. Lesnye nentsy [Forest Nenets]. *Traditsionnaya meditsina [Traditional Medicine]*, 2006, 4, 90–110.
- Dolgikh B. O. *Bytovye rasskazy entsev. So slov R. A. Silkina [Everyday Stories of the Enets. As Told by R. A. Silkin.]*. M., Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1962. 244.
- Dolgikh B. O. *Mifologicheskie skazki i istoricheskie predaniya entsev [Mythological tales and historical legends of the Enets]*. M., Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1961. 243.
- Dolgikh B. O. *Ocherki po etnicheskoi istorii nentsev i entsev [Essays on the ethnic history of the Nenets and Enets]*. M., Nauka, 1970. 269.
- Fil'ko A. I., Khudonogova A. Ye. Kul'tura enetskogo naroda: Vozmozhno li vozrodit' yazyk? [The Culture of the Enets People: Is Language Revival Possible?]. In: *Spetsifika etnicheskikh migratsionnykh protsessov v XX–XXI vekakh: Opyt i perspektivy: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [Specifics of Ethnic Migration Processes in the 20th–21st Centuries: Experience and Prospects: Proceedings of the International Scientific-Practical Conference]*. 2019, 200–206.
- Golovnev A. V. *Kochevniki tundry: nentsy i ikh fol'klor [Nomads of the Tundra: The Nenets and Their Folklore]*. Ekaterinburg, 2004, 344.
- Khovyakov A. A., Seredkina N. N., Zotov S. O., Koptseva M. S. Antropologiya pitaniya samodiiskikh narodov [The Anthropology of Food of the Samoyedic Peoples]. In: *Sibirskii antropologicheskii zhurnal [Siberian Anthropological Journal]*. 2025. 9, 3. 101–111. EDN TRAGUT.
- Kistova A. V., Pimenova N. N., Reznikova K. V., Sitnikova A. A., Kolesnik M. A., Khudonogova A. E. Religion of Dolgans, Nganasans, Nenets and Enets. In: *Journal of Siberian Federal University*, 2019, 12(5), 791–811. DOI: 10.17516/1997–1370–0424.
- Koptseva M. S., Shpak A. A. Pishchevye rasteniya v ehvenkiiskoi kul'ture [Edible Plants in Evenki Culture]. In: *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki [Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences]*. 2025. 18, 7. 1321–1330. EDN YYHNJI.

Koptseva M. S., Zotov S. O. Osobennosti etnofarmakologii tunguso-man'chzhurskikh narodov [Features of Ethnopharmacology among the Tungusic-Manchurian Peoples]. In: *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences]. 2025. 18, 7. 1260–1269. EDN AMVRHT.

Koptseva N. P. Budushchee etnobiologii: kontseptsiya A. Fernandes-L'yamasaresa i I. Teiksidor-Toneu [The Future of Ethnobiology: The Concept of A. Fernández-Llamazares and I. Teixidor-Toneu]. In: *Tsifrovizatsiya* [Digitalization]. 2025a. 6, 4. 8–26. EDN GIICWT.

Koptseva N. P. Kontsept «pishchevaya kul'tura» i ego reprezentatsii v etnicheskoi kartine mira tunguso-man'chzhurskikh narodov Krasnoyarskogo kraya [The "Food Culture" Concept and Its Representations in the Ethnic Worldview of the Tungusic-Manchurian Peoples of the Krasnoyarsk Territory]. In: *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences]. 2025. 18, 7. 1240–1249. EDN CDIKFZ.

Koptseva N. P. Korennye prodovol'stvennye sistemy i traditsionnye znaniya korennykh narodov Severa: kontseptsiya Andersa oskala i soavtorov [Indigenous Food Systems and Traditional Knowledge of the Indigenous Peoples of the North: The Concept of Anders Oskal and Co-authors]. In: *Tsifrovizatsiya* [Digitalization]. 2025. 6, 3. 8–37. EDN WATVOS.

Koptseva N. P., Menzhurenko YU. N., Degtyarenko K. A. *Kul'turnaya pamyat' i etnicheskaya identifikatsiya* [Cultural memory and ethnic identification]. Krasnoyarsk: Sibirskii federal'nyi universitet, 2022. 250. ISBN 978-5-7638-4502-0. EDN NTSGGY.

Korcagina R. P., Osipova L. P., Vavilova N. A. et al. Genetic polymorphism of cytochrome P450 2C 9, uchastvuyushchego v metabolizme lekarstvennykh preparatov v populyatsiyakh korennykh zhitel'ei Severnoi Sibiri [Genetic Polymorphism of Cytochrome P450 2C 9 Involved in Drug Metabolism in Populations of Indigenous Inhabitants of Northern Siberia]. *Vestnik SO RAMN* [Bulletin of the Siberian Branch of the Russian Academy of Medical Sciences], 2011, 31(6), 39–44.

Krivosnogov V. P. Ehntsy Taimyra: sovremennye etnicheskie protsessy [The Enets of Taimyr: Contemporary Ethnic Processes]. In: *Severnye Arkhivy i Ehkspeditsii* [Northern Archives and Expeditions]. 2019. 3, 1. 54–71. DOI 10.31804/2542-1816-2019-3-1-54-71. EDN VVJBOS.

Krivosnogov V. P. Ehtnicheskie protsessy u ehntsev [Ethnic Processes among the Enets]. *Ehtnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. 1998. 2. 46–57. EDN TTCILP.

Kvashnin Yu. N. Eniseiskie nentsy i ehntsy: k voprosu o rasselenii i rodovom sostave [The Yenisei Nenets and Enets: On the Question of Settlement Patterns and Clan Composition]. In: *Problemy vzaimodeistviya cheloveka i prirodnoi sredy* [Problems of Human-Environment Interaction]. Tyumen', IPOS SO RAN. 2004a. 26–28

Kvashnin Yu. N. K voprosu o granitse rasseleniya nentsev i entsev v XVII veke [On the Question of the Settlement Boundary between the Nenets and Enets in the 17th Century]. *Kul'turnoe nasledie narodov Sibiri i Severa* [Cultural Heritage of the Peoples of Siberia and the North], 2004, 1, 163–166.

Labanauskas K. I. *Rodnoe slovo = Kerna" bazaba": Kerna" bazaba": Enets. Pesni, skazki, istoricheskie predaniya, traditsionnye rasskazy, mify* [Native Word = Kerna" bazaba": Kerna" bazaba": Enets. Songs, Fairy Tales, Historical Legends, Traditional Stories, Myths]. SPb., Prosveshchenie, 2002. 337.

Leshchinskaya N. M., Sertakova E. A. Ehtnicheskaya meditsina tunguso-man'chzhurskikh narodov Dal'nego Vostoka [Ethnic Medicine of the Tungusic-Manchurian Peoples of the Russian Far East]. In: *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences]. 2025. 18, 7. 1312–1320. EDN KTFAUN.

Narody Zapadnoi Sibiri: Khanty. Mansi. Sel'kupy. Nentsy. Ehntsy. Nganasany. Kety [Peoples of Western Siberia: Khanty. Mansi. Selkup. Nenets. Enets. Nganasans]. V. A. Tishkov, S. V. Cheshko, G. A. Aksyanova [et al.]. M., Federal'noe gosudarstvennoe unitarnoe predpriyatie "Akademicheskii nauchno-izdatel'skii, proizvodstvenno-poligraficheskii i knigorasprostranitel'skii tsentr "Nauka", 2005. 805. ISBN 5-02-010297-0. EDN UCJNUF.

Novye perspektivy dlya ehntsev: issledovatel'skie i prikladnye proekty: monografiya [New Perspectives for the Enets: Research and Applied Projects: Monograph]. N. P. Koptseva, YU. N. Avdeev-

va, YU. S. Zamaraeva [et al.]; nauch. red. N. P. Koptseva; rets.: YU. N. Moskvich, M. V. Moskalyuk, 2020. 196.

Pautova V. A. *Narodnaya meditsina aborigenov Zapadnoy Sibiri v trudakh issledovateley XVIII – nachala XX vv [Traditional Medicine of the Indigenous Peoples of Western Siberia in the Works of Researchers from the 18th to Early 20th Centuries]*. Novosibirsk, 2004. 196.

Petrov A. A. Ob antroponimakh narodov Severa i Arktiki: ehvenki, dolgany, ehntsy, koryaki [On the Anthroponyms of the Peoples of the North and Arctic: Evenki, Dolgans, Enets, Koryaks]. *Severnorusskie govory [Northern Russian Dialects]*, 2024. 23: 263–285. DOI: 10.30842/01348515202413

Population of indigenous peoples of the Russian Federation (table 17). In: *Results of the All-Russian Population Survey 2020*. Vol. 5. National composition and language proficiency. Available at: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami

Prokof'ev G. N., *Iazyki i pis'mennost' Samoyedskikh i Finno-Ugorskikh narodov*, 1937, 231.

Prokof'eva E. D. Materialy po religioznym predstavleniyam entsev [Materials on the Religious Beliefs of the Enets People]. *MAE*, 1953, 194–230

Reznikova K. V. Spetsifika yazykov samodiyskoy gruppy, vklyuchaya nenetskiy i enetskiy yazyki [Specifics of the Languages of the Samoyedic Group, Including Nenets and Enets]. In: *Sibirskiy antropologicheskii zhurnal [Siberian Anthropological Journal]*, 2018, 2(4), 62–82.

Seredkina N. N., Ermakov T. K. Ehtnobotanicheskie i ehtnomeditsinskie znaniya ehvenkov i ikh reprezentatsiya v kul'turnykh praktikakh sovetskogo perioda [The Ethnobotanical and Ethnomedical Knowledge of the Evenki and Its Representation in the Cultural Practices of the Soviet Period]. In: *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki [Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences]*. 2025. 18, 7. 1300–1311. EDN MIXJKL.

Sertakova Ye. A. Kul'turnaya politika po sokhraneniuyu i vosproizvodstvu kul'turnoy pamyati v sovremennom sotsiokul'turnom prostranstve Krasnoyarskogo kraia [Cultural Policy for the Preservation and Reproduction of Cultural Memory in the Contemporary Sociocultural Space of the Krasnoyarsk Territory]. In: *Severnyye arkhivy i ekspeditsii [Northern Archives and Expeditions]*, 2025, 9(1), 25–35.

Sitnikova A. A., Kistova A. V. Ehtnicheskie znaniya ehvenkov Krasnoyarskogo kraia v oblasti meditsiny [Ethnic Knowledge of the Evenki of the Krasnoyarsk Territory in the Field of Medicine]. In: *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki [Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences]*. 2025. 18, 7. 1270–1279. EDN GLEMEI.

Sorokina I. P. *Enetskie teksty [Enets Texts]*. SPb., Nauka, 2005. 340.

Sorokina I. P. *Enetskiy yazyk [The Enets Language]*. SPb., Nauka, 2010. 410.

Sorokina I. P., Bolina D. S. *Enetski slovar': s kratkim grammaticheskim ocherkom okolo 8000 slov [Enetski slovar': s kratkim grammaticheskim ocherkom okolo 8000 slov – Enets Dictionary: With a Brief Grammatical Sketch, Approximately 8,000 Words]*. SPb., Programma fundamental'nykh issledovaniy “Adaptatsiya narodov i kultur k izmeneniyam prirodnoi sredy, sotsial'nym i tekhnogennym transformatsiyam”, Prezidiuma RAN, Nauka, 2009. 488.

Stepanova O. B. Narodnaia meditsina severnykh Selkupov [Folk Medicine of the Northern Selkups]. *Vestnik antropologii [Bulletin of Anthropology]*, 2024, 2, 263–276. DOI: 10.33876/2311–0546/2024–2/263–276.

Telyatnikov M. YU., Banaev E. V., Onuchin A. A., Shishikin A. S. Kharakteristika prirodnkh ehkossistem i osnovnykh destabiliziruyushchikh faktorov severa Tsentral'noi Sibiri [Characteristics of Natural Ecosystems and the Main Destabilizing Factors in the North of Central Siberia]. *Sibirskii ehkologicheskii zhurnal [Siberian Ecological Journal]*. 2014. 21, 6. 803–806. EDN RCYQZL.

Varlamov A. N. Ideologicheskiye transformatsii v fol'klore evenkov v 20–60-kh gg. XX v [Ideological Transformations in the Folklore of the Evenki in the 1920s–1960s]. In: *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice]*, 2022, 15(6), 1789–1795.

Varlamov A. N. Ranniye stadii etnogeneza i migratsii tungusov v epicheskikh traditsiyakh evenkov [Early Stages of Ethnogenesis and Migrations of the Tungus in the Epic Traditions of the Evenki]. In: *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta imeni M. K. Ammosova: Seriya Eposovedeniye [Bulletin of the North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov: Series: Epic Studies]*, 2020, 3(19), 30–41.

Vasil'ev V.I. Lesnye entsy. *Sibirskii etnograficheskii sbornik* [*The Forest Enets. Siberian Ethnographic Collection*], 1963, V, 33–70

Vasil'ev V.I. *Problemy formirovaniya i etnicheskogo razvitiya severnykh samodivtsev (Nentsy i Entsy)* [*Problems of the Formation and Ethnic Development of the Northern Samoyedic Peoples (Nenets and Enets)*]. M., 1982. 45.

Zborovitskaya N.N. Obraz Severa v iskusstve sovetskogo plakata 1920–1960 gg [Representation of the North in Soviet Poster Art from 1920 to 1960]. In: *Sibirskiy iskusstvovedcheskiy zhurnal* [Siberian Journal of Art Studies], 2024, 3(3), 7–21.

Zotov S.O., Koptseva M.S., Khovyakov A.A. Lekarstvennye rasteniya severnykh territorii Krasnoyarskogo kraia [Medicinal Plants of the Northern Territories of the Krasnoyarsk Territory]. In: *Severnye Arkhivy i Ehkspeditsii* [Northern Archives and Expeditions]. 2025. 9, 3. 53–59. EDN OOBFL.

EDN: HBTCQI
УДК 7.036

Cultural Anthropology of Indigenous Medicine around the World: A Literature Review

Maria S. Koptseva*, Stepan O. Zotov
and Andrei A. Khoviyakov

*Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Received 02.12.2025, received in revised form 28.12.2025, accepted 16.01.2026

Abstract. The article provides an overview of contemporary research in the cultural anthropology of indigenous medical systems worldwide. It examines the key directions in the study of ethnomedical systems, including traditional ecological knowledge, food-related practices, mechanisms of transmitting medical knowledge, the foundations of established healing systems, and forms of medical pluralism. The analysis also addresses interdisciplinary approaches employed in global medical anthropology, as well as regional specificities of traditional medical systems.

Keywords: traditional medicine, ethnomedicine, indigenous peoples, ethnopharmacology.

Research area: Theory and History of Culture, Art.

The study was supported by the grant of the Russian Science Foundation No. 25–18–20096, <https://rscf.ru/project/25–18–20096/>, grant from the Krasnoyarsk Regional Science Foundation.

Citation: Koptseva M. S., Zotov S. O., Khoviyakov A. A. Cultural Anthropology of Indigenous Medicine around the World: A Literature Review. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2026, 19(2), 271–281. EDN: HBTCQI

Культурная антропология медицины коренных народов мира (обзор исследований)

М.С. Копцева, С.О. Зотов, А.А. Ховяков

Сибирский федеральный университет
Российская Федерация, Красноярск

Аннотация. Статья представляет обзор современных исследований в области культурной антропологии медицины коренных народов мира. Рассматриваются ключевые направления изучения этномедицинских систем, включая этнобиологические знания, традиционные продовольственные практики, механизмы передачи медицинских знаний, основания сложившихся лечебных систем и формы медицинского плюрализма. Анализируются междисциплинарные подходы, применяемые в мировой антропологии медицины, а также региональные особенности традиционных медицинских систем.

Ключевые слова: традиционная медицина, этномедицина, коренные народы, этнофармакология.

Научная специальность: 5.10.1. Теория и история культуры, искусства.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25–18–20096, <https://rscf.ru/project/25–18–20096/>, гранта Красноярского краевого фонда науки.

Цитирование: Копцева М. С., Зотов С. О., Ховяков А. А. Культурная антропология медицины коренных народов мира (обзор исследований). *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2026, 19(2), 271–281. EDN: HBTCQI

Введение

Интерес к традиционным знаниям коренных народов в последние годы стремительно растет, поскольку эти знания рассматриваются как важный ресурс для осмысления практик взаимодействия человека с окружающей средой, включая поддержание здоровья и адаптацию к современным экологическим изменениям. Этномедицинские знания, традиционные продовольственные системы (food systems) и способы использования природных ресурсов коренных народов становятся объектом изучения в контексте оценки их вклада в решение актуальных экологических и социальных проблем (Koptseva, 2025b). В ряде современных работ отмечается, что знания коренных народов хранят в себе уникальный опыт взаимодействия с природой, основанный на длительной культурно-практической преемственности (Koptseva, 2025a).

Современная научная литература демонстрирует устойчивый интерес к традиционным знаниям коренных народов, что подтверждается разнообразием направлений, в рамках которых они исследуются. Существенное внимание уделяется биокультурным аспектам, а именно пищевым растениям северных территорий и локальным практикам взаимодействия с природными ресурсами (Pimenova et al., 2025), а также историческим способам заготовки и хранения продуктов (Suleimanov, 2025). В рамках исследований антропологии питания подчеркивается необходимость анализа традиционных пищевых систем в их исторической динамике (Ermakov et al., 2025). Междисциплинарный характер исследований коренных народов проявляется в обращении к различным типам источников, включая визуальные свидетельства,

позволяющие анализировать формы репрезентации природного окружения и связанных с ним знаний (Kolesnik et al., 2025).

Мировая традиция изучения медицинской антропологии сформировалась как широкая междисциплинарная область, в которой исследуются разнообразные практики коренной медицины в их культурном, историческом и социальном контексте. В разных регионах мира этот интерес направлен на анализ медицинского плюрализма, роли традиционных целителей, взаимодействия локальных лечебных систем и доказательной медицины, а также на изучение устойчивых космологических представлений, лежащих в основе традиционных методов лечения. Коренная медицина рассматривается не только как система практик, но и как важный элемент сохранения культурной идентичности.

Таким образом, тема демонстрирует наличие устойчивого исследовательского интереса как к биокультурным знаниям коренных народов, так и к связанным с ними традиционным медицинским представлениям и практикам, что формирует необходимую теоретическую базу для анализа этномедицины в рамках культурной антропологии и подтверждает актуальность изучения традиционных медицинских систем.

Изучение этнической медицины в рамках культурной антропологии

Культурная антропология, также известная как социокультурная антропология, сформировалась как самостоятельное направление в конце XVIII – начале XIX века. в результате деятельности таких учёных, как Герберт Спенсер, Эдуард Тайлор, Джеймс Фрейзер, Франц Боас и др. Сферой интереса культурной антропологии является культура, понимаемая как совокупность материального и нематериального наследия человечества. Таким образом, в понятие «культура» включается любая человеческая деятельность, в том числе социальная, а также продукты этой деятельности, в том числе социальные институты. В рамках культурной антропологии можно выделять отдельные, хотя и значительно

взаимосвязанные направления антропологических исследований. Так, например, социальная антропология изучает общественные структуры и институты; экономическая антропология исследует системы производства, распределения и потребления в различных обществах; политическая антропология анализирует властные отношения и механизмы управления обществом; антропология религии изучает религиозные верования и сакральные практики разных народов. Каждое из этих направлений вносит свой вклад в понимание культурных систем в целом.

Аналогичным образом в рамках антропологических исследований постепенно сформировался подход, направленный на изучение медицинских систем различных культур и антропологии медицины. Этот подход фокусируется на понимании того, как представители разных культур объясняют причины заболеваний, классифицируют их и организуют лечение. Особое внимание уделяется тому, как медицинские знания и практики связаны с культурным контекстом, мировоззрением и социальными отношениями (Winkelman, 2008). Это направление антропологии принято называть медицинской антропологией.

Концепции и подходы в медицинской антропологии

Медицинская антропология представляет собой междисциплинарную область исследований, находящуюся на стыке антропологии и наук о здоровье (Fabrega, 1971). Она занимается исследованием проблем здоровья и его сохранения в широком социокультурном и биокультурном контекстах, многочисленные медицинские практики разных культур и народов, а также восприятие людьми собственной телесности и болезней. Медицинская антропология рассматривает здоровье как биологическое состояние и в то же время как культурный феномен, понимание которого варьируется в зависимости от рассматриваемого общества и исследуемого периода (Comaroff, 1978). В рамках народной медицины или этномедицины меди-

цинская антропология занимается изучением роли целителей, знахарей, колдунов и шаманов с точки зрения их медицинских знаний, а также исследованием символического и сакрального значения лечебных процедур и путей передачи медицинских знаний (Bhasin, 2007). Традиционные медицинские знания и практики формируются под влиянием мировоззренческих установок, социальной организации и других, более сложных социокультурных факторов, тесно связанных с биологическими особенностями человеческого организма (Singer & Erickson, 2011). Исследования в данной области направлены на анализ концепций здоровья и болезни, методов диагностики и лечения, а также процессов передачи знаний (Eyssartier et al., 2008).

В медицинской антропологии проводится разграничение между болезнью (disease) как объективным патологическим процессом и недугом (illness) как субъективным переживанием плохого самочувствия, обусловленным зачастую культурными представлениями. Аналогичное различие существует между лечением (curing), направленным на устранение симптомов, и исцелением (healing), которое адресует психосоциальные и духовные аспекты «нездоровья». В традиционных обществах болезнь часто интерпретируется как нарушение гармонии между человеком, природой и сверхъестественными силами (Herselman, 2007). Например, у народов Африки и Азии распространены представления о сверхъестественных причинах болезней, таких как колдовство, нарушение табу или гнев духов предков (Bagwana, 2017). Также практика ронгоа маори (Rongoā Māori) представляет систему, интегрирующую духовное («вайруа»), физическое («тинана»), социальное («ванау») и природное («вена») измерения. Исцеление в таком случае — это процесс восстановления баланса и взаимосвязи между человеком и его предками. Создание терапевтических культурных ландшафтов можно рассматривать как способ поддержания здоровья и благополучия как для маори, так и для неместного населения (Marques et al., 2022).

Фигуры хранителей знания и механизмы его трансмиссии

Важным вопросом в медицинской антропологии является изучение традиционных лекарей и их роли в сообществе. Знания традиционной медицины зачастую приобретаются через духовные откровения, сны и наследование практик врачевания. Традиционные лекари выступают как хранители культурных ценностей и посредники между миром людей и миром духов (Bagwana, 2017). В Уганде, например, лекари могут входить в состояние транса для получения знаний от духов предков (Bagwana, 2017). Аналогичные практики зафиксированы в Гималаях, где шаманы выполняют функции диагностики и лечения болезней, связанных в первую очередь с духовными нарушениями (Bhasin, 2007).

Передача медицинских знаний в традиционных обществах происходит преимущественно в устной форме через вертикальную передачу от старших поколений к младшим (Eyssartier et al., 2008). Например, при исследовании сообществ северо-западной Патагонии показано, что знания о растениях и методах их использования передаются в семье через женщин, которые играют ключевую роль в сохранении и передаче медицинского знания. Однако под влиянием модернизации традиционные пути передачи знаний могут трансформироваться, включая горизонтальное обучение медицинским практикам у сверстников или внешних агентов (Eyssartier et al., 2008). Из-за того, что передача знаний в традиционных системах часто носит устный характер, возникают сложности этнофармакологических исследований, поскольку опросы могут в недостаточной степени отражать всю сложность практического знания (Barsh, 1997).

Характерной чертой традиционных медицинских культур является медицинский плюрализм, то есть сосуществование различных медицинских систем в одном обществе (Bhasin, 2007; Singer & Erickson, 2011). Например, в Индии параллельно функционируют аюрведа, унани, народная медицина и доказательная медицина, что

наблюдается также при составе официальной индийской фармакопеи, куда включены как традиционные, так и стандартизированные, современные знания. Пациенты могут одновременно или последовательно обращаться к разным типам врачей в зависимости от характера заболевания и его восприятия (Bhasin, 2007). Аналогичные процессы наблюдаются в Латинской Америке и Африке, где традиционные и биомедицинские практики часто дополняют друг друга (Herselman, 2007; Bagwana, 2017). Медицинский плюрализм обусловлен эмпирической эффективностью многих традиционных фармакопей и подтверждается лабораторными и клиническими исследованиями, которые выявляют активные соединения в растениях, используемых целителями (Sharma, 2025). В ходе современных исследований учёными было установлено, что отбор лекарственных видов растений, руководствуясь принципами традиционной медицины, является более эффективным по сравнению со случайным выбором сырья.

Народные медицинские системы характеризуются как открытые и адаптивные, в отличие от закрытой парадигмы научной медицины. В сельской местности практики народного врачевания часто выполняют функции социального контроля. В городской среде эти практики обретают гибкость, приобретая новые функции, такие как облегчение аккультурационного стресса, поддержание групповой идентичности в условиях культурного плюрализма и смещение ответственности за личные неудачи. Отмечается, что в городах снижается значимость колдовства как объяснительной модели неудач, а сами народные целители часто действуют более имперсонально, реагируя на индивидуальные запросы пациентов, а не на нормы сообщества (Press, 1978).

Адаптация и устойчивость традиционных систем в современном контексте

В культурной антропологии народной медицины Европы внимание уделяется историческому переходу от религиозных

медицинских концептов к современному понятию народной медицины, который был проанализирован в работах, посвященных развитию медицинского знания в Южной Европе. Понятие народной медицины было сконструировано в конце XIX века, что было обусловлено необходимостью в разграничении религиозного и медицинского знания (Comelles, 1996). Важную роль в этом процессе сыграли врачи, которые, занимаясь фольклором, как, например, итальянский врач Джузеппе Питре, заложили основы эмпирической медицинской антропологии с прикладными целями, с использованием методологии, основанной на клиническом опыте и систематической классификации болезней (Comelles, 1996).

Развитие медицинской антропологии в Европе в качестве академической дисциплины происходило в основном с 1970-х годов, что было связано с развитием профессиональной медицины и влиянием медицинской социологии, о чем свидетельствуют первые междисциплинарные конференции, монографии и специализированные журналы по данной тематике (Hsu & Potter, 2012). Европейская медицинская антропология формировалась в условиях международного взаимодействия, сохраняя тесную связь с прикладными исследованиями. Для нее стало характерно разнообразие направлений, включая изучение медицинского плюрализма, практик личной заботы о больных и критики медиализации, при этом в некоторых контекстах, особенно в Южной Европе, исследования народной медицины развивались в тесной связи с фольклористикой, демонстрируя преемственность с более ранними научными традициями (Hsu & Potter, 2012).

Преемственность в медицинских практиках прослеживается и в сравнительном анализе древнегреческой и современной медицины: работы Гиппократ и Фукидида содержат описания болезней и методов лечения, которые критиковались с современных научных позиций, но некоторые концепции, такие как теория четырех гуморов, сохраняли влияние на протяжении длительного времени и прослеживаются

в современных представлениях о гомеостазе (Boorman & Morrison, 2024). Хотя гуморальная теория была в значительной степени вытеснена бактериологической теорией в XIX веке, ее элементы продолжают существовать в рамках народных медицинских практик и культурных представлений о здоровье, например в концепциях горячих и холодных продуктов в традиционной китайской медицине (Boorman & Morrison, 2024).

Параллельно европейской, формирование традиционной медицины на Ближнем Востоке происходило под влиянием множества традиций, включая египетскую, эллинистическую, суфийскую, исламскую, иудейскую и христианскую (Khoury et al., 2024). Важнейшим направлением традиционной медицины Ближнего Востока стала Традиционная Арабская и Исламская Медицина (ТАИМ), основанная на использовании отдельных растений или простых комбинаций растений (Azaizah et al., 2008), а также систематизировавшая знания греческой рациональной традиции и персидской метафизики в трудах таких учёных, как Ибн Сина (Авиценна) (Gran, 1979).

Параллельно развивалась медицина Пророка (Tibb al-Nabawi), фокусирующаяся на гигиенических практиках, диете и использовании молитв для лечения заболеваний (Khoury et al., 2024), в то время как суфийские проповедники предлагали холистический подход, ориентированный на духовное благополучие, что было особенно востребовано в периоды социальных трансформаций (Gran, 1979). Стоит отметить, что в рамках такой парадигмы симптомы психических расстройств могут интерпретироваться как одержимость джиннами, сглаз или колдовство (Khoury et al., 2024). Так, например, исследования психологических заболеваний в Египте показали, что значительная часть пациентов с шизофренией изначально обращается к традиционным целителям, ассоциируя своё состояние со сверхъестественными причинами (Khoury et al., 2024). Распространённость таких практик обусловлена их доступностью, культурной приемлемо-

стью и верой в их эффективность, особенно в сельской местности и условиях кризиса систем здравоохранения (Khoury et al., 2024; Adib, 2004). С приходом европейской биомедицинской модели в XIX веке местные практики были маргинализированы, и, хотя во второй половине XX века исламистскими мыслителями была предложена исламская медицина как альтернатива европейской (Adib, 2004), данное направление не сформировалось в целостную систему, сопоставимую с аюрведой или традиционной китайской медициной (Adib, 2004).

В Южной Индии, в свою очередь, выявлено фундаментальное различие между традиционными и космополитическими практиками, где взаимодействие с традиционными целителями, такими как вайды, экзорцисты и астрологи, часто связано с идеей морального долга и кармического обмена, а размер и способ подношения интерпретируются как метакоммуникативные знаки. Концептуализация человеческого тела в Индии не была единой. Существовало множество различных представлений о теле, каждое из которых формировалось под влиянием своей социокультурной и эпистемологической среды. От ведического жертвенного тела, понимаемого через ритуальную нумерологию, до аюрведической традиции, рассматривающей тело как сеть каналов, и тантрической и йогической традиций, которые воспринимают тело как микрокосм с энергетическими центрами (чакрами), – всё это многообразие взглядов на тело было неотъемлемой частью индийской культуры (Wujastyk, 2009). Эти дискурсы изначально были разделены, и их современное смешение стало результатом глобализации и модернизации. Во времена колонизации были предприняты попытки синтеза аюрведических и западных анатомических знаний, что можно увидеть в работах Муралидхары Шармы и Гананата Сена. Однако в XX веке эти синкретические усилия уступили место эпистемологическому расколу (Nichter, 1983).

Анализ националистического дискурса первой половины XX века позволил выделить три основных направления: конфор-

мизм, сопротивление и поиск альтернативы. В то время как конформизм выступал за модернизацию аюрведы и унани по образцу доказательной медицины и был поддержан такими фигурами, как Джавахарлал Неру, элементы сопротивления были слабы. Махатма Ганди предлагал поиск альтернативы, критикуя современную медицину и продвигая систему природного лечения, основанную на профилактике, гигиене и духовности (Khan, 2006). Исследование, проведенное в западной части Индии, выявило значительное количество целителей на душу населения. При этом выбор целителей определялся в большей степени их репутацией, а не внутренней логикой их теорий. Большинство пациентов с психиатрическими симптомами обращалось за помощью к врачам и традиционным целителям одновременно. Это свидетельствует о глубоко укоренившемся и устойчивом характере народной медицины в системе здравоохранения Индии (Каруг, 1979).

Социокультурный портрет традиционных африканских целителей, подробно изученный на примере народа бапеди в Южной Африке, свидетельствует о том, что целители – это преимущественно пожилые мужчины, знания которых передаются через наставничество или наследуются. В своей лечебной практике они используют разнообразные растения, а эффективность методов определяют, советуясь с предками, что подчеркивает глубокую духовную основу их деятельности (Semenya & Potgieter, 2014). В настоящее время медицинский плюрализм стал нормой, и пациенты могут свободно выбирать между традиционными и биомедицинскими системами (Obrist & Van Eeuwijk, 2020). Особенно важным аспектом является кросс-культурное лечение, когда люди обращаются к целителям из других этнических групп. Это основано на восприятии культурной дистанции как источника силы и эффективности, что облегчает внедрение медицинских услуг (Rekdal, 1999). В современном мире традиционная медицина сталкивается с необходимостью научной проверки и защиты своих знаний. Однако процесс патентования

может привести к её маргинализации, как это произошло с растением худия в Южной Африке (Foster, 2018).

История китайской народной медицины восходит к временам неолитических культур, когда знания о здоровье и болезнях формировались на основе повседневного опыта, наблюдений за природой и анимистических верований. В те времена болезни связывались с воздействием сверхъестественных сил, а лечение включало заклинания, талисманы и ритуалы, проводимые шаманами (ву) (Schiffeler, 1976). Значительное влияние на становление теоретической основы оказали классические китайские философские концепции, сформировавшиеся в период Чжоу, включая дао, у-син и дуалистическую систему Инь-Ян (Schiffeler, 1976), где здоровье воспринималось как результат сбалансированного потока жизненной энергии (ци). Классические китайские философские концепции, возникшие в период Чжоу, оказали значительное влияние на становление теоретической основы народной медицины. К ним относятся дао, у-син и дуалистическая система Инь-Ян, где здоровье рассматривалось как результат сбалансированного потока жизненной энергии (ци). На протяжении тысячелетий эмпирические знания, такие как фитотерапия, накапливались и систематизировались, а ритуалы, связанные с приготовлением и потреблением пищи, стали ключевым механизмом передачи этих знаний между поколениями (Jovchelovitch & Gervais, 1999). Исследование китайской диаспоры в Англии подтверждает сохранение традиционных представлений в инокультурной среде, где формируется гибридное репрезентативное поле, в котором традиционные китайские концепции сочетаются с элементами западной биомедицинской модели. Выбор между практиками часто определяется соображениями эффективности и вопросами идентичности (Jovchelovitch & Gervais, 1999).

В культурной антропологии австралийской народной медицины центральное место занимает изучение традиционных лечебных практик аборигенов, которые понимаются как холистическая система,

интегрирующая физическое, эмоциональное, социальное и духовное благополучие, неразрывно связанное с землей и культурой (Dudgeon & Bray, 2017). Колонизация оказала значительное негативное влияние на эту систему, вызвав историческую травму, которая понимается как кумулятивная межпоколенческая травма (Dudgeon & Bray, 2017).

Исследования показывают, что традиционная медицина продолжает существовать в Австралии, хотя её применение варьируется в зависимости от культурных представлений о причине болезни, типа заболевания, доступности и успешности лечения (Oliver, 2013; Saethre, 2007). В ходе этнографических исследований, проведенных в удаленных общинах, в частности в общине варлпири, было выявлено, что модели обращения за медицинской помощью являются сложными (Saethre, 2007). Жители общины различают болезни, характерные для аборигенов и для белых людей. Однако на практике это различие не является строгим. Выбор лечения определяется диагнозом, социальными нормами, личным опытом и доступностью услуг (Saethre, 2007). Особое внимание в исследованиях уделяется роли женщин в традиционном врачевании, так как женщины-целители часто специализируются на вопросах здоровья женщин и играют доминирующую роль в разрешении конфликтов (Dudgeon & Bray, 2017), хотя отмечается недостаток эмпирических исследований, особенно касающихся оценки эффективности лечебных практик для женщин (Dudgeon & Bray, 2017; Oliver, 2013).

Таким образом, в рамках культурной медицинской антропологии традиционное лечение понимается как комплекс верований и практик, укорененных в долгой истории и продолжающих развиваться в современности (Johnston, 2002). Эмпирические исследования подчёркивают важность взаимоотношений в процессе исцеления, который направлен на восстановление и поддержание гармоничных связей (Moorehead et al., 2015). Использование различных медицинских систем коренными народами

не является строго фиксированным: в одних случаях практики применяются в дополнение к традиционной медицине, в других – традиционное лечение становится основным выбором, а биомедицина – альтернативным (Moorehead et al., 2015).

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что традиционные медицинские системы в современном мире обладают выдающейся адаптивностью и устойчивостью. Эта устойчивость проявляется в их способности быстро адаптироваться к новым социальным реалиям и отвечать на вызовы времени. Это подтверждается сравнительным анализом традиционных медицинских практик различных народов мира.

Механизмы адаптации традиционных медицинских систем можно выделить в нескольких направлениях. Традиционные практики демонстрируют способность интегрироваться в формальные системы здравоохранения. Это проявляется в признании роли традиционных целителей, как в Австралии, где их услуги предоставляются через государственные учреждения, в попытках модернизации и стандартизации таких систем, как аюрведа и традиционная арабская и исламская медицина по образцу доказательной медицины, а также в создании правовых рамок для их деятельности. В условиях медицинского плюрализма традиционная медицина находит свою устойчивую нишу. Она не конкурирует напрямую с биомедициной в области лечения острых состояний, а специализируется на тех областях, где биомедицина зачастую менее эффективна, например на хронических заболеваниях, психических и психосоматических расстройствах, а также на обеспечении социального и духовного благополучия. Такой принцип, основанный на холистическом подходе, обеспечивает ей постоянную востребованность. В условиях глобализации традиционные знания часто адаптируются под современные потребности. Они становятся частью здоровой индустрии и рынка органических продуктов. В постколониальных контекстах традици-

онная медицина становится ресурсом культурной идентичности и формой сопротивления глобальной медицинской гегемонии.

Дискурсы, подобные критике западной медицины со стороны Ганди или современ-

ным исламистским проектам, используют традиционные медицинские системы для утверждения культурного суверенитета и поиска альтернативных путей развития традиционной медицины.

Список литературы / References

Adib S. M. From the biomedical model to the Islamic alternative: a brief overview of medical practices in the contemporary Arab world. *Social Science & Medicine*, 2004, 58, 697–702.

Asuzu C. C., Akin-Odanye E. O., Asuzu M. C., & Holland J. A socio-cultural study of traditional healers role in African health care. *Infectious Agents and Cancer*, 2019, 14(15). <https://doi.org/10.1186/s13027-019-0232-y>

Azaizeh H., Saad B., Cooper E., & Said O. Traditional Arabic and Islamic Medicine, a Re-emerging Health Aid. *Evidence-Based Complementary and Alternative Medicine*, 2008, 5(1), 419–424.

Bagwana P. Indigenous Knowledge of Traditional Medicine: Answering the Question of Knowledge Acquisition and Transmission Among the Traditional Health Practitioners in Uganda. In: *Antropoloji*, 2017, (33), 13–32. DOI:10.1501/antro_0000000318

Barsh R. L. The Epistemology of Traditional Healing Systems. *Human Organization*, 1997, 56(1), 28–37.

Bhasin V. Medical anthropology: a review. *Studies on Ethno-medicine*, 2007, 1(1), 1–20.

Boorman C. R., & Morrison J. T. An Anthropological Analysis: The Role of Ancient Greek Medicine in Modern-Day Medical Practices. Department of Anthropology, McMaster University. 2024.

Comaroff J. Medicine and culture some anthropological perspectives. *Social Science & Medicine. Part B: Medical Anthropology*, 1978, 12, 247–254.

Comelles J. M. Da superstizione a medicina popolare: La transizione da un concetto religioso a un concetto medico. *AM. Rivista della Società Italiana di Antropologia Medica*, 1996, 1–2, 57–87.

Dudgeon P., & Bray A. Indigenous healing practices in Australia. *Women & Therapy*. 2017. <https://doi.org/10.1080/02703149.2017.1324191>

Ermakov T. K., Degtyarenko K. A., Shpak A. A., Gomonov I. S. Transformatsiia antropologii pitaniia severnykh narodov Rossii: dosovetskii, sovetetskii i postsovetetskii periody [Transformation of the nutritional anthropology of the northern peoples of Russia: pre-Soviet, Soviet and post-Soviet periods]. In: *Sibirskii antropologicheskii zhurnal [Siberian Journal of Anthropology]*, 2025, 9(3), 90–100. EDN SVRDAV.

Eyssartier C., Ladio A. H., Lozada M. Cultural Transmission of Traditional Knowledge in two populations of North-western Patagonia. In: *Journal of Ethnobiology and Ethnomedicine*, 2008, 4(25). DOI:10.1186/1746-4269-4-25

Fabrega H. Medical Anthropology. *Biennial Review of Anthropology*, 1971, 7, 167–229. <http://www.jstor.org/stable/2949229>

Foster L. A. Reinventing Hoodia: Peoples, plants and patents in South Africa. Wits University Press. 2018.

Gran P. Medical pluralism in Arab and Egyptian history: an overview of class structures and philosophies of the main phases. *Social Science & Medicine*, 13B, 339–348. 1979

Herselman S. Health Care Through a Cultural Lens: Insights from Medical Anthropology. In: *Current Allergy & Clinical Immunology*, 2007, 20(2), 62–65.

Herselman S. Health Care Through a Cultural Lens: Insights from Medical Anthropology. *Current Allergy & Clinical Immunology*, 2007, 20(2), 62–65.

Hsu E., & Potter C. Medical anthropology in Europe: shaping the field. *Anthropology & Medicine*, 2012, 19(1), 1–6.

Johnston S. L. Native American Traditional and Alternative Medicine. *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*, 2002, 583(1), 195–213.

- Jovchelovitch S., & Gervais M.-C. Social representations of health and illness: The case of the Chinese community in England. *Journal of Community & Applied Social Psychology*, 1999, 9, 247–260.
- Kapur R. L. The role of traditional healers in mental health care in rural India. *Social Science & Medicine*, 1979, 13B, 27–31.
- Khan S. Systems of medicine and nationalist discourse in India: Towards “new horizons” in medical anthropology and history. *Social Science & Medicine*, 2006, 62(11), 2786–2797.
- Khoury B., Rafeh M., & Bou Dargham Z. Traditional healing for physical and mental problems in the Arab region: past and current practices. *BJPsych International*, 2024, 21(2), 44–46.
- Kolesnik M. A., Sertakova E. A., Leshchinskaia N. M., Sitnikova A. A. Vizual'nye obrazy rastenii Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka v illiustratsiakh puteshestvennikov i etnografov XVIII–XIX vv. [Visual images of plants of the North, Siberia and the Far East in the illustrations of travelers and ethnographers of the 18th-19th centuries]. In: *Sibirskii antropologicheskii zhurnal [Siberian Journal of Anthropology]*, 2025, 9(3), 112–127. EDN UBRBUM.
- Koptseva N. P. Budushchee etnobiologii: kontseptsii A. Fernandes-Llamasaresa i I. Teixidor-Toneu [The future of ethnobiology: the concept of A. Fernández-Llamazares and I. Teixidor-Toneu]. In: *Tsifrovizatsiia [Digitalization]*, 2025b, 6(4), 8–26. EDN GIICWT.
- Koptseva N. P. Korennye prodovol'stvennye sistemy i traditsionnye znaniia korennykh narodov Severa: kontseptsii Andersa Oskala i soavtorov [Indigenous food systems and traditional knowledge of Indigenous Peoples of the North: the concept of Anders Oskal and co-authors]. In: *Tsifrovizatsiia [Digitalization]*, 2025a, 6(3), 8–37. EDN WATVOS.
- Marques B., Freeman C., & Carter L. Adapting Traditional Healing Values and Beliefs into Therapeutic Cultural Environments for Health and Well-Being. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2022, 19(1), 426.
- Moorehead V. D., Jr., Gone J. P., & December D. A Gathering of Native American Healers: Exploring the Interface of Indigenous Tradition and Professional Practice. *American Journal of Community Psychology*, 2015, 56(3–4), 383–394.
- Nichter M. Paying for what ails you: Sociocultural issues influencing the ways and means of therapy payment in South India. *Social Science & Medicine*, 1983, 17(14), 957–965.
- Obrist, B., & Van Eeuwijk, P. Medical Anthropology in, of, for and with Africa: Three Hotspots. *Medical Anthropology*. 2020. <https://doi.org/10.1080/01459740.2020.1734929>
- Oliver S. J. The role of traditional medicine practice in primary health care within Aboriginal Australia: a review of the literature. *Journal of Ethnobiology and Ethnomedicine*, 2013. 9:46. <http://www.ethnobiomed.com/content/9/1/46>
- Pimenova N. N., Kolesnik M. A., Vologodskii R. S. Pishchevye rasteniia severnykh territorii Krasnoyarskogo kraia [Edible plants of the northern territories of Krasnoyarsk Krai]. In: *Severnye Arkhivy i Ekspeditsii [Northern Archives and Expeditions]*, 2025, 9(3), 39–52. EDN OIDVFS.
- Press I. Urban Folk Medicine: A Functional Overview. *American Anthropologist*, 1978, 80(1), 71–84.
- Rekdal O. B. Cross-Cultural Healing in East African Ethnography. *Medical Anthropology Quarterly*, 1999, 13(4), 458–482.
- Saethre E. J. Conflicting traditions, concurrent treatment: Medical pluralism in remote Aboriginal Australia. *Oceania*, 2007, 77, 95–108.
- Schiffeler J. W. The origin of Chinese folk medicine. *Asian Folklore Studies*, 1976, 35(1), 17–35.
- Semenya S. S., & Potgieter M. J. Bapedi traditional healers in the Limpopo Province, South Africa: Their socio-cultural profile and traditional healing practice. *Journal of Ethnobiology and Ethnomedicine*, 2014, 10(4). <http://www.ethnobiomed.com/content/10/1/4>
- Sharma K. Herbal pharmacopeias: Bridging ancient traditions, nanotechnological innovation, and global regulatory cohesion for equitable healthcare. In: *Pharmacological Research-Natural Products*, 2025, 8, 100301.
- Singer M., Erickson P. I. (Eds.). *A Companion to Medical Anthropology*. Malden, Wiley-Blackwell, 2011. 533.

Suleimanov A. A. “Zapasaya vprok”: k voprosu ob osnovnykh napravleniiakh i praktikakh ispol’zovaniia konserviruiushchikh svoistv kriogennykh resursov v Iakutii v kontse XIX – pervoi polovine XX vv. [“Storing in advance”: on the main directions and practices of using the preserving properties of cryogenic resources in Yakutia in the late 19th – first half of the 20th centuries]. In: *Severnye Arkhivy i Ekspeditsii* [Northern Archives and Expeditions], 2025, 9(3), 30–38. EDN JTCNJD.

Winkelman M. *Culture and health: Applying medical anthropology*. John Wiley & Sons. 2008.

Wujastyk D. Interpreting the image of the human body in premodern India. *International Journal of Hindu Studies*, 2009, 13(2), 189–228.

EDN: JAOVFI
УДК 392:615.89(=511.2)

Ethnocultural Features of the “Treatment” of the Samoyedic Peoples

Maria A. Kolesnik* and Maria I. Bukova

*Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Received 01.12.2025, received in revised form 28.12.2025, accepted 16.01.2026

Abstract. This article explores the traditional medical beliefs of the Samoyedic peoples – the Nenets, Enets, Selkups, and Nganasans. It analyzes their ethnic concepts of disease origins, therapeutic and preventative practices, including the use of animal and plant remedies, and the healing functions of shamanism. It identifies distinctive features of the interpretation of the causes, treatment methods, and prevention of diseases in the cultures of these peoples, emphasizing the shared ethnocultural significance of understanding these processes for working with the identity of the indigenous peoples of the North.

Keywords: indigenous peoples, medicinal plants, peoples of the North, Samoyed peoples, traditional medicine, shamanism, ethnomedicine.

Research area: Theory and History of Culture, Art.

The study was supported by the grant of the Russian Science Foundation No. 25–18–20096, <https://rscf.ru/project/25–18–20096/>, grant from the Krasnoyarsk Regional Science Foundation.

Citation: Kolesnik M.A., Bukova M.I. Ethnocultural Features of the “Treatment” of the Samoyedic Peoples. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2026, 19(2), 282–291. EDN: JAOVFI

Этнокультурные особенности «лечения» самодийских народов

М.А. Колесник, М.И. Букова

Сибирский федеральный университет
Российская Федерация, Красноярск

Аннотация. В статье исследуются традиционные медицинские воззрения самодийских народов – ненцев, энцев, селькупов и нганасан. Анализируются их этнические концепции происхождения заболеваний, терапевтические и профилактические практики, включая применение средств животного и растительного происхождения, а также целительные функции шаманизма. Выявляются отличительные черты трактовки причин, методов лечения и профилактики болезней в культуре этих народов, подчеркивается общая этнокультурная значимость понимания этих процессов с точки зрения работы с идентичностью коренных малочисленных народов Севера.

Ключевые слова: коренные народы, лекарственные растения, народы Севера, самодийские народы, традиционная медицина, шаманизм, этномедицина.

Научная специальность: 5.10.1. Теория и история культуры, искусства.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25–18–20096, <https://rscf.ru/project/25-18-20096/>, гранта Красноярского краевого фонда науки.

Цитирование: Колесник М. А., Букова М. И. Этнокультурные особенности «лечения» самодийских народов. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2026, 19(2), 282–291. EDN: JAOVFI

Введение

Исследование традиционных практик «лечения», традиционной медицины у коренных народов в современном научном мире вызывает большой интерес, причем если в этнографических трудах прошлых столетий об этой части культуры аборигенных народов писали как о некой экзотике, со значительной долей скепсиса в отношении эффективности таких практик в излечении больного, то сегодня отношение ко всему со стороны ученых кардинально изменилось. Способы «лечения», которые не вписываются в рамки представлений медицинской науки, порой отличающиеся крайней необычностью и иррациональностью, теперь рассматриваются учеными со всей серьезностью. Вообще о традиционной медицине принято рассуждать не как об отдельной части культуры коренных народов, а как о взаимосвязанной

с религией, мифологическими представлениями, установленными социальными связями и психологическими особенностями этих народов.

Изменившийся статус традиционной медицины зафиксирован в целом ряде документов международного уровня. Во-первых, можно отметить, что в «Декларации Организации Объединенных Наций о правах коренных народов» в статье 24 зафиксировано, что за коренными народами всего мира закрепляется право на использование на практике и сохранение своей традиционной медицины (Organizatsiia Ob»edinennykh Natsii, 2007). Всемирная организация здравоохранения (WHO) в 2024 г. приняла «Пекинскую декларацию Всемирной конференции по традиционной медицине 2024 года» (WHO, 2024), в которой содержится призыв к исследованию практик традиционной медицины, а также

интеграции ее в существующие сегодня системы здравоохранения.

Целью настоящей статьи является определение специфики понимания причин возникновения, лечения и профилактики болезней в традиционной медицине самодийских народов.

Степень изученности темы

К теме традиционной медицины и способов лечения у коренных народов Севера обращаются такие авторы, как И. В. Ильина (Irina, 2008), А. А. Ситникова и А. В. Кистова (Sitnikova, Kistova, 2025), М. С. Копцева и С. О. Зотов (Koptseva, Zotov, 2025), Н. М. Лещинская и Е. А. Сертакова (Leshchinskaia, Sertakova, 2025), В. В. Подмаскин (Podmaskin, 2024), В. А. Бахтин (Bakhtin, 2022), Ю. А. Стадник (Stadnik, 2024). Вообще к теме традиционных знаний коренных народов можно отметить большой интерес современных исследователей (Koptseva N. P., Degtyarenko K. A., Ermakov, T. K., Seredkina, 2025; Koptseva, 2025a; Koptseva, 2025b).

Ряд авторов подчеркивает, что особенностью традиционной медицины коренных народов является не только то, что определенные практики врачевания направлены на физическую сторону, но также имеют и обязательную духовную составляющую (Deagle, 1988; Voldina, 2017; Stepanova, 2024b; Pashkova, 2024). В статье авторов Ю. В. Бромлея и А. А. Воронова обозначены такие особенности традиционной медицины, которые являются предметом интереса для этнографических исследований, как фармакотерапия, а также наличие психотерапии, принимающей облик магии, в способах лечения, сочетание рационального и иррационального в представлениях о причинах болезней (Bromley, Voronov, 1976). В. И. Харитоновна обращает внимание на то, что медицинские знания коренных народов отчасти являются знаниями сакральными и, соответственно, к ним необходим особый подход в процессе изучения (Kharitonova, 2010).

Способы лечения болезней у самодийских народов описаны в научных публикациях таких авторов, как Г. П. Харючи

(Khariuchi, 2012; Khariuchi, 2015), В. И. Сподина (Spodina, 2018; Spodina, 2017), О. Б. Степанова (Stepanova, 2024a; Stepanova, 2024b, Stepanova, 2022), Б. И. Василенко (Vasilenko, 1997).

Материалы и методы исследования

В рамках настоящего исследования необходимо провести аналитический обзор существующей научной литературы, в которой, так или иначе, затрагиваются вопросы народной медицины самодийских народов, с целью определения основных представлений о причинах болезней в контексте религиозной и мифологической картин мира, определения и классификации методов лечения, а также способов предотвращения болезней в культуре каждого отдельного этноса.

Необходимым также является обращение к этнографическим материалам XVIII–XX вв., в которых даны описания приемов лечения, а также функций шамана в обществе у самодийских народов.

Обсуждение

Этнокультурные особенности «лечения» у ненцев, энцев, нганасан и селькупов будут рассмотрены по таким пунктам, как представления о происхождении болезней, способы лечения болезней в традиционной медицине этих народов, использование средств животного и растительного происхождения в лечении, роль и функции шаманов в процессе лечения.

Ненцы

В этнографических трудах встречаются описания того, как ненцы понимали причины возникновения тех или иных болезней. А. И. Шренк в своем «Путешествии к Северо-Востоку Европейской России» в описании тех болезней, которыми страдает самоедское население, в том числе фиксирует народные представления о причинах их возникновения. Например, об олицетворении невидимой глазу болезни в образе червя, терзающего больного, поскольку ему необходимо проложить свои пути в теле человека, подобно червя,

обитающему в земле (Schrenk, 1855: 492). Причем в таких случаях предполагается помощь шамана и духов, с которыми он общается: «Для этого тадиб предварительно начинает бить в свой пензер и вызывает тадебциев, вероятно, с намерением узнать, в какой части тела червяк находится, и вызвать его под кожу; потом приказывает пациенту обнажить какую-нибудь часть тела, делает на ней разрез и вынимает из раны червяка, который, как говорят самоеды, нередко еще сильно шевелится» (Schrenk, 1855: 492). Затем шаман разрезает вынутого червя на части и либо съедает его целиком, либо одну половину его съедает, а вторую бросает в огонь.

В культуре ненцев возможными причинами болезней выступает ряд причин, в основном имеющих сверхъестественную природу. В их пантеоне присутствует множество духов, способных вызвать болезни у людей, похищать их души, также провоцируя заболевания. Но также болезни могут насыпать и сами люди с помощью проклятий. Некоторые недуги, например травмы или психические заболевания, считаются результатом неправильных поступков человека (Khariuchi, 2014, Khariuchi, 2015). Так или иначе, любая болезнь может трактоваться как результат воздействия сверхъестественных сил либо как результат нарушения правил и запретов, как, например, это может быть в случае даже наследственных болезней, которые являлись следствием неправильно заключенных браков (Khariuchi, 2014; Chebotaeva, Gardamshina, 2006). В рамках такого видения иррациональный подход к «лечению» больного видится вполне обоснованным. Именно на эту сторону традиционной медицины коренных народов Севера обращают внимание многие исследователи. Например, Г.П. Хариучи посвящает теме иррациональных практик в традиционной медицине ненцев целую статью (Khariuchi, 2015). К таковым она относит разного рода магические действия, соблюдение определенных запретов, жертвоприношения, окуливания, ношение оберегов, проведение специальных обрядов и, конечно же, камлание шаманов.

Важнейшую роль в излечении больных в ненецкой культуре играли шаманы. Этнографические материалы предоставляют достаточно много свидетельств того, насколько был высок авторитет шамана в этнических сообществах, а также описывают практики лечения, проводимые ими.

В.А. Иславин, изучавший в XIX в. ненцев, проживавших в западной части Севера Российской империи, в своем труде «Самоеды в своем домашнем и общественном быту» (Islavin, 1847) дает краткую характеристику того, какие болезни и каким образом было принято лечить в их среде. В частности, он пишет о том, что цинга среди ненцев не распространена, что связывает с обычаем в их культуре употреблять оленью кровь в пищу. Что же касается таких болезней, как горячки и лихорадки, то их лечат по большей части с помощью искусства шамана (Islavin, 1847: 125).

А.В. Хомич в своей монографии пишет о ненецких шаманах, которые делились на категории в соответствии с выполнением определенных функций. Например, *выдуптана* лечили разных больных, включая и тяжелобольных, тогда как *я'няны табедя* (связанные с духами земли шаманы) специализировались на лечении легкобольных, а также помогали в процессе затяжных родов (Khomich, 1966: 212). Также А.В. Хомич дает общую характеристику того, как происходят камлания: в чуме больного в любое время в присутствии всех желающих происходило облачение шамана в костюм, после чего он начинал бить в бубен, начинал общение с духами, задавая им вопросы в связи с тем поводом, по которому совершается камлание (могли быть и другие варианты, когда шаман путешествовал в мир духов, или же в него вселялись духи). В этом путешествии он мог обнаружить душу больного, также он мог объявить о необходимости жертвы кому-то из духов, которую необходимо было совершить сразу по окончании камлания (Khomich, 1966: 215–216).

Во время камланий шаманы впадали в транс, для чего они часто употребляли

с водой мелко покрошенные сушеные мухоморы, для усиления эффекта могли жевать их вместе с табаком. Для самих же больных, в большей степени для усиления психологического воздействия на них, использовали багульник и чагу, которые при сжигании выделяли сильные ароматы (Chebotaeva, Gardamshina, 2006).

А. И. Шренк упоминает способ лечения ревматизма, воспаления глазных век и другого рода воспалений, принятый у шаманов, заключающийся в сжигании на теле больного ядны (имеется в виду чага) с целью образования на нем раны, которая должна была отвлекать «дурные соки с больной части тела, доставляя пациенту облегчение» (Schrenk, 1855: 493).

Н. А. Чеботаева и М. И. Гардамшина в своей статье по традиционной медицине ненцев отмечают, что практики лечения шаманов отличаются комплексным подходом: это опора на знания физиологии, анатомии и психологии человека, это умелый подбор различных лекарственных растений, такие приемы, как массаж и прижигания (Chebotaeva, Gardamshina, 2006).

В монографии А. В. Головнёва (Golovnev, 1995) подробно описаны случаи жертвоприношения собаки в случаях тяжелого течения болезней, таких, например, как цинга, а также при трудных родах. Связано это с представлением об особом ее положении в мифологической картине мира ненцев: собака причастна Нижнему миру, она связана с духами этого мира, и через нее на человека могут обрушиться болезни. Принесение ее в жертву, т. е. отправление в Нижний мир, является своеобразным откупом от болезней (Golovnev, 1995: 401–404). Подобные практики встречаются также и у соседей ненцев – энцев и нганасан.

Однако легкие и неопасные для человека болезни, причина которых имела очевидную природу, лечили самостоятельно, прибегая к лекарственным растениям, которые употребляли в виде настоек, порошков и отваров, а также в виде мазей (смешивали растения с животным жиром) (Chebotaeva, Gardamshina, 2006).

Энцы

Народность, до 1930-х годов известная как «енисейские самоеды», уже с XVIII в. сильно ассимилировала с ненцами и селькупам, и часть их представлений о причинах и способах лечения болезней схожи с двумя этими народностями. Территориально принято делить энцев на «тундровых» и «лесных» (Aksyanova, Vasiliev, Tikhonova, 2005). В целом представления о здоровье физическом и ментальном у энцев обуславливаются мифологическим мышлением: так, например, как и в представлении селькупов, у энцев болезнями наделяет злой дух и его помощники-духи (чаще всего – в момент незащищенности человека, например, сна); так же, как и у селькупов, ненцев и нганасан, одним из способов излечения считается принесение жертвы (олень или собака). Примечательно, что «сила» оленя буквально подтверждается тем, что вплоть до XIX в. энцы употребляли в пищу сырое мясо и свежую оленью кровь – это стало сильнейшей профилактикой цинги. Разнообразные болезни становились сверхъестественными существами, приобретали в представлениях энцев облик духа (например, корь была «человеком красного цвета»). Состояние здоровья человека зависело от состояния его парциальных душ: у каждого отдельного органа тела есть свой «хозяин», особо важные – органы дыхания, зрения, кровь. При заболевании какого-либо органа тела на больную часть накладывали металлическое изображение антропоморфной фигурки (*каха*). Магические семейные духи-каха, как и многие другие духи, могли масштабироваться в размерах, превращаться в нечто иное (более сильное) – например, становиться целым защитным порталом (обряд «каменных ворот»), через который шаман уводил род от болезней в предстоящем году; затем ворота «блокировались» оленьей шкурой или каменной плитой. Бороться с недугами было прерогативой шаманов. Существует представление о так называемом земном шамане, своего рода помощнике «небесного шамана», который в процессе камланий «небесного (или «большого») шамана вто-

рил его песням и тем самым лечил болезни (Tikhonova, 2005).

Нгансаны

Для исследования вопросов, связанных с традиционными медицинскими практиками нганасан, большое значение имеет собранный учеными-этнографами фольклорный материал (Dobzhanskaya, 2020), в котором отражены представления о причинах и возможных способах избегания тех или иных болезней. Исследователь О.Э. Добжанская также подчеркивает, что новые, неизвестные прежде болезни включались в существующую у нганасан систему мировоззрения, одухотворялись (как, например, Оспа), что позволяло проводить определенные обряды и ритуалы для их изгнания (Dobzhanskaya, 2020).

Вообще же все способы лечения болезней у нганасан тесно связаны с их религиозно-мифологическими представлениями об устройстве мира в целом и человека как его части. В данном случае необходимо иметь в виду, что у человека в их представлении имеются разного типа души: ведающая психическими функциями, которая имеет способность воплощаться в отдельном человеке, после его смерти возвращаться на небо, затем снова получать новое воплощение; душа, отвечающая за основные функции жизнедеятельности человека; кровь также понимается в культуре нганасанов как душа, содержащая в себе жизненное начало. Тень также воспринимается нганасанами как одна из душ, имеющих у человека (Роров, 1976). А.А. Попов также указывает на то, что в их культуре есть представление о парциальных душах – своеобразных хозяевах внутренних органов человека, также особенно выделяются глаза-души. Болезнь, по замечанию исследователя, является в культуре нганасан результатом нарушения целостности комплекса душ.

Деятельность нганасанских шаманов по излечению больного по большому счету заключается в том, что они должны вернуть похищенную баруси (злым духом) душу, укрепив другую душу, которая

в представлениях этого народа может быть описана как нити, связывающие человека с верхним миром, визуально представить которые можно как пар, выходящий изо рта (Роров, 1976).

Интересно, что у нганасан есть сходное с ненцами представление о болезни-черве, правда уже в отношении тех недугов, которые причиняют вполне видимый и осязаемый ущерб телу больного: разного рода кожные заболевания объяснялись тем, что колыча забирался и грыз человека. В этом случае могли использовать койка, прикладывая его к телу больного, с целью притянуть болезнь, могли позвать шамана, который действовал либо аналогично со своими койка, либо, в особо тяжелых случаях, высасывал червя из тела (Grachev, 1976: 55).

Даже сильные шаманы не могли противостоять таким болезням, как чума и оспа. В этих случаях больных оставляли на произвол судьбы, но оставшиеся, покинувшие кочевье, должны были обязательно соблюдать ряд предписаний, чтобы ни в коем случае страшная болезнь на них не перекинулась (Gracheva, 1976: 58).

У Миддендорфа есть интересное замечание об отношении родных к своим заболевшим родственникам у самоедов: «Мне неоднократно приводилось видеть величайшую заботливость о больных родичах, доказательства нежнейшей любви к детям, которая на европейский манер выражается в нежном целовании. Однажды отец, держа больного ребенка на руках, с выражением самой искренней заботливости о нем, упрашивал меня помочь больному. Находясь далеко от чумы и от походной аптеки моей, я старался объяснить ему, что ничего не могу сделать для него, но он стал совершенно другим человеком, когда я, уступая его настойчивым просьбам, «наложил руку мою на ребенка», потому что ощупывание пульса они принимали за существенную часть лечения» (Middendorf, 1860–1878: 687). Видимо, это является свидетельством особого отношения к докторам как своеобразным шаманам, что позже было зафиксировано А.А. Поповым, когда он пишет о случаях восприятия излечения профес-

сиональными докторами больных за счет сильно пахнувших лекарств, а вовсе не их фармакологических свойств (Роров, 1976: 36). Здесь же А. А. Попов пишет следующее: «Во время эпидемии кори меня неоднократно просили возложить руку на больного. Это делали отнюдь не вследствие того, что считали меня шаманом или колдуном, а потому, что я, как русский, имел дурной запах и мог этим отогнать духов болезни» (Роров, 1976: 36).

Селькуны

С середины XVII в. началась массовая христианизация народности, однако и в XIX в. часть населения по-прежнему поклонялась языческим богам, и лечение физических и ментальных недугов считалось делом шаманов, а не медицины: именно шаманы выступали проводниками между духами и простыми смертными, а недуги случаются вследствие сложных отношений мира духов и мира людей. Интерес представляют «педиатрические» обряды (подробно описаны в издании «Народы Западной Сибири»): для младенцев после появления у них зубов (считалось, что именно теперь ребенок защищен перед злыми духами-*лозами*) изготавливали «куклу» – индивидуального духа-покровителя, и если ребенок заболел, духу делали подношения (шили одежду, если болел живот, обувь, если поранил ногу). Целебным для ребёнка свойством обладало, по поверьям, и свадебное платье матери (в случае болезни в него заворачивали младенца). В отношении взрослых есть как прагматичные причины заболеваний (например, есть указания на то, что малярия («лихоманка»), по представлениям нарымских остяков в начале XX века, могла возникнуть вследствие употребления в пищу щук (Tuchkova, 2005: 350), так и причины, базирующиеся на представлениях о семи парциальных душах человека. Одну из этих душ (способную ненадолго покидать тело – во сне, в трансе) может украсть шаман чужого рода или злые духи (души покойников) – и в таком случае человек заболевает.

О.Б. Степанова уже более подробно в ряде своих исследовательских статей классифицирует существующие у селькупов причины болезней на три типа: причиняемые злыми кознями мелких (иногда антропоморфных) духов или их слуг («серемка», «червь», «божье мученье»), проникающих глубоко в тело человека; случающиеся вследствие кражи шаманом или духом одной из душ и происходящие вследствие нарушения целостности души человека, её истончения и заканчивающегося дыхания (Stepanova, 2022; Stepanova, 2024a, Stepanova, 2024b). По некоторым упоминаниям, вплоть до начала XX века бытовала практика нанесения на части тела татуировок с защитными от болезней узорами (Pelikh, 1972: 133) – они располагались на лице, иногда на руках и ногах, но чаще всего именно в районе тех органов, через которые болезнь могла проникнуть в тело человека.

Так или иначе, онтологическая причина болезни – неуважение человеком духов, что может повлечь за собой болезни не только самого неуважающего, но и его потомков. Можно отметить превалирование мифологического мышления над критическим анализом реальных медицинских практик: и в начале XXI века болезни лечатся камланиями шамана («лечебные шаманы») – «червей» шаман буквально «выкусывал» из больного места человека, предъявляя извлеченный из собственного рта волос, кишку, червяка. Более сложная ситуация – когда душу пытается похитить и увести в царство мёртвых посторонний (злой) дух или дух тоскующего родственника. В таком случае шаман вступал в переговоры, задабривал духа, могли приноситься жертвы (дух болезни «привязывался» к оленю или вселялся в специально приготовленное для него изображение). В случае самостоятельного лечения семья больного совершала обряд жертвоприношения домашним духам. Длительное по времени неблагоприятное отношение к медицинским практикам (некачественная вакцинация, несоблюдение правил гигиены) обусловлено превалированием мифологического сознания и непони-

манием физиологических и биологических причин распространения болезней.

Заключение

Традиционная медицина коренных народов Севера представляет собой сложную систему знаний и практик, неразрывно связанную с мифологическими представлениями, религиозными верованиями и социально одобряемыми нормами. Анализ этнографических и современных исследований показывает, что причины болезней интерпретируются преимущественно как действие духов (часто – вследствие нарушения человеком установленных запретов), проникновения одного мира в другой. Лечебные практики, включающие шаманские камлания, жертвоприношения, использование природных средств и магические ритуалы, направлены на восстановление или примирение отношений между человеком

и сверхъестественным миром. Важную роль в этих практиках играют шаманы, чье воздействие воспринимается как ключевое условие успешного излечения. Необходимо отметить тонкое знание и умение самодийских народов применять в лечении недугов те относительно скудные природные средства (растительного и животного происхождения), которые имеются у них в распоряжении. Весь накопленный опыт в области применения природных средств в лечении болезней неразрывно связан с традиционными формами ведения хозяйства. Современное научное сообщество признает культурную значимость таких традиций и подчеркивает необходимость их изучения и бережного сохранения как части нематериального наследия коренных народов, в том числе в целях современного конструирования самоидентичности этих народов.

Список литературы / References

- Aksyanova G. A., Vasiliev V. I., Tikhonova M. V. Ents. Obshchie svedeniia. Etnicheskaiia istoriia. [Enets. General information. Ethnic history]. In: *Narody Zapadnoi Sibiri: Khanty. Mansi. Sel'kupy. Nentsy. Ents. Nganasany. Kety. [Peoples of Western Siberia: Khanty. Mansi. Selkups. Nenets. Enets. Nganasans. Kets]*. M., 2005, 486–492.
- Bakhtin V. A. Etnomeditcina kak sotsiokul'turnyi fenomen [Ethnomedicine as a sociocultural phenomenon]. In: *NOMOTHETIKA: Filosofii. Sotsiologii. Pravo [NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law]*, 2022, 47(4), 830–838.
- Bromley Yu. V., Voronov L. A. Narodnaia meditsina kak predmet etnograficheskikh issledovani [Traditional medicine as a subject of ethnographic research]. In: *Sovetskaiia etnografiia [Soviet Ethnography]*, 1976, 5, 3–18.
- Chebotaeva N. A., Gardamshina M. I. Lesnye nentsy. Traditsionnai a meditsina [Forest Nenets. Traditional medicine]. In: *Nauka iz pervykh ruk [Science First Hand]*, 2006, 4. https://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/430365/Lesnye_nentsy_Traditsionnaya_meditsina?ysclid=mild3i3u8l578139855 (accessed 25 November 2025).
- Deagle G. Traditional west coast native medicine. In: *Canadian Family Physician*, 1988, 34, 1577.
- Dobzhanskaya O. E. Skazanie pro ospu (bolezni i epidemii v povestvovatel'nom fol'klore nganasan) [A Tale of Smallpox (Diseases and Epidemics in the Narrative Folklore of the Nganasans)]. In: *Nauchnyi vestnik Arktiki [Scientific Bulletin of the Arctic]*. 2020, 9, 50–55.
- Golovnev A. V. Govoriashchie kul'tury: traditsii samodiitsev i ugrov [Speaking cultures: traditions of the Samoyeds and Ugrians]. Ekaterinburg, 1995, 607.
- Gracheva G. N. Chelovek, smert' i zemlia mertvykh u nganasan [Man, Death and the Land of the Dead among the Nganasans]. In: *Priroda i chelovek v religioznykh predstavleniiakh narodov Sibiri i Severa (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [Nature and man in the religious beliefs of the peoples of Siberia and the North (second half of the 19th – early 20th centuries)]*, Leningrad, 44–66.
- Ilyina I. V. Traditsionnaia meditsinskaia kul'tura narodov Evropeiskogo Severo-Vostoka (konets XIX–XX vv.) [Traditional medical culture of the peoples of the European North-East (late 19th – 20th

centuries)]. Syktyvkar, 2008, 225. <http://i.uran.ru/nasledie/content/tradicionnaya-medicinskaya-kultura-narodov-evropeyskogo-severo-vostoka-konec-xix-xx-vv> (accessed 25 November 2025).

Islavin V. A. *Samoeđy v domashnem i obshchestvennom bytu [Samoyeds in Domestic and Public Life]*. St. Petersburg, 1847, 142.

Kharitonova V. I. Rabota s sakral'nymi znaniiami i praktikami: metodiko-metodologicheskii aspekt [Working with sacred knowledge and practices: methodological aspect]. In: *Etnograficheskoe obozrenie [Ethnographic review]*, 2010, 3, 7–21.

Kharyuchi G. P. Irratsional'nye sposoby profilaktik i lecheniia v narodnoi meditsine nentsev [Irrational methods of prevention and treatment in Nenets folk medicine]. In: *Meditsinskaia antropologiya, problemy, metody, issledovatel'skoe pole. Sb. Statei [Medical anthropology, problems, methods, research field. Collection of articles]*. M., 2015, 182–194.

Kharyuchi G. P. Traditsionnye predstavleniia nentsev o bolezniakh, mery predotvrashcheniia i narodnye metody lecheniia [Traditional beliefs of the Nenets about diseases, preventive measures and folk methods of treatment]. In: *Rossiyskii Sever i severiane: sreda-ekologiya-zdorov'e. Nauchnyi vestnik Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga [Russian North and northerners: environment-ecology-health. Scientific Bulletin of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug]*, 2012, 1(74), 46–52.

Khomich L. V. *Nentsy: Istoriko-etnograficheskie ocherki [Nenets: Historical and Ethnographic Essays]*. M.-Leningrad, 1966, 339.

Koptseva M. S., Zotov O. S. Osobennosti etnofarmakologii tunguso-man'chzhurskikh narodov [The Ethnopharmacological Features of the Tungus-Manchu Peoples]. In: *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Gumanitarnye nauki [Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences]*, 2025, 18(7), 1260–1269. EDN: AMVRHT

Koptseva N. P. Kontsepsiia effektivnoi integratsii sistem znaniia korennykh narodov i «sovremennykh» sistem znaniia (S. Dittokh) [The concept of effective integration of indigenous knowledge systems and «modern» knowledge systems (S. Dittokh)]. In: *Tsifrovizatsiia [Digitalization]*, 2025a, 6(2), 8–32. EDN BAVCXA

Koptseva N. P. Korennye znaniia Arktiki: kontsepsiia Stivena Bokinga [Indigenous knowledge of the Arctic: the concept of Stephen Bocking]. In: *Aziia, Amerika i Afrika: istoriia i sovremennost' [Asia, America and Africa: History and Modernity]*, 2025b, 4, (2(11)), 6–55. DOI 10.31804/2782–540X-2025–4–2–6–55. EDN LSZXYZ

Koptseva N. P., Degtyarenko K. A., Ermakov, T. K., Seredkina N. N. Turukhanskii ekspeditsii 1905 g. v materialakh Krasnoyarskogo podotdela Vostochnosibirskogo otdela Russkogo geograficheskogo obshchestva [Turukhansk expeditions of 1905 in the materials of the Krasnoyarsk subdivision of the East Siberian department of the Russian Geographical Society]. In: *Bylye Gody [Bylye Gody]*, 2025, 20(3), 1591–1602. DOI 10.13187/bg.2025.3.1591. EDN HQWARZ

Leshchinskaia N. M., Sertakova E. A. Etnicheskaia meditsina tunguso-man'chzhurskikh narodov Dal'nego Vostoka [Ethnic Medicine of the Tungus-Manchu Peoples of the Far East]. In: *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Gumanitarnye nauki [Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences]*, 2025, 18(7), 1312–1320. EDN: KTFAUN

Middendorf A. (1860–1878). *Puteshestvie na sever i vostok Sibiri. CH. 2. Sever i vostok Sibiri v estestvennoistoricheskom otnoshenii. Korennye zhiteli Sibiri [Journey to the North and East of Siberia. Part 2. The North and East of Siberia in Natural History. Natives of Siberia]*. SPb., 571–833.

Organizatsiia Ob'edinennykh Natsii. Deklaratsiia Organizatsii Ob'edinennykh Natsii o pravakh korennykh narodov [United Nations Declaration on the Rights of Indigenous Peoples]. 2007. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml?ysclid=miac3l8pp3612814092 (accessed 25 November 2025).

Pashkova T. V. Religiozno-mifologicheskie vozzreniia karelov na bolezni ospu, krasnukhu, kor' i vetrianku [Religious and mythological views of the Karelians on smallpox, rubella, measles and chickenpox]. In: *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii [Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography]*, 2024, 1(64), 151–158.

Pelikh G.I. *Proiskhozhdenie sel'kupov [Origin of the Selkups]*. Tomsk, 1972, 427.

Podmaskin V.V. Narodnye znaniia o s'edobnykh, tselebnykh i iadovitykh gribakh tungusoman'chzhurov i paleoaziatov v istoriko-kul'turnoi traditsii vtoroi poloviny XIX – pervoi chetverti XXI v. [Folk knowledge about edible, medicinal and poisonous mushrooms of the Tungus-Manchus and Paleo-Asians in the historical and cultural tradition of the second half of the 19th – first quarter of the 21st century]. In: *Rossiiia i ATR [Russia and Asia Pacific Region]*, 2024, 4, 125–147.

Popov A. A. Dusha i smert' po vozzreniiam nganasanov [Soul and death according to the views of the Nganasans]. In: *Priroda i chelovek v religioznykh predstavleniiakh narodov Sibiri i Severa (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [Nature and man in the religious beliefs of the peoples of Siberia and the North (second half of the 19th – early 20th centuries)]*, Leningrad, 1976, 31–43.

Shrenk A.I. *Puteshestvie k severo-vostoku evropeyskoi Rossii chrez tundry samoedov k Severnym Ural'skim goram, predpriniatoe v 1837 godu Aleksandrom Shrenkom [Journey to the northeast of European Russia through the Samoyed tundra to the Northern Ural Mountains, undertaken in 1837 by Alexander Shrenk]*. SPb., 1855, 665.

Sitnikova A. A., Kistova A. V. Etnicheskie znaniia evenkov Krasnoiarskogo kraia v oblasti meditsiny [Ethnic Knowledge of the Krasnoyarsk Krai Evenks in the Field of Medicine.]. In: *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Gumanitarnye nauki [Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences]*, 2025, 18(7), 1270–1279. EDN: GLEMEI

Spodina V.I. Nekotorye traditsionnye somaticheskie predstavleniia obskikh ugrov i samodiitsev [Some traditional somatic representations of the Ob Ugrians and Samoyeds]. In: *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy [Yearbook of Finno-Ugric Studies]*, 2017, 3, 119–137.

Spodina V.I. Predstavlenie o raznovidnostiakh boli v traditsionnom mirovozzrenii obskikh ugrov i samodiitsev [The concept of types of pain in the traditional worldview of the Ob Ugrians and Samoyeds]. In: *Izvestiia Komi nauchnogo tsentra URO RAN [Bulletin of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences]*, 2018, 1(33), 80–86.

Stadnik Yu. A. Kinetika ludei kak lechebno-magicheskoe sredstvo v etnokul'turakh [Kinetics of people as a healing and magical tool in ethnocultures]. In: *Vestnik antropologii [Bulletin of Anthropology]*, 2024, 4, 331–339.

Stepanova O.B. Gigienicheskie traditsii sel'kupov [Hygienic traditions of the Selkups]. In: *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istoriia [Bulletin of Perm University. Series: History]*, 2022, 1(56), 86–95.

Stepanova O.B. Narodnaia meditsina severnykh sel'kupov [Traditional medicine of the Northern Selkups]. In: *Vestnik antropologii [Bulletin of Anthropology]*, 2024a, 2, 263–276.

Stepanova O.B. Predstavleniia o bolezni i smerti i magicheskie lechebnye praktiki u sel'kupov [Concepts of illness and death and magical healing practices among the Selkups]. In: *Narody i religii Evrazii [Peoples and religions of Eurasia]*, 2024b, 1, 80–90.

Tikhonova M. V. Ents'y. Mirovozzrenie i kul'ty. [Enets. Worldview and Cults]. In: *Narody Zapadnoi Sibiri: Khanty. Mansi. Sel'kupy. Nentsy. Ents'y. Nganasany. Kety. [Peoples of Western Siberia: Khanty. Mansi. Selkups. Nenets. Enets. Nganasans. Kets]*. M., 2005, 531–539.

Tuchkova N. A. Sel'kupy. Material'nayia kul'tura [Selkups. Material Culture]. In: *Narody Zapadnoi Sibiri: Khanty. Mansi. Sel'kupy. Nentsy. Ents'y. Nganasany. Kety. [Peoples of Western Siberia: Khanty. Mansi. Selkups. Nenets. Enets. Nganasans. Kets]*. M., 329–350.

Vasilenko B.I. *Narodnaia meditsina nentsev Iamala [Traditional Medicine of the Nenets of Yamal]*. Salekhard, 1997, 100.

Voldina T.V. Meditsinskaia antropologiya kak perspektivnoe napravlenie v izuchenii dukhovnoi kul'tury obskikh ugrov [Medical anthropology as a promising direction in the study of the spiritual culture of the Ob Ugrians]. In: *Problemy i perspektivy sotsial'no-ekonomicheskogo i etnokul'turnogo razvitiia korennykh malochislennykh narodov Severa [Problems and prospects of socio-economic and ethnocultural development of indigenous peoples of the North]*, 2017, 6–16.

WHO. *Beijing Declaration of 2024 World Conference on Traditional Medicine*. 2024. <https://iris.who.int/bitstream/handle/10665/312342/9789241515436-eng.pdf?sequence=1> (accessed 25 November 2025).

EDN: KILZYT
УДК 398.8

Images of “Traditional Food” in Nenets Folklore

Natalia P. Koptseva and Yulia N. Perepelitsa*

*Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Received 29.11.2025, received in revised form 28.12.2025, accepted 19.01.2026

Abstract. This article examines the problem of consolidating the image of traditional food and the eating process in general in the folklore of the Nenets, an indigenous people of the North, Siberia, and the Russian Far East, linguistically belonging to the Samoyedic group. The importance of the concept of “traditional food” for the development of ethnotourism and ethnogastronomy is emphasized. A number of characteristics are identified by which a food product can be defined as “traditional”: the time of creation of the recipe, the technology (before the 1930s), the places where this technology arose and is used (locality), the uniqueness of the recipe, the technology of preparation, and the methods of transmitting the recipe and technology. It also emphasizes that traditional food must necessarily serve as a marker of belonging to a specific ethnocultural group and be its integral attribute.

Keywords: Nenets, Samoyedic peoples, traditional food, folklore, cultural heritage, cultural memory.

Research area: Theory and History of Culture, Art.

The study was supported by the grant of the Russian Science Foundation No. 25–18–20096, <https://rscf.ru/project/25-18-20096/>, grant from the Krasnoyarsk Regional Science Foundation.

Citation: Koptseva N. P., Perepelitsa Yu. N. Images of “Traditional Food” in Nenets Folklore. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2026, 19(2), 292–303. EDN: KILZYT

Образы «традиционной еды» в ненецком фольклоре

Н.П. Копцева, Ю.Н. Перепелица

Сибирский федеральный университет
Российская Федерация, Красноярск

Аннотация. В статье рассматривается проблема закрепления образа традиционной еды и процесса питания в целом в фольклоре ненцев – коренного малочисленного народа Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, по лингвистическому признаку принадлежащего к самодийской группе. Подчеркивается важность концепта «традиционная еда» для развития этнотуризма и этногастрономии. Указывается ряд признаков, с помощью которых продукт питания можно определить как «традиционный»: время создания рецепта, технологии (до 1930-х гг.), пространств, где данная технология возникла и существует (местность), уникальность рецепта, технологии приготовления продукта и способы передачи рецепта и технологий. Одновременно указывается, что традиционная еда обязательно должна выступать маркером принадлежности к конкретной этнокультурной группе, быть ее неотъемлемым атрибутом.

Ключевые слова: ненцы, самодийские народы, традиционная еда, фольклор, культурное наследие, культурная память.

Научная специальность: 5.10.1. Теория и история культуры, искусства.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25–18–20096, <https://rscf.ru/project/25–18–20096/>, гранта Красноярского краевого фонда науки.

Цитирование: Копцева Н. П., Перепелица Ю. Н. Образы «традиционной еды» в ненецком фольклоре. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2026, 19(2), 292–303. EDN: KILZYT

Введение

Культурологические аспекты исследования традиционной еды связаны с тем, что традиционная еда выступает важной частью уникального культурного наследия той или иной этнической группы. В настоящее время понятие «традиционная еда» и его инвариант «традиционная кухня» до известной степени противопоставляются понятиям «глобальная кухня», «массовая кухня». Активно развивающаяся антропология пищи связана с тем, что различные национальные и этнические культуры имеют существенные отличия в моделях питания, которые, в свою очередь, предопределяют рацион питания носителей данной культуры. Развивающийся этнотуризм также построен на привлекательности этногастрономии, когда туристов

привлекает возможность попробовать необычную с точки зрения их родной культуры пищу, продукты, кулинарные ингредиенты, набор блюд и напитков, определяющих этнокультурную идентификацию тех, кто их готовит и принимает в пищу. Целью данного исследования является определение основных образов традиционной еды ненцев – одного из коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, представители которого проживают во многих северных и сибирских регионах Российской Федерации, в том числе на территории Красноярского края. В теоретическом аспекте это позволит уточнить культурологические коннотации понятия «традиционная еда», в прикладном аспекте – создать концептуальные основы для маркировки культурного наследия – тради-

ционных уникальных блюд ненецкой традиционной кухни, и тем самым расширить потенциал воспроизводства традиционной экономики коренным малочисленным народам в формах этнотуризма и этногастрономии.

Ненецкая традиционная культура является предметом этнокультурологических, антропологических, этнографических исследований начиная с XVII–XVIII вв. в трудах путешественников, миссионеров, военнотружеников, участников различных научных и военных экспедиций. Более или менее систематизированное ее изучение начинается с конца XIX в. и наиболее активности и плодотворно продолжается в XX в., оставаясь и сегодня одним из приоритетов этнокультурологии, этносоциологии, социальной и культурной антропологии, этнографии, фольклористики, религиоведения и других современных научных дисциплин (Tishkov et al., 2005; Khomich, 1961, 1966, 1989, 2003; Kolycheva, 1956; Zhigunova, 2020; Koptseva et al., 2012; Koptseva et al., 2022; Koptseva, Degtyarenko, Pchelkina, Menzhurenko, 2022; Lukin, 2013; Koptseva, 2014, 2025a, 2025b, 2025c; Kharyuchi et al., 2005; Krupnik, 1976; Natsional'naya politika SSSP..., 2022; Kul'turnaya dinamika korennykh..., 2022; Shpak, Kirko, 2024, 2025; Mezhetnicheskie otnosheniya..., 2024; Seredkina, 2024; Ermakov, 2023 и ряд других работ). В данной статье выделены две приоритетные темы: ненецкий фольклор и традиционная ненецкая еда. На их пересечении возникает новая предметность – фольклорные образы традиционной еды ненцев, изучение которой имеет как теоретические, так и прикладные аспекты (Golovnev, 2004; Nov'yukhova, 2020, 2021; Sorokina, Yando, 2013; Polikarpov, Latysheva, 2023; Lyublinskaya, Ushakov, 2012; Dobzhanskaya, 2016, 2024; Razdymakha, 2020, 2021; Kolesnik, 2014; Reznikova, 2016; Belodedova, 2024; Pluzhnikov, 2018; Khazankovich, 2007; Seredkina, Smolina, 2018; Degtyarenko et al., 2024; Kolesnik, 2024; Sidorenko, 2025; Transformatsiya antropologii pitaniya..., 2025; Antropologiya pitaniya..., 2025; Vizual'nye obrazy rasteniy..., 2025; Pimenova, 2025; Pimenova et al., 2025; Sovetskie praktiki

zagotovki..., 2025; Zotov et al., 2025; Koptseva M., Zotov, 2025; Zotov et al., 2025; Stepanova, 2025 и ряд других исследований). Для достижения целей исследования необходимо выявить содержание концепта «традиционная еда» (как этот концепт представлен в этнокультурологии), а затем рассмотреть образцы традиционной еды в произведениях ненецкого фольклора, которые ранее не были представлены в данном академическом контексте.

Концепт «традиционная еда»

Концепт «традиционная еда» рассматривается в ряде аспектов. Так, этот концепт может уточняться как «традиционные продукты питания». Для традиционных продуктов питания в современной этнокультурологии выделяют следующие наборы качеств: привычка – природа, происхождение – местность, обработка – усовершенствованность и сенсорные свойства («сенсорные свойства» – это качественные характеристики пищевых продуктов, которые влияют на приемлемость для их потребителя, они включают такие характеристики, как аромат, цвет, консистенция и вкусовые ощущения) (Guerrero et al., 2009). Эксперты полагают, что есть определенные препятствия для продвижения традиционной еды на массовые потребительские рынки, эти препятствия могут быть преодолены с помощью следующих организационных усилий: к ним относятся коммуникация (традиционный продукт является «экзотикой» на других рынках и поэтому нуждается в рекламе), правовая защита коллективных брендов (недостаточно гарантированная на различных рынках), обеспечение качества (которое, как и для всех брендовых продуктов, должно быть приоритетной задачей) и инновации (исследования и разработки, которые улучшают качество традиционных продуктов) (Jordana, 2000). Распространение традиционной еды и этногастрономии признано важнейшим фактором поддержания и распространения древней этнокультурной памяти (Bessière, 1998). При этом традиционная пища по-прежнему важна для представителей прак-

тически всех коренных народов Арктики, и эксперты уверены, что продовольственная безопасность в Арктике зависит от доступа коренных народов к этим продуктам (Lambden et al., 2007).

Особое значение для этнокультурологии, связанной с исследованиями ненцев, имеет уточняющее понятие «традиционная система питания коренных народов». Содержание данного понятия можно определить следующим образом: системы, состоящие из продуктов местной (характерной для ненцев или других коренных народов) природной среды, приемлемых с точки зрения этнической культуры коренных народов (Kuhnlein and Receveur, 1996).

Этнокультурная концепция «традиционной пищи» очень динамична, сложна и изменчива, поскольку ее концептуализация зависит от места и человека, который ее осуществляет. Определение традиционной пищи может быть разработано в общем виде из составляющих ее измерений; однако детали о периоде времени, разграничение места и разрешенные практики производства должны быть определены культурой, которая их производит (Rocillo-Aquino et al., 2021).

Можно выделить 3 + 1 аспекта, элемента, которые обязательно должны быть (в интеграции, синтезе), чтобы определенные продукты питания получили статус «традиционная еда (традиционная пища)»: место их производства, время существования данного производства, оригинальный (уникальный) рецепт (способ производства, методика приготовления, способ сохранения знания, передачи этого знания) и культурное значение, которое, с одной стороны, определяет принадлежность данного продукта питания к данной конкретной локальной культуре, а с другой стороны, делает этот продукт символом этой локальной культуры, ее репрезентантом. Эти признаки свойственны всем видам традиционной пищи и могут быть применены к коренным сообществам, в том числе к пищевой культуре коренных малочисленных народов Севера Красноярского края. Тем самым обозначены и рамки атрибуции тради-

ционной пищи: время создания (не меньше, чем до 1939 г.), место создания (локальное пространство, региональное пространство или страна в целом), оригинальность традиционной пищи по ряду параметров (рецептура, процесс производства, методики, знание, способ передачи этого знания). К этим трем «материальным» аспектам добавляется четвертый аспект – символическая репрезентация определенной локальной культуры, которая через данный традиционный продукт обретает свою чувственную форму, в то же время сам продукт обладает рядом культурных смыслов (идей, ценностей), с помощью которых он, собственно, и отождествляется с данной культурой, выступает ее ярким репрезентантом (Koptseva et al., 2025).

Образы еды и процесса питания в ненецком фольклоре

Традиционная пища является важной частью культурного наследия ненцев и выступает значимым маркером этнической идентичности. Анализ произведений ненецкого народного творчества позволяет выявить устойчивые культурные представления, связанные с традиционной пищей, её добычей, приготовлением и потреблением. Эти представления фиксируются как в бытовых рассказах, так и в мифологических сюжетах, отражая целостную систему жизнеобеспечения ненцев – оленеводство, охоту, рыболовство и собирательство. Пищевые образы выступают частью более широкой культурной памяти, где еда не только обеспечивает выживание, но и служит выражением этических норм, сакральных представлений, моделей поведения и социального взаимодействия.

В ненецких фольклорных текстах оленеводство является центральным мотивом, что закономерно отражается в образах еды. Мясо оленя выступает основным пищевым продуктом, а сцены его добычи включаются в повествование как маркеры удачи охотника и благосклонности духов. В сказке-легенде «Трое Ябтонгэ (легенда-плач)» есть фрагмент о старике, испытывающем голод:

«Старик думает (букв.: мысли стали ходить), есть хочет. Стал шарить по верхним поперечным шестам чума, нашёл там варёное мясо. Старик поел, говорит: «Стрела моя всё-таки попала, не в первый же раз я охочусь на диких оленей»» (Fol'klor yamal'skikh nentsev, 2020: 11). Этот фрагмент подчёркивает связь между потреблением еды и возобновлением сил, а также демонстрирует традиционную формулу объяснения удачной добычи – мастерство охотника и поддержка высших сил.

В другом тексте обсуждается соотношение мяса диких и домашних оленей: «Старик Няданги говорит: – Зачем нам дикие олени? Среди тысячи оленей разные есть, олени на не хуже мяса дикого оленя. Сын хозяина рода Няданги говорит: – Их мясо не как у дикого оленя. У них же «чистое» мясо» (Fol'klor yamal'skikh nentsev, 2020: 11).

Упоминаются также отдельные части туши и пищевые ресурсы, необходимые в арктических условиях: мерзлый жир, жир на спинах белых оленей, застывшие жиринки, печень, «последний окорок». Эти детали демонстрируют знание анатомии животного и рациональное использование всех доступных ресурсов.

Рыболовство – вторая по значимости подсистема жизнеобеспечения ненцев. Рыба занимает важное место в традиционном рационе, что подтверждается многочисленными сюжетами. Так, один из текстов содержит бытовой диалог, отражающий структуру повседневного питания: «Мальчик, ты видел моих рыбаков? – Да, я их встречал. – Поймали ли они на ужин что-нибудь? – Да, вроде бы ужин будет. – Тогда мы поедим» (Fol'klor yamal'skikh nentsev, 2020: 113). Этот диалог иллюстрирует зависимость благополучия семьи от удачи рыбаков.

В другом фрагменте рыбалка тесно связана с биографической памятью: «Этот день был удачным для моего отца. Он с братьями рыбачил на озерах, сети были полны живым серебром. Наверно, поэтому, когда делали запись о моем рождении в ЗАГСе, мне дали греческое имя Лариса, что означает «чайка»» (Fol'klor yamal'skikh nentsev, 2020: 180). Здесь рыбный улов по-

лучает символическое значение, связанное с именованием ребёнка.

У Р.И. Лаптандер встречаются упоминания об улове налима: «Я ведь так много налимов добываю, но ещё ни одной налиме-ей печени не съел», и о стратегическом планировании пропитания: «Ёмбо и Вэнвэсота жили на берегу Тальниковой речки. Вместе с матерью добывают рыбу, морского зайца. Однажды рыбы стало меньше. Стали они жить бережливее. Четыре, пять рыбок попадает. Есть у них бочоночек икры» (Fol'klor yamal'skikh nentsev, 2021: 138).

Птица-дичь – важный элемент летнего рациона ненцев. Так, простой, но информативный фрагмент фиксирует сезонную работу: «Так и живем. За три дня мы гусей разделали. Всех общипали» (Fol'klor yamal'skikh nentsev, 2020: 23).

Описываются также способы добычи линяющих морских птиц, когда охотники вылавливают их прямо руками, «просто за шею», отрывая головы. Фиксируются образы чаек (Халэв) и поморников (Хурав), которые «ловят и проглатывают мальков, не разжёвывая» – наблюдение, восходящее к этозоологическим представлениям.

Фольклор и этнография фиксируют использование растений для традиционных блюд, главным образом ягод как сезонной пищи и символа благополучия: морошки, брусники, голубики, эти ягоды воспринимаются как «дары природы» (ЯмалЭкспедиция. Что едят ненцы? https://www.yamalexpedition.ru/ru/articles-ru/220-chtodyat-nentsy/?utm_source=chatgpt.com).

Некоторые эпизоды ненецких сказок связаны с помощью в пропитании: «Через какое-то время нашла под снегом какого-то раздетого (букв.: без парки – верхней меховой одежды) человека. Вытащила его наверх, в дом внесла. Грудку куропатки голому человеку отдала. Он её съел» (Fol'klor yamal'skikh nentsev, 2021: 101). Эта сцена подчёркивает значимость дара еды как акта милосердия.

Процесс приготовления пищи и еда

Традиционным методом приготовления пищи является варка. Это подтвержда-

ет следующий фрагмент: «Женщины котел сварили. Когда в котле появился навар, на улице послышались чьи-то шаги» (Fol'klor yamal'skikh nentsev, 2020: 63). Еще один пример демонстрирует использование частей туши в качестве утвари: «Затем, используя вместо тарелок ребра, тридцать мужчин начали кушать» (Skazki Tatvy, 2016: 41). Такие эпизоды отражают практику рационального использования всех ресурсов, которые можно взять у природы.

Кроме того, в некоторых текстах отмечается социальная функция еды – в фольклорных произведениях фиксируются правила гостеприимства, нарушить которые считается опасным: «...если любой человек, ханты или русский, придет в какое-то селение, не попив чаю, не должен уйти. Это на удаче плохо скажется. Этот, там находящийся наверху мужчина, все дела вселенной видит» (Skazki Tatvy, 2016: 185). Это свидетельствует о сакральном статусе еды как посредника между людьми и духами.

При исследовании ненецкого фольклора сложно не обратить внимание на пищевые табу, которые чаще всего отражены в пословицах. Ненецкие пословицы фиксируют нормы обращения с пищей, огнём и предметами быта: «Не надевай посуду на голову – голова покроется болячками»; «Не плюй в огонь – язык опухнет»; «Не пей воду из ведра с открытыми глазами – глаза твоих детей будут как отверстие ведра»; «Не держи палец во рту – сиротой останешься»; «Не жалея свой табак – табак заговорит»; «Не давай головы добытых птиц собакам – лишишься удачи»; «Не смейся над собачьим пуком – локоть опухнет»; «Не выкидывай еду – Нум тебя увидит»; «Не режь щуку – лишишь брата удачи»; «Не будь неряхой – глаза у рыб покраснеют»; «Не жуй большую жвачку – муж будет стариком»; «Вечером не жуй жвачку – отец с матерью помрут»; «Не расколов, кости оленьих ног не выкидывай – Илебям пёртя тебя увидит». «Когда разводишь огонь, ветки пусть будут по направлению к двери, а то проткнут глаза домашним идолам»; «Не ешь с одной обутой ногой – украдешь

чью-то обувь» (Fol'klor yamal'skikh nentsev, 2021: 151–153).

Эта система «табу», изложенная в устном ненецком фольклоре, представляет собой морально-магический регламент повседневного поведения. Важнейшее «пищевое табу» связано с запретом есть такой орган тела животных, как диафрагма: «Считалось, что диафрагму есть нельзя. Если ее съесть, то человек умрет от болезни печени, диафрагмы; женщинам нельзя есть оленью диафрагму, потому что роды будут тяжелыми» (Skazki Tatvy, 2016: 41). Другой фольклорный текст показывает испытание «табу»: «Вот эту печень давайте я съем, – говорит. – Потом, когда начнем воевать, [проверим,] правда ли я буду ранен в печень» (Skazki Tatvy, 2016: 31). Дальнейшее ранение героя подтверждает сакральную силу запрета.

Важно также отметить, что традиционный ненецкий процесс питания часто тесно связан с ритуальной стороной их жизни. Так, например, в одном из текстов подробно описан ритуал кормления идолов на острове Вайгач: «К идолам обычно обращались с какой-нибудь просьбой, подкрепляя ее приношением жертвы – наиболее распространенной и считавшейся самой действенной была жертва оленя: двое мужчин вставали с боков обреченного животного, накидывали петлю на его шею и тянули каждый в свою сторону. Затем снимали шкуру и садились в кружок есть еще теплое мясо. Кровью убитого оленя мазали рот и глаза идола. Мясо съедали, шкуру забирал хозяин, но голову непременно оставляли на капище. ... Если паломник не имел возможности убить оленя, он мог развести костер, сварить кусок мяса и съесть его. Но предварительно надо было помазать бульоном рты идолов и на землю возле каждого выплеснуть немного супа и положить кусочек мяса. Тогда считалось, что паломник кормил идолов, ел вместе с ними». Этот пример – прямое свидетельство того, что пища служит «медиатором», связующим посредником между миром людей и миром духов (рис. 1).

Еще один традиционный ненецкий ритуал связан с необходимостью «молчания»

Рис. 1. Трапеза в тундре. Фото С.М. Чехова. 1950-е гг. Из архива М.С. Сеницына.

Источник изображения: О. Диксон «Духи тундры», 2017, С. 30

Fig. 1. A meal in the tundra. Photo by S. M. Chekhov. The 1950s. From the archive of M. S. Sinitsin.

Image source: O. Dixon «Spirits of the Tundra», 2017, p. 30

при употреблении рыбы в пищу – отмечается, например, что сушёную рыбу йуту следует есть в тишине: «Когда ешь рыбу – нужно молчать, так можно восстановить силы не только физически, но и духовно» (Nenets jutu fish. https://www.fondazioneslowfood.com/en/ark-of-taste-slow-food/nenets-jutu-fish/?utm_source=chatgpt.com). Молчание подчёркивает сакральность пищевого акта.

Современные антропологи отмечают существенные изменения питания ненцев на сегодняшний день, что, безусловно, воспринимается как своего рода «культурная утрата», что усиливает ценность фольклорных образов традиционной еды для воспроизводства древней культурной памяти ненцев.

Заключение

Проведенное исследование образов традиционной еды в фольклоре ненцев позволяет сделать вывод о необходимости скорейшей маркировки традиционной еды коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока как важнейшей части их уникального наследия и носителя древней культурной и исторической памяти. Особенности традиционной еды

связаны как с ее сенсорными качествами, важными для потребителя, так и с ее культурными свойствами, включая время производства, оригинальность рецептуры, методики производства традиционного продукта, способ передачи рецепта, а также важное качество – быть символическим и устойчивым репрезентантом соответствующей этнокультурной группы. В современном мире под воздействием множества экономических, социальных, культурных факторов рацион питания и связанные с питанием традиции, и ритуалы исчезают, становятся малочисленными. Необходимо учитывать, что традиционная кулинария, традиционная гастрономия являются важнейшим элементом древней культурной и исторической памяти каждой этнокультурной группы. В качестве рекомендации сохранения уникального культурного наследия ненцев можно указать на необходимость включения уникальных рецептов и технологий в перечень нематериального культурного наследия народов России, который формируется сейчас на базе Министерства культуры Российской Федерации. Такие перечни создаются сейчас и в регионах Российской Федерации. Общественные

организации, связанные с сохранением не-нецкого культурного наследия, могут также принять необходимые шаги для фиксации

и распространения этнической гастрономии, традиционной кулинарной культуры ненцев.

Список литературы / References

Belodedova M. G. «Zdes' vyros Malo, i zdes' on promyshlyaet»: funktsii nenetskikh pesen nyukubts [«Here Malo grew up, and here he makes his living»: functions of Nenets songs nyukubts]. In: *Fol'klor: struktura, tipologiya, semiotika* [Folklore: structure, typology, semiotics], 2024, 7(3), 10–32.

Bessière J. Local development and heritage: Traditional food and cuisine as tourist attractions in rural areas. *Sociologia ruralis*. 1998. 38(1). 21–34.

Chto edyat nentsy? [What do the Nenets eat?]. Available at: <https://www.yamalexpedition.ru/ru/articles-ru/220-chto-edyat-nentsy/>.

Degtyarenko K. A., Pimenova N. N., Sertakova E. A. Material'noe i nematerial'noe kul'turnoe nasledie tunguso-man'chzhurskikh narodov [Material and intangible cultural heritage of Tungus-Manchu peoples]. In: *Aziya, Amerika i Afrika: istoriya i sovremennost'* [Asia, America and Africa: history and modernity], 2024, 3(2), 52–72.

Degtyarenko K. A., Yermakov T. K., Shpak A. A., Gomonov I. S. Sovetskie praktiki zagotovki lekarstvennykh rasteniy na territoriyakh Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka [Soviet Practices of Medicinal Plant Procurement in the Territories of the North, Siberia, and the Far East]. In: *Severnye Arkhivy i Ekspeditsii* [Northern Archives and Expeditions], 2025, 9(3), 60–71.

Dobzhanskaya O. E. Karnaval zhivotnykh (golosa ptits i zverey v muzykal'nom fol'klore taymyrskikh nentsev) [Animal Carnival (Voices of Birds and Animals in the Musical Folklore of the Taimyr Nenets)]. In: *Traditsionnaya kul'tura* [Traditional Culture], 2016, (2), 20–31.

Dobzhanskaya O. E. Zvukopodrazhaniya ptitsam v muzykal'nom fol'klore nentsev: k izucheniyu regional'no-etnicheskikh aspektov zvuchashchego landshafta Arktiki [Bird Sounds Imitation in the Musical Folklore of the Nenets: Towards the Study of the Regional-Ethnic Aspects of the Arctic Soundscape]. In: *Kunstkamera*, 2024, (1), 132–141.

Ermakov T. K. Okhota i rybnaya lovlya v traditsionnoy ekonomike korennykh malochislennykh narodov, prozhivayushchikh na territorii Evenkiyskogo munitsipal'nogo rayona [Hunting and Fishing in the Traditional Economy of the Indigenous Small-Numbered Peoples Living in the Territory of the Evenki Municipal District]. In: *Severnye Arkhivy i Ekspeditsii* [Northern Archives and Expeditions], 2023, 7(3), 109–117.

Fol'klor yamal'skikh nentsev. Vypusk 2. Fol'klor seyakhinskikh nentsev [Folklore of the Yamal Nenets. Issue 2. Folklore of the Seyakha Nenets]. Departament vneshnikh svyazey Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga, Gosudarstvennoe kazennoe uchrezhdenie Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga «Nauchnyy tsentr izucheniya Arktiki», Federal'noe gosudarstvennoe byudzhethnoe uchrezhdenie nauki Institut filologii Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk. sost. L. O. Okotëtto; nauch. red. N. B. Koshkarëva. Voronezh: ООО «Aleks Print», 2020, 184.

Fol'klor yamal'skikh nentsev. Vypusk 3: Fol'klor myskamen-skikh nentsev [Folklore of the Yamal Nenets. Issue 3: Folklore of the Mys Kamen Nenets]. Departament vneshnikh svyazey YANAO, GKU YANAO «Nauchnyy tsentr izucheniya Arktiki», FGBUN Institut filologii SO RAN. sost. R. I. Laptander, S. E. Razdymakha; otv. red. N. B. Koshkarëva. Saint-Peterburg: Istoricheskaya illustratsiya, 2021, 172.

Golovnev A. V. Kochevniki tundry. Nentsy i ikh fol'klor [Tundra Nomads. The Nenets and Their Folklore]. Yekaterinburg: Institut istorii i arkheologii URO RAN, 2004, 344.

Guerrero L. et al. Consumer-driven definition of traditional food products and innovation in traditional foods. A qualitative cross-cultural study. *Appetite*. 2009. 52(2). 345–354.

Jordana J. Traditional foods: challenges facing the European food industry. *Food Research International*. 2000. 33(3–4). 147–152.

Kharyuchi S. N., Kharyuchi G. P., Yuzhakov A. A., Khayrullina N. G. Nentsy Yamala: kochevniki i khraniteli traditsiy (K 75-letiyu Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga) [The Nenets of Yamal: No-

mads and Keepers of Traditions (On the 75th Anniversary of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug)]. Yamalo-Nenetskiy avtonomnyy okrug, Departament po delam korennykh malochislennykh narodov Severa. Tyumen'; Salekhard: Feliks, 2005, 248.

Khazankovich Yu. G. Fol'klor i literatury narodov Severa: osobennosti vzaimodeystviya [Folklore and Literature of the Peoples of the North: Features of Interaction]. In: *Gumanitarnye nauki v Sibiri [Humanities in Siberia]*, 2007, (4), 85–89.

Khomich L. V. Brak i sem'ya u nentsev: traditsiya i sovremennost' [Marriage and Family among the Nenets: Tradition and Modernity]. In: *Materiali VI Meždunarodnogo Kongressa Finno-Ugrovedov [Materials of the VI International Congress of Finno-Ugric Studies]*. Otvetstvennyj red. EA Savel'eva, 1989, 1, 287.

Khomich L. V. Nentsy [The Nenets]. SPb., Izd-vo "Drofa", 2003, 123.

Khomich L. V. Nentsy: istoriko-etnograficheskie ocherki [The Nenets: Historical-Ethnographic Essays]. M.; Leningrad, Nauka, 1966, 326.

Khomich L. V. Olen'i narty i upryazh' u nentsev [Reindeer Sledges and Harness among the Nenets]. In: *Sbornik MAE [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography (MAE)]*, 1961, 20, 40–53.

Khovyakov A. A., Seredkina N. N., Zotov S. O., Koptseva M. S. Antropologiya pitaniya samodiyiskikh narodov [Nutritional anthropology of Samoyedic peoples]. In: *Sibirskii antropologicheskii zhurna [Siberian anthropological journal]*, 2025, 9(3), 101–111.

Kolesnik M. A. Istoriya issledovaniy tunguso-man'chzhurskikh narodov [History of Research on the Tungus-Manchu Peoples]. In: *Aziya, Amerika i Afrika: istoriya i sovremennost' [Asia, America and Africa: History and Modernity]*, 2024, 3(2), 73–98.

Kolesnik M. A. Obzor izucheniya fol'klora korennykh narodov Severa [A Review of the Study of Folklore of the Indigenous Peoples of the North]. In: *Litera*, 2014, (3), 39–59.

Kolesnik M. A., Sertakova E. A., Leshchinskaya N. M., Sitnikova A. A. Vizual'nye obrazy rasteniy Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka v illustratsiyakh puteshestvennikov i etnografov XVIII–XIX vv. [Visual Images of Plants of the North, Siberia, and the Far East in the Illustrations of Travelers and Ethnographers of the 18th-19th Centuries]. In: *Sibirskii antropologicheskii zhurna [Siberian anthropological journal]*, 2025, 9(3), 112–127.

Kolycheva E. I. Nentsy Evropeyskoy Rossii v kontse XVII-nachale XVIII veka. [The Nenets of European Russia in the Late 17th – Early 18th Century] In: *Sovetskaya etnografiya [Soviet Ethnography]*, 1956, (2), 76.

Koptseva M. S., Zotov S. O. Osobennosti etnofarmakologii tunguso-man'chzhurskikh narodov [Features of Ethnopharmacology of the Tungus-Manchu Peoples]. In: *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki [Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences]*, 2025, 18(7), 1260–1269.

Koptseva N. P. Kontseptsiya effektivnoy integratsii sistem znaniy korennykh narodov i «sovremennykh» sistem znaniy (S. Dittokh) [The Concept of Effective Integration of Indigenous Peoples' Knowledge Systems and 'Modern' Knowledge Systems (S. Dittokh)]. In: *Tsifrovizatsiya [Digitalization]*, 2025b, 6(2), 8–32.

Koptseva N. P. Korennye prodovol'stvennye sistemy i traditsionnye znaniya korennykh narodov Severa: kontseptsiya Andersa Oskala i soavtorov [Indigenous Food Systems and Traditional Knowledge of the Indigenous Peoples of the North: the concept of Anders Oskal and co-authors]. In: *Tsifrovizatsiya [Digitalization]*, 2025a, 6(3), 8–37.

Koptseva N. P. Prodovol'stvennye sistemy korennykh narodov: kontseptsiya G. V. Kunlyayna (Kanada) i S. Chotiboribun (Tailand) [Food systems of indigenous peoples: the concept of G. V. Kunlyayn (Canada) and S. Chotiboribun (Thailand)]. In: *Aziya, Amerika i Afrika: istoriya i sovremennost' [Asia, America and Africa: history and modernity]*, 2025c, 4(3), 6–65.

Koptseva N. P. Vliyanie sovremennykh kul'turnykh praktik na etnicheskuyu identichnost' korennykh malochislennykh narodov Tsentral'noy Sibiri [The Influence of Modern Cultural Practices on the Ethnic Identity of Indigenous Small-Numbered Peoples of Central Siberia]. In: *NB: Problemy obshchestva i politiki [NB: Problems of Society and Politics]*, 2014, (6), 1–27.

Koptseva N. P., Amosov A. E., Bakhova N. A. [et al.]. Korennye malochislennye narody Severa i Sibiri v usloviyakh global'nykh transformatsiy: na materiale Krasnoyarskogo kraya. Tom 1. [Indigenous Small-Numbered Peoples of the North and Siberia in the Context of Global Transformations: Based on Materials from the Krasnoyarsk Territory. Vol. 1]. Krasnoyarsk: Sibirskiy federal'nyy universitet, 2012, 639.

Koptseva N. P., Degtyarenko K. A., Pchelkina D. S., Menzhurenko Yu. N. Obraz Severa v periodicheskikh izdaniyakh Rossiyskoy imperii kontsa XIX veka [The Image of the North in Periodicals of the Russian Empire of the Late 19th Century]. In: *Bylye gody [Bygone Years]*, 2022, 17(2), 867–875.

Koptseva N. P., Degtyarenko K. A., Zamaraeva Yu. S. [et al.]. Natsional'naya politika SSSR po ot-nosheniyu k korennyim malochislennym narodam Severa v Evenkiyskom i Taymyrskom natsional'nykh okrugakh Krasnoyarskogo kraya v 1920–1970 gody [National Policy of the USSR towards the Indigenous Small-Numbered Peoples of the North in the Evenki and Taimyr National Okrugs of the Krasnoyarsk Territory in 1920–1970]. Krasnoyarsk: KROO SPK, 2022, 548.

Koptseva N. P., Koptseva M. S., Zotov S. O. Kontsept «traditsionnaya eda»: unifikatsiya ponyatiya s pomoshch'yu primeneniya metoda Bol'shikh dannykh [The Concept of 'Traditional Food': Unification of the Notion Using the Big Data Method]. In: *Sotsiologiya iskusstvennogo intellekta: regiony i gruppy: Vtoraya Vserossiyskaya konferentsiya s mezhdunarodnym uchastiem [Sociology of Artificial Intelligence: Regions and Groups: The Second All-Russian Conference with International Participation]*, Krasnoyarsk, 03–05 dekabrya 2024 goda. Krasnoyarsk: KROO SPK, 2025, 155–192.

Koptseva N. P., Menzhurenko Yu. N., Degtyarenko K. A. Kul'turnaya pamyat' i etnicheskaya identifikatsiya [Cultural Memory and Ethnic Identification]. Krasnoyarsk, Sibirskiy federal'nyy universitet, 2022, 250.

Koptseva N. P., Reznikova K. V. Kvashnina, Yu. V. [et al.]. Kul'turnaya dinamika korennykh malochislennyykh narodov Severa Krasnoyarskogo kraya v zhivopisnykh i graficheskikh proizvedeniyakh [Cultural Dynamics of the Indigenous Small-Numbered Peoples of the North of the Krasnoyarsk Territory in Paintings and Graphic Works]. In: *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki [Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences]*, 2022, 15(6), 840–852.

Krupnik I. I. Stanovlenie krupnotabunного olenevodstva u tundrovyykh nentsev [The Formation of Large-Herd Reindeer Husbandry among the Tundra Nenets]. In: *Sovetskaya etnografiya [Soviet Ethnography]*, 1976, (2), 57–69.

Kuhnlein H. V., Receveur O. Dietary change and traditional food systems of indigenous peoples. *Annual review of nutrition*. 1996. 16(1). 417–442.

Lambden J., Receveur O., Kuhnlein H. V. Traditional food attributes must be included in studies of food security in the Canadian Arctic. *International journal of circumpolar health*. 2007. 66(4). 308–319.

Lukin Yu. F. Yavlyayutsya li nentsy vymirayushchim etnosom? [Are the Nenets a Dying Ethnic Group?]. In: *Arktika i sever [Arctic and North]*, 2013, (12), 32–50.

Lyublinskaya M. D., Ushakov N. V. Fol'klor komi i nentsev Nenetskogo avtonomnogo okruga (v zapisyakh Fol'klornogo fonda IYaLI Komi NTs UrO RAN 1968–1973 gg.) [Folklore of the Komi and Nenets of the Nenets Autonomous Okrug (in the records of the Folklore Archive of the Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian Academy of Science, 1968–1973)]. Sost. AV Panyukov. In: *Uralo-altayskie issledovaniya [Ural-Altaic Studies]*, 2012, (1), 211–212.

Mifologicheskie personazhi nentsev. Nga. [Mythological characters of the Nenets. Nga]. Available at: <https://www.rgo.ru/ru/article/mifologicheskie-personazhi-nencev-nga>.

Nenets jutu fish. Available at: <https://www.fondazioneSlowFood.com/en/ark-of-taste-slow-food/nenets-jutu-fish/>.

Nenets Mythology. Available at: <https://www.folklore.earth/culture/nenets/>.

Nov'yukhova G. B. Bytovye skazki o zhivotnykh v Khantyyskom i nenetskom fol'klоре [Everyday Tales about Animals in Khanty and Nenets Folklore]. In: *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya [World of Science, Culture, Education]*. 2020, (3), 514–516.

Nov'yukhova G. B. Volk v nenetskom fol'klоре [The Wolf in Nenets Folklore]. In: *Sovremennye VO-PROSY nauki i praktiki: sbornik statey Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [Contempo-*

rary *QUESTIONS of Science and Practice: Proceedings of the International Scientific-Practical Conference*, Penza, 25 sentyabrya 2021 goda. Penza: Nauka i Prosveshchenie, 2021, 161–163.

Pimenova N. N. Sovremennyye kontseptsii pamyati v kul'ture: kollektivnaya i kul'turnaya pamyat' [Modern Concepts of Memory in Culture: Collective and Cultural Memory]. In: *Sibirskii antropologicheskii zhurnal* [Siberian anthropological journal], 2025, 9(2), 71–76.

Pimenova N. N., Kolesnik M. A., Vologodskiy R. S. Pishchevye rasteniya severnykh territoriy Krasnoyarskogo kraya [Food Plants of the Northern Territories of the Krasnoyarsk Territory]. In: *Severnye Arkhivy i Ekspeditsii* [Northern Archives and Expeditions], 2025, 9(3), 39–52.

Pluzhnikov N. V. K voprosu o tipologii prostranstva v nenetskom geroicheskom epose (mesta obitaniya) [On the Question of Spatial Typology in the Nenets Heroic Epic (Dwelling Places)]. In: *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2018, (4), 729–740.

Polikarpov A. M., Latysheva O. E. Perevod fol'klornykh tekstov kak sredstvo sokhraneniya nenetskogo yazyka: integrativnyy podkhod [The Translation of Folklore Texts as a Means of Preserving the Nenets Language: An Integrative Approach]. In: *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie* [Vestnik of Volgograd State University. Series 2: Linguistics]. 2023, 22(3), 118–128.

Razdymakha S. E. Osobennosti materinskogo fol'klora nentsev i ego rol' v vospitanii rebenka [Features of Nenets Maternal Folklore and Its Role in Child Rearing]. In: *Kul'tura i tsivilizatsiya*, 2020, 10(3), 70–75.

Razdymakha S. E. Prazdnik vstrechi solntsa: obryadovaya kul'tura kak element ustnogo narodnogo tvorchestva nentsev. In: *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization]. 2021, 11(1), 161–165.

Reznikova K. V. K voprosu ob epicheskom kul'turnom nasledii korennykh malochislennykh narodov Krasnoyarskogo kraya [On the Issue of the Epic Cultural Heritage of the Indigenous Small-Numbered Peoples of the Krasnoyarsk Territory]. In: *Litera*, 2016, (2), 20–34.

Rocillo-Aquino Z. et al. What is a traditional food? Conceptual evolution from four dimensions. *Journal of Ethnic Foods*. 2021. 8(1). 38.

Seredkina N. N. Transformatsiya etnokul'turnoy identichnosti v obshcherossiyskuyu grazhdanskuyu identichnost': kul'turologicheskiy analiz [Transformation of Ethnocultural Identity into All-Russian Civil Identity: A Cultural Analysis]. Krasnoyarsk: Sibirskiy federal'nyy universitet, 2024, 176.

Seredkina N. N., Smolina M. G. Obrazovatel'nye vozmozhnosti eposa i skazok korennykh malochislennykh narodov Sibiri [Educational Potential of Epics and Fairy Tales of the Indigenous Small-Numbered Peoples of Siberia]. In: *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Novosibirsk State Pedagogical University], 2018, 8(4), 217–232.

Sertakova E. A., Zamaraeva Yu. S., Omelik A. A., Koptseva M. S. Mezhetnicheskie otnosheniya v Turukhanskom krae v XVIII–XIX vv. [Interethnic Relations in the Turukhansk Region in the 18th–19th Centuries] In: *Bylye gody* [Bygone Years], 2024, 19(3), 1052–1062.

Shpak A. A., Kirko V. I. Korennye soobshchestva i sposoby likvidatsiya tsifrovogo neravenstva: kontseptsiya Anny bon, Frantsisa SAA-Ditto i Gansa Akkermans [Indigenous Communities and Ways to Eliminate the Digital Divide: the concept of Anna Bon, Francis Saa-Dittoh, and Hans Akkermans]. In: *Sotsiologiya iskusstvennogo intellekta* [Sociology of Artificial Intelligence], 2025, 6(2), 25–48.

Shpak A. A., Kirko V. I. Sotsial'noe neravenstvo v tsifrovuyu epokhu: kontseptsiya Yorga Sheffera [Social Inequality in the Digital Age: the concept of Jörg Schäfer]. In: *Sotsiologiya iskusstvennogo intellekta* [Sociology of Artificial Intelligence], 2024, 5(4), 21–48.

Sidorenko E. V. Spetsifika molodezhnoy politiki na territoriyakh traditsionnogo prozhivaniya korennykh malochislennykh narodov Severa (Sibirskiy federal'nyy okrug) [Specifics of Youth Policy in the Territories of Traditional Residence of Indigenous Small-Numbered Peoples of the North (Siberian Federal District)]. In: *Sibirskii antropologicheskii zhurnal* [Siberian anthropological journal], 2025, 9(3), 6–19.

Skazki Tatvy: sbornik fol'klornykh proizvedeniy na lesnom dialekte nenetskogo yazyka / Sostaviteli: Tatva i Alla Logany. Vypusk 1 [Tatva's Tales: A Collection of Folklore Works in the Forest Dialect of the Nenets Language / Compilers: Tatva and Alla Logany. Issue 1]. Otv. redaktor N. B. Koshkareva. Khanty-Mansiysk, 2016.

Sorokina S. A., Yando S. Otrazhenie mezhetnicheskikh otnosheniy nentsev i evenkov v nenetskom fol'klore [Reflection of Interethnic Relations between the Nenets and Evenks in Nenets Folklore]. In: *Universum: Vestnik Gertsenovskogo universiteta* [Universum: Herald of Herzen University], 2013, (4), 45–56.

Stepanova O. B. Sposob sovkhoznogo olenevodstva u sel'kupov v fokuse inter'yu s byvshim pastukhom stada № 3 krasnosel'kupskogo sovkhoza «polyarnyy» [The Model of State Farm Reindeer Herding among the Selkups in the Focus of an Interview with a Former Herdsman of Herd No. 3 of the Krasnoselkupsk State Farm «Polyarny»]. In: *Severnye Arkhivy i Ekspeditsii* [Northern Archives and Expeditions], 2025, 9(2), 27–36.

Tishkov V. A., Cheshko S. V., Aksyanova G. A. [et al.]. Narody Zapadnoy Sibiri: Khanty. Mansi. Sel'kupy. Nentsy. Entsy. Nganasany. Kety [Peoples of Western Siberia: Khanty. Mansi. Selkups. Nenets. Enets. Nganasans. Kets]. M., Nauka, 2005, 805.

Yermakov T. K., Degtyarenko K. A., Shpak A. A., Gomonov I. S. Transformatsiya antropologii pitaniya severnykh narodov Rossii: dosovetskiy, sovetskiy i postsovetskiy periody [Transformation of the Anthropology of Nutrition of the Northern Peoples of Russia: Pre-Soviet, Soviet and Post-Soviet Periods]. In: *Sibirskii antropologicheskii zhurnal* [Siberian anthropological journal], 2025, 9(3), 90–100.

Zhigunova M. A. Nentsy. In: Etnicheskaya panorama Sibiri: Al'bom-putevoditel' po ekspozitsii i etnograficheskoy kollektzii Omskogo gosudarstvennogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya [Ethnic Panorama of Siberia: A Guide Album to the Exhibition and Ethnographic Collection of the Omsk State Historical and Regional Museum]. Omsk: Omskiy gosudarstvennyy istoriko-kraevedcheskiy muzey, 2020, 77–80.

Zotov S. O., Koptseva M. S., Khovyakov A. A. Lekarstvennye rasteniya severnykh territoriy Krasnoyarskogo kraya [Medicinal Plants of the Northern Territories of the Krasnoyarsk Territory]. In: *Severnye Arkhivy i Ekspeditsii* [Northern Archives and Expeditions], 2025, 9(3), 53–59.

Zotov S. O., Koptseva M. S., Khovyakov A. A. Lekarstvennye rasteniya severnykh territoriy Krasnoyarskogo kraya [Medicinal Plants of the Northern Territories of the Krasnoyarsk Territory]. In: *Severnye Arkhivy i Ekspeditsii* [Northern Archives and Expeditions], 2025, 9(3), 53–59.

EDN: JRTPYT
УДК 392:633:316.473.4(=512.2)

Representation of the Tungusic-Manchurian Peoples Knowledge about the Properties of Wild Plants in Social Networks

Natalya N. Seredkina* and Varvara O. Lebedeva

*Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Received 08.12.2025, received in revised form 28.12.2025, accepted 22.01.2026

Abstract. The article presents the results of a cyber field study devoted to the analysis of posts published on social networks and representing the knowledge of the Tungusic-Manchurian peoples about the properties of plants growing in the northern territories. A representative sample of the study consisted of materials from 33 posts published in 20 communities from 2015 to 2025. A quantitative and qualitative content analysis of these materials was carried out, as a result of which a list of wild plant names mentioned in social networks was compiled, the most frequently mentioned plant species were identified, and their systematization was carried out according to the types of properties from which they are mentioned in social networks. The tendency of active representation in social networks of indigenous knowledge systems about the sacred properties of wild plants, as well as their medicinal properties, has been revealed. This knowledge is not only reproduced through the publication of folklore texts, but also through descriptions of modern practices of reproducing traditional cult rituals in the real (“physical”) world.

Keywords: indigenous peoples, social network “VKontakte”, posts, cyber field research, properties of wild plants of the North.

Research area: Theory and History of Culture, Art.

The study was supported by the grant of the Russian Science Foundation No. 25–18–20096, <https://rscf.ru/project/25-18-20096/>, grant from the Krasnoyarsk Regional Science Foundation.

Citation: Seredkina N. N., Lebedeva V. O. Representation of the Tungusic-Manchurian Peoples Knowledge about the Properties of Wild Plants in Social Networks. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2026, 19(2), 304–318. EDN: JRTPYT

Репрезентация знаний тунгусо-маньчжурских народов о свойствах дикорастущих растений в социальных сетях

Н.Н. Середкина, В.О. Лебедева

Сибирский федеральный университет

Российская Федерация, Красноярск

Аннотация. В статье представлены результаты киберполевого исследования, посвященного анализу постов, опубликованных в социальных сетях и репрезентирующих знания тунгусо-маньчжурских народов о свойствах растений, произрастающих на северных территориях. Репрезентативную выборку исследования составили материалы 33 постов, опубликованных в 20 сообществах за период с 2015 по 2025 год. Был проведен количественный и качественный контент-анализ данных материалов, в результате которого был составлен перечень упоминаемых в социальных сетях названий дикорастущих растений, определены наиболее часто упоминаемые виды растений, а также осуществлена их систематизация по видам свойств, с позиции которых они упоминаются в социальных сетях. Выявлена тенденция активной репрезентации в социальных сетях систем коренных знаний о сакральных свойствах дикорастущих растений, а также их лечебных свойствах. Данные знания не только воспроизводятся через публикацию фольклорных текстов, но и через описания современных практик воспроизведения традиционных культовых обрядов в реальном («физическом») мире.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы, социальная сеть ВКонтакте, посты, киберполевое исследование, свойства дикорастущих растений Севера.

Научная специальность: 5.10.1. Теория и история культуры, искусства (культурология).

Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда № 25–18–20096, <https://rscf.ru/project/25-18-20096/>, гранта Красноярского краевого фонда науки.

Цитирование: Середкина Н. Н., Лебедева В. О. Репрезентация знаний тунгусо-маньчжурских народов о свойствах дикорастущих растений в социальных сетях. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2026, 19(2), 304–318. EDN: JRTPYT

Введение

Цель исследования состояла в том, чтобы проанализировать информационный контент, представленный в социальных сетях, посвященный репрезентации знаний тунгусо-маньчжурских народов о дикорастущих растениях, произрастающих на северных территориях, выявить наиболее часто упоминаемые растения и систематизировать те знания об их свойствах, которые репрезентируются в социальных сетях. Единицей анализа выступили названия упоминаемых в публикациях дикорастущих растений. По-

иск материала проходил двумя способами: с помощью сервиса аналитики Popsters.ru, а также вручную с помощью поисковика Google и встроенных поисковиков выбранных социальных сетей. Среди них в качестве репрезентативных были выбраны широко используемые в российской цифровой среде социальные сети: ВКонтакте (международное название – VK), Telegram, Instagram и TikTok. Через сервер Popsters был определен период поиска с 2015 по 2025 год включительно. Поиск данных для анализа осуществлялся по двум категориальным группам: первая

группа поисковых слов включала в себя названия дикорастущих растений – «ель сибирская», «лиственница Гмелина», «лиственница сибирская», «можжевельник сибирский», «канареечник тростниковидный», «двукисточник», «шелковая трава», «душистый колосок альпийский»; вторая группа запросов была связана с этноидентификационным содержанием, вводились такие поисковые запросы, как «эвенки», «эвены», «нанайцы», «орочи», «обряд», «тунгусы», «традиционные технологии», «тунгусо-маньчжурские». В результате поиска в первичную выборку исследования вошли 104 поста разнообразной тематики, которые в дальнейшем были проанализированы вручную на соответствие теме по следующим критериям: в тексте обязательно должно было упоминаться одно или несколько дикорастущих растений, должны быть описаны традиционные технологии приготовления пищевых продуктов, использования этих растений для лечения болезней или в контексте сохранения здоровья, а также описаны традиционные знания или верования, связанные с упомянутыми растениями, и, наконец, должна была быть прямая или косвенная привязка поста к культуре тунгусо-маньчжурских народов. Проанализировав первичную выборку на предмет соответствия выделенным критериям, в итоговую выборку исследования были включены материалы 33 постов, опубликованных в 20 сообществах, из них 18 сообществ социальной сети ВКонтакте, одна публичная персональная страница ВКонтакте, один пост в Telegram-канале «Эвенкийская жизнь». Все видео, найденные в социальной сети TikTok, были исключены по причине несоответствия их теме исследования. Посты из Instagram не вошли в итоговую выборку, так как дублировали посты, найденные в социальной сети ВКонтакте.

Результаты киберполевого исследования

Как показал анализ сообществ, публикующих в своих постах упоминания о дикорастущих растениях Севера, наибольшее число таких постов опубликовано на страницах сообществ социальной сети ВКонтакте этнической направленности. Это посты

сообществ «Типичный шаманъ» (8 постов) и «Эвенки» (4 поста). Во всех остальных сообществах (МБУК «ЭРКДЦ», Библиотека «Созвездие» г. Якутска, «Северная правда», Шаан, Приют адекватности, Жуткие и страшные истории, Редакция газеты «Звезда Севера», Афиша. Норильск, Балт Тур, «Эвенкийская жизнь», Дыхание Чёрного Неба (Тэнгри, шаманизм, камы, ойуны), Шаманский бубен на заказ | Святovid Татур, Личная страница в VK Светланы Бутусовой, Шаманизм, Зов духа. Шаманский опыт, Фольклор и верования народов России, αἰθήρ, Библиотека «Созвездие» г. Якутска) обнаружено по одному посту, релевантному теме исследования. В данных постах, вошедших в выборку исследования, представлено 20 названий дикорастущих растений, наряду с которыми в выборку исследования была включена категория «ягоды». Анализ содержания постов позволил сгруппировать упоминаемые в них растения по тем свойствам, с позиции которых они репрезентируются в социальных сетях. Всего было выделено 4 основных свойства и соответственно определены 4 группы растений. Это 1) группа растений, упоминаемых в контексте их культового назначения, 2) группа растений, упоминаемых с позиции их лечебных свойств; 3) группа растений, упоминаемых в контексте их прикладного назначения, использования для изготовления предметов быта и утвари, а также в строительстве, и 4) группа растений, упоминаемых с позиции их пищевых свойств.

Наиболее многочисленной группой стала *первая группа*, куда вошло наибольшее число названий дикорастущих растений. Среди них лиственница (25 упоминаний, 38 %), береза (9 упоминаний, 14 %), можжевельник (7 упоминаний, 11 %), багульник (6 упоминаний, 9 %), ива (тальник) (3 упоминания, 5 %), боярышник (3 упоминания, 5 %), сосна, ель, кедр – по 2 упоминания (по 3 %), клен, дуб, бузина, акация, осина, шалфей – по 1 упоминанию (по 1 %). Выявлено, что достаточно активно в социальных сетях репрезентируется традиционное знание этнокультурных групп относительно значимости данных дикорастущих

растений в их религиозной картине мира. и предназначением. Конкретизация данных
Главное их свойство связывается именно свойств по каждому упоминаемому расте-
с культовым и религиозным свойствами нию представлена в табл. 1.

Таблица 1. Перечень растений, имеющих культовое назначение

Table 1. List of plants with religious purposes

Единица анализа	Свойства растений / способы их использования	Цитаты	Источник
Лиственница	Знак начала летнего времени года	Праздник связан с началом лета, которое наступает после того, как распускаются первые почки лиственницы	Как всегда в начале июня Эвенкия (https://vk.com/wall-114804611_420)
	Атрибут национального праздника «Мучун»	Каждый гость праздника, повязав ленточку на священное дерево	
Лиственница	Знак начала нового года	Когда хвоя у лиственниц цветет ... Приходит наш, эвенков новый год	Эвенкийский национальный праздник «Бакалдын» (https://vk.com/@cbssozvezdievenkiiskii-nacionalnyi-prazdnik-bakaldyn)
Багульник, можжевельник	Атрибут национального праздника «Бакалдын», используются растения для окуривания в ходе проведения обряда очищения	У входа устанавливают чичипкан, в середине – ритуальный костёр, в который время от времени подбрасывают багульник, можжевельник для окуривания	
Тальник	Материал для изготовления фигуры лося	Старшие мужчины с луками и стрелами в руках крадутся к лосю, сделанному из тальника	
Лиственница	Символический знак, сопровождающий эвенкийский обрядовый праздник «Икэнипкэ»	...Знаменовался рождением оленят, появлением травы и хвои лиственницы...	Год начинался, когда просыпалась земля (https://vk.com/wall-8955594_17990)
Ствол лиственницы	Атрибут обряда Чичипкан праздника «Синилгэн», который служил для изготовления «небесных врат». Символизировал очищение от грехов и болезней прошлого года	Их делают из раздвоенного ствола лиственницы ...	
Почки лиственницы	Распускание почек лиственницы как знак проведения летнего эвенкийского праздника «Бакалдын»	Проводится он на месте, ... в самом начале лета, когда распускаются почки лиственницы...	
Ветки ёрника (карликовая береза)	Использование в культовой практике по случаю наступления эвенкийского нового года	«...брали ветки ёрника в правую руку, трижды обходили жилище по движению солнца и произносили:...»	
Багульник	Используется для окуривания тела в процессе обряда очищения	«Вначале всех приглашают очистить душу и тело дымом багульника...»	
Лиственница	Символический знак начала эвенкийского нового года	То есть эвенкийский новый год наступает в начале лета, после того как распускаются первые почки лиственницы	

Таблица 1. Продолжение
Table 1. Continued

Единица анализа	Свойства растений / способы их использования	Цитаты	Источник
Ствол сосны, лиственницы	Материал для изготовления культовых предметов – идолов, оберегов	Идола изготавливали из бревна сосны или лиственницы ... Также из дерева изготавливали маленьких идолов-"ментая" – столбик с человеческой головой. Это были охранители рода, оберег-талисманы	Как живут эвенкийские шаманы (https://vk.com/wall-47424589_707)
Лиственница	Атрибут эвенкийских сказок	Чакулай бросил коробочку на высокую лиственницу	Кто дал эвенкам солнце (https://vk.com/wall-8955594_22033)
Лиственница	Связывается с культовым обрядом захоронения черепа медведя, служила местом его захоронения Использовалась в качестве атрибута календарного обряда, выполняющего символическую функцию «небесных врат» в верхний мир	Местами сохранялся древний обряд похорон черепа медведя путем укрепления его на вершине невысокой лиственницы Земными "преддвериями" его служили две лиственницы, между которыми натягивалась веревка с пучками подшейных волос священного оленя	Мы многое узнали об эвенках, а теперь поговорим ... (https://vk.com/wall-212557549_1607)
Лиственница	Материал культового предмета эвенков – идола	Им оказался культовый "божок", вырезанный из лиственницы идол с лицом аборигена	УРГУН-ХОЙ. Геологический отряд двигался ... (https://vk.com/wall-28300853_5894)
Хвоя лиственницы	Появление новой хвои лиственницы как знак начала обрядового праздника эвенков – Сэвэкэн, знаменующего собой начало нового года у восточных эвенков	В месяц отела оленей эвенки отмечали один из самых обрядовых праздников – Сэвэкэн. Он приходился на момент появления первой зеленой травы и новой хвои лиственницы ...	Весна, начало новой жизни (https://vk.com/wall-172037607_547)
Ветки багульника и можжевельника	Использовались в ритуальных целях	Долго догорал погребальный костер из веток багульника и можжевельника ...	Согласно легенде саамов, народа, проживающего ... (https://vk.com/wall-15588704_3578)
Ствол лиственницы	Атрибут ритуального обряда «Чичипкан», символизирующий «небесные врата»	Студенты переступили через раздвоенный ствол лиственницы под специальным тотемом сквозь дым от багульника	Били в бубен, стреляли из лука и прыгали через нарты (https://t.me/evenkya_life/7843)
Багульник	Дым от багульника использовался в ритуальных обрядах, символизирующих очищение от грехов и болезней		

Таблица 1. Продолжение
Table 1. Continued

Единица анализа	Свойства растений / способы их использования	Цитаты	Источник
Береза	Концентрация сил, внимания, энергетическое свойство	Концентрирует силы, внимание, генерирует энергию	Деревья – лекари (https://vk.com/wall-65281724_3668)
	Избавление от болезней и «несильного» колдовства	Живое дерево обладает способностью "вытягивать" из человека болезнь и несильное колдовство – для этого нужно обнять дерево и попросить о помощи. Больного сажают, прислонив к стволу, у корней. Вещь больного, которого нельзя привести или принести к дереву, вешают на ветку березы с просьбой о помощи	
	Магические ритуалы и магия	Ветка березы, сросшаяся с дубовой, используется в любовной магии. Корни березы используются для причинения вреда, наведения порчи	
Береза	Изготовление сакральных предметов	...крестовина делается из березы	Магические предметы шамана (https://vk.com/wall-65281724_3018)
Береза	Защита от злых духов	Сверток многократно обматывали куском рыболовной сети, обертывали в бересту (или помещали в маленький ящик)...	Взаимоотношения между духами и шаманами народов нижнего Амура (продолжение) (https://vk.com/wall-54794738_1020)
Береза	Сакральное космологическое значение, используется в погребальных ритуалах	Береза стоит корнями на крышке гроба и поднимается из ямы до уровня потолка. Вся иллюстрация отражает представление о том, что душа усопшего переселяется в иной мир по ветвям «вечно живой» березы	Образ дерева в мифах и ритуалах якутов и северных тунгусов (https://vk.com/wall-76213991_6157)
	Тотемическое значение	Кроме того, тунгусские мифы свидетельствуют о появлении из березы и лиственницы предков-шаманов, а также оленей	
Кора березы	Использование в качестве ритуального предмета	Некоторые эвенки заворачивали глаза в бересту и подвешивали к веткам рядом с чуки	После трапезы, когда кости головы медведя обсыхали, (https://vk.com/wall-29871305_1042)
Дуб	Общение с божествами, ритуальное и магическое применение	Энергия дуба (живого дерева) создает вихри, связывающие миры. ...дуб – дерево мудрости и Силы, т.к. в его соседстве возможно непосредственно общаться с жителями иных миров и Богами.	Деревья – лекари (https://vk.com/wall-65281724_3668)

Таблица 1. Продолжение
Table 1. Continued

Единица анализа	Свойства растений / способы их использования	Цитаты	Источник
		Древесина дуба не только хорошо сохраняется сама, но и сохраняет в себе заклятья и магические плетения, созданные при обработке. Поэтому дуб удобен для создания таких инструментов, как гадальная доска, талисманы, связанные с Богами и духами и т.д.	
Ель	Защита от духов	Ель (ветки) используют в качестве защиты от гнева или злобных шуток охотника, т.е. дома – от непогоды и урагана, полевых – от града. Под елью лучше всего устраиваться ночевать в лесу, т.к. она защитит от ночных игр духов	Деревья – лекари (https://vk.com/wall-65281724_3668)
Ель	Имеет сакральное значение, существует строгий запрет на повреждение дерева	Особо строгими были запреты по отношению к «вечным деревьям»: кедр, ели. С них нельзя было отломить даже веточку. Причем уважением пользовались не только растущие деревья, но и давно высохшие	Дерево "с хозяином" (https://vk.com/wall-76213991_5453)
Клен	Защита	... клен используют для создания барьеров Тьме	Деревья – лекари (https://vk.com/wall-65281724_3668)
Лиственница Сибирская	Сакральное значение (по одной из версий ульчской легенды лиственница является местом, куда падает мальчик-близнец, ставший впоследствии родоначальником злых духов)	... Испугавшись, что дракон унесет их к себе в логово и там съест, она бросила своих детей вниз. Девочка упала на тальники, а мальчик – на лиственницу	Взаимоотношения между духами и шаманами народов нижнего Амура (продолжение) (https://vk.com/wall-54794738_1020)
Лиственница	Имеет сакральное космологическое значение, используется в ритуалах	По верованиям эвенков-орочонов, на планете Венере растут лиственницы мугдыкен, на которых плодятся синички – души людей. Путь шамана до Венеры – 27 лиственниц тагу	Лиственничная богиня (https://vk.com/wall-211778008_4728)
Лиственница	Священный материал для изготовления ритуальных предметов	Туру – это молодая лиственница, точнее лиственничная жердь. ... Туру была и духом-охранителем чума, и лестницей, по которой шаман забирался в верхний мир. На нём же отдыхали духи-помощники шаманов	Туру – шаманское дерево у эвенков (https://vk.com/wall-211778008_3473)

Таблица 1. Продолжение
Table 1. Continued

Единица анализа	Свойства растений / способы их использования	Цитаты	Источник
Лиственница	Ритуальное применение	На подготовленной поляне устраивают своеобразные ворота, сооруженные из двух лиственниц, через которые проходят гости	Эвенкийский праздник Икэнип-кэ (https://vk.com/wall-76213991_6709)
Лиственница	Сакральное значение, использование в ритуалах	Так, мифическое дерево туру, или сэргэ, служило «лестницей», «дорогой» в разные миры. ... Эти лиственницы мыслились как фетиши, с которыми связывалась жизнь всего рода. С деревом туру связывалась судьба шамана в среднем мире: если дерево падало, то умирал и он сам	Образ дерева в мифах и ритуалах якутов и северных тунгусов (https://vk.com/wall-76213991_6157)
Лиственница	Тотемическое значение	...тунгусские мифы свидетельствуют о появлении из березы и лиственницы предков-шаманов, а также оленей	
Лиственница	Имеет сакральное значение	Особенно у всех народов Сибири почиталась лиственница	Дерево "с хозяином" (https://vk.com/wall-76213991_5453)
Лиственница	Использование для изготовления ритуальных предметов	В течение жизни шаман менял семь бубнов, их изготавливали из лиственницы, а интервалы замены составляли от 3 до 7 лет	Особенности шаманизма эвенков (https://vk.com/wall-76213991_4536)
Лиственница	Олицетворяется как дух, действующий в загробном пространстве	6 – шаманский дух-лиственница расчищает для шамана дорогу	Камлание шамана как символическое путешествие по вселенной (https://vk.com/wall-76213991_4529)
Ствол лиственницы	Ствол используется как основание для ритуального захоронения	Вся связка называлась чуки. Ее хоронили на стесанном с четырех сторон стволе лиственницы... Все остальные кости, после того как они обсыхали, складывали в ближайшее дупло или, обвязав снаружи прутьями, укладывали на ветку, ... подперев ее вершинкой наклонно поставленной лиственницы	После трапезы, когда кости головы медведя обсыхали, их складывали на ... (https://vk.com/wall-29871305_1042)
Лиственница	Сакральное значение, используется для просьб к духам	На специальном открытом поле ставят две молодые лиственницы, соединенные веревкой с разноцветными лоскутками ткани, разжигают два ритуальных костра. Эти деревья означают небесные ворота Когда утром солнце поднимается, люди перешагивают через «небесные ворота», обращаются	Эвинэк (https://vk.com/@cbssozvezdie-evinek)

Таблица 1. Продолжение
Table 1. Continued

Единица анализа	Свойства растений / способы их использования	Цитаты	Источник
		к духу матери-солнца с просьбой дать счастливую судьбу людям, подарить здоровье детям, приумножить олених стада, послать охотничью удачу	
Боярышник	Защита	Охранное дерево. Живой боярышник, растущий в одном из углов двора, может служить базовой точкой, узлом, для охранных чар	Деревья – лекари (https://vk.com/wall-65281724_3668)
Боярышник	Предсказания	Не вовремя или вторично за год зацветший боярышник – явный признак грядущего бедствия и многих смертей	
Боярышник	Колдовство	Шипы боярышника используются при колдовской работе с куклой. В основном используется для наведения порчи, всякого вреда, болезней, смерти	
Бузина	Общение с духами умерших	Используется в практике общения с духами умерших, пребывающими в ожидании нового рождения	
Можжевельник (ложноказацкий, артыш)	Защита, изготовление талисманов	Можжевельником окуривают для изгнания нежити, избавления от болезней, нежитью нашептанных. Из корня можжевельника делают талисманы наудачу. Для того же, чтобы была удачной охота, делают накладки из древесины на охотничьи луки или даже целиком луки делаются из можжевельника	
Можжевельник (ложноказацкий, артыш)	Окуривание пространства в ритуале	Ритуал кормления духов, пропитанный вязким дымом можжевельника и брызгами молока	Что-то величественное и, не побоюсь этого слова, запретное подарил сегодняшний день: (https://vk.com/wall270538373_1060)
Можжевельник (ложноказацкий, артыш)	Ритуальное очищение пространства	Обязательным или традиционно повторяющимся для этого обряда является применение особых сортов можжевельника как благоговения	Виды деятельности шаманов. Обряд «Очищение духа» (https://vk.com/wall-66191714_733)
Можжевельник (ложноказацкий, артыш)	Защита от злых духов, стабилизация психоэмоционального состояния, ритуальное применение	Шаманский сеанс обычно начинается с окуривания артышем. Применение: * для окуривания помещений во время обрядов и медитации;	Артыш – шаманская трава (https://vk.com/wall-59739308_1205)

Таблица 1. Продолжение
Table 1. Continued

Единица анализа	Свойства растений / способы их использования	Цитаты	Источник
		* для снятия сглаза, наговоров, порчи, страха и энуреза у детей (дым арса снимает чужие биополя, для этого человек окуривается слева направо в три круга; * для очищения дома (квартиры) от патогенной энергии и фантомов; * для защиты жилища от врагов	
Можжевельник (ложноказацкий, артыш)	Ритуальное очищение предметов	...чтобы после такого действенного обряда на зеркале не осталось вредоносного «налета», его стоит выставить на солнечный свет, прежде протерев спиртом и окурив ровно 9 раз дымом можжевельника	Толи. Что скрывает в себе шаманское зеркало (https://vk.com/wall-76213991_3021)
Кедр	Изготовление сакральных предметов	Обычно обечайка делается из кедра...	Магические предметы шамана (https://vk.com/wall-65281724_3018)
Кедр	Имеет сакральное значение, существует строгий запрет на повреждение дерева	Особо строгими были запреты по отношению к «вечным деревьям»: кедру, ели. С них нельзя было отломить даже веточку. При этом уважением пользовались не только растущие деревья, но и давно высохшие	Дерево "с хозяином" (https://vk.com/wall-76213991_5453)
Сосна	Имеет сакральное значение	И вспоминают историю, связанную с тремя соснами, росшими в самом центре села. С давних времен они считались священными	
Тальник (ива)	Сакральное значение (в ульчской легенде тальник (дерево пунгда) является местом, куда течением выносит одного из первопредков-близнецов, от союза которых рождаются злые духи, по другой версии мифа на тальник падает девочка	Но дети не утонули, течением их вынесло на берег, ...: мальчика – возле дерева пунгда (тальник)... ... Испугавшись, что дракон унесет их к себе в логово и там съест, она бросила своих детей вниз. Девочка упала на тальники...	Взаимоотношения между духами и шаманами народов нижнего Амура (продолжение) (https://vk.com/wall-54794738_1020)
Тальник (ива)	Применяется для строительства ритуальных объектов	После трапезы, когда кости головы медведя обсыхали, их складывали на тальниковые прутья, сохраняя анатомический порядок ...	После трапезы, когда кости головы медведя ... (https://vk.com/wall-29871305_1042)

Таблица 1. Продолжение
Table 1. Continued

Единица анализа	Свойства растений / способы их использования	Цитаты	Источник
Акация	Сакральное значение (в ульчской легенде акация является местом, куда течением выносит одного из первопредков-близнецов, от союза которых рождаются злые духи)	Но дети не утонули, течением их вынесло на берег, ...: ... девочку – к кэндэлэн (акация).	Взаимоотношения между духами и шаманами народов нижнего Амура (продолжение) (https://vk.com/wall-54794738_1020)
Багульник	Очищение души и тела	Их окуривают дымом багульника (рододендрона) или можжевельника, чтобы тело избавилось от болезней, а душа – от проблем, которые накопились за прошедший год. Раньше обряд очищения проводил шаман	Эвенкийский праздник Икэнип-кэ (https://vk.com/wall-76213991_6709)
Багульник	Подготовка к ритуалу	Мы зашли, внутри сидели люди и стоял дым. На костре жгли веточки хэнкирэ – болотного багульника	Хорошо когда у человека есть свой шаман (https://vk.com/wall-76213991_6392)
Осина	Запрет на использование в некоторых ритуалах	Интересно отметить, что у ульчей священные столбы шаманов назывались дару, туру или тури. Это была жердь с развилкой из любого дерева, кроме березы и осины	Образ дерева в мифах и ритуалах якутов и северных тунгусов (https://vk.com/wall-76213991_6157)
Шалфей	Используется для ухода за ритуальными предметами	Чтобы зеркало никогда не подводило, шаман ухаживает за ним как за дорогим другом – «кормит» и «поит» его, окуривая специальными травами, шалфеем, например	Толи. Что скрывает в себе шаманское зеркало (https://vk.com/wall-76213991_3021)

Как видно из этой таблицы, наиболее часто упоминаемым растением является лиственница (25 упоминаний): она служит знаком определения начала нового года, смены сезонов, также репрезентируются знания относительно ее применения для создания культовых предметов. Подобное частотное упоминание данного растения в социальных сетях является вполне закономерным явлением, поскольку именно это растение является важной частью космологии тунгусо-маньчжурских народов, оно часто упоминается в их фольклорных текстах (Degtyarenko, Pimenova, 2025; Seredkina, Ermakov, 2025). Береза, можжевельник (артыши) и багульник также

являются часто упоминаемыми растениями (9, 7 и 6 упоминаний соответственно). Они выступают знаковыми растениями, называемыми в контексте ритуального очищения человеческих тел и душ, пространства и предметов от болезней и злых духов. Кроме того, ряд растений данной группы упоминается в контексте описания шаманских практик: это можжевельник, используемый для окуривания и создания ритуальной атмосферы, береза и кедр – для изготовления бубнов, и шалфей – для ухода за зеркалом.

Вторая группа растений, упоминаемых в социальных сетях с позиции их лечебных свойств, представлена в табл. 2.

Таблица 2. Перечень растений, имеющих лечебные свойства
Table 2. List of plants with medicinal properties

Единица анализа	Свойства растений / способы их использования	Цитаты	Источник
Березовая чага	Настойка для лечения желудка	Они пили настой березовой чаги при больном желудке ...	«Таймырский телеграф» – Эвенки ... (https://vk.com/wall-147491148_10554)
Морошка	Лекарство	...морошка помогала при диарее, брусника – при давлении, простуде ...	
Брусника			
Береза	Лечение шейного остеохондроза, медицина	Говорят, что если толстую ветку березы, завернутую в мягкую ткань, класть на ночь под шею, то можно избавиться от шейного остеохондроза. Практически все части дерева используются в целительстве	Деревья – лекари (https://vk.com/wall-65281724_3668)
Береза	Используется в родах	Так в эпосе описывается рождение ребенка: муж сооружает в юрте перекладину из березы и роженница освобождается от бремени, держась за эту конструкцию	Образ дерева в мифах и ритуалах якутов и северных тунгусов (https://vk.com/wall-76213991_6157)
Клен	Традиционная медицина	Клен (и его части) активно используется в целительстве	Деревья – лекари (https://vk.com/wall-65281724_3668)
Каштан	Медицина (лечение ревматизма, бессонницы, тревожных состояний)	Хорош от ревматических болей, от бессонницы. Прогоняет тревогу	Деревья – лекари (https://vk.com/wall-65281724_3668)
Лиственница Сибирская	Противовоспалительный эффект	Обладает противовоспалительным эффектом. При женских хворях народная медицина советует прикладывать к низу живота лиственничные кругляши с дыркой в середине (диаметр – 7 см).	Деревья – лекари (https://vk.com/wall-65281724_3668)
Бузина	Изготовление в качестве снотворного, использование в родах и для помощи умирающим	Некоторые части растения использовались в целительстве для приготовления сонного напитка ... Ветки бузины (или сухие веники, заготовленные весной) используются при родах и в ритуале проводов за Предел (помощь умирающим)	Деревья – лекари (https://vk.com/wall-65281724_3668)
Можжевельник	Лечение ревматизма, гриппа, дезинфекция помещения	* при ревматизме ветки арса используют для ванн. Эти процедуры успокаивают и снимают боли; * при гриппе применяют отвар травы внутрь и окуривание дымом; * арса обладает сильным фитонцидным действием. Он убивает болезнетворные бактерии, тем самым дезинфицируя помещение при окуривании, дым арса очень полезен для лёгких	Артыш – шаманская трава (https://vk.com/wall-59739308_1205)

Таблица 2. Продолжение
Table 2. Continued

Единица анализа	Свойства растений / способы их использования	Цитаты	Источник
Можжевельник (ложноказацкий, артыш)	Очищение души и медицина	Их окуривают дымом багульника (рододендрона) или можжевельника, чтобы тело избавилось от болезней, а душа – от проблем, которые накопились за прошедший год	Эвенкийский праздник Икэнипкэ (https://vk.com/wall-76213991_6709)
Багульник	Очищение пространства	Если заболел ребенок, в направлении духа брызгали рыбьим жиром или окуривали сверток багульником	Взаимоотношения между духами и шаманами народов нижнего Амура (продолжение) (https://vk.com/wall-54794738_1020)

Согласно данной таблице, в социальных сетях репрезентируются лечебные свойства таких растений, как береза (2 упоминания), можжевельник (2 упоминания), по одному разу упомянуты в данной группе растений – березовая чага, морошка, брусника, клен, каштан, лиственница, бузина, багульник. Среди них ряд растений, в частности береза, можжевельник, бузина, каштан, упоминаются как средства для лечения конкретных болезней и недугов. Например, береза упоминается как средство для лечения шейного остеохондроза, а также как средство, используемое в родах; березовая чага упоминается как средство для

лечения заболеваний желудка; каштан – для лечения ревматизма, бессонницы, тревожного состояния. Лечебные свойства можжевельника связаны с возможностью лечения также ревматизма и гриппа, а также упоминаются его и багульника дезинфицирующие свойства. Другие растения, например береза и клен, упоминаются как широко используемые в целительстве в целом, что указывает на универсальность их лечебных свойств.

Третья группа растений, репрезентирует знания тунгусо-маньчжурских народов об их прикладных свойствах. Перечень данных растений представлен в табл. 3.

Таблица 3. Перечень растений, используемых для изготовления предметов быта и утвари, а также в строительстве

Table 3. List of plants used for making household items and utensils, as well as in construction

Единица анализа	Свойства растений / способы их использования	Цитаты	Источник
Береста (верхний слой коры березы)	Материал для изготовления одной из частей эвенкийской люльки – «временного футляра»	Эвенкийская зыбка состоит из 2 частей: временного берестяного футляра (берестяной футляр, сшитый и скомбинированный из бересты	ЭМКЭ – Эвенкийская зыбка (люлька) (https://vk.com/wall-8955594_22106)
Сосна, ель	Материал для изготовления деревянного корпуса эвенкийской люльки	и ткани, в который «упаковывался» спеленатый малыш от рождения до 2–3 мес.), и постоянного деревянного корпуса из сосны или ели	
Корни чермухи, тальник	Применялись в качестве нитей для изготовления эвенкийской люльки	Детали зыбки (люльки) сшивались корнями чермухи, тальником	

Таблица 3. Продолжение
Table 3. Continued

Единица анализа	Свойства растений / способы их использования	Цитаты	Источник
Тальник	Материал для изготовления бытовых вещей	Мелко настрогать мерзлый тальник, чтобы использовать полученные мягкие и белые стружки в качестве салфеток	«Таймырский телеграф» – Эвенки ... (https://vk.com/wall-147491148_10554)
Лиственница Сибирская	Строительство ритуальных сооружений	Однако сибирская лиственница необычайно прочна, она способна удерживать аранга и больше века	Аранга место захоронения шамана ... (https://vk.com/wall-65281724_2624)
Сосна	Применение в строительстве, ритуальное значение	...место захоронения шамана в густом лесу на вершине горы или возвышенности, представляющее собой помост, сооружённый между парными соснами	

Согласно табл. 3, в социальных сетях репрезентируется прикладное назначение таких растений, как сосна (2 упоминания), ива (тальник) (2 упоминания), по одному разу упомянуты – береза, ель, черемуха, лиственница. Данные растения упоминаются в контексте возможности их использования как особого рода материала, например для изготовления эвенкийской люльки. Репрезентируются также знания относительно того, почему эти растения могут быть использованы в своем прикладном значении. В частности, лиственница выбирается для ритуальных сооружений вследствие своей прочности и долговечности; береста для люльки – из-за гибкости, водоотталкивающих свойств и доступности этого материала. Стоит заметить, что даже при

упоминании прикладных свойств дикорастущих растений отмечается одновременно и их сакральное значение. Например, сосна упоминается не только как материал для изготовления люльки, но и как элемент погребального сооружения для шамана, что подчеркивает тесную связь сакрального и прикладного значений растений в традиционной картине мира этнокультурных групп.

Четвертая группа растений связана с упоминанием с позиции их пищевых свойств. Перечень данных растений с описанием их использования в пищевых целях представлен в табл. 4.

С позиции пищевого назначения в социальных сетях упомянуты по одному разу ягоды в своем собирательном значении.

Таблица 4. Перечень растений, упоминаемых с позиции их пищевых свойств
Table 4. List of plants mentioned for their nutritional properties

Единица анализа	Свойства растений / способы их использования	Цитаты	Источник
Черноягоды	Пища подземных духов, таежные плоды	Черноягоды накопаю и наемся. Видишь поляна, перед ярангой? Вся зимой черноягодой усыпана	Темное время суток настраивает на ночные истории ... (https://vk.com/wall-8955594_17939)
Ягода	Пищевой продукт для изготовления йогурта	Делали эвенки домашний йогурт из оленьего молока. ... Добавляешь ягоду – вот тебе и йогурт	«Таймырский телеграф» – Эвенки ... (https://vk.com/wall-147491148_10554)

Одно упоминание связано с мифологическим контекстом и репрезентацией черно-ягод как пищи подземных духов, и второе упоминание связано с репрезентацией знания об использовании ягод в целом в целях изготовления йогурта.

Выводы

Проанализировав контент социальных сетей, можно сделать вывод о том, что наиболее активно в социальных сетях репрезентируются традиционные представления тунгусо-маньчжурских народов относительно сакральных свойств дикорастущих растений (76 % от общего числа упоминаний). Они не только воспроизводятся через мифологические тексты, при этом преимущественно эвенков, но и через описание

опыта воспроизведения культовых традиционных обрядов, в которых используются растения, обладающие сакральными свойствами, в современной практике, среди участников которых выступает и молодое поколение. Менее всего репрезентируются в социальных сетях знания относительно прикладных и пищевых свойств дикорастущих растений (9 и 2 % соответственно), тогда как пищевые растения выступают одним из важнейших этноидентификационных факторов в традиционной культуре тунгусо-маньчжурских народов (Koptseva, Shpak, 2025), что может быть учтено при дальнейшем выстраивании стратегии систематизации коренных знаний в киберпространстве и их интеграции в общероссийское цифровое культурное пространство.

Список литературы / References

Degtyarenko K. A., Pimenova, N. N. Etnicheskie znaniya tunguso-man'chzhurskih narodov o rastitel'nom mire: na materiale evenkijskih literaturnyh tekstov [Ethnic knowledge of the Tungus-Manchu peoples about the plant world: based on Evenki literary texts]. In: *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences], 2025, 18(7), 1290–1299.

Koptseva M. S., Shpak A. A. Pishchevye rasteniya v evenkijskoj kul'ture [Food plants in Evenki culture]. In: *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences], 2025, 18(7), 1321–1330.

Seredkina N. N., Ermakov T. K. Etnobotanicheskie i etnomedicinskie znaniya evenkov i ih reprezentaciya v kul'turnyh praktikah sovetskogo perioda [Ethnobotanical and ethnomédical knowledge of the Evenks and its representation in the cultural practices of the Soviet period]. In: *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences], 2025, 18(7), 1300–1311.

EDN: LXOSHE
УДК 316.723:641(=511.2)

Food Culture of the Nenets of the Krasnoyarsk Krai

Ekaterina A. Sertakova* and Natalia M. Leshchinskaia

*Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Received 29.11.2025, received in revised form 28.12.2025, accepted 27.01.2026

Abstract. A distinctive feature of traditional cultures is the profound connection between all their constituent elements. Specifically, in traditional culture, practices related to obtaining, preparing, storing, and consuming food are not limited to satisfying physiological needs but also have a sacred significance. The food culture of indigenous peoples is a key factor in preserving and maintaining a positive ethnic identity for these peoples in the modern world. The aim of this study is to examine the food culture of the Nenets, a Samoyedic ethnic group living in the Krasnoyarsk Territory. The study analyzed existing scientific approaches to examining this phenomenon. The study found that the food culture of the Nenets of the Krasnoyarsk Territory has not undergone significant changes over the course of their existence. Although various foods imported from various regions of Russia and other countries are currently available in the area where indigenous peoples live, the Nenets diet remains based on traditional meat and fish, and traditional methods of obtaining, preparing, storing, and consuming them have been preserved.

Keywords: traditional culture, food culture, Nenets, the Krasnoyarsk Krai, North.

Research area: Theory and History of Culture, Art.

The study was supported by the grant of the Russian Science Foundation No. 25–18–20096, <https://rscf.ru/project/25-18-20096/>, grant from the Krasnoyarsk Regional Science Foundation.

Citation: Sertakova E. A., Leshchinskaia N. M. Food Culture of the Nenets of the Krasnoyarsk Krai. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2026, 19(2), 319–328. EDN: LXOSHE

Пищевая культура ненцев Красноярского края

Е.А. Сертакова, Н.М. Лещинская

*Сибирский федеральный университет
Российская Федерация, Красноярск*

Аннотация. Особенностью традиционных культур является глубокая связь между всеми составляющими её элементами. В частности, в традиционной культуре практики, связанные с добычей, приготовлением, хранением и употреблением пищи, не ограничены только целью удовлетворения физиологических потребностей, но имеют и сакральное значение. Пищевая культура коренных малочисленных народов является одним из важных факторов, влияющих на сохранение и поддержание позитивной этнической идентичности данных народов в современном мире. Целью настоящего исследования является изучение особенностей пищевой культуры ненцев – этноса из группы самодийских народов, проживающих на территории Красноярского края. В ходе исследования был проведен анализ существующих в современной науке подходов к рассмотрению данного феномена. В результате проведенной работы было зафиксировано, что пищевая культура ненцев Красноярского края не претерпела существенных изменений за время существования этноса. При том что в настоящее время на территории компактного проживания коренных народов доступны различные продукты, завозимые из разных регионов России и других стран, основу питания ненцев по-прежнему составляют традиционные мясо и рыба, а также сохранены традиционные способы их добычи, приготовления, хранения и употребления.

Ключевые слова: традиционная культура, пищевая культура, ненцы, Красноярский край, Север.

Научная специальность: 5.10.1. Теория и история культуры, искусства.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25–18–20096, <https://rscf.ru/project/25–18–20096/>, гранта Красноярского краевого фонда науки.

Цитирование: Сертакова Е. А., Лещинская Н. М. Пищевая культура ненцев Красноярского края. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2026, 19(2), 319–328. EDN: LXOSHE

Введение

Изучение традиционных культур малочисленных народов Севера и Сибири является одним из актуальных направлений в современных гуманитарных исследованиях, что обусловлено осознанием влияния глобальных трансформаций, подвергающих угрозе исчезновения культуры малочисленных народов вследствие ассимиляции и аккультурации (Degtyarenko, Ermakov, 2022; Shpak, Kirko, 2025; Mikhailova, 2025; Shurmanova, 2025; Koptseva, 2025). Пищевая культура представляет собой одно из ярких

проявлений традиционности, одну из форм материального воплощения этнической духовности. Таким образом, изучение данной грани традиционной культуры позволяет не только зафиксировать специфику культурных практик, связанных с приемом пищи, но и внести вклад в осмысление значения данных практик для сохранения самобытности малочисленных народов в условиях глобализации. В ряде статей 2025 года исследователь Н.П. Копцева предлагает рассматривать концепт «пищевая культура» опираясь на трактовку культуры как

процесса идеалообразования, а также раскрывает особенности бытия данного концепта в культуре тунгусо-маньчжурских народов, рассматривает его как основу для традиционной экономики и северного предпринимательства (Koptseva, 2025). Растительные ресурсы как часть пищевой культуры эвенков изучают М.С. Копцева и А.А. Шпак. Они отмечают, что в диете эвенков пищевые растения играли критически важную роль в компенсации дефицита витаминов и адаптации к сезонным изменениям (Koptseva, Shpak, 2025: 1328). Пищевые растения северных территорий Красноярского региона в целом рассматриваются Н.Н. Пименовой, М.А. Колесник, Р.С. Вологодским (Pimenova, Kolesnik, Vologodsky, 2025). В близком ключе выполнена работа Е.Н. Кожухарь и В.Н. Невзорова, где особое значение среди растительных ресурсов для народов Крайнего Севера отдается бруснике (Kozhukhar, Nevzorov, 1998). Исторические трансформации антропологии питания северных народов России также представляют интерес для исследователей (Ermaikov et al., 2025). Авторы А.А. Ховяков, Н.Н. Середкина, С.О. Зотов и М.С. Копцева сосредоточили свое внимание на анализе антропологии питания самодийских народов (Khovyakov et al., 2025). Рассмотрев фольклорные тексты и этнографические материалы, они выявили, как питание нганасан связано с их мировоззрением и социальными практиками. Самодийский этнос «ненцы» относится к числу коренных малочисленных народов Севера, но при этом является одним из наиболее многочисленных среди них. Территория их проживания простирается от Кольского полуострова до Таймыра. В Красноярском крае данный народ проживает на территории Таймыра, преимущественно в сельском поселении Караул. Согласно переписи 2020 года, к данному этносу в регионе причисляют себя 3 836 человек.

Изучение ненецкой традиционной культуры является предметом исследований многих ученых, обращающихся к анализу в том числе их пищевой культуры. Значительное внимание питанию ненцев уделил

Л.В. Хомич сначала в своей большой работе «Ненцы. Историко-этнографические очерки» (1966), а затем в работе «Ненцы», написанной в 1990-е годы, когда менялось не только политическое устройство государства, но и положение этносов, в том числе их подход к самоопределению (Khomich, 1995). Синкретичность традиционной культуры анализируется Л.А. Лар. Исследователь описывает культово-обрядовые практики ненцев, фиксирует особенности их мировоззрения, отношение к природе и влияние этого отношения на хозяйственную деятельность, в том числе добычу пропитания (Lar, 2008). Анализируя современное состояние материальной культуры самодийских народов, В.К. Бичеол также обращается к изучению пищевых традиций ненцев (Bicheool, 2013). Автор подчеркивает особое значение сохранения традиционности в данной сфере для сохранения этнического самосознания и формирования позитивной этнической идентичности. Пищевую культуру в контексте изучения значения оленеводства для ненцев изучает М.В. Титова (Titova, 2023). Способы хранения продуктов питания, распространенные у народов Севера Западной Сибири (в том числе и ненцев), изучаются Р.Ю. Федоровым (Fedorov, 2024). На некоторую ограниченность в изучении пищевой культуры отечественными исследователями обращает внимание В.И. Сподина (Spodina, 2020), подчеркивая, что в современной международной науке широкое распространение получили Food Studies, в рамках которых осмысливается значение пищевых практик, а не только описываются продукты питания и способы их приготовления. В.Н. Адаев обращается к изучению практик использования растений в пищу тундровыми ненцами в контексте этноботаники и этноэкологии (Adayev, 2023). Ученый также подчеркивает, что данная область является малоизученной, при том что ягоды, съедобные корни, стебли и листья, травяные отвары имели огромное значение для данного народа. Современный вид питания ненцев, рецепты приготовления традиционных блюд приводит Е.Т. Пушкарева (Pushkareva, 2014). Вместе с Н.А. Маничкиным она рассматривает,

как менялось традиционное питание ненцев и какое влияние оно оказывало на здоровьесбережение этноса в условиях Крайнего Севера (Manichkin, Pushkareva, 2019). Связь традиционного питания и здоровья коренного населения Севера Красноярского края выявляют исследователи В.А. Никифорова, С.Ф. Лапина и С.А. Кирюткин (Nikiforova, Lapina, Kiryutkin, 2021). О.Б. Степанова уделяет внимание тому, как меняется рецептура блюд у лесных ненцев и как сегодня они используют традиционную пищу в утверждении своей этничности. Автор отмечает, что «национальная еда представляет традиционную культуру ненцев внешним наблюдателям на этнических праздниках, где участники-северяне испытывают гордость за самобытность и высокие вкусовые качества пищи своих предков (Stepanova, 2024: 116). Все авторы, затрагивающие в своих работах вопрос пищевой культуры коренных малочисленных народов Севера в целом и ненцев в частности, подчеркивают актуальность темы исследования, ее малую изученность и значение, которое она имеет для сохранения культуры коренных этносов.

Целью настоящего исследования является анализ особенностей пищевой культуры ненцев, проживающих на территории Красноярского края.

Методология

Помимо использования общенаучных методов, таких как анализ, синтез, дедукция, индукция, в рамках настоящей работы был применен метод аналитического обзора, позволяющий осуществить качественное исследование результатов научных трудов, посвященных изучению различных граней пищевой культуры ненцев, что является необходимым для выявления ее особенностей. В качестве исследовательского материала были выбраны научные статьи, монографии, а также материалы докладов научных конференций различных уровней.

Основная часть

Процесс принятия пищи в контексте архаических культур имеет сакральное значение (Kistova A. V. et al., 2019). И древние

традиционные представления для многих современных этносов не утратили своей актуальности. Не являются исключением и ненцы. Для представителей данного этноса характерно особенное восприятие природы и окружающего мира, человек понимается единым с природой, неотделимым от неё. Охотники, оленеводы, рыболовы с почтением относятся к божествам и духам, населяющим мир, и в награду за уважительное отношение получают добычу и улов, а также сохранность домашних оленей, что является важнейшим условием выживания, так как мясо и рыба – основные пищевые ресурсы. В данном контексте также необходимо упомянуть практики жертвоприношения, подкармливания духов. Суть данных действий раскрывает понимание ненцами угощения божеств и духов как способа коммуникации с ними посредством разделения пищи, дарования им лучших кусков еды. Например, задабривание хозяйки Огня (Ту'Хада) кормлением. Данная функция была закреплена за хозяйкой чума, её задачей было проводить ритуал кормления ежедневно. Сакральное значение имели общие трапезы, которые выполняли как социоцентрическую задачу – объединение всех членов поселения, так и космоцентрическую, поскольку участниками таких трапез были и духи. Таким образом, процесс принятия пищи трактуется не только прозаично как удовлетворение физиологической потребности, но и является важным элементом духовной культуры ненцев.

Пища, которую употребляли ненцы, во многом отражала специфику их культуры. Она была связана с особенностями их хозяйственной деятельности, представлениями о силе и здоровье, воззрениями об устройстве мира и взаимодействия с ним. Большое влияние на пропитание оказывала сама природа, в зависимости от времени года вид пищи значительно изменялся.

Ключевыми составляющими их питания были мясо и рыба, добытые при перекочевках либо на местах стоянок. Зимой основой блюд выступало мясо оленя. Если в тундре встречались дикие олени, тогда охотники старались добыть именно

их. Если нет, то, как правило, закалывали домашнего оленя. Енисейские ненцы, как отмечают исследователи (Khomich, 1995; *Narody Zapadnoi Sibiri*, 2005; Kvashnin, 2009), с середины августа до мая преимущественно употребляли мясо дикого оленя, так как домашняя оленина была более жилистой и менее жирной.

Особенно ценными свойствами и выраженным вкусом обладало свежее мясо оленя. Ненцы считали, что свежее мясо и еще не остывшая кровь животного могут повысить жизненный тонус и укрепить здоровье, избавить от разных хворей, например простуды. Поедание свежего мяса (по-ненецки *ная-барць*) было своего рода важным событием, на которое собирались родственники и приглашенные. Самыми вкусными, помимо мяса, считались печень, почки, язык, нижняя губа, дыхательное горло.

Любовь ненцев к мясу оленя и почтительное отношение к пище отображены в их приметах и сказках. Так, известная ненецкая сказка «Два брата и великан» повествует о зависимости жизненной силы ненцев от еды. В ней говорится о том, как великан накормил братьев по их достоинству. Младшего и бедного, который был почителен к нему, он накормил самой вкусной едой: «В руках он держал много вкусного оленьего мяса. Он подкинул вверх свой нож. Нож в один миг разрезал мясо на куски. Куски прыгнули один за другим в котёл с кипящей водой. Мясо сварилось» (*Dva brata i velikan...*). Жирные куски мяса прибавили силы и резвости младшему брату, после чего он стал во всем удачлив и богат.

После того как трапеза заканчивалась, остатки туши и внутренностей готовились для последующего употребления. Куски мяса могли варить и коптить на огне. Варили мясо для приготовления бульона и супа. Бульон (евэй) получался в результате простой варки мяса в подсоленной воде. Для супа (я) использовалась мука, которая значительно загущала бульон.

Если происходил убой нескольких оленей, мясо заготавливали впрок. Как правило, это происходило осенью, чтобы зимой не было недостатка питательной пищи. Для

этого мясо помещали в мерзлую землю, используя природный холод. Оно не портилось и могло пролежать там в течение долгого периода. В сосудах могли зарывать в землю и оленью кровь, которую затем просто разогревали на огне перед приемом.

Второй способ заготовки мяса был связан с копчением. Коптили спину оленя над огнем и хранили в таком состоянии некоторое время. Соление и вяление мяса использовались ненцами в практиках заготовки достаточно редко. В пищу употреблялись также рога и костный мозг молодых оленей, данный вид пищи считался деликатесным и особенно ценным для здоровья.

С приходом весны рацион ненцев менялся. Мясо оленя заменялось мясом птицы. Охота велась на гусей, уток, гагар и т.д. В приготовлении птицы разнообразия не было. Мясо отваривалось и употреблялось кусками, из оставшегося бульона делали суп, добавляя муку. В период гнездования птиц собирали яйца.

Летний период, как правило, считался преимущественно рыбным. Хотя данный вид пищи ненцы употребляли круглый год – для ненцев, у которых не было стада или в нем было мало оленей, именно рыба была основным продуктом питания. Особенно это относится к лесным ненцам. Как пишет Ю.Н. Квашнин, в XX – начале XXI века на Большой и Малой Хете, Соленой и больших и малых протоках ненцы добывали и продолжают вылавливать чира, сига, тайменя, хариуса, пелядь, щуку и т.д. В самом Енисее добывают омуля и муксуна. В озерах правого берега попадаетеся и кумжа – красная рыба (Kvashnin, 2009: 107).

Среди основных способов добычи рыбы выделяют запорный, сетевой, крючковый, колющий с использованием острогов или гарпунов. Полученный улов обычно превосходил сиюминутные потребности, и избытки рыбы продавали либо заготавливали впрок. С осени до весны рыбу хранили в специально сооруженных из жердей шалашах пирамидальной формы с уложенным на пол льдом или снегом. До наступления заморозков излишки рыбы могли сохранять в деревянных ящиках, которые помещали

в воду у берега водоема. Для более длительного хранения рыбу вялили, сушили, коптили, солили (Spodina, 2020: 2). Особое значение имело изготовление рыбной муки из сушеной рыбы. Данный продукт очень удобен для хранения, а также для транспортировки. Поедание рыбной муки позволяло утолять голод во время длительных переездов с одного места кочевья до другого. Из рыбной муки изготавливали своеобразный «хлеб».

Рыбу ели в сыром и приготовленном виде, иногда немного посолив. Традиционные способы приготовления рыбы: варка, запекание, жарение. При этом существовало множество кулинарных тонкостей и нюансов, позволяющих создавать из одной и той же рыбы различающиеся на вкус блюда. Сырую ели, если она была свежая. Поедание сырой рыбы у енисейских ненцев имеет даже характерное название – нгайбарчъ. Хотя на сегодняшний день они чаще употребляют понятие «согудать», как их соседи – энцы или нганасаны (Kvashnin, 2009: 107). Так же как и из мяса, отварив, ненцы могли приготовить бульон или суп. Рыбу заготавливали впрок двумя способами: в холода замораживали и в летние теплые дни сушили. Из замороженной рыбы делали строганину, нарезая острым ножом на тонкие пластинки и затем обмакивая в соль (Traditsionnaya kukhnya. Nenets). Сушеную юколу из боковых северной рыбы (сига, чира) ели кусочками или варили в рыбьем жире и ели с лепешками. Из некоторых пород рыб, таких как омуль или сиг, ненцы любили добывать икру. Ее смешивали с рыбьим жиром, кусочками рыбы или ягодами и принимали как лакомство. У Таймырских ненцев наиболее популярна была строганина, сырая и малосольная рыба, которую употребляли регулярно. Изготовление юколы (сушено-вяленой рыбы) было рассчитано на длительное хранение данного продукта. Особое значение имело употребление в пищу сырых мяса и рыбы, что в суровых климатических условиях позволяло избежать авитаминоза и цинги (Bicheool, 2013).

Мучную пищу из зерновых, хлеб ненцы попробовали с приходом русских

на Север Сибири. Поначалу купить муку или хлеб могли только зажиточные ненцы. В дальнейшем пресные лепешки и хлеб достаточно плотно вошли в рацион коренного этноса.

Растительная пища в рационе присутствовала редко и использовалась чаще в качестве добавок к основному блюду. Известно, что ненцы употребляли морошку, обильно произрастающую в тундре, голубику и бруснику, молодые побеги дудника лекарственного и альпийскую толокнянку (Kolesnik et al., 2025; Pimenova, Kolesnik, Vologodsky, 2025). Из последней они варили жидкую кашу. Если ягоды и дудник имеют доказанные лекарственные свойства, польза толокнянки сомнительна, так как ягоды этого заполярного кустарника могут вызывать несварение и даже рвоту.

Грибы ненцы не собирали. Однако, как отмечает исследователь В. Н. Адаев, настой из чаги (или трутовика скошенного), растущей на березах лесотундры, ценился среди ненцев как лечебный напиток (Adayev, 2023: 177).

Как отмечает исследователь Л. В. Хомич, у ненцев приготовлением пищи занимались всегда женщины (Khomich, 1995: 101), накрывали на стол и убирали с него тоже только они. Ненецкая примета гласит: «Мальчику не положено мыть посуду – будет плохим охотником». Мужчины считались добытчиками. Поэтому и за пищу они садились первыми, с ними были мальчики старше 6 лет. После есть садились женщины, девочки и маленькие дети. Принимали пищу три раза в день, оставляя самую сытную, жирную и тяжелую пищу на вечернее время. В утренние часы ненцы предпочитали чай и хлеб.

В перекочевках ненцы питались преимущественно сухой пищей. На охоту или рыбалку еды не брали вовсе, так как могли ее добыть. Также, если им по пути встречался чум, они могли поесть готовую пищу, так как ненцы ценили обычай гостеприимства и пытались всегда уважить путников угощением (Khomich, 1995: 107).

Описанная выше пищевая культура была характерна для ненцев до 1920-х годов

XX века. Конечно, роль мяса и рыбы никуда не исчезла. Однако кухня этноса была значительно расширена за счет более плотного знакомства с русской кухней и внимания к питанию на Севере со стороны государства. Мучные изделия и чай стали постоянными составляющими питания ненцев. Оленина была заменена привозным мясом (говядиной, свининой, курятиной), ценные виды рыб были заменены на слабосоленую сельдь (Manichkin, Pushkareva, 2019). Появилось масло, специи, сладости, которые несколько изменили вкусовые предпочтения коренного населения, а также повлияли на рецепты приготовления традиционных блюд.

На сегодняшний день в сельском поселении Караул две трети коренного населения продолжают заниматься рыболовством, оленеводством и охотничьим промыслом. Для многих ненцев эти занятия являются основным источником пропитания и доходов. Исследователь В.П. Кривоногов отмечает: «социальные процессы последних десятилетий привели к тому, что доля употребляющих национальную пищу ненцев не только не сократилась, но даже увеличилась» (Korennye malochislennyye narody..., 2012: 437). По собранным в ходе полевых экспедиций данным, 94,9 % мужчин и 86,6 % женщин употребляют традиционную пищу (рыбу и мясо) регулярно. Тем самым показывая, что в условиях социокультурных трансформаций традиционная пища остается самым устойчивым элементом материальной культуры ненцев.

Заключение

На основе изученных научно-исследовательских материалов, посвященных пищевой культуре ненцев, следует сделать ряд выводов, определяющих специфику данной области традиционной культуры названных этносов.

Пища для ненцев не только способ удовлетворения важнейшей жизненной потребности, но и главный компонент материальной культуры. Продукты, как и сама культура питания, во многом зависят от территориальных и природно-климатических условий, в которых проживает данный народ.

Несмотря на то что ненцы имеют широкую географию расселения в России, их пищевые привычки во многом схожи, как и представления о силе и здоровье, напрямую зависящие от питания. Особенности пищевых предпочтений ненцев Красноярского края обусловлены некоторыми обстоятельствами. Например, виды рыб, которые употребляются в пищу, ограничены теми, что обитают в озерах и реках региона. Также в их рационе отсутствует мясо морских животных.

Значительных изменений за время существования этноса в пищевых традициях не произошло. До сих пор самыми распространенными, ценными и питательными считаются блюда из мяса и рыбы (куски свежего или отваренного мяса, суп с мукой). В практике до сих пор применяется питье теплой крови как тонизирующего и лекарственного средства. Присутствие в рационе ненцев мучных изделий, соли, сахара и чая также можно считать уже традиционным, так как они появились вместе с приходом русских на северные территории государства. В современный период у ненцев распространено использование специй, употребление сладостей и продуктов, ранее не присутствовавших в их рационе ввиду отсутствия, но ставших доступными благодаря завозу продовольственных товаров в местные магазины с материка. При этом, как отмечают исследователи, традиционные блюда остаются привычными для подавляющего большинства представителей ненецкого этноса и выступают устойчивым элементом их культуры. В целом можно подчеркнуть, что состав рациона ненцев всё также определяется преимущественно теми ресурсами (животными, растительными), которые присутствуют в местах их проживания, технологии приготовления пищи являются одним из прочных элементов культуры, сохраняющих традиционные черты. Сохранение традиционности проявляется и в понимании приема пищи не только как физиологического процесса, но и имеющего сакральное значение, которое проявляется в кормлениях духов и божеств, в разделении трапезы, являющихся залогом благополучия.

Список литературы / References

- Adayev V.N. Pishchevoe ispol'zovanie rastenii v praktike tundrovyykh nentsev [Food use of plants in the practice of the Tundra Nenets]. In: *Etnografiia [Ethnography]*, 2023, 1(19), 164–182.
- Belyayeva-Sachuk V.A., Davydov V.N. Traditsii chayepitiia v kochevykh kul'turakh Vostochnoi Sibiri: ritual, gostepriimstvo, chuvstvo sytosti, zdorov'e [Tea drinking traditions in nomadic cultures of Eastern Siberia: ritual, hospitality, feeling of satiety, health]. In: *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Gumanitarnye nauki [Journal of the Siberian Federal University. Humanities]*, 2024, 17(4), 813–823.
- Bicheool V.K. Material'naya kul'tura kochevnikov Taymyra (na primere samodiyskikh narodov) [Material culture of the Taimyr nomads (based on the Samoyedic peoples)]. In: *Vestnik Chelyabinskoy gosudarstvennoy akademii kul'tury i iskusstva [Bulletin of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts]*, 2013, 1(33), 170–174. EDN PXLOUL.
- Degtyarenko K.A., Ermakov T.K. Analiz etnologicheskikh osobennostey traditsionnykh vidov khozyaystvennoy deyatel'nosti v mire, v Rossiyskoy Federatsii [Analysis of ethnological features of traditional types of economic activity in the world, in the Russian Federation]. In: *Severnnye Arkhivy i Ekspeditsii [Northern Archives and Expeditions]*, 2022, 6(3), 150–162. DOI 10.31806/2542–1158–2022–6–3–150–162. EDN RABTNG.
- Dva brata i velikan. Nenetskaya skazka [Two brothers and a giant. A Nenets fairy tale]. Available at: <https://ikc66.ru/neizvestnye-skazki-urala/nenetskaya-narodnaya-skazka-dva-brata-i-velikan/>
- Ermakov T.K. et al. Transformatsiya antropologii pitaniya severnykh narodov Rossii: dosovetskiy, sovetkiy i postsovetskiy periody [Transformation of the anthropology of nutrition of the northern peoples of Russia: pre-Soviet, Soviet and post-Soviet periods]. In: *Sibirskiy antropologicheskii zhurnal [Siberian Anthropological Journal]*, 2025, 9(3), 90–100. EDN SVRDAV.
- Fedorov R.YU. Variativnost' traditsionnykh sposobov khraneniya produktov pitaniya u narodov severa Zapadnoy Sibiri [Variability of traditional methods of food storage among the peoples of the north of Western Siberia]. In: *Gumanitarnyye nauki v Sibiri [Humanities in Siberia]*, 2024, 31(2), 19–24. DOI 10.15372/HSS.20240203. EDN WWGVCD.
- Khomich L.V. Nentsy. [Nenets]. Saint Petersburg: Russkiy dvor, 1995, 336.
- Khovyakov A.A. et al. Antropologiya pitaniya samodiyskikh narodov [Anthropology of nutrition of the Samoyed peoples]. In: *Sibirskiy antropologicheskii zhurnal [Siberian Anthropological Journal]*, 2025, 9(3), 101–111. EDN TRAGUT.
- Kistova A.V. et al. Religioznye vozzreniya korennykh narodov Taymyra [Religious Views of the Indigenous Peoples of Taimyr]. In: *Severnnye Arkhivy i Ekspeditsii [Northern Archives and Expeditions]*, 2019, 3(3), 48–62. DOI 10.31806/2542–1158–2019–3–3–48–62. EDN KZKRZI.
- Kolesnik M.A. et al. Vizual'nyye obrazy rasteniy Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka v illyustratsiyakh puteshestvennikov i etnografov XVIII–XIX vv. [Visual images of plants of the North, Siberia, and the Far East in the illustrations of travelers and ethnographers of the 18th–19th centuries]. In: *Sibirskiy antropologicheskii zhurnal [Siberian Anthropological Journal]*, 2025, 9(3), 112–127. EDN UBRBUM.
- Koptseva M.S., Shpak A.A. Pishchevye rasteniya v evenkiyskoy kul'ture [Food plants in the Evenki culture]. In: *Journal of the Siberian Federal University. Series: Humanities*, 2025, 18(7), 1321–1330. EDN YYHNJI.
- Koptseva N.P. Kontsept «pishchevaya kul'tura» i ego reprezentatsii v etnicheskoi kartine mira tunguso-man'chzhurskikh narodov Krasnoyarskogo kraia [The concept of «food culture» and its representations in the ethnic picture of the world of the Tungus-Manchu peoples of the Krasnoyarsk Territory]. In: *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Gumanitarnye nauki [Journal of the Siberian Federal University. Humanities]*, 2025, 18(7), 1240–1249. EDN: CDIKFZ.
- Koptseva N.P. Kontseptsiya effektivnoy integratsii sistem znaniy korennykh narodov i «sovremennykh» sistem znaniy (S. Dittokh) [The concept of effective integration of indigenous knowledge systems and “modern” knowledge systems (S. Dittokh)]. In: *Tsifrovizatsiya [Digitalization]*, 2025, 6(2), 8–32. EDN BAVCXA.

Koptseva N. P. Korennyye prodovol'stvennyye sistemy i traditsionnyye znaniya korennykh narodov Severa: kontseptsiya Andersa Oskala i soavtorov [Indigenous Food Systems and Traditional Knowledge of Indigenous Peoples of the North: The Concept of Anders Oskal and Co-authors]. In: *Tsifrovizatsiya [Digitalization]*, 2025, 6(3), 8–37. EDN WATVOS.

Koptseva N. P. Korennyye znaniya Arktiki: kontseptsiya Stivena Bokinga [Indigenous Knowledge of the Arctic: The Concept of Stephen Bocking]. In: *Aziya, Amerika i Afrika: istoriya i sovremennost' [Asia, America, and Africa: History and Modernity]*, 2025, 4, 2(11), 6–55. DOI 10.31804/2782–540X-2025–4–2–6–55. EDN LSZXYZ.

Koptseva N. P. Prodovol'stvennyye sistemy korennykh narodov: kontseptsiya G. V. Kunlyayna (Kanada) i S. Chotiboribun (Tailand) [Food systems of indigenous peoples: the concept of G. V. Kuhnlein (Canada) and S. Chotiboriboon (Thailand)]. In: *Aziya, Amerika i Afrika: istoriya i sovremennost' [Asia, America and Africa: History and Modernity]*, 2025, 4, 3(12), 6–65. DOI 10.31804/2782–540X-2025–4–3–6–65. EDN ALJARB.

Korennyye malochislennyye narody Severa i Sibiri v usloviyakh global'nykh transformatsii: Na materiale Krasnoyarskogo kraia [Indigenous Peoples of the North and Siberia in the Context of Global Transformations: Based on the Material of Krasnoyarsk Krai. V. 1.] (2012). Krasnoyarsk, 639. EDN RWBFZ.

Kozhukhar E. N., Nevzorov V. N. Pererabotka brusniki v raionakh Krainego Severa dlia pishchevoi promyshlennosti [Processing of lingonberries in the regions of the Far North for the food industry]. In: *Innovatsionnyye tendentsii razvitiia rossiyskoi nauki [Innovative trends in the development of Russian science]*, 1998, 172–174.

Kvashnin Y. N. Osobennosti razvitiya etnicheskikh i sotsial'no-ekonomicheskikh protsessov v nizov'yakh Yeniseya v XX – nachale XXI v. [Features of the development of ethnic and socio-economic processes in the lower reaches of the Yenisei in the 20th – early 21st centuries]. In: *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii [Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography]*, 2009, 10, 102–112. EDN KVGGR.

Lar L. A. Traditsionnaya religiozno-obryadovaya zhizn' nentsev [Traditional religious and ritual life of the Nenets]. In: *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena [Bulletin of the A. I. Herzen Russian State Pedagogical University]*, 2008, 62, 98–108. EDN JVXXCV.

Manichkin N. A., Pushkareva E. T. Izmeneniya v traditsionnom pitanii nentsev: kul'turno-istoricheskiy faktor i zdorov'yesberezeniye v usloviyakh Krainego Severa [Changes in the traditional diet of the Nenets: cultural and historical factors and health preservation in the conditions of the Far North]. In: *Meditinskaya antropologiya i bioetika [Medical anthropology and bioethics]*, 2019, 17(1). Available at: https://medanthro.ru/?page_id=4080

Mikhailova S. A. Tekhnologii iskusstvennogo intellekta i vozmozhnosti ikh primeneniya v kontekste sokhraneniya kul'turnogo naslediya [Artificial Intelligence Technologies and the Possibilities of Their Application in the Context of Preserving Cultural Heritage]. In: *Sotsiologiya iskusstvennogo intellekta [Sociology of Artificial Intelligence]*, 2025, 6(4), 81–91. EDN ZJUQBH.

Narody Zapadnoi Sibiri: Khanty. Mansi. Sel'kupy. Nentsy. Entsy. Nganasany. Kety [Peoples of Western Siberia: Khanty. Mansi. Selkups. Nenets. Enets. Nganasans. Kets]. M., 2005, 805.

Nikiforova V. A., Lapina S. F., Kiryutkin S. A. Traditsionnoe pitanie kak osnova sokhraneniia zdorov'ia korennoho naseleniia severa Krasnoyarskogo kraia i Irkutskoi oblasti [Traditional nutrition as a basis for maintaining the health of the indigenous population of the north of the Krasnoyarsk Territory and Irkutsk Region]. In: *Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia Sibiri [Problems of socio-economic development of Siberia]*, 2021, 3, 115–124.

Pimenova N. N., Kolesnik M. A., Vologodsky R. S. Pishchevye rasteniya severnykh territoriy Krasnoyarskogo kraia [Food plants of the northern territories of Krasnoyarsk Krai]. In: *Severnyye Arkhivy i Ekspeditsii [Northern Archives and Expeditions]*, 2025, 9(3), 39–52. EDN OIVFVS.

Pushkareva E. T. Subarkticheskaya kukhnya nentsev v sovremennom obramlenii [Subarctic cuisine of the Nenets in a modern framework]. In: *Nauchnyy vestnik Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga [Scientific Bulletin of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug]*, 2014, 1(82), 84–88. EDN XYGEBB.

Shpak A. A., Kirko V. I. Korennyye soobshchestva i sposoby likvidatsiya tsifrovogo neravenstva: kontseptsiya Anny Bon, Frensisa SAA-Ditto i Gansa Akermansa [Indigenous communities and ways to eliminate the digital divide: the concept of Anna Bon, Francis SAA-Ditto and Hans Ackermans]. In: *Sotsiologiya iskusstvennogo intellekta [Sociology of artificial intelligence]*, 2025, 6(2), 25–48. EDN XOQZTT.

Shurmanova A. A., Sergeeva N. A. Iskusstvennyy intellekt i korennyye malochislennyye narody: prilozheniya po sokhraneniyu natsional'nykh yazykov [Artificial intelligence and indigenous peoples: applications in the preservation of national languages]. In: *Sotsiologiya iskusstvennogo intellekta [Sociology of artificial intelligence]*, 2023, 4(2), 73–85. EDN JFABRL.

Spodina V. I. Traditsionnyye sposoby sokhraneniya i obrabotki ryby: kulinarnyye praktiki lesnykh nentsev [Traditional methods of preserving and processing fish: culinary practices of the Forest Nenets]. In: *Korennyye malochislennyye narody Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka: traditsii i innovatsii: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii XVIII Yugorskiye chteniya, Khanty-Mansiysk, 28 noyabrya 2019 goda [Indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East: traditions and innovations: materials of the All-Russian scientific and practical conference XVIII Yugra readings, Khanty-Mansiysk, November 28, 2019]*, 2020, 388–398. EDN ZUFFZZ

Stepanova O. B. K probleme istoricheskikh transformatsiy traditsionnoy kukhni korennykh malochislennyykh narodov Severa Purovskogo rayona Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga [On the problem of historical transformations of the traditional cuisine of the indigenous peoples of the North of the Purovsky District of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug]. In: *Sibirskiy antropologicheskiy zhurnal [Siberian Anthropological Journal]*, 2024, 8(2), 108–116. EDN POXKOY.

Titova M. V. Olenevodstvo kak odin iz elementov kul'turnoy adaptatsii nenetskogo naroda [Reindeer herding as one of the elements of cultural adaptation of the Nenets people] In: *Kul'tura i tsivilizatsiya [Culture and Civilization]*, 2023, 13(1–2–1), 20–25. DOI 10.34670/AR.2023.61.42.003. EDN XHXYLM.

Traditsionnaya kukhnya. Nenets [Traditional cuisine. Nenets]. In: Resurs Arkticheskoy tsentr kul'tury [Arctic Cultural Center]. Available at: https://visittaimyr.ru/page_kitchen.php?ysclid=mdy3fisadn748535831

EDN: PQKEQE
УДК 003; 7.041; 7.011; 39

The Concepts of “Health”, “Illness” and Ways of Their Representation in the Visual Arts

Anastasia V. Kistova^{*a,b} and Alexandra A. Sitnikova^a

^a*Siberian Federal University*

Krasnoyarsk, Russian Federation

^b*Krasnoyarsk Art Museum named after V. Surikov*

Krasnoyarsk, Russian Federation

Received 30.11.2025, received in revised form 01.12.2025, accepted 27.01.2026

Abstract. This article examines ways of representing the concepts of “health” and “illness” in the visual arts, including art dedicated to the indigenous peoples of the North, Siberia, and the Far East. Based on a summary of the results of linguacultural studies of the “health-illness” conceptual sphere, three substantive lines of visualization of these concepts in the visual arts are identified: 1) physical health and illness; 2) mental health and mental illness; 3) health and illness as the embodiment of ideas about life and death. Based on an analysis of the representatives, specific ways of representing health and illness are identified in each of the three groups.

Keywords: concept of “health”, concept of “disease”, fine art.

Research area: Theory and History of Culture, Art.

Citation: Kistova A. V., Sitnikova A. A. The Concepts of “Health”, “Illness” and Ways of Their Representation in the Visual Arts. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2026, 19(2), 329–342. EDN: PQKEQE

Концепты «здоровье», «болезнь» и способы их репрезентации в визуальных искусствах

А.В. Кистова^{а, б}, А.А. Ситникова^а

^аСибирский федеральный университет
Российская Федерация, Красноярск

^бКрасноярский художественный музей им. В. И. Сурикова
Российская Федерация, Красноярск

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению способов репрезентации концептов «здоровье» и «болезнь» в изобразительном искусстве, в том числе в искусстве, посвященном коренным малочисленным народам Севера, Сибири и Дальнего Востока. На основе обобщения результатов лингвокультурологических исследований концептосферы «здоровье-болезнь» выявлены три содержательные линии визуализации данных концептов в изобразительном искусстве: 1) телесные здоровье и болезнь; 2) душевное здоровье и душевные болезни; 3) здоровье и болезнь как воплощение представлений о жизни и смерти. На материале анализа репрезентантов выявлены конкретные способы репрезентации здоровья и болезни в каждой из трех групп.

Ключевые слова: концепт «здоровье», концепт «болезнь», изобразительное искусство.

Научная специальность: 5.10.1. Теория и история культуры, искусства (культурология).

Цитирование: Кистова А. В., Ситникова А. А. Концепты «здоровье», «болезнь» и способы их репрезентации в визуальных искусствах, 2026, 19(2), 329–342. EDN: PQKEQE

Введение

Актуальность обращения к концептам «здоровье» и «болезнь» обусловлена тенденциями современной жизни, которые приводят к возрастанию угрозы для здоровья человека (эпидемии, ухудшение экологической ситуации, техногенные катастрофы) и общей демографической ситуации в России (старение населения, низкая рождаемость). Исследование особенностей их репрезентации в визуальных искусствах обосновано доминированием в современном мире аудиовизуальной культуры и глубиной воздействия именно визуальных образов на человека. В данной статье концепты «здоровье» и «болезнь» рассматриваются через их представления в изобразительном искусстве, в частности в живописи.

Степень изученности темы

Исследование концептов «здоровье» и «болезнь» активно ведется в XXI веке

в русле междисциплинарного подхода, объединяющего данные медицины, лингвистики, семиотики, культурологии, психологии, социологии и других дисциплин. Отдельно необходимо выделить лингвокультурологические исследования последних десятилетий, в которых данные концепты часто рассматриваются в паре как взаимосвязанные и взаимопроникающие смысловые и ценностные сферы (Buhtoyarova, 2010; Melnikova, 2012; Van, 2024; Petkau, 2015).

Так, в исследовании Т. В. Маркеловой и М. Л. Новиковой ценностно-смысловое поле концептов «здоровье» и «болезнь» в русском языке фиксируется базовым оценочным содержанием: здоровье – «соответствие норме», болезнь – «отклонение от нормы», а также базовыми словами-символами: здоровье – сила; болезнь – слабость. При этом в качестве признаков силы на основе анализа фразеологизмов авторы

выделяют здоровье (физическое), усердие, власть, в качестве признаков слабости – ху-дубу, слабоволие и уязвимость (Markelova, Novikova, 2021).

Существуют исследования цветовых ассоциаций восприятия здоровья и болезни в современной русской культуре (Griber, Yung, 2018), а также исследования на стыке медицины, социологии и искусствознания. Так, в статье О. И. Якушиной рассматривается отражение симптомов заболеваний в произведениях эпохи Возрождения (Yakushina, 2025). Рассуждения о здоровье и болезни в искусстве в профессиональной искусствovedческой литературе были популярны в советский период в русле философско-исторического осмысления истории искусства. В качестве примера можно привести статью И. Верцмана 1966 года в журнале «Вопросы литературы» (Vertsman, 1966). Однако в современных исследованиях изобразительного искусства тема репрезентации концептов «здоровье» и «болезнь» является недостаточно изученной и требует более детальной проработки. Е. Ф. Муравьева (Muravieva, 1978) обзорно рассматривает историю изображения болезней в изобразительном искусстве XIX–XX веков.

Материалы и методы исследования

В исследовании применяются методы библиографического, философско-искусствovedческого, культурологического и семиотического анализа с опорой на методологические принципы изучения произведений изобразительного искусства, разрабатываемые учеными кафедры культурологии и искусствovedения Сибирского федерального университета (Koptseva, 2025; Koptseva, Degtyarenko, Ermakov and etc., 2024; Koptseva, Makarchuk, Razumovskaya, Valkova, 2024; Koptseva, Kolesnik, Leshchinskaya, Samarina, 2023; Koptseva, 2022; Sertakova, Leshchinskaya, Koptseva, Zotov, 2025; Sertakova, 2025^a; Sertakova, 2025^b; Seredkina, 2022).

Результаты исследования

В результате рассмотрения концептов «здоровье» и «болезнь» с опорой на резуль-

таты лингвокультурологических исследований (Markelova, Novikova, 2021) были выявлены три основные содержательные линии для рассмотрения визуализации концептов в изобразительном искусстве: 1) телесные здоровье и болезнь, данное содержание в изобразительном искусстве часто раскрывается через образы медицинского вмешательства в тело человека; через образы людей, демонстрирующих физическое здоровье и силу; 2) душевное здоровье и душевные болезни; 3) болезнь как острое осознание человеком собственной конечности, что визуализируется через образы присутствия смерти рядом с больным человеком; здоровье как начало новой жизни, что часто связано с образами беременных женщин и матерей с младенцами. В истории искусства можно обнаружить неимоверное множество произведений, визуализирующих данные концепты. В настоящем исследовании мы выделяем общую специфику визуализации отдельных аспектов «здоровья-болезни», останавливаясь на одном ярком репрезентанте визуального воплощения изучаемых концептов. Поскольку настоящее исследование проведено в контексте изучения этнокультурных медицинских и лечебных практик коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, то дополнительно мы остановились на специфике визуализации концептов «здоровье» и «болезнь» в произведениях искусства, связанных с культурой этих народов.

Здоровье / болезнь тела

Здоровье тела, репрезентируемое через изображение физически сильного тела человека, в истории искусства встречается наиболее часто, начиная с древнеегипетских статуй или рельефов фараонов, древнегреческих куросов и скульптурных изображений богов, через картины и статуи эпохи Ренессанса, произведения искусства Нового времени (особенно стилей «классицизм» и «реализм»), вплоть до художественных направлений XX и XXI веков, соответствующих классической традиции в искусстве. Важно отметить, что при со-

хранении признака физической силы представления о норме здорового тела (то есть о том, что именно в ту или иную эпоху считается изображением идеального тела) в истории искусства менялись. Так, в рамках древнеегипетского канона нормой являлось геометризированное и условное изображение тела человека, а в эпоху высокой классики в Древней Греции – пропорциональное, но имеющее естественный вид (круглая скульптура, естественная пластика и позы). Наиболее яркие примеры репрезентации здорового тела в отечественной художественной традиции можно найти среди представителей направления «социалистический реализм», который изображал советских людей сильными, здоровыми, социально реализованными. Очень часто эта тема в советском искусстве была связана с темой спорта.

В качестве репрезентанта образа телесного здоровья обратимся к произведению Александра Дейнеки «Раздолье» 1944 года (рис. 1).

Картина представляет солнечное летнее утро и избегающих на крутой и высокий берег реки молодых девушек в спортивных костюмах. Судя по полотенцам в их руках

и на плечах, девушки совершают пробежку после купания. Их фигуры спортивные с мощными мышцами ног и широкими плечами, но при этом с тонкими талиями, округлыми бедрами и хорошо видными под спортивными майками грудями. Их бег выглядит легким, а подъем в гору – стремительным. Им в спину дует летний ветер, словно помогающий им взбежать на высокий берег. Признаки физического здоровья тела в данном произведении, выраженные в хорошо проявленных мышцах, сильных и стремительных движениях, дополнены атмосферой естественности такого образа жизни для человека в пространстве природы: широкий бег девушек поддержан и усилен широким форматом произведения и горизонтальными полосами пейзажа (река, лес, небо). И усилены признаками женственности и красоты. Здоровое тело представлено не только естественной нормой жизни, одобряемой обществом, но и притягательным эротическим идеалом.

В истории искусства множество картин посвящены изображению болезней тела от простудных недугов до опухолей. В эпоху Средневековья и в эпоху Возрождения встречаются самые «неприятные» обра-

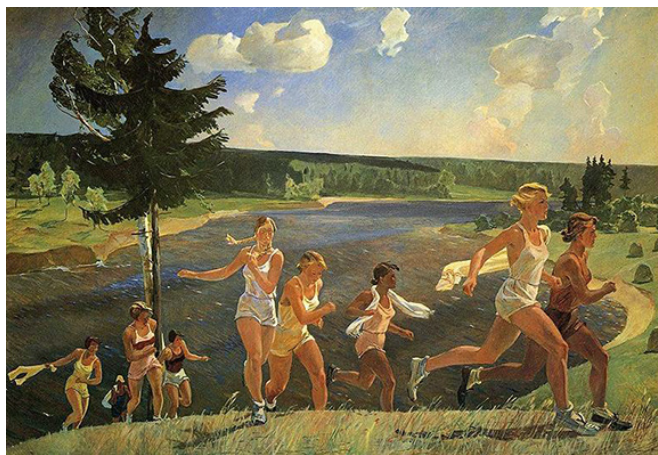

Рис. 1. Дейнека А. А. Раздолье. 1944. Холст, масло. 204х300 см.
Государственный Русский музей

Источник изображения: <https://www.kommersant.ru/gallery/2846849>

Fig. 1. Deineka A. A. Razdolye. 1944. Canvas, oil. 204х300 cm.
The State Russian Museum

Image Source: <https://www.kommersant.ru/gallery/2846849>

зы телесных недугов вроде «извлечения камней глупости», напоминающие лоботомию (например, И. Босх «Извлечение камней глупости»); зубокарические операции, похожие на пытки (например, Караваджо «Зубодер»); образы чумы как эпидемии, уносящей всё население целых городов, и образы «чумных докторов» в костюмах, которые сегодня используются для создания монстров в фильмах ужасов (например, П. Брейгель «Триумф смерти»). Можно предположить, что основной целью создания таких произведений было предостережение человека об опасностях, которые подстерегают его на жизненном пути; возможно, данные образы способствовали развитию гигиенических знаний. В эпоху Просвещения образы телесных болезней становятся более аналитическими и перестают напоминать кошмары – появляются картины с изображением операций, с вниманием к анатомии человека и т.д. Наконец, в XIX веке появляются картины, на которых изображают больных в приемных у докторов (у передвижников); часто представляют больных с акцентом на социальную трагедию – возможная утрата кормильца в крестьянской семье и мольба об его выздоровлении (например, Максимов В.М. «Больной муж»); самым сентиментальным образом болезни является изображение больных детей рядом с горящими матерями, родителями, членами семьи. В XX веке образы болезней становятся актуальными во время Первой и Второй мировых войн – часто можно встретить изображения лазаретов, медсестер, помогающих раненым; вместе с совершенствованием медицины в это время появляются образы операций по излечению от сложных недугов – слепоты, опухолей, венерических заболеваний, туберкулеза и т.п. (например, Светлорусов С.В. «В клинике академика Филатова»).

Основными визуальными знаками болезни во многих произведениях являются: изображение обездвиженного, лишённого жизненных сил человека; нездоровый цвет кожи – бледный, зеленоватых оттенков; изображение крови и анатомических вмешательств в тело человека; отсутствующий

взгляд; нахождение в больничном пространстве – кабинете врача или больничной палате; больной человек может быть представлен в окружении медицинских работников и т.п. Зачастую суть изображения больных людей заключается либо в актуализации сентиментальной чувствительности у зрителей, сочувствия человеческим бедам, в развитии эмпатии; либо в создании образа врача, целителя, обладающего способностями избавлять человека от телесных страданий.

В качестве репрезентанта образа телесной болезни обратимся к раннему произведению Пабло Пикассо «Наука и милосердие» 1897 года (рис. 2).

В данном произведении представлены многие характерные визуальные знаки болезни: немощный человек, лежащий на кровати; врач; сестра милосердия с ребенком на руках; болезненная атмосфера отражена через колорит. Основная идея произведения заключается в том, что научный медицинский подход к лечению человека (представлен врач, измеряющий пульс больной; врач смотрит на секундомер) не дает ему мотива для стремления к жизни, для излечения: рука больной в руке врача опущена и отличается мертвецки-зеленым колоритом; в то время как чувственное сострадание к больному, которое проявляет сестра милосердия, а также стимул к жизни, которым является дитя, способны побудить больного к выздоровлению: рука больной женщины на груди со стороны монахини и ребенка живая, написана теплыми красками. Контраст между «холодным» научным подходом и «теплым» образом милосердия подчеркнут преобладанием темных цветов в изображении врача и светлых красок в изображении монахини с ребенком на руках, а также композицией «весов», где врач «тянет» больную вниз к смерти, а милосердие вверх к жизни. Конечно, данная картина противоречит многочисленным положительным образам врачей в изобразительном искусстве, но отражает смысл многих образов больных в искусстве как образов для пробуждения чувствительности и сострадания в человеке.

Рис. 2. Пикассо П. Наука и милосердие. 1897
Источник изображения: <https://ru.wikipedia.org/>

Fig. 2. Picasso P. Science and Charity. 1897
Image source: <https://ru.wikipedia.org/>

Лечение болезней можно также найти на картинах с образами коренных малочисленных народов. Например, на картине си-

бирского художника Алексея Васильевича Вожакина «Шаманство над больным ребенком» (рис. 3).

Рис. 3. Вожакин А. В. Шаманство над больным ребенком. 1926
Источник изображения: https://pikabu.ru/story/shamanyi_na_kartinakh_khudozhnikov_9523195

Fig. 3. Voshchakin A. V. Shamanism over a Sick Child. 1926
Image source: https://pikabu.ru/story/shamanyi_na_kartinakh_khudozhnikov_9523195

На картине представлен шорский шаман, проводящий камлание. Больной ребенок изображен сидящим, обнаженным по пояс, со спины, одна его рука лежит на белом полотне под ним, а другую он прижимает к голове – сложно понять, какого рода болезнь у мальчика, но, очевидно, он не находится при смерти. У коренных малочисленных народов врачевателем тел и душ является шаман, он изображен с характерными атрибутами – бубном, в шаманском одеянии (разноцветные ленты и перья на рукавах и головном уборе). Художник А.В. Вожакин считается «сибирским импрессионистом», поэтому детали костюма и атрибуты камлания представлены расплывчато, основным средством выразительности является колорит – в частности, крупный бубен написан яркими желтыми красками, уподобляющими его солнечному диску, являющемуся источником излечения. Магическое избавление от болезни визуализировано образом дыма, поднимающегося от тлеющих рядом с мальчиком угольков и совершающего неестественный поворот в сторону головы шамана, который будто бы забирает болезнь из тела мальчика.

Душевное здоровье / болезнь

Душевное здоровье в истории искусства имеет разные репрезентации в разные периоды и в разных художественных стилях. Так, в древнегреческой традиции душевное здоровье репрезентировалось физически здоровым и пропорциональным телом при идеализированном изображении лица – уподобление состоянию богов и героев. В эпоху барокко и рококо душевное здоровье часто выражалось через экзотические и эротические состояния, переживаемые персонажами. Сентиментализм и реализм часто применяют принцип сравнения, демонстрируя этические и нравственные нормы как признаки душевного здоровья на контрасте с социально не ободряемым или безнравственным поведением. С эпохи романтизма акцент в изобразительном искусстве постепенно переходит с душевного здоровья на душевные болезни и пороки,

поэтому в качестве репрезентанта концепта душевного здоровья мы обратимся к произведению Лоренцо Бернини «Экстаз святой Терезы» (рис. 4).

Скульптура представляет главную героиню закутанной в одежды. Зритель видит лишь обнаженные ступни и кисти святой Терезы, а также ее лицо, выражающее состояние глубокого физического наслаждения – экстаза. Положение тела героини таково, что очевидна его расслабленность. Оно словно стекает вниз, при этом по сюжету героиня поднимается вверх на облаке, которое поддерживает ее ослабевающее тело. Рядом с ней ангел, напоминающий амура, улыбающийся Терезе и собирающийся пронзить ее сердце золотой стрелой. Сверху на них льется мощный поток золотого света, изображенный пучками позолоченных лучей. Скульптурная композиция располагается в капелле Корнаро в левом трансепте церкви Санта-Мария-делла-Виттория в Риме, что придает представленному действию статус чудесного.

Скульптурная композиция практически плоскостная, так как ее нельзя обойти или посмотреть с боковых сторон, но за счет максимально натуралистичной передачи разных фактур произведение воспринимается как воочию наблюдаемое чудо воспарения Терезы на облаке к небесам. Факт ее избранности (сопровождение ангелом, нахождение в церкви) приравнивает процесс чувственного эротического наслаждения к блаженству души. Но наличие имени героини и известность ее добродетельной жизни и веры, которые и привели к такому итогу, создают прочную ассоциативную связь между верой в Бога и чувственно переживаемым экстазом. Душевное здоровье в скульптуре репрезентируется через максимум наслаждения, которое становится доступно истинно верующему только в самом конце. При этом физические признаки тела выражают слабость, а не силу, что соответствует христианскому представлению о слабости тела и силе духа в человеке.

Душевные болезни всегда находились в фокусе внимания художников, так как психологическая жизнь многих художни-

Рис. 4. Бернини Д. Л. Экстаз святой Терезы. 1645–1652. Мрамор.
Высота 350 см. Церковь Санта-Мария-делла-Виттория, Рим
Источник изображения: <https://ru.pinterest.com/pin/739857045022041608/>

Fig. 4. Bernini D. L. Ecstasy of Saint Teresa. 1645–1652. Marble.
Height 350 cm. Church of Santa Maria della Vittoria, Rome
Image source: <https://ru.pinterest.com/pin/739857045022041608/>

ков сама по себе полна сложных душевных переживаний. Душевные болезни, сумасшествие в эпоху Средневековья и Возрождения часто изображались как одержимость нечистыми силами. В последующие эпохи художники изображали разные формы сумасшествия, либо предчувствие сумасшествия в своих персонажах (например, «Портрет Константина Фофанова» И. Е. Репина), либо болезненные состояния собственной душевной жизни («Автопортрет с отрезанным ухом» В. Ван Гог). Главным визуальным знаком душевной болезни является взгляд – либо рассеянный, либо с «потухшими глазами», либо устремленными за пределы изображения – как будто бы в никуда, за пределы реального бытия. Также при изображении болезненных душевных состояний художники часто пишут картины в неестественных цветах – слишком ярких или, наоборот, слишком

темных. Дополнительно на картинах могут появляться некоторые атрибуты, которые подчеркивают «разобранность» души – как, например, на гравюре А. Дюрера «Меланхолия» девушка представлена в окружении аллегорических образов разных наук, которые не принесли удовлетворения в постижении смысла жизни.

Одним из наиболее глубоких исследователей душевных болезней человека был Теодор Жерико, который написал несколько портретов сумасшедших, содержащихся в больнице Сальпетриер. Считается, что Т. Жерико написал эти портреты в качестве иллюстраций для курсов психиатрии Жана-Этьена Доминика Эскироля. Известны пять портретов Т. Жерико с изображением сумасшедших с «монотонией», то есть страстью и одержимостью к чему-то одному – лудоманией, kleptomанией, тягой к воровству детей и т.п. Одна из наиболее

известных картин в этой серии – «Сумасшедшая старуха. Портрет одержимой завистью. Гиена Сальпиетра» (рис. 5).

Известно, что изображенная женщина страдала манией зависти, ее глаза наливались кровью, когда она видела кого-то рядом, кто испытывал радость, или если по отношению к кому-то рядом с ней проявляли заботу. Женщина изображена на темном, практически чёрном фоне – в этом смысле данный портрет близок образам стариков Рембрандта, представленных на черном фоне как на границе между жизнью и смертью; в данном случае темный, написанный резкими мазками фон является «маркером» границы разума и безумия. Седые волосы выдают в женщине старуху. Она изображена с налитыми кровью глазами, с на-

Рис. 5. Жерико Т. Сумасшедшая старуха. Портрет одержимой завистью. Гиена Сальпиетра. 1832. Источник изображения: https://vk.com/wall-81145649_25229?z=photo-81145649_457244059_%2F708feb434c05f58472

Fig. 5. Géricault T. The Mad Old Woman. Portrait of a Jealous Woman. Hyena Salpietra. 1832. Image source: https://vk.com/wall-81145649_25229?z=photo-81145649_457244059_%2F708feb434c05f58472

пряженными мышцами лица, агрессивно смотрящей за пределы холста – как будто на кого-то или на что-то. Неряшливость – распущенные вязки и неровная укладка «рюшей» чепца – указывает на отсутствие озабоченности старухи своим внешним видом, она полностью сосредоточена на своих внутренних, болезненных переживаниях. Ее темный халат практически сливается с фоном, что подчеркивает связь персонажа с «тьмой разума».

Таким образом, основными визуальными знаками душевных болезней выступают безумный взгляд и отсутствие внимания к жизни в материальном мире.

Другой вариант визуализации безумия – это произведения искусства, созданные психически нездоровыми людьми. В частности, Жан Дюбюффе ввел в историю искусств понятие «арт-брют» для обозначения живописи душевнобольных. Ярким примером такой живописи является творчество Адольфа Вёльффи, одной из основных характеристик которого являются навязчиво повторяемые узоры – изогнутые линии, заполненные мелкими рисунками, штриховками, цепочками овалов и т.п. Одна из наиболее известных современных японских художниц – Яёи Кусاما – живет в психиатрической больнице в Токио. В ее творчестве навязчиво повторяемым образом является узор «горошком»: белые точки на красном фоне, красные точки на белом фоне, черные точки на желтом фоне и т.п. Таким образом, болезненное мироощущение может быть представлено и абстрактными навязчиво повторяемыми визуальными образами.

Здоровье и болезнь как философия жизни и смерти

Художники часто обращаются к изображению болезненных состояний человека по причине того, что болезнь обостряет для человека ощущение собственной конечности, близости смерти. Отношение человека к смерти – переход к неизведанному, за границу телесного бытия – является одной из ключевых тем для создания художественных образов.

Тема болезни и смерти лейтмотивом проявляется в творчестве норвежского художника Эдварда Мунка. В его знаменитом «Фризе жизни» собраны несколько произведений, объединенных темой «Страха жизни» и «Смерти». Картина «Крик» 1893 года из этого цикла является одной из наиболее известных. На картине представлен человек на мосту обхвативший себя за голову руками от ужаса с открытым в крике ртом, гримаса крика превращает лицо человека в череп, то есть нам представлен процесс осознания неизбежности смерти. Удаляющиеся в противоположном конце моста две человеческие фигуры подчеркивают тот факт, что человек ужасается, в частности, того, что встреча со смертью произойдет в одиночестве. При этом экспрессивная манера письма, когда фигура кричащего человека и пейзаж за мостом изображаются едиными плавно изгибающимися линиями, и это контрастно прямым линиям в изображении моста, указывает на то, что, осознавая собственную конечность, человек одновременно переживает момент слияния с мирозданием. На картине «Крик»

нет непосредственного представления болезни, но она передает болезненное состояние человеческой души, переживающей осознание конечности бытия. В творчестве Э. Мунка есть более буквальные изображения болезней – например, картина «Смерть в комнате больного» (рис. 6).

На картине представлена группа людей в замкнутом пространстве комнаты без окон с коричневым полом и зелеными стенами. В группе из трех персонажей на переднем плане есть девушка, сидящая на стуле со сложенными в замке руками и поникшей головой; за ней стоит женщина в узорчатом платье, повернутая лицом к зрителю с бледной кожей; за женской фигурой видна мужская, также с поникшей головой. В левой части картины изображена мужская фигура, отвернувшаяся от всех к стене или двери. В дальней части комнаты изображена еще одна группа из трех человек: женская фигура, сидящая на стуле с высокой спинкой, склонившаяся над ней женщина и стоящий рядом мужчина в молитвенной позе. Часто исследователи интерпретируют данное произведение

Рис. 6. Мунк Э. Смерть в комнате больного. 1893 г.
Источник изображения: <https://ru.wikipedia.org>

Fig. 6. Munch E. Death in a Patient's Room. 1893
Image source: <https://ru.wikipedia.org>

в контексте биографии художника, наполненной смертями – матери, сестры, брата, которые серьезно повлияли на образность произведений Э. Мунка. Исследователи идентифицируют данное произведение как изображение смерти сестры художника Софи (Национальная картинная галерея в Осло¹), опознавая во всех изображенных конкретных членов семьи художника. Также исследователи обращают внимание, что стул, на котором представлена умирающая Софи, является постоянным элементом произведения Э. Мунка для обозначения больных персонажей – как, например, в автопортрете «Больной испанкой». Но, помимо этого, данное произведение созвучно символическим образам незримого присутствия смерти среди живых, характерного для скандинавского искусства рубежа XIX–XX веков. В частности, образность данной картины можно сравнить с образностью пьесы М. Метерлинка «Слепые», где слепые персонажи, заблудившиеся в лесу, слышат присутствие кого-то постороннего, но не могут его увидеть, так как это смерть. На картине «Смерть в комнате больного» Э. Мунка у большей части персонажей отсутствует изображение черт лица, глаз; все они представлены в черных траурных одеждах. Только у одного персонажа прорисовано лицо с глазами – это женщина с бледной кожей, которая смотрит на зрителя, ее одежда отличается от других, так как на ее платье есть овальные узоры. Таким образом, эта женщина может быть идентифицирована как визуализация смерти, которая присутствует в комнате больной, остается невидимой для людей на картине, но она явлена зрителю, приглашая его задуматься о трагичном исходе бытия.

В истории искусства часто здоровье изображается через образы беременных женщин и молодых матерей с младенцем на руках. Особенно характерно это для мифологических и религиозных образов, а также для творчества художников, обращающихся к изображению коренных на-

родов Севера, Сибири и Дальнего Востока. При этом значение подобных образов примерно одинаковое – начало новой жизни, вечный цикл «жизнь-смерть-новая жизнь», возрождение, образ вечно юной богини весны и красоты, образ божественной матери и божественного младенца.

В качестве репрезентанта концепта «здоровье», проявленного через образ матери и младенца, обратимся к произведению Константина Войнова «Заполярная мадонна» 2008 года (рис. 7).

В произведении изображена женщина в нганасанской одежде, кормящая грудью ребенка, лежащего в характерной для северных народов люльке и укутанного в национальную одежду с характерными орнаментами. Рядом с ними (по левую сторону от матери) изображена собака (такую породу собак выращивают некоторые северные народы). Герои находятся в пространстве затемненного чума, решенного обобщенно. Важно, что лицо женщины изображено не портретно, а обобщенно. Нганасанская мать представлена в произведении как мать вообще. А композиционное построение картины только усиливает сходство с христианским образом богородицы с младенцем: использованы универсальные геометрические символы – круг, вписанный в квадрат – квадратный формат картины вмещает в себя мать с младенцем, образующие единый круг.

В произведении хорошо видны признаки физического здоровья: полная грудь и пухлое личико малыша, розовые щеки младенца и розовый цвет кожи матери. И хорошо проявлены признаки душевного здоровья: улыбка на лице матери, свет, как будто исходящий от лица младенца, их общая вписанность в круг (идеальная форма), присутствие собаки, охраняющей их покой. Такое изображение матери с ребенком превращается в символ обретенного Рая, идеального мира, в котором человек в гармонии с самим собой, с другими людьми, с природой и Мирозданием в целом.

Тем самым данное изображение являет эталон, в котором соединяются признаки здорового тела и здорового духа, но этот

¹ Национальная картинная галерея в Осло – официальный сайт. – URL: <https://www.nasjonalmuseet.no/en/collection/object/NG.M.00940>

Рис. 7. Войнов К.С. Заполярная мадонна. 2008. Холст, масло. 70 × 80 см
Источник изображения: https://vk.com/wall-118222572_17728?z=photo-118222572_457250497_%2F95a74316b7d261abfa

Fig. 7. Voinov K.S. The Polar Madonna. 2008. Oil on canvas. 70 × 80 cm
Image source: https://vk.com/wall-118222572_17728?z=photo-118222572_457250497_%2F95a74316b7d261abfa

эталон присущ конкретному коренному северному народу – нганасанам. Именно у них стоит поучиться современному человеку естественной заботе о своем здоровье и здоровье этого мира.

Заключение

- В результате проведенного исследования можно сделать вывод о том, что в изобразительном искусстве репрезентация концептов «здоровье» и «болезнь» часто осуществляется во взаимодействии противоположных признаков: сила – слабость, красота – безобразие, юность – старость и т.д.

- Концепт «болезнь» в изобразительном искусстве визуализируется через образы телесных болезней, душевных болезней или в качестве приглашения зрителя к размышлению о конечности бытия.

- Основными визуальными знаками «болезни» в изобразительном искусстве являются: буквальное изображение физио-

логических проблем человека; нездоровый колорит (зеленые, охристые, темные и черные цвета); изображение немощного человека в лежащей позе; отсутствующий или ненормальный взгляд и др.

- Концепт «здоровье» в изобразительном искусстве чаще всего представлен через изображение сильного, физически развитого тела в сочетании с признаками социальной успешности и личного счастья. Впечатление может быть также усилено правильными пропорциями, использованием правильных геометрических форм в композиции произведения или прямым указанием на избранность человека высшими силами.

- Наиболее полноценно и универсально концепт «здоровье» репрезентируется в изобразительном искусстве через образы матери с младенцем или беременной женщины в качестве символа новой жизни, подсознательно воспринимаемой как возможность «возвращения в Рай».

Список литературы / References

- Buhtoyarova G. Yu. Otobrazhenie fenomenov bolezni i zdorov'e v russkoj yazy'kovej kartine mira: dissertatsiya na soiskanie uchenoj stepeni kand. filol. nauk [Reflection of the phenomena of illness and health in the Russian linguistic picture of the world: dissertation for the degree of Cand. of Philological Sciences]. M., Moscow state university. 2010, 257.
- Griber Yu.A., Yung I.L. Zdorov'e i bolezni: cvetovyye asociacii v sovremennoj russkoj kul'ture [Health and Illness: Color Associations in Contemporary Russian Culture]. In: *Man and culture*. 2018, 5. 32–43
- Koptseva N.P. Novoe kul'turnoe prostranstvo Sibiri (na materiale Krasnoyarskogo kraja) [A New Cultural Space in Siberia (Based on the Krasnoyarsk Territory)]. Krasnoyarsk, Siberian federal university. 2022, 209. EDN EJYPQV.
- Koptseva N.P. Kompozicionnaya (ne-)formula: zritel' (recipient) i xudozhnik (master) kak «filomatiki». Chast' 1 [Compositional (non-)formula: viewer (recipient) and artist (master) as «philomatics». Part 1]. In: *Siberian art journal*. 2025, 4(3). 7–23. DOI 10.31804/2782–4926–2025–4–3–7–23. EDN SMRKRJ.
- Koptseva N.P., Degtyarenko K.A., Ermakov T.K. and etc. Russkaya kul'tura v zerkale periodiki Rossijskoj imperii rubezha XIX–XX vv. [Russian culture in the mirror of periodicals of the Russian Empire at the turn of the 19th and 20th centuries]. Krasnoyarsk, Sodruzhestvo prosvetitelei Krasnoyariya. 2024, 330. EDN PQJEXN.
- Koptseva N.P., Kolesnik M.A., Leshchinskaya N.M., Samarina D.N. Russkaya kul'turnaya identichnost' v izobrazitel'nom iskusstve XIX – nachala XX veka [Russian cultural identity in the fine arts of the 19th – early 20th centuries]. Krasnoyarsk, Sodruzhestvo prosvetitelei Krasnoyariya. 2023, 124. EDN CBYTXX.
- Koptseva N.P., Makarchuk I. Yu., Razumovskaya V.A., Valkova Yu.E. (2024) «Zhivopisnaya Rossiya» (tom 12, chast' 1) kak istochnik po istorii Vostochno-Sibirskoj territorii Rossijskoj imperii [«Picturesque Russia» (volume 12, part 1) as a source on the history of the East Siberian territory of the Russian Empire]. In: *Bylye gody*. 19(2). 896–907. DOI 10.13187/bg.2024.2.896. EDN GJTMUV.
- Markelova T. V., Novikova M. L. Konceptosfera «zdorov'e – bolezni»: kul'turnyj kod [The conceptual sphere of «health – illness»: a cultural code]. In: *RUDN Journal of language studies, semiotics and semantics*. 2021, 12(3). 848–874.
- Melnikova S.A. Motivacionnaya i geneticheskaya xarakteristika leksiko-semanticheskogo polya «Sila, zdorov'e / slabost', bolezni» v russkom yazy'ke: dissertatsiya na soiskanie uchenoj stepeni kand. filol. Nauk [Motivational and genetic characteristics of the lexical-semantic field «Strength, health / weakness, illness» in the Russian language: dissertation for the degree of Cand. of Philological Sciences]. M., Moscow state university. 2012, 464.
- Muravieva E.F. Cherty bolezni v oblike cheloveka v izobrazitel'nom iskusstve [Traits of illness in human appearance in fine art]. In: *Kazanskij medicinskij zhurnal [Kazan Medical Journal]*. 1978, 59(4). 64–67. DOI:10.17816/kazmj62457
- Panteleeva I. A. Vizualizatsiya koncepta «sibirskij e'tnos» v tvorchestve krasnoyarskogo xudozhnika Konstantina Vojnova [A visualization of the concept of «Siberian ethnicity» in the work of Krasnoyarsk artist Konstantin Voynov]. In: *Bulletin of Baikal State University*. 2018, 28(2). 325–333.
- Petkau A. Yu. Koncept zdorov'e: modifikatsiya kognitivnyx priznakov (po dannym gazetnyx i reklamnyx tekstov sovetskogo i postsovetskogo periodov): avtoreferat kand. filol. nauk [The concept of health: modification of cognitive features (based on newspaper and advertising texts of the Soviet and post-Soviet periods): abstract of a PhD in Philology]. Ekaterinburg, The Ural federal university. 2015, 27.
- Seredkina N.N. Izobrazitel'noe iskusstvo v xudozhestvennoj kul'ture korennyx malochislennyx narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka Russian Federation [Fine arts in the artistic culture of the indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation]. In: *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2022, 15(6). 853–866. DOI 10.17516/1997–1370–0892. EDN JEMSME.

Sertakova E. A. Konceptual'noe issledovanie xudozhestvennoj dialektiki kul'turnoj pamyati i kul'turnogo zabveniya [A conceptual study of the artistic dialectic of cultural memory and cultural oblivion]. In: *Northern archives and expeditions*. 2025a, 9(3). 83–90. EDN OEDENV.

Sertakova E. A. Specifika manifestacii kul'turnoj pamyati v sovremennoj xudozhestvennoj kul'ture [The specificity of the manifestation of cultural memory in contemporary artistic culture]. In: *Siberian Journal of anthropology*. 2025b, 9(2). 39–47. EDN AFHPOR.

Sertakova E. A., Leshchinskaya N. M., Koptseva M. S., Zotov S. O. Tunguso-man'chzhurskie narody' Rossijskoj imperii v trudax pervogo Enisejskogo gubernatora A. P. Stepanova i sibireveda G. I. Spasskogo [The Tungus-Manchu peoples of the Russian Empire in the works of the first Yenisei governor A. P. Stepanov and the Siberian scholar G. I. Spassky]. In: *Bylye gody*. 2025, 20(3). 1152–1163. DOI 10.13187/bg.2025.3.1152. EDN HXGROP.

Van S. Reprezentaciya koncepta «zdorov'e» v russkoj i kitajskoj lingvokul'turax: avtoreferat kand. filol. Nauk [Representation of the concept of "health" in Russian and Chinese linguistic cultures: Abstract of a PhD in Philology]. Ufa, Ufa university of science and technologies. 2024, 22.

Vertsman I. Otnositel'no «zdorov'ya» i «bolezni» v iskusstve [Regarding «health» and «illness» in art]. In: *Voprosi literaturi* [Questions of literature]. 1966, 3. 118–137.

Vorobiev A. A., Kondakov E. N. Hirurgiya golovy' v izobrazitel'nom iskusstve proshlogo [Head surgery in the visual arts of the past]. In: *Journal of Neurosurgery*. 2019, 3. 109–122. DOI: 10.17116/neiro201983031109

Yakushina O. I. Otrazhenie simptomatiki zabolevanij v xudozhestvennyx obrazax na kartinax Renessansa kak forma informacii o etiopatologii boleznej cheloveka: sociologicheskij aspekt [Reflection of disease symptoms in artistic images in Renaissance paintings as a form of information about the etiopathology of human diseases: a sociological aspect]. In: *Theory and Practice of Social Development*. 2025, 1. 63–74.

EDN: PINPTY
УДК 7.036

The Culinary Traditions of the Dolgans in the Krasnoyarsk Region

Anna A. Shpak* and Maria S. Koptseva

*Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Received 05.12.2025, received in revised form 28.12.2025, accepted 27.01.2026

Abstract. The article presents a comparative analysis of traditional and modern food cultures of the Dolgans of the Krasnoyarsk region. The study is based on historical and ethnographic data and aims to explore the characteristics of the Dolgan food system, which has developed in tundra environments and is based on reindeer herding, hunting, and fishing. The article compares the food culture of the Dolgans with that of the Yakuts, where dairy products from horse breeding are prevalent. It outlines the key methods of food preparation and preservation, as well as social and ritual aspects of food consumption. The findings indicate that the fundamental components of the Dolgan food tradition continue to be significant and serve as an essential marker of ethnic identity in contemporary times.

Keywords: Dolgans, food culture, traditional food, reindeer husbandry, traditional economic activity, Taimyr, ethnic identity.

Research area: Theory and History of Culture, Art.

The study was supported by the grant of the Russian Science Foundation No. 25–18–20096, <https://rscf.ru/project/25–18–20096/>, grant from the Krasnoyarsk Regional Science Foundation.

Citation: Shpak A. A., Koptseva M. S. The Culinary Traditions of the Dolgans in the Krasnoyarsk Region. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2026, 19(2), 343–352. EDN: PINPTY

Пищевая культура долган Красноярского края

А.А. Шпак, М.С. Копцева

Сибирский федеральный университет
Российская Федерация, Красноярск

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу традиционной и современной пищевой культуры долган Красноярского края. Исследование основано на историко-этнографических источниках и направлено на изучение особенностей системы питания долган, которая сформировалась в условиях тундры и базируется на оленеводстве, охоте и рыболовстве. В статье проводится сравнение долганской пищевой культуры с якутской, где доминируют молочные продукты табунного коневодства. Описываются ключевые методы обработки и хранения продуктов, а также социальные и ритуальные функции пищи. Результаты исследования показывают, что базовые элементы пищевой культуры долган сохраняют свою значимость и являются важным маркером этнической идентичности в современных условиях.

Ключевые слова: долганы, пищевая культура, традиционная еда, оленеводство, традиционная хозяйственная деятельность, Таймыр, этническая идентичность.

Научная специальность: 5.10.1. Теория и история культуры, искусства.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25–18–20096, <https://rscf.ru/project/25-18-20096/>, гранта Красноярского краевого фонда науки.

Цитирование: Шпак А. А., Копцева М. С. Пищевая культура долган Красноярского края. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2026, 19(2), 343–352. EDN: PINPTY

Введение

Долганы – это народ, сформировавшийся относительно поздно, в период XVIII–XIX веков, на территории Таймыра. На данный момент долганы проживают в Таймырском (Долгано-Ненецком) и Хатангском районах Красноярского края, а также на севере Республики Саха (Якутия).

Этногенез долган представляет собой результат взаимодействия нескольких этнических групп, проживающих на территории северо-востока Красноярского края: северных якутов-оленьеводов; тунгусских народов – эвенков и эвенов; а также русских старожилов, так называемых затундренных крестьян. Процесс объединения этих компонентов в единую общность завершился в начале XX века. В этом синтезе доминирующую роль играл якутский компонент. Его влияние наиболее заметно в языке,

который долгое время считался диалектом якутского и сохраняет с ним тесную связь. Е. И. Убрятова отмечает, что долганский язык сложился через распространения якутского языка среди эвенков рода Дулган с конца XVI века (Ubriatova, 1985).

Первые упоминания о долганах известны с этнографических экспедиций М. А. Кастрена и А. Ф. Миддендорфа (Zhuk, 2015), как отмечает Б. О. Долгих, ранее, в XVII веке, встречаются только отдельные эвенкийские роды с названием «Долган» (Dolgikh, 1963). Б. О. Долгих, рассматривая основные вопросы происхождения долган на основе изучения родового состава с XVII века, указывает неоднородность культуры в зависимости от ее географического расположения и близости к другим этносам, что отражается и на пищевой культуре (Dolgikh, 1963).

Целью статьи является анализ особенностей традиционной и современной пищевой культуры долган Красноярского края, выявление её специфики по сравнению с якутской кухней и оценка устойчивости её базовых элементов в современных условиях.

Обзор литературы

Отечественные исследователи долганского этноса изучают его в историческом, культурном и комплексном контекстах, как в форматах этнографических очерков, отчетов, так и в качестве отдельных монографий: А. А. Попов (Popov, 1956), П. Е. Островских (Ostrovskikh, 1929), А. И. Саввинов (Savvinov, 2000), Г. Н. Грачева (Gracheva, 1985), Ю. Б. Симченко (Simchenko, 1996), В. Н. Васильев (Vasil'ev, 1908), К. Сергеева (Sergeeva, 1898), В. Ф. Трошанский (Troshchanskii, 1909), Ф. Девель (Devel', 1896).

Изучение пищевой культуры в статье базируется на концепции, разработанной Н. П. Копцевой, основанной на синтетической теории культуры в качестве идеологообразования. Такое понимание позволяет рассматривать питание как систему культурного производства и закрепление в данном случае этнической идентичности. (Koptseva, 2025). На основе разработанной концепции представлены также работы авторов: Копцева М. С., Зотов С. О (Koptseva et al., 2025), Дегтяренко К. А., Пименовой Н. Н. (Degtyarenko et al., 2025).

Н. Л. Вигель, У. М. Лебедева и Э. Н. Мингазова рассматривают пищевую культуру в контексте социокультурных изменений и как важный индикатор социокультурной идентичности (Vigel', 2016; Lebedeva, Mingazova, 2020). Л. Н. Евменова изучает пищевую культуру в тесной связи с внешними изменениями и как неотъемлемую часть культуры повседневности (Evmenova, 2018). Е. Н. Романова, Н. К. Данилова и Е. К. Алексеева представляют её как адаптивную и циклическую модель, характерную для северных народов (Romanova et al., 2024). А. А. Ярзуткина, В. Я. Ранаквургин, Д. М. Винокурова, У. М. Лебедева

и И. З. Борисова исследуют пищевую культуру через призму социальной дифференциации, формирования локальной идентичности, природно-климатических условий и территориальной удалённости (Yarzutkina et al., 2024; Vinokurova et al., 2018). А. А. Петров изучил лексику, связанную с пищевой культурой и народной медициной долган (Petrov, 2015).

Вопросы пищевой культуры долган редко выступают самостоятельным объектом исследования, чаще рассматриваясь в рамках изучения религиозных представлений, фольклора, родовой структуры, а также элементов материальной и нематериальной культуры. Отдельные аспекты, связанные с питанием, затрагиваются в работах ряда отечественных ученых. Так, влияние климатических условий на традиционное хозяйство рассматривают Ю. Н. Авдеева, К. А. Дегтяренко, Н. Н. Пименова и В. С. Лузан (Avdeeva et al., 2017). Этнокультурную динамику коренных народов Енисейской Сибири исследуют Е. А. Сертакова, Н. М. Лещинская, М. А. Колесник и А. В. Кистова (Sertakova et al., 2022). Факторы формирования традиционных культур народов Севера анализирует Т. Ф. Кряклина (Kriaklina, 2023). Проблемы этнического самосознания долган освещает В. П. Кривоногов (Krivonogov, 2014), а особенности повседневной культуры питания в Якутии – М. А. Винокурова (Vinokurova, 2023). Пищевые растения изучаются Н. Н. Пименовой, М. А. Колесник, Р. С. Вологодским, в том числе с позиции его съедобных качеств и пригодности для медицинских, пищевых или ритуальных действий (Pimenova et al., 2025).

Материалы и методы

Материалы исследования включают исторические и географические очерки XIX – начала XX века, содержащие детальные описания пищевых практик и технологий обработки мяса и рыбы у долган и якутов (Sergeeva, 1898; Devel', 1896; Troshchanskii, Pekarskii, 1909). Эти источники позволяют реконструировать систему традиционного питания и её связь с кочевым образом жизни.

ни. Для анализа современного состояния пищевой культуры привлечены материалы полевых этнографических исследований, фиксирующие повседневные практики, сезонность, а также технологии хранения, заготовки и приготовления пищи. Методологическая основа сочетает исторический и сравнительный анализ. Лингвистическое сравнение и контент-анализ применяются для изучения кулинарной терминологии, способов приготовления и ритуальных функций пищи, что позволяет выявить специфику долганской пищевой культуры в её динамике.

Особенности пищевой культуры долган по сравнению с якутами

Как отмечают исследователи, комплексный тип хозяйствования на Восточном Таймыре в XVII–XIX вв. был связан с доминированием в качестве основного промысла охоты на дикого оленя и включал также рыбалку и сбор дикорастущих ягод и грибов (Malygina, 2014). Якутское происхождение значительной части предков долган объясняет, почему в исторических и ранних этнографических описаниях этнос часто идентифицировали как якутов или «якутов-оленьеводов». Эта историко-культурная и родовая преемственность напрямую обусловила сходство базовых пищевых традиций долган и якутов, сформированных на общей хозяйственной основе в схожих природных условиях Сибирской Арктики. В то же время пищевая культура долган значительно отличается от описываемой в литературе пищевой культуры якутов, что можно пронаблюдать через анализ письменных источников периода XIX–XX вв.

К. Сергеева в очерке «Якуты» 1898 года отмечает, что «Главное богатство якута составляли его многочисленные табуны. Лошадиное молоко, кумыс и конина были первой и почти единственной пищей якута» (Sergeeva, 1898). Данное утверждение демонстрирует однопродуктовую модель, сформированную в условиях распространения коневодства на обширных пастбищах степных территорий Южной Сибири,

а также указывает на переработанную молочную пищу как на основной будничный рацион.

Система питания и её социальный контекст у якутов претерпели значительную трансформацию в связи с изменением хозяйственного уклада. Исторически кочевое хозяйство, основанное на табунном коневодстве, определяло подвижный образ жизни: «Прежде якуты кочевали круглый годъ съ мѣста на мѣсто...» (Sergeeva, 1898). Однако переход к разведению рогатого скота, менее приспособленного к круглогодичному подножному корму, потребовал оседлости: «Рогатый скотъ наоборотъ сталъ стѣснять кочевки якутовъ... Всѣ эти причины заставили якутовъ меньше кочевать. Теперь они переѣзжаютъ въ годъ всего два или три раза. Зиму они живутъ въ такъ называемыхъ „зимникахъ“, а лѣто—въ „лѣтникахъ“» (Sergeeva, 1898). Сенокос превратился в центральное, трудоёмкое сезонное мероприятие, мобилизующее всё сообщество: «Къ этому времени дома остаются только богатые люди, да маленькія дѣти подъ присмотромъ стариковъ. Остальное население все въ полѣ. Здѣсь идетъ горячая работа, отдыхать некогда. Всякій торопится убратъ до дождливой половины лѣта...» (Sergeeva, 1898). Пищевые практики стали более предсказуемыми и цикличными, привязанными к стационарным жилищам и заготовленным запасам. Описанные Сергеевой приемы заготовки сена и зерна хорошо иллюстрируют переход к полуоседлому скотоводству, потребовавшему развития земледельческих и заготовительных навыков (Sergeeva, 1898).

Анализ другого исторического источника 1909 г. — этнографического очерка за авторством Трошанского В. Ф.¹, — позволяет выделить базовые группы продуктов, составлявших основу рациона якутов, что служит важной точкой отсчета для сравнительного изучения активно форми-

¹ Трошанский Василий Филиппович (1843–1898) — революционер-народник, этнограф. В 1887 г. отправлен на поселение в 3-й Жехсогонский наслег Ботурского улуса (с. Черкех, Якутская обл.), где занимался изучением якутского языка и обычая.

рующей в XX веке пищевой культуры долган. Основу питания составляли продукты животноводства, причем как скотоводческого, так и охотничьего промысла. Как и Сергеева, Трошчанский отмечает в качестве характерных продуктов якутской кухни «учислитель» (уадан) – кислое молоко, разбавленное водой, и «сороко» (суорат) – варенец, а также кумыс из кобыльего молока, приготавливаемый в кожаных мехках (Troshchansky & Pekarsky, 1909).

Ф. Девель в труде «Рассказы о Восточной Сибири, то есть о губерниях Енисейской и Иркутской, об области Приморской и об округах Якутском и Забайкальском», составленном в 1896 г., отмечает, что «Оленьимъ мясомъ больше всего и кормятся сѣверные инородцы. Кровью оленя они дѣчатся отъ цыгги...». Данное описание указывает на оленину как на основной источник белка в питании народов Северо-Восточной Сибири, а также на лечебно-профилактическое использование сырой оленьей крови в условиях дефицита витаминов в зимний сезон. Промысловая дичь и рыба выступали дополняющими, но всё ещё необходимыми компонентами рациона: «...въ тундрѣ промышляютъ они птицу и рыбу...» (Devel', 1896). Широкий спектр способов употребления рыбы, включая экстремальные, схожие со скандинавскими «сюрстрёммингами», подчеркивает её значимость в рационе: «Рыбу ѣдятъ и мерзлую, и вареную, и сушеную, даже живую и квашеную или, вѣрнѣе, гнилую...» (Devel', 1896). Рыба является источником омега-3 жирных кислот, а потому считается крайне полезной в экстремальных условиях Севера Сибири. Эта иерархия пищевых ресурсов – домашний олень-дичь-рыба – составляет основу традиционной системы питания народов Северо-Восточной Сибири, в том числе долган.

По сравнению с якутской пищевой культурой, пищевая культура долган формировалась в сложных условиях Северо-Востока Красноярского края, под влиянием русской и тунгусской культур.

Основу пищевого рациона долган составляли продукты животного происхож-

дения, полученные от оленеводства, рыболовства и охоты. Центральным продуктом является оленина, подвергаемая всем основным видам кулинарной обработки: варке, замораживанию, вялению и сушке. Вареное мясо (эт кучеһэ) и наваристые бульоны из домашнего оленя составляют основу питания, причем их приготовление связано с особыми случаями, такими как прием гостей или праздники (Arkticeskij mnogoazysnyj portal, 2023). Отдельно выделяется использование субпродуктов: печени, почек, сердца (хурэк), языка (тыл), а также крови для приготовления супа (каан бутугаһа) и колбасы (чел). Особое место занимает блюдо «амаһа» – ассорти из мелко нарезанного варёного мяса, внутреннего жира и костного мозга, относящееся к праздничной пище. Важным компонентом является оленьё молоко («үүт»), которое употребляют с чаем или замораживают.

Вторую крупную категорию образует рыба, в первую очередь сиговые породы – чир, муксун, сиг, нельма (Arkticeskij mnogoazysnyj portal, 2023). Её употребление отличается большим разнообразием форм: сырая только что пойманная («һонудай»), строганина («кыспыт»), варёная, жареная («бааркы», «кабардаак»), печёная на костре («уелуу»), сушёная («как», «кэрдилээк», «дьюһаала»), солёная икра («туустаак истэк»). Рыбу также заквашивают в ямах для длительного хранения, получая продукт с особым ароматом («иин балыга») (Arkticeskij mnogoazysnyj portal, 2023).

Третья категория – мясо диких птиц (гусь, утка, куропатка, гагара) и зайца (Arkticeskij mnogoazysnyj portal, 2023). Из него готовят супы («курпааскы, каас, күс минэ»), тушёные блюда («колтото»). Гусиное мясо также заготавливают впрок, подвергая ферментации («иин кааһын этэ»).

Растительная пища дополняет рацион, выступая источником витаминов. В пищу употребляют дикий тундровый лук («луук»), щавель, стебли ревеня («истиз»), корень родиолы розовой («умуйак»), а также разнообразные ягоды – морошку («морооско»), бруснику («отон»), голубику («күөк һугуна»), шикшу («чычычаах һугу-

на») (Arkticeskij mnogoazysnyj portal, 2023). Мучные изделия, появившиеся с развитием товарообмена, представлены дрожжевым хлебом («кетерту»), пресными лепёшками («катарба»), оладьями («алаадьы») и поджаренной на жире мукой («кэриэрдий» – толокно) (Arkticeskij mnogoazysnyj portal, 2023). Отдельные блюда и продукты наделяются особым социальным и сакральным статусом. Кровяную колбаса («чёл») «готовят ко всем национальным обрядам» (Arctic Multilingual Portal, 2023). Сушёные оленишки кишки, взятые от лично забитого оленя, использовали в ритуальных целях для «кормления» огня (Arctic Multilingual Portal, 2023).

Процесс приготовления и потребления пищи регламентирован гендерными ролями: разделка туши и приготовление большинства блюд – женская обязанность, в то время как запекание на костре во время дежурства в стаде или на промысле – часто мужское занятие. Некоторые блюда, например печень, запеченная на костре (уелуу быар), готовятся мужчинами-охотниками или пастухами непосредственно на промысле. Совместная трапеза, особенно употребление пищи из общего блюда со строганиной или варёным мясом, служит актом укрепления семейных и общинных связей (Arctic Multilingual Portal, 2023).

В рамках традиционной кухни исследователи отмечают сходство пищевого рациона долган с обскими уграми, самодийцами, эвенками (Spodina, 2015). С приходом советской власти многие северные народы меняли образ жизни с кочевого на оседлый, что не могло не отразиться на пищевой культуре (Davydov et al., 2023). Отдельно В. А. Беляевой-Сачук, В. Н. Давыдовым, Е. А. Давыдовой исследуется ритуал чаепития у долган, который показывает интеграцию новых продуктов в традиционную кухню (Davydov et al., 2023).

Таким образом, при сравнении с якутами-скотоводами выявляется фундаментальное различие в основе пищевой базы. Если у якутов, как отмечалось ранее, этой основой была лошадь и продукты её переработки (кумыс, конина), а также ро-

гатый скот, то у долган и других тундровых народов эту нишу полностью занял северный олень. Это различие определено экологическим фактором: тундра непригодна для разведения лошадей и крупного рогатого скота. Классификация продуктов у долган строится по принципу «олень-промысловые животные (птица, дикий олень)-рыба», тогда как у якутов действовала модель «лошадь/рогатый скот-промысловые животные-рыба». Общим является использование всех частей животного (мяса, крови, жил) и наличие стратегий употребления сырых и ферментированных продуктов.

Современная пищевая культура долган Красноярского края

Как отмечает Е. В. Первалова, промысел дикого северного остаётся этносохраняющей отраслью и основой жизнедеятельности для коренного населения Таймыра (включая долган), однако риск исчезновения оленя ставит под угрозу существование национальных посёлков (Perevalova, 2022). Многие исследователи также указывают на современные экономические проблемы ведения традиционной хозяйственной деятельности долганами, связанные, по мнению самих долган, с недостаточным количеством квот (Perevalova et al., 2022).

В современный период, несмотря на трудности, связанные с аккультурацией долган, пищевая культура этого народа может считаться окончательно сформированной, хотя и далёкой от традиционной, за счёт процесса коллективизации в советский период. Как отмечает В. Н. Давыдов в статье 2016 г. «Долганы Восточного Таймыра: опыт полевых исследований в посёлках Новорыбное и Сындаско в 2015 г.», в уловах в зависимости от времени года «падают чир, муксун, омуль, ряпушка, налим, нельма, азиатская корюшка» (Davydov, 2016). В летний период основу улова составляет нельма и азиатская корюшка, местное название которой – «зубатка». Мясная составляющая до сих пор представлена в первую очередь домашним и диким северным оленем. Значительную роль играет промы-

сел пернатой дичи, в частности гусей, тушки которых заготавливаются впрок.

Специфика обработки пищевых продуктов у долган продиктована суровыми климатическими условиями и необходимостью длительного сохранения ресурсов. Наиболее характерным способом консервации является замораживание. Давыдов отмечает, что «тушки гусей замораживают на зиму» (Davydov, 2016). Аналогичным образом, судя по контексту, сохраняется рыба и оленина. Еще одним традиционным методом является засолка, применяемая для гусей.

Принципиальное значение имеет технология употребления рыбы в сыром виде. Давыдов отмечает: «Рыбу едят как в приготовленном, так и сыром виде, порезав на куски (согудай)» (Davydov, 2016). Термин «согудай» обозначает строго-нарезанную сырую рыбу, что является общей чертой для многих народов Севера и Сибири, включая якутов, у которых аналогичное блюдо известно как «строганина».

Пищевые практики долган глубоко встроены в социальную и культурную ткань сообщества, регулируясь нормами обычного права, религиозно-мифологическими представлениями и экономическими стратегиями. Центральной социальной установкой является принцип обязательного дарения и распределения добычи. «У долган есть обычай делиться первой добычей, уловом с нуждающимися или гостями. Если незнакомые люди видят улов, принято отдать им часть» (Davydov, 2016). Отказ от дарения или от принятия дара трактуется как оскорбление и, что существенно, может привести к неудаче в будущих промыслах.

Пища также является объектом табу. Приводится строгий запрет на добычу лебедей, нарушение которого, по мнению информантов, влечет несчастья, болезни и смерть в семье охотника. Подобные действия, влекущие кару, обозначаются термином «аньы», что переводится как «грех» (Davydov, 2016). Это отражает существование в современной системе верований развитой системы пищевых запретов, связан-

ных с анимистическими и дорелигиозными воззрениями.

В экономическом плане пища выступает также товаром в системе обмена. Мясо, рыба и шкуры (камусы) являются основным средством расчета за топливо, масло, запчасти и технику. Так, «бочка конденсата приравнивается к двум-трем тушам оленя» (Davydov, 2016). Это формирует натурально-товарную модель экономики, где продукты традиционного хозяйства напрямую конвертируются в жизненно необходимые промышленные товары.

Таким образом, можно отметить, что традиционная кухня долган не теряет своей значимости даже в современных условиях, во многом благодаря поддержке, оказываемой представителям, сохраняющим традиционный образ жизни. Национальные блюда в рамках популяризации культуры становятся частью культурных мероприятий, например этнофестиваля «Большой Аргиш» в 2022 году (Davydov et al., 2023).

Заключение

Пищевая культура долган, сформировавшаяся в результате миграций предков долган на Север Красноярского края, а также под влиянием соседних народов – русских, тунгусов, якутов, представляет собой динамичную, но устойчивую систему, основанную на использовании ресурсов сибирской тундры. Основное отличие долганской традиции от якутской заключается в преобладании оленины и сиговых рыб в рационе долган, в отличие от преобладания конских молочных продуктов в пищевой культуре якутов, что обусловлено экологическими условиями традиционных мест проживания долган, не подходящими для табунного коневодства. Специфика кухни долган проявляется в разнообразных методах заготовки продуктов для длительного хранения, таких как замораживание, вяление и ферментация, а также в использовании мясных субпродуктов для приготовления блюд. Пищевые практики долган глубоко интегрированы в социальную и ритуальную жизнь общины, регулируются социальными нормами и гендерными ролями. В со-

временных условиях традиционная система питания долган сохраняет свою значимость как элемент этнокультурной идентичности этого народа, демонстрируя свою адаптивность к изменяющимся социокультурным и климатическим условиям.

Список литературы / References

Arkticeskij mnogoazycnyj portal. Dolganskaja tradicionnaja kuhnja [Dolgan traditional cuisine]. 2023. Available at: <https://arctic-megapedia.com/blog/2023/12/13/dolganskaja-tradicionnaja-kuhnja-2/> (accessed 01 December 2025).

Avdeeva I., Degtyarenko K., Pimenova N., Luzan V. Influence of Climatic Conditions on the Traditional Economy of Small-Numbered Indigenous Peoples of Taymyr Dolgano-Nenets Municipal District (the Krasnoyarsk Territory). In: *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 2017, 10, 1282–1293. DOI: 10.17516/1997–1370–0136.

Davydov V.N., Davydova E.A., Beliaeva-Sachuk V.A. «Vkusy Arktiki»: novye gastronomicheskie trendy na Chukotke, Taymyre i v Kol'skom Zapoliar'e ["Tastes of the Arctic": New Gastronomic Trends in Chukotka, Taymyr and the Kola Arctic]. In: *Ural'skii istoricheskii vestnik [Ural Historical Journal]*, 2023, 1(78), 114–122. DOI: 10.30759/1728–9718–2023–1(78)-114–122. EDN: UOEXST.

Davydov V.N. Dolgany Vostochnogo Taymyra: opyt polevykh issledovanii v poselkakh Novorybnoe i Syndassko v 2015 g. [Dolgan of Eastern Taymyr: The experience of field research in Novorybnoe and Syndassko settlements in 2015]. *Materialy polevykh issledovanii MAE RAN*, 2016, (16), 67–80.

Degtiarenko K.A., Pimenova N.N. Etnicheskie znaniia tunguso-man'chzhurskikh narodov o rastitel'nom mire: na materiale evenkiiskikh literaturnykh tekstov [Ethnic Knowledge of Tungus-Manchu Peoples about the Plant World: Based on Evenki Literary Texts]. In: *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki [Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences]*, 2025, 18(7), 1290–1299. EDN: FCZRGY.

Devel' F.V. Rasskazy o Vostochnoi Sibiri, to est' o guberniiakh Eniseiskoi i Irkutskoi, ob oblasti Primorskoi i ob okrugakh Iakutskom i Zabaykal'skom [Tales of Eastern Siberia, that is, of the Yenisei and Irkutsk provinces, the Primorsky region, and the Yakutsk and Transbaikalia districts]. M., Tipografiia T-va I.D. Sytina, 1896. 127.

Dolgikh B.O. Proiskhozhdenie dolgan [The Origin of the Dolgans]. In: *Sibirskii etnograficheskii sbornik [Siberian Ethnographic Collection]*, 5. M., 1963.

Evmenova L.N. Traditsionnaia pishchevaia kul'tura narodov Sibiri [Traditional Food Culture of the Peoples of Siberia]. In: *Vestnik slavianskikh kul'tur [Bulletin of Slavic Cultures]*, 2018, 48, 67–75. EDN: XQWIFN.

Gracheva G.N. Sovremennye etnicheskie protsessy v Taymyrskom avtonomnom okruge [Modern Ethnic Processes in the Taymyr Autonomous District]. In: *Istoricheskaja etnografiia [Historical Ethnography]*, Leningrad, 1985, 7.

Iarzutkina A.A., Ranakvurgin V. Ia., Krivenko E. S. Pitanie na Krainem Severe: etnografiia edy, vkusa i snabzheniia na Chukotke [Nutrition in the Far North: Ethnography of Food, Taste and Supply in Chukotka]. In: *Teoriia i praktika obshchestvennogo razvitiia [Theory and Practice of Social Development]*, 2024, 12, 120–130.

Koptseva N.P. Kontsept «pishchevaia kul'tura» i ego reprezentatsii v etnicheskoi kartine mira tunguso-man'chzhurskikh narodov Krasnoyarskogo kraia [The Concept "Food Culture" and its Representation in the Ethnic Worldview of the Tungus-Manchu Peoples of Krasnoyarsk Krai]. In: *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki [Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences]*, 2025, 18(7), 1240–1249. EDN: CDIKFZ.

Koptseva N.P., Koptseva M.S., Zotov S.O. Kontsept «traditsionnaia eda»: unifikatsiia poniatiia s pomoshch'iu metoda Bol'shikh dannykh [The Concept "Traditional Food": Unifying the Notion via Big Data Methods]. In: *Sotsiologiya iskusstvennogo intellekta: regiony i gruppy [Sociology of Artificial Intelligence: Regions and Groups]*: Proceedings of the 2nd All-Russian Conference with International Participation,

Krasnoyarsk, 3–5 December 2024. Krasnoyarsk: Sodruzhestvo prosvetitelei Krasnoyarsk, 2025, 155–192. EDN: VZMOHU.

Kriaklina T.F. Faktory formirovaniia traditsionnykh kul'tur korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka [Factors in the Formation of Traditional Cultures of Indigenous Small-Numbered Peoples of the North, Siberia and the Far East]. In: *Aktual'naia kul'tura [Actual Culture]*, 2023, 1. EDN: JQLIHL.

Krivotonogov V.P. K voprosu ob etnicheskom samosoznanii dolgan [On the Issue of the Ethnic Self-Identification of the Dolgans]. In: *Sotsiodinamika [Sociodynamics]*, 2014, 11, 73–107. DOI: 10.7256/2306–0158.2014.11.1358.

Lebedeva M., Mingazova E.N. K voprosu o sokhranении traditsii natsional'nykh kukhon' i pitaniia narodov rossiiskogo severa [On Preserving the Traditions of National Cuisines and Nutrition of the Peoples of the Russian North]. In: *Rossiiskaia Arktika [Russian Arctic]*, 2020, 9, 56–64. DOI: 10.24411/2658–4255–2020–12095. EDN: QLMQWQ.

Malygina N.V. Kul'tura okhotnikov na dikogo severnogo olenia drevnikh paleoaziatskikh plemen kak istoricheski slozhivshaiasia osnova khoziaistvennogo uklada korennykh zhitelei Taimyra [The Culture of Wild Reindeer Hunters of Ancient Paleo-Asiatic Tribes as a Historically Formed Basis of the Economic Order of Indigenous Residents of Taymyr]. In: *Vestnik KrasGAU [Bulletin of Krasnoyarsk State Agrarian University]*, 2014, 11, 207–211.

Ostrovskikh P.E. K voprosu o naselenii Taimyrskogo poluostrova (po povodu stat'i B.O. Dolgikh) [On the Population of the Taymyr Peninsula (Regarding the Article by B.O. Dolgikh)]. In: *Severnaia Aziia [Northern Asia]*, 1929, 2, 77–82.

Perevalova E.V. Dikii severnyi olen': etnicheskie traditsii i sovremennaiia situatsiia na Taimyre [Wild Reindeer: Ethnic Traditions and the Current Situation in Taymyr]. In: *Etnografiia [Ethnography]*, 2022, 3(17), 93–120.

Perevalova E.V., Kisser T.S. Korennye narody Taimyra: "Pravo zhit' na svoei zemle" [Indigenous Peoples of Taymyr: "The Right to Live on Their Land"]. In: *VAAE [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography]*, 2022, 4(59), 180–188.

Pimenova N.N., Kolesnik M.A., Vologodskii R.S. Pishchevye rasteniia severnykh territorii Krasnoyarskogo kraia [Food Plants of the Northern Territories of Krasnoyarsk Krai]. In: *Severnye Arkhivy i Ekspeditsii [Northern Archives and Expeditions]*, 2025, 9(3), 39–52. EDN: OIDVFS.

Popov A.A. Dolgany [The Dolgans]. In: *Narody Sibiri [Peoples of Siberia]*. M. – Leningrad, 1956.

Romanova E.N., Danilova N.K., Alekseeva E.K. Antropologiya kholoda: kul'tura pitaniia korennykh narodov Respubliki Sakha (Iakutiia) [Anthropology of Cold: Food Culture of Indigenous Peoples of the Republic of Sakha (Yakutia)]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriiia [Bulletin of Tomsk State University. History]*, 2024, 87, 165–175.

Sergeeva K. Narody Rossii. Yakuty [Peoples of Russia. Yakuts]. M., Tipografiia Obshchestva rasprostraneniia poleznykh knig. 1898

Sertakova E.A., Leshchinskaia N.M., Kolesnik M.A., Kistova A.V. Ethnocultural dynamics of the indigenous peoples of Yenisei Siberia in research works of 2010s–2020s. In: *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2022, 15(5), 702–716. DOI: 10.17516/1997–1370–0806.

Spodina V.I. Sravnitel'no-istoricheskii analiz traditsionnoi kul'tury: cherty skhodstva i razlichii obshchikh ugrov i samoditsev [Comparative-Historical Analysis of Traditional Culture: Similarities and Differences Between Ob Ugrians and Samoyeds]. In: *Vestnik ugrovedeniia [Bulletin of Ugric Studies]*, 2015, 2(21), 128–142. EDN: TZVXXD.

Troshchanskii V.F., Pekarskii E.K. I. Iakuty v ikh domashnei obstanovke; II. Iz iakutskoi stariny: = Iakuty v ikh domashnei obstanovke, Iz iakutskoi stariny Etnogr. ocherk: Starye pisateli o iakutakh [I. Yakuts in their home environment; II. From Yakut antiquity: = Yakuts in their home environment, From Yakut antiquity An ethnographic essay: Old writers about the Yakuts]. SPb., tip. M-va put. soobshch. (t-va I.N. Kushnerev i K°), 1909, 32.

Ubriatova E.I. Iazyk noril'skikh dolgan [The Language of the Norilsk Dolgans]. Novosibirsk: Nauka, 1985, 216.

Vasil'ev V.N. Kratkii ocherk inorodtsev Severa Turukhanskogo kraia [A Brief Essay on the Peoples of the North of Turukhansk Region]. In: *Ezhegodnik Russkogo antropologicheskogo obshchestva pri SPb. un-te* [Yearbook of the Russian Anthropological Society of St Petersburg University], 1908a, 2, 59.

Vigel' N.L. Pishchevaia kul'tura kak marker sotsiokul'turnoi identichnosti [Food Culture as a Marker of Sociocultural Identity]. In: *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Filosofii. Politologii. Kul'turologiia* [Scholarly Notes of V.I. Vernadsky CFU. Philosophy. Political Science. Cultural Studies], 2016, 2(68), 3, 35–42. EDN: ZHTZMB.

Vigel' N.L. Pishchevaia kul'tura kak metod izucheniia sotsiokul'turnykh transformatsii [Food Culture as a Method of Studying Sociocultural Transformations]. In: *Servis plus* [Service Plus], 2016, 10(3), 62–67. DOI: 10.12737/21124. EDN: UDHLIL.

Vinokurova D.M., Lebedeva U.M., Borisova I.Z. Pitanie sel'skikh zhitelei Krainego Severa: traditsii i transformatsii [Nutrition of Rural Residents of the Far North: Traditions and Transformations]. In: *Voprosy pitaniia* [Nutrition Issues], 2018, 5, 76.

Zhuk A.V. M.-A. Kastren i A.F. Middendorf: iz istorii russkoi nauki 1840-kh gg. [M. – A. Castrén and A.F. Middendorf: From the History of Russian Science of the 1840s]. In: *Vestnik Omskogo universiteta. Serii "Istoricheskie nauki"* [Bulletin of Omsk University. Historical Sciences], 2015, 2(6), 148–166.

Linguoculturology

Лингвокультурология

EDN: UFJKCK
УДК 8–81'27

Terminological Literacy and Sociolinguistic Competence of Students Studying Russian in Kazakhstan

Jemma B. Amanzholova^a, Ainur S. Nurakhynova^b,
Nursulu Zh. Shaimerdenova^b and Saule Zh. Bayandina^c

^a *Astana IT University*

Astana, Republic of Kazakhstan

^b *Al-Farabi Kazakh National University*

Almaty, Republic of Kazakhstan

^c *Ablai Khan Kazakh University of International*

Relations and World Languages

Almaty, Republic of Kazakhstan

Received 18.11.2025, received in revised form 17.12.2025, accepted 28.01.2026

Abstract. The article explores the role of terminological literacy as an important component in the sociolinguistic competency of students studying Russian in technical universities of the Republic of Kazakhstan. Sociolinguistic competency is defined as a key element in the structure of the competency model for training future specialists. The authors analysed specifics of the sociolinguistic terminology in academic and professional communication, emphasizing the need to develop skills in understanding, interpreting and using sociolinguistic terms depending on the speech situation and sociocultural context. An empirical study conducted among students of a technical university in Kazakhstan revealed the dependence of the terminological assimilation on the level of students' sociolinguistic competence. It is concluded that it is necessary to integrate sociolinguistic and terminological approaches in teaching the Russian language to students of non-linguistic specialties.

Keywords: terminological literacy, sociolinguistic competence, Russian language, students of technical universities, professional communication, language training.

Research area: Theory and History of Culture, Art; Russian Language. Languages of the Peoples of Russia.

This research has been funded by the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (Grant No AP23486380 Turkic languages of Kazakhstan in the conditions of spiritual modernization of society: from graphics to an epic text).

© Siberian Federal University. All rights reserved

* Corresponding author E-mail address: a.nurakhynova@iitu.edu.kz

ORCID: 0000-0002-3153-5169 (Amanzholova); 0009-0001-4502-5338 (Nurakhynova); 0000-0002-2830-8336 (Shaimerdenova); 0009-0004-5001-2111 (Bayandina)

Citation: Amanzholova J. B., Nurakhynova A. S., Shaimerdenova N. Zh., Bayandina S. Zh. Terminological Literacy and Sociolinguistic Competence of Students Studying Russian in Kazakhstan. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2026, 19(2), 354–363. EDN: UFJKCK

Терминологическая грамотность и социолингвистическая компетенция студентов, изучающих русский язык в Казахстане

Д.Б. Аманжолова^а, А.С. Нурахинова^б,
Н.Ж. Шаймерденова^б, С.Ж. Баяндина^в

^а*Astana IT University*

Республика Казахстан, Астана

^б*Казахский национальный университет имени аль-Фараби*

Республика Казахстан, Алматы

^в*Казахский университет международных отношений*

и мировых языков имени Абылай хана

Республика Казахстан, Алматы

Аннотация. Статья исследует роль терминологической грамотности как важного компонента формирования социолингвистической компетенции студентов, изучающих русский язык в технических вузах Казахстана. Социолингвистическая компетенция определяется как ключевой элемент в структуре компетентностной модели подготовки будущих специалистов. Проанализирована специфика функционирования социолингвистической терминологии в академической и профессиональной коммуникации, подчеркнута необходимость развития умений понимания, интерпретации и использования социолингвистических терминов в зависимости от речевой ситуации и социокультурного контекста. Эмпирическое исследование, проведенное среди студентов технического вуза Казахстана, выявило зависимость успешности терминологического усвоения от уровня сформированности социолингвистической компетенции. Делается вывод о необходимости интеграции социолингвистического и терминологического подходов в преподавании русского языка студентам неязыковых специальностей.

Ключевые слова: терминологическая грамотность, социолингвистическая компетенция, русский язык, студенты технических вузов, профессиональная коммуникация, языковая подготовка.

Научная специальность: 5.10.1. Теория и история культуры, искусства; 5.9.5. Русский язык. Языки народов России.

Данное исследование финансируется Комитетом по науке Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан «АР23486380 Тюркские языки Казахстана в условиях духовной модернизации общества: от графики к эпическому тексту».

Цитирование: Аманжолова Д. Б., Нурахинова А. С., Шаймерденова Н. Ж., Баяндина С. Ж. Терминологическая грамотность и социолингвистическая компетенция студентов, изучающих русский язык в Казахстане. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2026, 19(2), 354–363. EDN: UFJKCK

Information

About Research Funding (Grant)

This research has been funded by the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (Grant No AP23486380 Turkic languages of Kazakhstan in the conditions of spiritual modernization of society: from graphics to an epic text).

Introduction to the Research Problem

Currently, the Republic of Kazakhstan has a unique institution called the Assembly of the People of Kazakhstan (APK), which promotes unity and interethnic harmony in the country and plays a significant role in preserving and developing Kazakhstan's cultural diversity. The uniqueness of this organisation lies in the fact that it has constitutional status, which puts it on an important place in the political system of the Republic of Kazakhstan, and at the same time, this institution has no analogues in the world. This organisation operates now as Kazakhstan today is a sovereign and independent state with a multi-ethnic population. The official website of the President of the Republic of Kazakhstan reports that there are 130 ethnic groups living in the Republic, and the population of Kazakhstan exceeds 20 million people (Akorda, 2025). According to data from the National Statistics Bureau of the Republic of Kazakhstan, published on 27 March 2025, the ethnic composition of the population is as follows: Kazakhs – 71.3 %, Russians – 14.6 %, Uzbeks – 3.3 %, Ukrainians – 1.8 %, Uyghurs – 1.5 %, Germans – 1.1 %, Tatars – 1.1 %, Azerbaijanis – 0.8 %, Koreans – 0.6 %, Turks – 0.5 %, Dungans – 0.4 %, Belarusians – 0.4 %, Tajiks – 0.3 %, Kurds – 0.3 %, Poles – 0.2 %, Kyrgyz – 0.2 %, Chechens – 0.2 %, other nationalities – 1.4 %. (Strategic Planning Agency..., 2025).

These statistics necessitate scientific research in the fields of sociocultural studies and sociolinguistics. With regard to the latter

field, it is important to note that the key aspect of sociolinguistics is the mutual influence of language and society, therefore the subject of sociolinguistics is how the relationship between language and society influences language and its use. Society has a huge impact on the linguistic behaviour and everyday speech practices of individuals. Sociolinguistics in Kazakhstan has a broader field of research, as in addition to studying the interaction between language and society, it focuses on the functioning of languages in various social contexts and pays particular attention to issues of bilingualism. The main areas of research in the field of sociolinguistics in Kazakhstan are the interaction between the Kazakh and Russian languages, language policy, social differentiation of language, changes in the language situation, and the creation of a dictionary of sociolinguistic terms.

Sociolinguistics in Kazakhstan has undergone several periods of development, marked by social and historical changes. However, it would be necessary to mention the scientific works of scholars written during the Soviet period, as well as during the modern period of independence and the establishment of a sovereign state. Each period is characterised by its own peculiarities in the study of language in the context of society. During the Soviet period, issues of language interaction were addressed by such scholars as B.H. Khasanov, M.M. Kopylenko, Z.K. Akhmetzhanova, A.E. Karlinsky, and others. In the book "Languages of the Peoples of Kazakhstan and Their Interaction" B. Kh. Khasanov describes the linguistic situation in the country, analyses the interaction of the languages of the peoples of Kazakhstan, as well as the level of language proficiency and functions of different languages in society (Khasanov, 1976). In the scientific study "Phonetic Interference in the Russian Speech of Kazakhs" M.M. Kopylenko, co-authored with Z.K. Akhmetzhanova, examined issues of interference and the functioning

of the Russian language among Kazakhs at home and in communication with friends who speak mostly Kazakh, while Russian was their language of education. They also co-authored a study of the psycholinguistic aspects of bilingualism (Kopylenko, Akhmetzhanova, 1984; 1985). A.E. Karlinsky analyzes issues of language interaction, the emergence of bilingualism, its place in society, as well as the concepts of language community and interference in his monograph “Fundamentals of the Theory of Language Interaction” (Karlinsky, 1990). At present, there are several notable figures whose scientific works are essential in the field of Kazakhstani sociolinguistics. E.D. Suleimenova is actively engaged in research related to language in its social context, which makes her an important figure in the Kazakhstani scientific community. The work “Language Processes and Politics” and the collective monograph “Imperatives of the State Ethnopolitics of the Republic of Kazakhstan” reflect the construction of the language of independent Kazakhstan (Suleimenova, 2011; Tugzhanov, 2012).

It should be stated that sociolinguistics in Kazakhstan has not developed as a separate school in classical sense as an independent scientific field, however, many Kazakhstani researchers (followers and students of Doctor of Philology, Professor E.D. Suleimenova) study issues of language situation, language shift, language policy, bilingualism and multilingualism, as well as the sociocultural aspects of use of different languages in various spheres. N. Zh. Shaimerdenova scrutinized issues of the formation of sociolinguistic competence during education period in Kazakhstan (Shaimerdenova, 2024). O.B. Altynbekova explores matters of ethno-linguistic processes in Kazakhstan in her monograph (Altynbekova, 2006). A. Kh. Azamatova deals with systematising the linguistic terminology system (Azamatova, 2013). Zh.S. Smagulova analysed issues of language planning in her doctoral dissertation (Smagulova, 2004). A. M. Fazylzhanova investigated the language situation in Kazakhstan in the Soviet and modern periods (Fazylzhanova, 2024).

It is important to mention that the first systematic dictionary of sociolinguistic terms was

published in Kazakhstan by E.D. Suleimenova and N. Zh. Shaimerdenova in 2002 (Suleimenova, Shaimerdenova, 2002). It focuses on the emerging terminology that reflects the processes of language policy and planning in Kazakhstan, which is dictated by the unique linguistic situation with the harmonious co-existence of Kazakh, Russian and a number of other languages spoken by more than a hundred ethnic groups. In 2007, a supplemented and revised dictionary was published with an expanded list of authors (Suleimenova, 2007). In 2020, the same group of authors published a revised dictionary of sociolinguistic terms in two languages: Kazakh and Russian (Suleimenova, Shaimerdenova et al., 2020). In 2024, the second edition of this dictionary was published in Kazakh as part of the Turkology series (Suleimenova, Shaimerdenova et al., 2024).

The sociolinguistic dictionary (2007) contains terms that are basic from a methodological point of view for our research: “sociolinguistics”, “competence” and “competency”. Sociolinguistics in the correspondent article is considered one of the priority areas of philological science – “social linguistics, sociology of language, sociological linguistics, sociological language studies, linguosociology. It is a branch of linguistics that studies language and society in their causal interdependence, the specifics of language functioning in society, language in its social determinism, etc.” (Suleimenova, 2007: 201).

Conceptual Foundations of the Study

Modern humanities education, especially in multicultural and multilingual countries such as the Republic of Kazakhstan, places new demands on the language training of students at humanities and technical universities. The relevance of this research for Kazakhstan is determined by the specificity of the definitions used for terms in accordance with the linguistic situation and requirements in the laws of the Republic of Kazakhstan, as well as the use of terms in documents. In the context of the education modernisation in Kazakhstan, it is important to develop the language skills of future IT and technical specialists. The introduction of sociolinguistic terminolo-

gy in the study of the Russian language allows for the correct use of terms and understanding of the linguistic situation in the country. This contributes to improving the quality of training, adaptation to Kazakhstani and international standards, and to increasing the competitiveness of graduates. The relevance is emphasised by the study of the lexicographical aspect, namely the role of dictionaries and reference books in the systematisation and standardisation of sociolinguistic terminology. The development of terminological literacy, necessary for adequate functioning in a professional and academic environment, is of particular value. For students of technical universities studying Russian as a foreign language, an important condition for successful communication is not only mastery of the general literary norm, but also the ability to correctly use specialised vocabulary in accordance with the norms of speech behaviour, which is directly related to the level or formation of their sociolinguistic competence.

In a linguistic encyclopaedic dictionary, one can find the following definition of the term: “Term – (from Latin ‘terminus’, meaning boundary or limit) – a word or phrase denoting a concept in a specific field of knowledge or activity. A term is part of the general lexical system of a language, but only through the medium of a specific terminological system (terminology)” (Yartseva, 1990). In the same dictionary, the following definition is given to linguistic terminology: “Linguistic terminology – (from the ‘term’ and the Greek ‘logos’ – word, teaching) – a set of words and phrases used in linguistics to express special concepts and to name typical objects in a given scientific field. As an integral part of the metalanguage of linguistics, linguistic terminology is particularly difficult to study due to the consubstantiality of the object language and the metalanguage, i.e. due to the fact that the object language and the metalanguage are completely identical in terms of expression and appear to be one and the same language” (Ibid). Based on this, we understand terminological literacy to be the set of knowledge and skills that ensure the correct perception, understanding and use of terms in various types of professional and academic

speech. It includes knowledge of the meaning of terms, their use in context and the ability to distinguish them from commonly used words.

The dictionary of sociolinguistic terms provides a definition of a concept that is main in our research: “competency is the totality of knowledge, abilities and skills acquired in the process of language learning with the aim of adequately using language units in speech” (Suleimenova, 2007: 107). Here, the term “competence” is defined as “the result of education, expressed in the mastery by students of universal modes of activity, including speech activity” (Ibid). In this study, we focus on the concept of “competency” rather than “competence”, based on the tasks set and the above definitions. At the same time, it should be remembered that competency is something we develop, while competence is something we assess. When working with students for whom knowledge of key sociolinguistic terms used in everyday speech and sociocultural practice is central, it is necessary to develop their lexicographic competency.

Let us consider the term “sociolinguistic competency,” which is a key concept in our study, taking into account the opinions of scholars in this field. For instance, A. A. Chomaeva offers a detailed definition of this term within the framework of a competency model for future specialists: “Sociolinguistic competency is an integrative personal quality of each student; a set of knowledge and skills, a space of opportunities that correlates with other competencies and determines the level of professional development and work efficiency of future specialists” (Chomaeva, 2023: 2). A more specific and communication-oriented interpretation of the concept of sociolinguistic competency is offered by M. F. Ovchinnikova and N. Zh. Dagbaeva, who regard it as “the ability of a linguistic personality to organize their speech behavior appropriately for different communication situations, taking into account the communicative goal, intention, social status, roles of communicants, and communication environment in accordance with the sociolinguistic norms and attitudes of a specific national-linguistic-cultural community” (Ovchinnikova, Dagbaeva, 2012: 103).

This definition implies that “sociolinguistic competency involves knowledge and understanding of how language functions in different social contexts, as well as the ability to take this context into account when teaching. It includes not only knowledge of the language of instruction, but also an understanding of cultural characteristics and social practices, which makes the educational process more effective and focused on the needs of students” (Nurakhynova, Shaimerdenova, 2025: 92). Sociolinguistic competency includes the ability to choose speech means taking into account the communicative situation, the social roles of the participants in communication, the genre characteristics of the text, and stylistic norms. It is this competency that allows students to determine in what context and how a particular term can be used, which is vital in a multicultural and multilingual audience.

Statement of the Problem

The aim of this study is to establish the relationship between the level of terminological literacy and the degree of sociolinguistic competency among students studying Russian in Kazakhstan, in accordance with the curriculum. Despite the growing demands on the language training of students at technical universities in the multicultural and multilingual society of the Republic of Kazakhstan, the level of sociolinguistic competency remains insufficient. This not only hinders the effective mastery of Russian as a means of professional communication, but also reduces the readiness of graduates for academic and professional activities that meet modern international standards. Problems are particularly acute in the meaningful, accurate and appropriate use of sociolinguistic terms, which indicates the need to review approaches to the formation of this competency in educational programmes. Observations also show shortcomings in lexicographic resources, which need to be introduced into the educational process. To date, a methodological mechanism for developing terminological literacy and sociolinguistic competency has not yet been formed, especially among students studying Russian as a second non-native language. In the context of the modernisation

of the education system, there is a gap between the requirements for language training and the actual level of proficiency in specialised vocabulary. The subject of the study, therefore, is the terminological literacy and the level of mastery of sociolinguistic competency among students of a technical university. Methods and techniques based on the use of various tasks involving lexicographic sources, in this case sociolinguistic dictionaries, play a key role in the development of sociolinguistic competency. Numerous publications by researchers, teachers and methodologists testify to the scarce representation of the sociolinguistic approach in modern language education. A. A. Chomaeva notes that “teachers often ignore sociolinguistic aspects in language teaching. They are more focused on teaching a second or foreign language, grammar and pronunciation (speaking). Studying language with the help of sociolinguistics can help speakers distinguish where, who and when someone is speaking. Therefore, teachers should link materials to the social context” (Chomaeva, 2023: 2). V. A. Bolotov and V. V. Serikov consider the transition from the theoretical concept of the competency model to its practical implementation in educational programmes, in other words, “the competency approach implies a significant strengthening of the practical orientation of education” (Bolotov, 2003: 9). The level of terminological literacy and the degree of sociolinguistic competency of students at a technical university were identified through a questionnaire, the results of which made it possible to determine the current stage of development of this competency and to identify directions for its further formation and progress.

Research Material and Methodology

In connection with the research objective we identify the level of terminological literacy and the degree of sociolinguistic competency among students of technical specialties, such as: 6B 06101 Computer Science; 6B 06103 Big Data Analytics; 6B 06104 Business Analysis; 6B 06105 Information Systems; 6B 06106 Computer Engineering and Software; 6B 06107 Cyber-Physical Systems; 6B 06110 Software Engineering; 6B 06111 Financial Mathematics;

6B 06301 Computer Security; 6B 06302 Hardware Information Security; 6B 06303 Network Security, etc. The main method used was a questionnaire with open-ended questions. Questionnaires are a method of collecting both quantitative and qualitative data aimed at identifying the degree of sociolinguistic competency of students in the process of learning Russian as a foreign language, their level of proficiency in basic sociolinguistic terms, and their ability to use them in practical speech. The survey was conducted among first- and second-year students in mixed-level groups studying the subject “Russian Language” at the International University of Information Technologies in Almaty. The survey was conducted as part of classes on the following topics: “Week 1: Languages and Education” (level A2 students); “Week 1: Russian Language in the Modern World” at level B 1; “Week 1: World Languages” at level B 2; “Week 1: Language and its main function” at level C 1 in accordance with the Standard Curriculum approved by Order of the Minister of Education and Science of the Republic of Kazakhstan No. 603 of 31 October 2018, intended for staff of higher education institutions of the Republic of Kazakhstan who teach the general education discipline “Russian Language” (Tipovye uchebnye..., 2018) The survey involved 100 respondents, aged from 17 to 25 years, studying Russian as part of their compulsory language training.

The data obtained were subjected to qualitative and content analysis in order to identify the characteristics of key sociolinguistic concepts such as “language status”, “ethnic group”, “diaspora”, “bilingualism”, etc. The responses were classified and interpreted based on their correspondence to scientific definitions and the context of the linguistic situation in the Republic of Kazakhstan. Elements of descriptive statistics were also used to quantitatively assess the level of terminology assimilation.

Discussion of Survey Results

To collect empirical data, a survey was conducted using the Google Forms online platform. The questionnaire contained 15 open-ended questions aimed at identifying students’ understanding and use of sociolinguistic terminology.

The survey covers key concepts: language status, bilingualism, ethnic groups, national minorities, diaspora, language as a factor of identity, as well as the use of dictionaries of sociolinguistic terms and understanding of their definitions. The general characteristics of the responses are as follows: the responses were qualitative and, in most cases, detailed, but a number of “I don’t know” or blank/single-character responses indicate clear gaps in knowledge. A qualitative analysis was conducted for the following groups of questions (Table 1).

Table 1. Questionnaire questions

№	Question
1	What does the term “language status” mean? What factors influence the status of a language in society?
2	What are “national minorities”? How does language influence the self-identification of such groups?
3	What is the difference between the concepts of “national minorities” and “ethnic groups”? Are the terms “national minorities” and “ethnic groups” unambiguous and synonymous?
4	What term was used in Kazakhstan before the term “kandastar” ¹ ?
5	What is the status of the Russian language in Kazakhstan?
6	What is the status of the Russian language in Russia?
7	Have you ever used the Dictionary of Sociolinguistic Terms?
8	Is it necessary to know and understand the terms “bilingualism” and “multilingualism”?

¹ From “kandas” – ethnic Kazakhs and/or members of their families of Kazakh nationality who were not previously citizens of the Republic of Kazakhstan, who have arrived in their historical homeland and obtained the relevant status in accordance with the procedure established by the Law “On Migration of the Population”.

Table 1. Continued

№	Question
9	What problems can different ethnic groups encounter when preserving their language in a multinational society?
10	Which document defines the status of languages in Kazakhstan?
11	What role does language play in the lives of different ethnic groups? Give examples.
12	What is a diaspora? How does language contribute to the preservation of cultural identity in diasporas?
13	What types of language status do you know? Give examples of languages with different statuses (e.g., national, regional, international).
14	Give an example of a language that has a high status in one country but a low status in another. Explain the reasons for this difference.
15	Give an example of a diaspora that has successfully preserved its language and culture. What factors have contributed to this?

Based on the answers to questions 1, 2, 3, 6, 7, 8, 10, 12, and 13, we can draw the following conclusion: many respondents find it difficult to define key terms (“language status,” “diaspora,” “ethnic group”), which indicates a low level of terminological literacy. This is evidenced by answers such as “I don’t know” / “I don’t get it” / “is it like a dialect?”, but nevertheless, about 30–40 % of respondents gave detailed and generally correct explanations. Based on many of the answers to questions 4, 5, 6, 9, 11, 14, 15, we see that participants are familiar with the real language situation in Kazakhstan, but their knowledge of language policy and the relevant documents (the Constitution, legislation) is fragmentary. When asked about the status of the Russian language in Kazakhstan, the most common answers are: “official language” and “language of interethnic communication.” When asked about the problems of different ethnic groups, respondents mentioned “language loss,” “assimilation,” and “misunderstanding,” but the share of meaningful answers is also low, which indicates an unsatisfactory level of sociolinguistic competency. When asked if they have used the Dictionary of Sociolinguistic Terms, the vast majority answered “no” or “never heard of it,” which demonstrates the weak integration of lexicographic terminological resources into the educational process. Opinions were divided on the answers to question 8 (Is it necessary to know and understand the terms “bilingualism” and “multilingual-

ism”?). Let us cite some examples of answers: “It depends on the situation” / “It is useful to know” / “Yes, to understand multilingualism,” some answers were “No” or “I don’t know,” which requires further emphasis on the motivational component of learning.

The survey revealed significant difficulties that students experience in the conscious and correct use of sociolinguistic terms. Analysis of the responses showed that the level of terminological literacy remains insufficient for fluency in the Russian language in the multicultural context of Kazakhstan, especially in terms of interpreting and applying terms in professionally oriented contexts. All this can hinder the adequate perception of linguistic variability, understanding of terms, and lead to mixing of concepts from different fields, and the lack of connection between the term and the sociocultural context of Kazakhstan.

Conclusion

The survey results demonstrated an uneven terminological literacy among students at a technical university. Only 30–40 % of participants were able to provide detailed and relatively accurate answers to questions concerning basic concepts of sociolinguistics. Particularly striking is the lack of knowledge of legislative documents regulating the status of languages, as well as weak motivation to use specialized dictionaries. All this confirms the need to develop terminological literacy

and sociolinguistic competency within the framework of a systematic linguistic-didactic approach to teaching. The survey showed the following weaknesses: insufficient terminological literacy; limited knowledge of students about government documents and different status of languages; narrowed use of lexicographic sources. Based on the data obtained, the following recommendations can be made: integration of terminological and sociolinguistic tasks into the practical course of the discipline "Russian Language" for all levels; use of dictionaries and reference books in teaching with an emphasis on the stylistic and pragmatic marking of terms; the development of modular programs aimed at forming speech variability in the terminological sphere; teaching the recognition of sociolinguistic terms in various styles of speech; the use of glossaries and dictionaries within the framework of academic disciplines; the use of case studies and problem situations to understand the meaning of terms in real life. Terminological literacy

and sociolinguistic competency of students studying Russian are interrelated elements that ensure successful academic and professional communication. In a multilingual educational environment, it is especially important to develop this terminological literacy and sociolinguistic competency in a comprehensive manner, relying on interdisciplinary approaches and speech practical situations with a focus on real communicative contexts. The results of the study indicate the need to revise methodological approaches to teaching involving strengthening the terminology block, introducing case methods and semantic analysis into the educational process.

Thus, the difficulties that students encounter and to which teachers should pay attention confirm the relevance of the study and emphasize the importance of targeted work on the development of sociolinguistic competency as a principal component of professional language training for students in a multicultural society.

References

- Agentstvo po strategicheskomu planirovaniu i reformam Respubliki Kazakhstan. Biuro natsional'noi statistiki [Agency for Strategic Planning and Reforms of the Republic of Kazakhstan. National Statistics Bureau]. Available at: <https://stat.gov.kz/ru/industries/social-statistics/demography/publications/281562/> (accessed 04.07.2025)
- Ahmetzhanova Z. K., Kopylenko M. M. *Psikholingvisticheskiy aspekt dvuiazychiia* [The psycholinguistic aspect of bilingualism]. Alma-Ata, Nauka, 1985. 168.
- Akorda. Official website of the President of the Republic of Kazakhstan. Available at: https://www.akorda.kz/ru/republic_of_kazakhstan/kazakhstan (accessed 04.07.2025)
- Altynbekova O. B. *Etnoiazikovye processy v Kazakhstane: monografiia (nauch. konsul'tant E. D. Suleimenova)* [Ethnolinguistic processes in Kazakhstan: monograph. (scientific consultant – E. D. Suleimenova)]. Almaty, Ekonomika, 2006. 415.
- Azamatova, A. Kh. Perspektivy uporiadocheniia lingvisticheskoi terminosistemy [Prospects for standardising linguistic terminology]. In: *Studia slavica savariensia*, 2013, 1–2, 41–52. DOI: 10.17668/SSS.2013.1–2.41
- Bolotov V. A., Serikov V. V. Kompetentnostnaia model': ot idei k obrazovatel'noi programme [Competency model: from idea to educational programme]. In: *Pedagogika* [Pedagogy], 2003, 10, 8–14.
- Chomaeva, A. A. Sociolingvisticheskaia kompetentsiia kak faktor professionalizma budushchego specialista [Sociolinguistic competence as a factor of the future professionalism]. In: *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya* [The World of Science. Pedagogy and Psychology], 2023, 11, 2, 34PDMN 223. Available at: https://mir-nauki.com/PDF/34PDMN_223.pdf EDN: RXLRG
- Dagbaeva N. Zh., Ovchinnikova M. F. Printsipy formirovaniia sotsiolingvisticheskoi kompetentsii na nachal'nom etape iazykovogo vuza [Principles of developing sociolinguistic competence on the initial stage of language high school]. In: *Vestnik nauki TGU* [Science Vector of Togliatti State University. Series: Pedagogy, Psychology], 2012, 1(8), 103–105. EDN: ORJZDB

Fazylzhanova A., Piyazbaeva A. Iazykovaia situatsiia v Kazakhstane: sravnitel'nyi analiz sovetskogo i nezavisimogo periodov [Language situation in Kazakhstan: a comparative analysis of the Soviet and independent periods]. In: *Tiltanyim*. 2024, 96(4), 116–134. DOI: 10.55491/2411–6076–2024–4–116–134

Hasanov B. *Iazyki narodov Kazakhstana i ikh vzaimodeistvie* [Languages of the peoples of Kazakhstan and their interaction]. Alma-Ata, Nauka, 1976. 216.

Karlinsky A.E. *Osnovy teorii vzaimodeistviia iazykov* [Fundamentals of language interaction]. Almaty, Nauka, 1990. 181.

Kopylenko M. M., Ahmetzhanova Z. K. *Foneticheskaia interferentsiia v russkoi rechi kazakhov* [Phonetic interference in the Russian speech of Kazakhs]. Alma-Ata, Nauka, 1984. 64.

Nurahynova, A., Shaimerdenova, N. Formirovanie sotsiolingvisticheskoi kompetentsii studentov pri izuchenii russkogo iazyka [Formation of sociolinguistic competence of students in studying the Russian language]. In: *Iazyk i literatura: teoriia i praktika* [Language and Literature: Theory and Practice], 2025, 4(2), 89–103. DOI: 10.52301/2957–5567–2025–4–2–89–103

Shaimerdenova N.ZH., Murzalina B.K. Formirovanie sotsiolingvisticheskoi kompetentsii v obrazovanii: preemstvennost' i professional'noe masterstvo pedagoga [Sociolinguistic competence as evidence of the teacher's professional skill]. In: *Russkii test: teoriia i praktika* [Russian Language: Research, Testing and Practice], 2024, 10(3), 200–209. DOI: 10.22363/3034–2090–2024–10–3–200–209

Smagulova, Zh. S. *Iazykovoe planirovanie: tipologii i modeli. Avtoref. dis. kand. filol. nauk: 10.02.19* [Language planning: typology and models. Author's abstract of diss. of candidate of philological sciences: 10.02.19]. Almaty, 2004. 28.

Suleimenova E. D. *Iazykovye protsessy i politika: monografiia* [Language processes and politics: monograph]. Almaty, Al-Farabi Kazakh National University, 2011. 115.

Suleimenova E. D. *Slovar' sotsiolingvisticheskikh terminov. Izd. 2-e, dopoln. i pererab.* [Dictionary of sociolinguistic terms, 2nd ed.]. Almaty, Kazakh University, 2007. 330.

Suleimenova E. D., Shaimerdenova N. Zh. et al. *Slovar' sotsiolingvisticheskikh terminov* [Dictionary of sociolinguistic terms]. Almaty, Kazakh University, 2007. 330.

Suleimenova E. D., Shaimerdenova N. Zh., Smagulova Zh.S., Akanova D. Kh. *Eleumettik lingvistika terminderinin sozdigi. Slovar' sotsiolingvisticheskikh terminov* [Dictionary of sociolinguistic terms]. Almaty, Arman-PV, 2007; 2008; 2020. 400.

Suleimenova E. D., Shaimerdenova N. Zh., Smagulova Zh.S., Akanova D. Kh. *Eleumettik lingvistika terminderinin sozdigi* [Dictionary of sociolinguistic terms]. Almaty, Kazakh University, 2024. 256.

Tipovye uchebnye programmy cikla obshcheobrazovatel'nykh distsiplin dlia organizatsii vysshego i (ili) poslevuzovskogo obrazovaniia. Sbornik [Standard curricula for a cycle of general educational disciplines for higher and (or) postgraduate education institutions. Collection]. Astana, 2018. 282.

Tugzhanov E.L. (ed.) *Imperativy gosudarstvenno etnopolitiki Respubliki Kazakhstan. Analiticheskie materialy i metodicheskie rekom. dlia gos. organov na kaz. i rus. iaz.* [Analytical materials and methodological recommendations for state bodies in Kazakh and Russian languages]. Astana, 2012. 515.

Yartseva V.N. (ed.) *Lingvisticheskii enciklopedicheskii slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. M., Sov. entsiklopediia, 1990. 683.

EDN: QAFBXL
УДК 811.512.1

The Nominative Function of Derivative Colour Terms in the Kazakh Language Toponymic System

Shynaray D. Burkitbayeva^a, Aidana E. Toxeitova^{*a}
and Meruyert S. Zeinebekova^b

^a*Al-Farabi Kazakh National University*

Almaty, Republic of Kazakhstan

^b*M. Kh. Dulaty Taraz University*

Taraz, Republic of Kazakhstan

Received 06.12.2025, received in revised form 17.12.2025, accepted 29.01.2026

Abstract. Toponyms represent a crucial linguistic and cultural resource, reflecting a society's historical development, worldview, and intercultural contacts. While Kazakh linguistics traditionally investigated toponyms through the lenses of etymology, semantics, and morphology, scholars devoted less attention to the structural models of geographical names derived from colour terms. This study analyses the formation and classification of such toponyms in the Kazakh language. Based on data from historical sources, dictionaries, and previous research, the article identifies productive word-building affixes (–sha/–she, –shyl/–shil, –dau/–deu, –ghylt/–ghilt, –kaj, etc.) and examines their role in conveying various color shades. The research pays heed to complex models, for example, adjective + noun (Akkol/Aqköl, Kokshetau), noun + adjective, and derived forms that express the degree of intensity (bozghylt, sarghysh). Moreover, the analysis shows that toponyms with colour terms not only bear testimony to linguistic creativity but also embody ethnocultural values, symbolism, and elements of the worldview preserved in the national memory. As a result, this study contributes to Kazakh onomastics, clarifying the structural mechanisms of colour toponyms and underscoring their significance for understanding cultural heritage.

Keywords: toponyms, the Kazakh language, etymology, morphology, semantics, colour designation.

Research area: Theory and History of Culture, Art; Theoretical, Applied and Comparative Linguistics.

Citation: Burkitbayeva Sh. D., Toxeitova A. E., Zeinebekova M. S. The Nominative Function of Derivative Colour Terms in the Kazakh Language Toponymic System. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2026, 19(2), 364–373. EDN: QAFBXL

Номинативная функция производных цветообозначений в топонимической системе казахского языка

Ш.Д. Буркитбаева^а, А.Е. Токсеитова^а, М.С. Зейнебекова^б

^аКазахский национальный университет имени аль-Фараби

Республика Казахстан, Алматы

^бТаразский университет имени М.Х. Дулати

Республика Казахстан, Тараз

Аннотация. Топонимы представляют собой важный лингвистический и культурный ресурс, отражающий историческое развитие, мировоззрение и межкультурные контакты общества. В казахской лингвистике топонимы традиционно изучались в аспектах этимологии, семантики и морфологии; однако меньшее внимание уделялось структурным моделям географических названий, образованных от слов, обозначающих цвет. Таким образом, настоящее исследование направлено на анализ формирования и классификации таких топонимов в казахском языке. На основе данных из исторических источников, словарей и предыдущих исследований в статье выявлены продуктивные словообразовательные аффиксы (–ша/–ше, –шыл/–шіл, –дау/–деу, –ғылт/–гілт, –қай и др.) и рассмотрена их роль в передаче различных оттенков цвета. Особое внимание уделено сложным моделям, таким как Adjective + Noun (например, Ақкөл, Көкшетау), Noun + Adjective, а также производным формам, выражающим степень интенсивности (например, бозғылт, сарғыш). Более того, анализ показывает, что топонимы с цветообозначениями не только отражают языковое творчество, но и воплощают этнокультурные ценности, символику и элементы мировоззрения, сохранившиеся в народной памяти. В результате проведённое исследование вносит вклад в изучение казахской ономастики, уточняя структурные механизмы цветовых топонимов и подчеркивая их значимость для понимания культурного наследия.

Ключевые слова: топонимы, казахский язык, этимология, морфология, семантика, цветообозначения.

Научная специальность: 5.10.1. Теория и история культуры, искусства; 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

Цитирование: Буркитбаева Ш.Д., Токсеитова А.Е., Зейнебекова М.С. Номинативная функция производных цветообозначений в топонимической системе казахского языка. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2026, 19(2), 364–373. EDN: QAFBXL

Introduction

Toponymic research often covers many scientific disciplines, such as linguistics, history, geographical sciences, ethnography, cartography, and linguistic regional studies.

The study of geographical names allows us to trace the historical development of a nation, identify the climatic features of a region, its flora

and fauna, and learn about its historical and cultural past, as well as its cultural, ethnographic, and historical-ethnological strata.

Toponymic research in Kazakhstan began in the second half of the 19th century. Among the first toponymic works are the studies of Shokan Valikhanov, devoted to toponyms and ethnonyms.

Conceptual bases of the study

The first steps in studying the geographical names of Kazakhstan were taken in the second half of the 19th century. Scientists such as P.P. Semenov-Tyan-Shansky, G.N. Potanin, Sh. Valikhanov and others made a particularly significant contribution, researching rivers, lakes, mountains, ridges, passes and other geographical peculiarities. Particular focus was on studying the history of mountain formation, and scientific articles followed. The Geographical Statistical Dictionary of the Russian Empire, published by P.P. Semenov-Tyan-Shansky in 1863–1885, contains a list of geographical names found in Kazakhstan. A distinctive feature of this work is that geographical terms in names were separated by a hyphen, and the meanings of terms translated from Kazakh were given in brackets. This dictionary is of great importance for modern toponymic science, as it contains not only a list of geographical names and their meanings, but also a description of the characteristics of the objects themselves (Saparov, 2020: 88).

Among Kazakh scholars, the work of Sh. Valikhanov is especially prominent. His article ‘Cosmogonic Representations of the Kazakhs’ examines the role of celestial bodies in Kazakh culture and the influence of these representations on the formation of toponyms.

In his works on Kazakh toponymy, Valikhanov recorded more than 3,000 geographical names, of which he identified about 2,600 as being of Turkic origin. In addition, his works mention more than 500 microtoponyms relating to that period (Rysbergen, 2016: 24).

At the beginning of the 20th century, K. Khalid and M. Zh. Kopeev had a part in the development of Kazakh toponymy. In particular, M. Zh. Kopeev’s work ‘Who Owns Saryarka?’ (1907) examines in detail numerous Kazakh toponyms, including names that have survived since the time of the Nogai Horde (Ibid: 33).

Among researchers of Turkic onomastics, N.A. Baskakov deserves special mention, as his works played an important role in the formation of this scientific field. He wrote numerous works in the field of ethnonymics and anthroponymics. Another essential geographical source of knowledge is S.U. Ramzov’s work ‘Siberian Drawing Book’, which examines the toponyms found on geographical maps.

In the 1930s and 1940s, Kazakh scientists conducted significant research in the field of toponymics and contributed to the formation of the theory and methodology of science. Among them were K.K. Zhubanov, A. Margulan, Sh. A. Amanzholov, S. Aliev, N. Bayandin and others. In the article ‘Etymology of Some Top-

Fig. 1. Akkol. History of settlement in the Akkol region (Akkol district), December 13, 2017

onyms' B. Aspandiyarov gave a historical interpretation of the origins of the names Irtysh, Irgys, Kimak, Zhaik and others (Zhanuzakov, 2001: 21).

It is particularly crucial to note the work of G.K. Konkashpaev, who in 1949 defended his doctoral dissertation 'Geographical Terms of the Kazakh People.' In his work, he studied terms from the point of view of their origin and classified them according to their characteristics. In 1963, he compiled the first 'Dictionary of Geographical Names of Kazakhstan', which, along with Turkic toponyms, contains numerous borrowings from the Mongolian, Arabic and Persian languages (Konkashpaev, 1963: 42).

The scholar M. Murzaev examined the toponyms of the Turkic peoples in his works 'On the Problem of Transcription of Geographical Names from Turkic Languages' (1934), 'On Geographical Terminology and Naming Units of the Turkmen' (1939), 'On the Geographical Terminology and Naming Units of the Kyrgyz of the Tien Shan' (1940), 'Tien Shan and Khan Tengri' (1940), and 'Essays on the Toponymics of Central and Middle Asia' (1948).

Among Kazakh researchers, A. A. Abdрахmanov occupies a special place. He is the author of works such as 'Names of Places and Water Bodies in Kazakhstan' (1959), 'Toponymics and Etymology' (1975), and 'Ethnotoponymics of Kazakhstan' (1979). In these works, he studied the regional features of Kazakh toponyms and helped form the theory and methodology of Kazakh toponymy. In 'A Concise Explanatory Dictionary of Geographical Names of Kazakhstan' (1974), he presented a linguistic and etymological analysis of toponyms.

A major scientific input was made by T. Zhanuzakov, author of the works 'Explanatory Dictionary of the Kazakh Language' (1959), 'History of Kazakh Proper Names' (1971), 'Fundamental Issues of Kazakh Onomastic Science' (1980), 'Historical Toponyms and Hydronyms: Essence and Dictionary' (2010), and 'Kazakh Onomastic Science' in 5 volumes (2021). His works played a key role in the development of onomastic science, in particular in the study of toponyms and anthroponyms, as well as in the development of theoretical foundations, methods and directions of research.

When Kazakhstan became independent, research in the field of toponymics came to be systematic and conducted at the state level. The Ministry of Education of the Republic of Kazakhstan and the Institute of Geographical Research have been studying the formation of toponyms based on historical, geographical, ethnographic and physical-geographical factors.

Statement of the Problem

The Agency of the Republic of Kazakhstan for Land Resources Management has prepared a fundamental work – the 14-volume State Catalogue of Geographical Names of the Republic of Kazakhstan, created at the National Cartographic and Geodetic Fund.

Thus, scientific research shows that Kazakh toponyms are studied in grammatical, etymological, cultural-linguistic, historical-geographical and socio-cultural aspects. In studies of toponyms formed using the names of colours, attention has been paid not only to their structural features, but also to their semantic (meaning) characteristics.

A.N. Kononov notes in his works that some colours in the cultures of China, Iran and the Turkic peoples indicated the cardinal points: 'blue, blue and green – West, yellow – centre, red – South, white – East, black – North' (Kononov, 1978: 54).

Discussion

In conclusion, we can observe how a proper name, which was originally an ethnonym or anthroponym, eventually becomes the name of a geographical object. Despite the fact that Kazakh toponyms have been studied in morphological, etymological and grammatical terms, no separate studies devoted to the word-formation of colour designations have been found. In this regard, it was decided to concentrate on these forms and their role in toponymics, which will be useful for the science of geographical names.

According to research, scientists, putting forward different views on the structural features of toponyms, generally agree on the following criteria:

1. lexical meaning;
2. word formation;
3. morphological structure.

In terms of the meaning of words, Kazakh toponyms differ in their origin and are divided into the following groups: toponyms formed from geographical terms; anthroponyms; ethnonyms; zoonyms; phytotoponyms; toponyms with a figurative meaning; names expressing the characteristics of the terrain and climate; names denoting the properties and dimensions of objects; names reflecting the seasons and time; names related to economic activity; names derived from professional terms; names conveying kinship relations; names preserved from ancient times; borrowed toponyms; as well as names associated with Soviet ideology, etc. (Zhanuzak, 2010: 18). Scientists note that toponyms formed from root words belong to a more ancient stratum, and today this method of formation is less active.

In scientific studies devoted to toponyms formed using colour designations, the following main groups are distinguished: simple, derivative and complex names (Abdrakhmanov, 1975: 22).

Proper names: Noun, Adjective.

Compound names: Noun + Adjective; Adjective + Noun (Abaykok, Kokshetau, etc.).

Compound phrases: nominal phrases, adjectival phrases (Imanbaydyn biigi, Baykonyr, etc.).

Sentences: (Esekkyrylgan bel, Itolgen zher, Barsakelmes, etc.).

In Kazakh toponymics, naming units can be classified according to the cultural and historical development of society as follows:

Some place names have such ancient origins that their etymological or semantic interpretation is hindered (Ayapbekova, 2012: 36).

Most place names formed with the help of adjectives denoting colour belong to the Old Turkic stratum and are common to Turkic languages.

The main structural models of colour toponyms in Kazakhstan are the following:

Colour name + toponymic term: Karatau, Aktau, Akbiik, Akkol, Kokshetau, Saryarka, Bozyryk, Kongyrtobe, etc.

Colour name + administrative object: Qyzylorda, Aktau, Akmol, etc.

Colour name + colour name: Koksengir, Akboz, Aktenbil, Karakok, etc.

Derivative forms of words denoting colour are less common in Kazakh toponymics, but are nevertheless widespread. The most commonly used suffixes attached to colour names are: *-sha/-she, -shyl/-shil, -dau/-deu, -gylt/-gilt, -qaj, -zysh/-gish, -gylty, -rak/-rek.*

Table 1. Models of word formation in Kazakh toponyms

No.	Model	Composition	Toponyms
1	Noun+ Noun	Noun + Noun	Taskala, Astaukol, Aibalta, Aigyrykol, Kyzemshek
2	Noun+ Noun+ Noun	Noun + Noun + Noun	Altynbastau, Esekbelasu, Esetbatyrzhan
3	Noun+ Adjective	Noun + Adjective	Aysary, Dongyzyl, Shokyak, Belkonyr, Ekizhiren
4	Noun+ Verb	Noun + Verb	Esekkyrgylgan, Taszhargan, Kunbagis, Kuskon-gan
5	Adjective + Verb	Adjective + Verb	Koktaigak, Konyresken, Karaolgen, Zhasyltysken
6	Adjective + Noun	Adjective + Noun	Akkol, Alatai, Konyrbel, Boskudyk, Bozkol
7	Adjective + Noun+ Noun	Adjective + Noun + Noun	Akatansor, Akbastau, Katasaibatyr
8	Adjective + Adjective	Adjective + Adjective	Aksary, Zhuankonyr, Kerala, Katapula
9	Adjective + Ad-jective + Noun	Adjective + Ad-jective + Noun	Uzynsarymolda, Keltekarabulak, Ulkenkoktogai
10	Numeral + Noun	Numeral + Noun	Alpyskol, Zhetysu, Bestogai, Kosterek, Birkolik
11	Numeral + Adjective	Numeral + Adjective	Beskara, Egizkara, Beskaska, Zhetykara
12	Adverb+ Noun	Adverb+ Noun	Bolekayak, Kurkamys, Koldenenozen, Bolekmola
13	Adverb+ Verb	Adverb+ Verb	Algabas, Orkendeu

Table 2. Morphological Structure of Kazakh Toponyms (Suffixes)

No.	Group of Suffixes	Examples of Suffixes	Examples of toponyms
1	Relative/Possessive	<i>-ly, -li; -dy, -di; -ty, -ti</i>	Aktasty, Aksu-Zhabagyly, Almaty, Tasty, Zhylandy, Zerendy, Boryly, Tekeli
2	Past participles	<i>-gan, -gen; -kan, -ken</i>	Aygyrzhالagan, Borkazgan, Kozysoghan, Kaskyr-sokkan, Kozymbakkan
3	Suffixes of abstract/social concepts	<i>-lyk, -lik; -dyk, -dik; -tyk, -tik</i>	Almalyk, Shabyndyk, Egindik, Birlik, Bostandyk
4	Future participles / Potential forms	<i>-ar, -er; -r, -s</i>	Atshabar, Belbasar, Zholzhasar, Kozashar, Itzhatpas, Barsakelmes, Tekturmas
5	Names of actions/subjects of actions	<i>-ma, -me; -pa, -pe; -ba, -be</i>	Bykpa, Atpa, Zhayma, Zhaiylma, Zholdama, Kaynama, Shertpe, Shymshima
6	Names of places/objects	<i>-lak, -lek; -dak, -dek; -tak, -tek</i>	Baldak, Zhaidak, Kungurlek, Koshalak, Mangyshlak, Tastak, Shandak
7	Formation of nouns (often from verbs)	<i>-an, -en; -n</i>	Aksoran, Degelen, Zhaisan, Topalan, Sordagalan
8	Occupation/activity names	<i>-shy, -shi</i>	Zhuldyzshy, Zhylykshy, Kazanshy, Elshi, Zhy-myssh, Mynaishy, Enbekshi
9	Formation of nouns (result of an action)	<i>-an, -en; -in, -in; -n</i>	Agynkol, Bogen, Boran, Kostuyin, Kumagyn, Sharyn, Shygyn, Kogan
10	Place names (from verbs)	<i>-u</i>	Akbailau, Atyrau, Zhailau, Boge, Beineu, Bastau, Torlg, Kumkeshu
11	Verb forms (predicative)	<i>-dy, -di; -ty, -ti</i>	Astausaldy, Ordakeldy, Zhaukashty, Hankeldy, Siyrol, Shaupkeldy, Boldy
12	Comparative/Diminutive	<i>-sha, -she; -sa, -se</i>	Aksha, Baksha, Asausha, Apshaadyr, Shoksha, Shokshaaul
13	Names of places/objects/actions	<i>-mak, -mek; -bak, -bek; -pak, -pek</i>	Batpak, Kokpek, Zhaipak, Tokpak, Shakak, Yntymak
14	Comparative/Similarities	<i>-dau, -deu; -lau, -leu; -tau, -teu</i>	Bagyrdai, Bildei, Kyrttai, Dogaldai, Shaldai, Syptai, Shokzai, Kishkentai
15	Diminutive and affectionate forms	<i>-shyk, -shik</i>	Bebekshik, Kalashyk, Tobeshik, Saraishyk, Zhylymshyk, Kolshik, Shalshyk
16	Result of an action	<i>-ym, -im; -m</i>	Iirim, Egim, Uyumkol, Kokiirim, Botabarym, Aksugym
17	Diminutive/Objective	<i>-shak, -shek; -sak, -sek</i>	Bashkynshak, Kelinshek, Monshak, Shykirshak, Byrsak
18	Names of actions/places	<i>-ys, -is; -s</i>	Agys, Konys, Kurylys, Korgas, Ondiris, Korys
19	Location / Slopes	<i>-gay, -key; -gai, -gey</i>	Angarkai, Atshongai, Bytirkai, Kungei, Teskey, Sarybetkey, Torgai
20	Adjectives (relative)	<i>-gy, -ki; -gy, -pi</i>	Borky, Zhoragy, Tomengi, Taiky, Tanky, Syrtky, Shetki
21	Formation of nouns (passive)	<i>-yl, -il; -l</i>	Buryl, Ereultobe, Qagyl, Qaryl, Symbyl, Bugil ozek
22	Formation of nouns/places (from verbs)	<i>-t; -at, -et; -yt, -it</i>	Boget, Buiratkol, Kaishokat, Shokat, Sholakkylrat, Shurat
23	Formation of nouns/places	<i>-r; -yr, -ir</i>	Esy, Sasy, Zhingishkekebir, Taty, Tumtuiy
24	Formation of nouns/places	<i>-a, -e</i>	Zhyra, Bite, Ora, Kaiyra

Table 2. Continued

No.	Group of Suffixes	Examples of Suffixes	Examples of toponyms
25	Formation of nouns (often indigenous)	<i>-ay, -ey</i>	Korkei, Kishi Aksheshei, Kostyrseltei, Sasyk-kurai, Shaganai, Shalkai
26	Formation of nouns (place/property)	<i>-y, -i</i>	Almaty, Sazy, Auyzbaky, Baisaly, Telikol, Urylytau
27	Diminutive / Relative	<i>-kene, -gana</i>	Kishkene, Kishkene Zharma, Kishkeni Zhuantobe, Kishkenekol, Kishkene konyr
28	Plurals	<i>-lar, -ler; -dar, -der; -tar, -ter</i>	Baktar, Kolder, Kodar, Tastar, Tolder, Sholde
29	Formation of nouns (movement/state)	<i>-kyn, -kin; -gyn, -gin</i>	Aikyn, Akzhaikyn, Barkyn, Orgyn, Taskyn, Ushkyn, Shaigyn
30	Ordinal numbers	<i>-ynshy, -inshi; -nshy, -nshi</i>	Besinshi kol, Birinshi Erlan, Ushinshi aul
31	Place/Direction	<i>-ga, -ke</i>	Uzynkyrka, Sholenke, Monke, Kolenke
32	Word-forming suffix	<i>-sh (-ash, -esh, -ysh, -ish)</i>	Zhalanash, Kolish, Kyrash
33	Absence/Deprivation	<i>-syz, -siz</i>	Ertis, Otynsyz, Susyz
34	Inclination/Affiliation	<i>-shyl, -shil</i>	Baganashyl, Enbekshil, Tegisshil
35	Colour/Property (diminutive/incomplete)	<i>-yldyr, -ildir</i>	Shauildir, Kogildir
36	Comparatives	<i>-rak, -rek; -yrak, -irek</i>	Kishirek sor, Uzynyryk tau
37	Place/action names	<i>-lau, -leu; -dau, -deu; -tau, -teu</i>	Syngyrlau, Shyngyrlau
38	Formation of adjectives (from verbs)	<i>-mal, -mel</i>	Saumalkol, Saumalsay, Zharmalytau, Tokpeli ozen
39	Formation of nouns (places)	<i>-lan, -len; -dan, -den; -tan, -ten</i>	Toylan, Kostan, Korlan, Saylankol
40	Imperatives	<i>-syn, -sin</i>	Biiktesin, Ulgaisyn
41	Cooperation/Neighbourhood	<i>-las, -les; -das, -des; -tas, -tes</i>	Birles, Korshiles
42	Activist/Profession	<i>-ger, -ker</i>	Zhumiysker, Talapker
43	Result of an action	<i>-yndy, -indi</i>	Sogyndy, Shokyndy
44	Formation of nouns (place/result)	<i>-kal, -kel</i>	Karaotkel, Shatkal, Shankal
45	Adverbial participle	<i>-yp, -ip; -p</i>	Aydapkel, Alypkash
46	Formation of nouns (activist/property)	<i>-gyr, -gir</i>	Kalgyrkol
47	Formation of nouns (action/place)	<i>-gak, -gek</i>	Kurgak Kaiyndy, Tolgaksay
48	Formation of nouns (place/similarity)	<i>-tai, -tei</i>	Altai, Tarbagatai, Kandygatai, Shyndygatai, Shyngystai

Conclusion

In the Kazakh language, some independent colour names exist in the form of derivative adjectives, which use affixes to express *different* shades or degrees of saturation. Thus, the following affixes are used:

kok-she (bluish),
ak-shyl (whitish),
zhasyldau (slightly green),
konyr-kai (brownish),
sary-gysh (yellowish),
boz-gyltym (greyish),

Fig. 2

Fig. 3. Karatau Range (by E. Belousov)

saryrak (more yellow), *kokirek*, etc.

Intensifying prefixes (amplifying particles) are written with a hyphen: *kop-konyr* (very dark brown), *zhap-zhasyl* (bright green), *kyp-kyzyl* (bright red), *sap-sary* (bright yellow), *kap-kara* (deep black). However, adjectives formed from *ak* and *kok* (*appak*, *kokpenbek*) are written as one word in accordance with Kazakh spelling rules (Kaidarov, 1986: 50).

Examples of derivative toponyms with colour designations:

With the affix -sha/-she: *Kokshetau*, *Akshatau*, *Akshauyl*, *Akshatogay*, *Sarysha Shagan*, *Bozsha Agash*, *Alasha Beren*;

With the affix -shyl/-shil: *Atygyiakshyl*;

With the affix -dau/-deu: *Zhasyldau*;

With the affix -gylt/gilt: *Bozgyltobe*, *Bozgylsai*, *Surgylsay*, *Kyzgyltau*;

With the affix -kai: *Konyrkaital*;
 With the affix -gysh/-gish: *Sargyshsai*,
Kyzgyshkus, *Sarygyshrobe*;
 With the affix -gylym/-giltim: *Bozgylym-*
say, *Sargylytmzhon*, *Kyzgylytmsay*;
 With the affix -rak/-rek: *Saryrakdon*,
Kokirekbel, *Bozrakrobe*.

Hence, place names formed using derivative colour designations, although relatively rare, fit organically into the Kazakh language system. It is vital to note that all these forms are originally Turkic and have not been borrowed from other languages. This conclusion is confirmed by an analysis of numerous dictionaries of toponyms and other sources listed in References.

References

- Abdrakhmanov A. *Toponimika i etimologiya* [Toponymics and Etymology]. Almaty, Gylym, 1975. 184.
- Abdualiyuly B. *Kazakhskaya antroponimika: teoreticheskie i prakticheskie osnovy* [Kazakh Anthroponymy: Theoretical and Practical Foundations]. Astana, Astana poligrafiasy, 2012. 312.
- Ajtbajuly O. *Kazakhskoe slovo* [Kazakh Word]. Pavlodar, 2010. 268.
- Akhmetova G. S. *Leksiko-semanticheskie osobennosti geograficheskikh nazvaniy Abaiskoi oblasti (na materiale Abyralinskogo sel'skogo okruga Abaiskogo raiona i goroda Semei): dis. ... d-ra filol. nauk.* [Lexico-Semantic Features of Geographical Names of Abay Region (Based on the Material of Abyralinsky Rural District of Abay Region and Semei): Thesis of D-r of Philological Sciences]. Semei, 2024. 300.
- Akhmetzhanova F. R. *Nazvaniya Atameken (toponimicheskie nazvaniya Severo-Kazakhstanskoi oblasti)* [Atameken Names (Toponymic Names of North Kazakhstan Region)]. Petropavlovsk, 2015. 130.
- Akhmetzhanova F. R., Alimkhan A. A. *Geograficheskie nazvaniya Vostochnogo Kazakhstana* [Geographical Names of East Kazakhstan]. Oskemen, ShKTU, 2000. 126.
- Ayapbekova A. E., Abishev N. U. *Toponomika* [Toponymics]. Ankara, Turk Egitim Sen Yai., 2012. 272.
- Biyaarov B. *Slovoobrazovatel'nye modeli geograficheskikh nazvaniy* [Word-Formation Models of Geographical Names]. Almaty, 2012. 172.
- Biyaarov B. *Tipovye modeli kazakhskikh toponimov* [Typical Models of Kazakh Toponyms]. Almaty, Institute named after Shayakhmetov, 2013. 172.
- Demir Dzh. *Simvolika tsvetov v turetskikh skazkakh Anatoliiskogo regiona: masterskaya dis.* [Color Symbolism in Turkish Tales of the Anatolian Region; Master Thesis]. Samsun, Universitet 19 maja, 2021. 100.
- Esemuratov A. E. *Strukturno-semanticheskii analiz toponimov Khodzheiliiskogo raiona Respubliki Karakalpakstan* [Structural and Semantic Analysis of Toponyms of the Khojeyli District of the Republic of Karakalpakstan]. In: *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2016, 4(426), 65–72. DOI: 10.24411/1994–2796–2019–10409 EDN: DYTUSZ
- Gokbajyr T., Gokbajyr M. *Imena, obrazovannye ot tsvetooboznacheniya v sovremennykh tiurkskikh iazykakh, i sfery ikh upotrebleniya* [Names Formed from Color Terms in Modern Turkic Languages and their Spheres of Use]. In: *Mezhdunarodnyi zhurnal issledovaniy tiurkskogo mira* [International Journal of Turkic World Studies], 2024, 14.
- Istegulova S. A., Zharylgasyn D. N. *Istoricheskie i sovremennye nazvaniya Kostanaiskoi oblasti* [Historical and Modern Names of Kostanay Region]. In: *Budushhee Kazakhstan – v kazakhskom iazyke: materialy konf.* [The Future of Kazakhstan is in the Kazakh Language: conf. materials]. Astana, 2017. 6.
- Kaidarov A. *Formy i ottenki tsveta* [Forms and Shades of Color]. Almaty, Kazakhstan, 1986. 200.
- Kendirbekuly A. *Etimologicheskii slovar' naselionnykh punktov Almatinskoi oblasti* [Etymological Dictionary of Settlements in Almaty Region]. Almaty, Kursiv, 2016. 232.
- Konkashpaev G. K. *Slovar' kazakhskikh geograficheskikh nazvaniy* [Dictionary of Kazakh Geographical Names]. Almaty, AN KazSSR, 1963. 187.
- Kononov A. N. *Semantika tsvetooboznacheniya v tiurkskikh iazykakh* [Semantics of Color Terms in Turkic Languages]. In: *Tiurkologicheskii sbornik* [Turkological Collection]. M., Nauka, 1978, 159–179.
- Koshimova B. A. *Tolkovyi slovar' geograficheskikh nazvaniy Mangistauskoi oblasti* [Explanatory Dictionary of Geographical Names of Mangistau Region]. Almaty, Nurly Alem, 2010. 268.

- Koyschybaev E. *Slovar' geograficheskikh nazvanii Kazakhstana* [Dictionary of Geographical Names of Kazakhstan]. Almaty, Mektep, 1985. 256.
- Kulamanova Z. *Spravochnik toponimov Zhambylskoi oblasti* [Directory of Toponyms of Zhambyl Region]. Almaty, Arys, 2014. 216.
- Murzaev E. *Slovar' narodnykh geograficheskikh terminov* [Dictionary of Folk Geographical Terms]. M., Mysl', 1984. 653.
- Naskali E. G. *Kniga o tsvetakh* [Book about Colors]. Istanbul, Marmara University, 2012. 250.
- Ozmen M. Problema oboznacheniiia tsvetov v turetskom iazyke [The Problem of Color Denotation in the Turkish Language]. In: *Zhurnal tiurkologicheskikh issledovaniy Chukurovskogo universiteta* [Journal of Turkological Studies of Cukurova University], 2016, 1(1). 10.
- Pangerev A. Sh., Imzharova Zh. U. *Tainy nazvanii (Aktiubinskaia oblast')* [Secrets of Names (Aktobe Region)]. Aktobe, University Publishing House, 2015. 234.
- Rysbergen K. K. *Spravochnik administrativno-territorial'nykh nazvanii Respubliki Kazakhstan* [Directory of Administrative-Territorial Names of the Republic of Kazakhstan]. Almaty, Institut im. A. Baitursynova, 2016. 464.
- Saparov K. T. Formirovanie i razvitie geograficheskogo napravleniia v kazakhstanskoi toponimike [Formation and Development of the Geographical Direction in Kazakhstan Toponymy]. In: *Toponimika* [Toponymics], 2020, 4.
- Sarybay Sh. Sh. *Dialektologicheskii slovar' kazakhskogo iazyka* [Dialectological Dictionary of the Kazakh Language]. Almaty, Arys, 2005. 588.
- Seitova Sh. B., Abdihanova B. A. Semanticheskaiia teoriia gidronimov (na materiale gidronimov Vostochnogo Kazakhstan, Altaia) [Semantic Theory of Hydronyms (Based on the Material of Hydronyms of East Kazakhstan, Altai)]. In: *Tiltanyim* [Linguistics], 2023, 3(91), 173–183. DOI: 10.55491/2411–6076–2023–3–173–183
- Shermaganbet M. *Geograficheskie nazvaniia Kyzylordinskoi oblasti* [Geographical Names of Kyzylorda Region]. Kyzylorda, Tumar, 2011. 140.
- Taspolatov B. T. *Toponimy Kazygurt: monografiia* [Toponyms of Kazygurt: Monograph]. Shymkent, Alem, 2016. 168.
- Umbedinova G. N. *Geograficheskie nazvaniia kraia: bibliograficheskii ukazatel'* [Geographical Names of the Region: Bibliographic Index]. Karaganda, 2001. 104.
- Vitushkina L. A. Glagol'nye konstruktsii v mansiskoi toponimii [Verbal Constructions in Mansi Toponymy]. In: *Uchionye zapiski UrGU* [Scientific Notes of UrSU], 1971, 114.
- Zhanuzak T. *Etimologicheskii slovar' geograficheskikh nazvanii* [Etymological Dictionary of Geographical Names]. Almaty, Oner, 2011. 688.
- Zhanuzak T. *Istoki istoricheskikh geograficheskikh nazvaniu* [Origins of Historical Geographical Names]. Almaty, Sozdik-Slovar' ZhShS, 2010. 688.
- Zhanuzak T. *Kazahskaia onomastika* [Kazakh Onomastics]. Astana, Komitet po iazyku, 2006. 400.
- Zhanuzak T. *Spravochnik geograficheskikh nazvanii* [Directory of Geographical Names]. Almaty, Arys, 2009. 480.
- Zhanuzak T. *Tainy imion* [The Secrets of Names]. Almaty, Parasat, 2004. 209.
- Zhanuzakov T. *Toponimy Respubliki Kazahstan* [Toponyms of the Republic of Kazakhstan]. Almaty, Institut im. A. Baitursynova, 2001. 150.
- Zhanuzakov T. *Geograficheskie nazvaniia Tsentral'nogo Kazakhstana* [Geographical Names of Central Kazakhstan]. Almaty, Gylym, 1989. 200.
- Zhanuzakov T. *Slovar' geograficheskikh nazvanij Kazakhstan (Zhezkazganskaia oblast')* [Dictionary of Geographical Names of Kazakhstan (Zhezkazgan Region)]. Almaty, Gylym, 1990. 184.

EDN: ZXKDDX
УДК 811.161.1'373.612.2

Cognitive Foundations of Metaphorical Transfer in Terminological Systems: The Earth Sciences Case

Elena P. Mariasova*, Tatiana S. Paderina
and Nataliya A. Sverdlova

*The Federal Research Centre A. E. Favorsky Irkutsk Institute of Chemistry
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Irkutsk, Russian Federation*

Received 18.11.2025, received in revised form 17.12.2025, accepted 29.01.2026

Abstract. The relevance of this research is determined by the necessity to describe the role of metaphorization within the mobile dynamic space of scientific knowledge domains, particularly in the development of contemporary geology, as well as by insufficient attention to analytical systems examining the cognitive foundations of metaphorical transfer that shapes geological discourse. The investigation is based on the application of key cognitive mechanisms defined by G. Lakoff and M. Johnson's conceptual metaphor theory and G. Fauconnier and M. Turner's conceptual integration theory. We emphasize quantitative analysis of metaphor usage in scientific discourse, whose results reveal an active process of verbal accommodation between specialized knowledge and everyday conceptual domains to facilitate effective communication. The proposed classification of semantic derivation methods for terminological units within a single scientific discipline has enabled the identification of conceptual-metaphorical foundations underlying linguistic units in scientific texts and the analysis of their formation processes. The study examined a corpus of Earth Sciences texts (geology and geoecology) compiled specifically for this research, covering the period from 2018 to 2024. The examination of mechanisms underlying term formation through secondary nomination via metaphorization in geological discourse contributes to a more comprehensive understanding of geoscientific terminological systems. The novelty of this work lies in the systematic classification of primary criteria governing metaphorical transfer of features between semantic domains as an indicator of terminological system dynamism. This research opens possibilities for developing conceptual-metaphorical models for specific scientific disciplines, based on careful analysis of the metaphors that scientists employ when constructing scientific discourse.

Keywords: metaphorization, metaphorical transfer, scientific discourse, cognitive linguistics, metalanguages, terminology, geological terminological system.

Research area: Theory and History of Culture, Art (Cultural Studies); Theoretical, Applied and Comparative Linguistics.

© Siberian Federal University. All rights reserved

* Corresponding author E-mail address: mariaselena@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-3504-9416 (Mariasova); 0000-0002-2603-6242 (Paderina); 0000-0002-5315-6266 (Sverdlova)

Citation: Mariasova E. P., Paderina T. S., Sverdlova N. A. Cognitive Foundations of Metaphorical Transfer in Terminological Systems: The Earth Sciences Case. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2026, 19(2), 374–387. EDN: ZXKDDX

Когнитивные основания метафорического переноса в терминологических системах: кейс направления «Науки о Земле»

Е.П. Марьясова, Т.С. Падерина, Н.А. Сverdлова

*Федеральный исследовательский центр
«Иркутский институт химии им. А.Е. Фаворского
Сибирского отделения Российской академии наук»
Российская Федерация, Иркутск*

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена необходимостью описать роль метафоризации в подвижном динамическом пространстве областей научного знания, в частности в развитии современной геологии, а также недостаточным вниманием к системам анализа когнитивных оснований метафорического переноса, формирующего геологический дискурс. Исследование основано на использовании ключевых когнитивных механизмов, определяемых теорией концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона и теорией концептуальной интеграции Ж. Фоконье и М. Тернера. Сделан акцент на количественном анализе использования метафор в научном дискурсе, результаты которого указывают на активный процесс речевой аккомодации специальных знаний и общеизвестной предметной области для последующей эффективной коммуникации. Предложенная классификация способов семантической деривации терминологических единиц одной из отраслей научных знаний позволила определить концептуально-метафорическое основание используемых в научных текстах языковых единиц и проследить процессы их формирования. Практическим материалом послужил подготовленный в рамках исследования корпус научных текстов по направлению «Науки о Земле» (геологии и геоэкологии) за период 2018–2024 гг. Изучение механизмов возникновения терминов в результате вторичной номинации посредством метафоризации в геологическом дискурсе позволяет дополнить представление о терминологических системах геонаук. Новизна работы заключается в систематизации и классификации основных критериев метафорического переноса признаков из одной семантической сферы в другую как показатель динамичности терминосистем. Потенциал исследования заключается в возможности представить концептуально-метафорическую модель отдельных отраслей научных знаний на основе анализа использованных в формировании научного дискурса метафор.

Ключевые слова: метафоризация, метафорический перенос, научный дискурс, когнитивная лингвистика, метаязыки, терминология, геологическая терминологическая система.

Научная специальность: 5.10.1. Теория и история культуры, искусства; 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

Цитирование: Марьясова Е. П., Падерина Т. С., Сverdлова Н. А. Когнитивные основания метафорического переноса в терминологических системах: кейс направления «Науки о Земле». *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2026, 19(2), 374–387. EDN: ZXKDDX

Introduction

As a linguistic tool for imagery and artistic expression, metaphor is often considered poorly suited to scientific discourse due to its characteristic requirements for precision and objectivity. However, analysis of metaphor frequency in scientific communication reveals that metaphorization processes are indeed inherent to the scientific worldview.

Science represents a domain of facts and evidence-based experiments, but it is also a space of creativity and interpretation where metaphor plays an important role in forming and developing scientific ideas. When scientists encounter new phenomena or attempt to explain complex concepts, they often turn to metaphors to make abstract ideas more tangible and accessible. Metaphor serves primarily as an auxiliary tool for beginning to understand complex subjects or phenomena, gradually losing its original pronounced metaphorical quality through semantic evolution. Metaphorical units in scientific language formally acquire terminological status; their underlying metaphoricality is then forgotten, erased, or simply ignored. “Having given impetus to the development of thought, the metaphor fades away. It is a tool, not a product of scientific inquiry. Similarly in practical speech, having triggered a semantic process, the metaphor gradually wears away and eventually loses its imagery, which is replaced by a concept (the word’s meaning)” (Arutyunova, 1990).

In the context of terminological system dynamics, we are concerned with terms that correspond to concepts within scientific domains and are represented as nominations – metaphors that function as both primary concepts and auxiliary concepts whose properties we project. Psychologists have demonstrated that “the construction of metaphorical meaning results from the mutual influence of mental representations of the primary and auxiliary concepts” (Avanesyan, 2013). The orientation toward language as an instrument of cognition

determines linguists’ increased interest in metaphor as a fundamental mechanism of linguistic and cognitive activity (Glazunova, 2000).

The mechanism of metaphor creation involves applying an already known and mastered logical pattern, established in human consciousness, to a new, less familiar, or incomprehensible object of actual or virtual reality. This allows us to comprehend and describe new phenomena through the lens of knowledge we already possess. The significance of metaphorization is described within the framework of world cognition processes based on humans’ capacity for analogical thinking (Black, 1996; Lakoff & Johnson, 1980; Fauconnier & Turner, 2002; Thagard, 1992; Halliday, 2014; Hinton & Sejnowski, 1983). From the perspective of the language bearer’s psyche, metaphor represents a model for investigating processes of understanding and meaning transmission. As a psychological unity, metaphor emerges in the author-speaker’s mental consciousness, is then objectified in semiotic form, and is recreated by the recipient.

In the English-language description of metaphor theory, the generally accepted terms for the so-called primary and secondary concepts are ‘source’ and ‘target’, denoting, respectively, the source conceptual space and the target space to which semantic information is transferred through metaphorical mapping. In English-language scientific works by cognitivists, the terms ‘source domain’ and ‘target domain’, introduced to the scientific lexicon by G. Lakoff and M. Johnson (2008), are used most frequently. A. Richards and M. Black introduced the corresponding terms ‘vehicle’ (source) and ‘tenor’ (target). In psychology, the source is referred to as the ‘base’ or ‘topic’. Regarding the target domain, M. Black (1979) uses the term ‘focus’ or ‘focal word’ to refer to a word that undergoes a shift in meaning in the case of short metaphors.

Traditionally, from Aristotle onwards, metaphor has been regarded as a figure of

speech that embellishes language and adds expressiveness to statements. Lakoff and Johnson's innovative view of the nature of cognition offered a revolutionary, philosophically charged rethinking of the category of cognition, suggesting that metaphorical thinking is fundamental to human understanding of the world. These scholars argued that our cognition is shaped through basic bodily experiences and spatial relationships ('close', 'far', 'up', 'down') that are projected onto abstract concepts.

The Russian-language scientific community traditionally uses the same terms – *source* (*источник*) and *target* (*цель*) – which we observe in most research on conceptual spaces. Studies in the field of cognitive science in Russian are notable for their use of terms corresponding to the English concepts of *source domain* (*область-источник*) and *target domain* (*область-мишень/целевая область*).

Other possible variations of translation include: *пространство-источник* (source space) and *пространство-мишень* (target space), *базисная область* (base area) and *область назначения* (destination area). The main and most common pair remains *источник–цель* (source–target), used in most Russian studies on cognitive modeling and metaphor semantics. Thus, the use of the pairs *source–target* in English and *источник–цель* in Russian is universal.

The process of creating metaphors involves two components: 1) the source domain, which is an area of existing knowledge from which the structure or pattern is taken, and 2) the target domain, which is a new or less understood area that we are trying to conceptualize. Through metaphor, we transfer the properties of the source domain to the target domain, creating a new understanding or interpretation.

“Metaphor constitutes a cognitive process of interaction between the knowledge structures of two conceptual domains: the source domain and the target domain. As a result of unidirectional metaphorical projection, elements of the source domain – which emerge through human interaction with the surrounding environment – serve to structure the target conceptual domain, which proves more difficult to comprehend” (Budayev, Chudinov, 2006).

Fig. 1 demonstrates how the metaphorical transfer of attributes occurs from the empirical, physical domain to the domain of abstract concepts in accordance with Lakoff and Johnson's theory of conceptual metaphor, consequently enabling the emergence of the term ‘geological window’ within the terminological apparatus of the geosciences. The ‘window’ concept, as the source domain, possesses specific characteristics that are projected onto the ‘geological outcrop’ concept. During the process of conceptual mapping, metaphorical connections are established between elements of the source domain and the target domain. Structural correspondences between elements of the two domains are determined, with focus directed toward the specific aspects and attributes that undergo transfer from source to target:

Transparent Opening

Source: Window – an opening in a wall with a glazed frame, through which one can see what is located behind it.

Target domain: Geological outcrop – a section of the Earth's crust where rock layers are visible.

Projection: The concept of ‘window with transparent glass’ is transferred to a geological outcrop, where rock layers become visible, as if through transparent glass.

Enables Vision Through Glass

Source: A window allows seeing objects located behind the glass.

Target domain: A geological outcrop allows observing rock layers and their structure.

Projection: Visibility through window glass is transferred to the ability to observe geological features through a geological outcrop.

Frame/Boundary Structure

Source: A window has a frame that limits its dimensions and shape.

Target domain: A geological outcrop has boundaries that define its dimensions and shape.

Projection: The frame structure of a window is transferred to the boundaries of a geo-

logical outcrop, which limit the area of observation.

Ability to Look Inside

Source: Through a window one can look inside a room.

Target domain: Through a geological outcrop one can look inside the Earth's crust and see its internal structure.

Projection: The ability to look inside through a window is transferred to the ability to study the internal structure of the Earth through a geological outcrop.

Limited View

Source: A window provides a limited view, as its dimensions are restricted.

Target domain: A geological outcrop provides a limited area of observation, as it is restricted by size and shape.

Projection: The limited view through a window is transferred to the limited area of observation through a geological outcrop.

The projections indicated above allow us to conceptualize a geological outcrop as a "window" that enables us to "look" into the past, into Earth's history, and through which we can see and study the internal layers of rocks and their history.

Through the transfer of properties from objects in the physical world, empirically

known and assimilated, into the speculative domain and sphere of abstract concepts, humans create mental models and conceptualize abstract phenomena and processes. These include: psychological states, such as feelings and emotions (love as ocean, fire, or turbulent river; joy as uplifting, wings of happiness; sadness as oppressive; life as path or road; past and future as traveled and forthcoming paths); social structures and relationships, where society is conceived as an organism and power as a pyramid; intellectual activity, where thinking is understood as journey, exploration, or construction; etc.

Diverse domains of knowledge, ranging from literary studies and art criticism to political communication and business, demonstrate the universality of the conceptual framework proposed by G. Lakoff and M. Johnson. Many tenets of the theory have been substantiated through empirical research, including experiments in psycholinguistics and neuroscience, establishing that spatial perception indeed influences the comprehension of complex concepts, with this connection playing a pivotal role in shaping our worldview. The *direction* metaphor, extensively employed in scientific discourse, conveys the abstract notion of research process dynamics, representing scientific progress as sequential advancement toward the resolution of global challenges. For

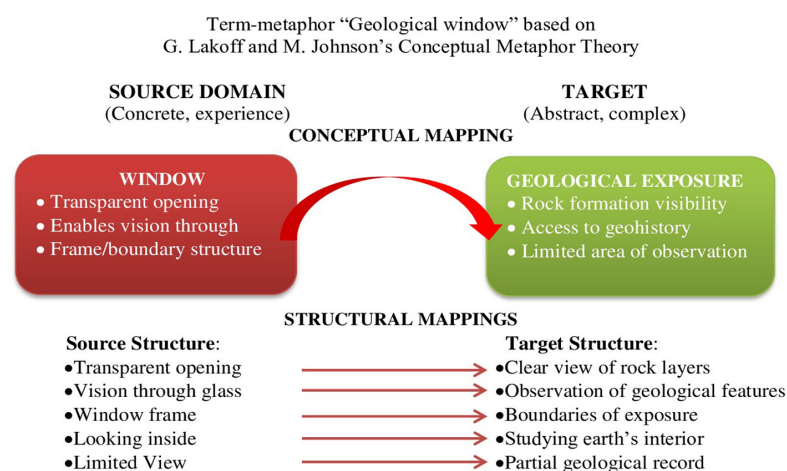

Fig. 1. Processes of metaphorical (conceptual mapping) and structural projections, resulting in the formation of the geological term 'geological window'

example: *This means that scientific discovery occurs through a more or less sharp and **sudden leap**, representing a break from the preceding comparatively slow and **gradual development** of scientific thought, which **approached** the discovery, prepared for it, and then accomplished it as if with one stroke, through a rapid and sharp turn (in Rus.: Это значит, что научное открытие совершается более или менее резким и **внезапным скачком**, представляющим собой перерыв предшествующего сравнительно медленного и **постепенного развития** научной мысли, которая **приближалась** к открытию, подготавливала его, а затем как бы одним ударом, быстрым и крутым поворотом совершила его) (Kedrov, 1960).* Upward direction is associated with positivity, as in *Science allows us to build ever **higher ladders** to reach the fruits hanging **higher** on the tree of progress (Rus.: Наука позволяет нам строить все более **высокие лестницы**, чтобы достать до висящих выше на дереве прогресса плодов) (Мокур, 2018),* while downward direction connotes negativity: *If the indicator value **falls below** the critical level, it enters the 'red' zone category (in Rus.: Если значение индикатора располагается **ниже** критического уровня, то он попадает в категорию «красной» зоны) (Mityakov, 2023).* The container metaphor reflects the involvement of one object or phenomenon within another, spatial limitations, or the capacity to contain information, helping to conceptualize the constraints and boundaries of objects and ideas: *DNA is **stored in** chromosomes, and chromosomes are **contained within** cell nuclei (in Rus.: ДНК хранится в хромосомах, а хромосомы – в ядрах клеток) (All about DNA testing, 2022; It is impossible to assess the dimensions of the unconscious or control **its contents** – consciousness does not grant us access there (in Rus.: Оценить размеры бессознательного или проконтролировать его **содержимое** невозможно – сознание не дает нам туда доступа) (Mats, 2024).*

However, Lakoff and Johnson's theory of conceptual metaphor has proven to be not entirely universal and not always suitable for ex-

plaining so-called creative metaphors, in which the correspondence between source and target domains is not evident. This framework describes relatively stable patterns of conceptual interaction rather than dynamic mechanisms of novel meaning formation.

Gilles Fauconnier (2007) and Mark Turner (2007) further developed the concept of projecting properties and relations from source domain to target domain (with target formation) by proposing the Theory of Conceptual Integration or Blending Theory of cognitive (mental) spaces. Fauconnier and Turner's theory, extending beyond the description of simple correspondences, accounts for the dynamic nature of cognitive processes, incorporating elements of contingency and creativity, and provides insight into the mechanisms of creative thinking and the development of intellectually significant constructs by emphasizing active processes of meaning formation and novel information synthesis. The authors of this theory contend that metaphor comprehension involves the creation of a "mental space" or "blend" that integrates elements from multiple input spaces (source and target domains). Blending constitutes not merely a projection from one domain to another, but rather the creation of a *new* mental space with emergent properties that are not present in any of the original spaces. These emergent properties confer meaning and potency to the metaphor. The process encompasses "mapping" (selective projection of elements), "composition" (integration of elements within the blend), and "emergence" (novel properties arising within the blend) (Fauconnier, Turner, 2003).

Fig. 2 illustrates the blending of two input spaces, "window" and "geological exposure," to create a blended space called the "geological window."

Input Space 1 Window represents a physical window, where an observer can see through the glass pane to the outside world.

Input Space 2 Geological Exposure represents a geological exposure, where geologists can observe rock layers and study Earth's history.

Generic Space provides a conceptual framework that both input spaces share, repre-

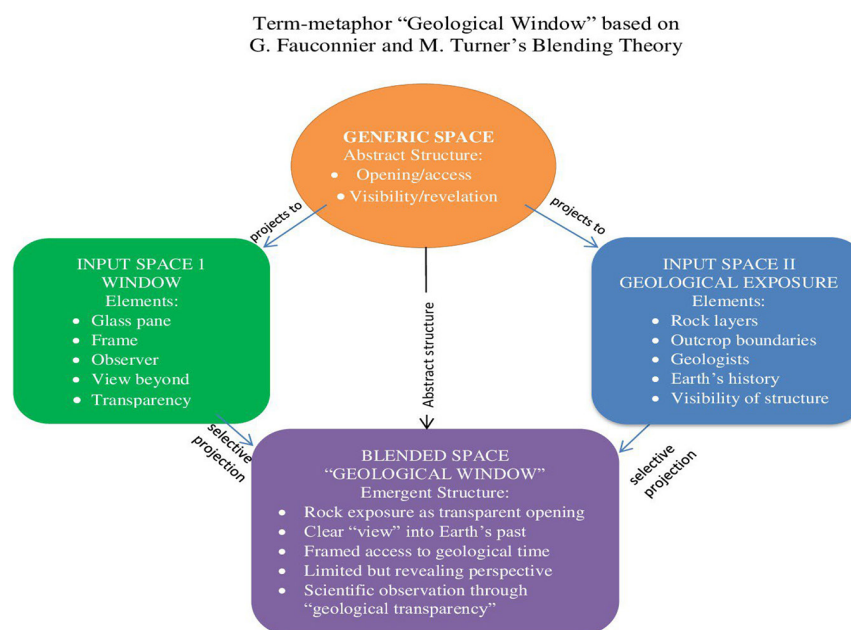

Fig. 2. Conceptual blending of input mental spaces, resulting in the emergence of a new mental space with new properties

senting the idea of an opening that allows for visibility or revelation.

The blending process involves projecting elements from both input spaces into the blended space, while incorporating the abstract structure from the generic space.

During selective projection, elements from both input spaces are mapped into the blended space. The blended space creates a new structure that combines elements from both domains. This space represents a conceptual blend where the geological exposure functions as a window into Earth’s past, allowing geologists to observe and study the planet’s history.

Thus, the blending process combines the physical concept of a window with the geological concept of an exposure to create a new conceptual space – the “geological window” – which enables deeper understanding of Earth’s history through scientific observation.

“Humans are capable not only of identifying individual objects (particularly recognizing people) and establishing similarities between domains perceived by different sensory modalities (cf. the phenomenon of synesthesia: hard metal and hard sound, warm air and warm

tone), but also of discerning commonalities between concrete and abstract objects, matter and spirit (cf.: water flows, life flows, time flows, thoughts flow, etc.). In these latter cases, it is argued that humans do not so much discover similarity as create it”. (Arutyunova, 1990).

The number of input spaces need not be restricted to two, but may extend to three or potentially more; accordingly, the blend arising from the integration of multiple spaces exhibits greater complexity in terms of internal relationships and the range of possible elemental combinations within the blend.

When forming a blend from two input spaces, its structure remains relatively simple. Each element of one space finds its projection in the second space, creating correspondence pairs. This facilitates understanding of the interrelationships between elements from different spaces and simplifies the perception of the overall meaning of the emerging concept. Such a two-dimensional construction allows for easy visualization of relationships between two information sources. For instance, this can be conceptualized as a schema of interaction between two objects separated by a clear

boundary, where each space represents a distinct plane. Suppose we integrate two mental spaces – the space of a scientific laboratory and the world of science fiction. The result might appear as a futuristic scientific laboratory equipped with advanced technologies and instruments that combine elements of reality and fantasy.

The formation of blends from three or more spaces leads to increased complexity in component relationships. Elements interact multidimensionally, generating an intricate network of associations and interdependencies. Instead of direct pairwise correspondences, multiple intersections and combinations of various properties emerge. Such a complex three-dimensional blend is exemplified by the character of Behemoth the cat in M. Bulgakov's novel, as analyzed by V. Razumovskaya (Razumovskaya, 2016). The input spaces here are: 1) a behemoth, a big scary mammalian beast; 2) Behemoth, one of the mythical animals described in the Book of Enoch as a shape-shifting sea creature; 3) Behemoth as a demon of gluttony, i.e., one of the Seven Deadly Sins. These three input spaces converge (blend) to create a nuanced portrayal of Behemoth. The blending process involves integrating these disparate identities into a single, cohesive character possessing physical presence, mythological depth, and moral ambivalence. The intricate balance of terror, mythology, and morality makes him such a compelling figure in Bulgakov's masterpiece. Understanding such a complex blend requires simultaneous multidimensional thinking. Additional layers of interpretation arise, necessitating consideration of the context of each individual space and their collective influence on the resulting structure. Such constructions provide significantly more potential pathways for ideational development and creative solutions, enabling the creation of more profound and complex concepts that, however, require considerable effort for analysis and comprehension. Furthermore, alongside the expansion of possibilities, there is an increased risk of confusion and loss of clarity regarding the original conception.

In the study of terminological spaces, it is important to recognize that the new structure

that has emerged (in the form of a metaphor) which was not present in the original mental space, potentially leads to changes in the existing body of knowledge.

All metaphors have as their underlying cognitive mechanism the sort of systematic comparison that analogical mapping performs, although metaphor may go beyond analogy by using other figurative devices to produce a broader aura of associations. (Thaghard, 1996).

A transformative view of human cognition was introduced by Geoffrey Hinton's analogy machine theory in the late 1970s and early 1980s. He contends that the brain relies heavily on analogical reasoning rather than rigid logic. Instead of following formal deductions, humans grasp new situations by referencing past experiences and applying recognized patterns. This mode of thinking underpins decision-making, problem-solving, and creative pursuits. Logic plays a minor role, emerging mainly when precision is needed, for example, in mathematics or specialized contexts.

Scientific evidence supports this idea, revealing that the brain is structured for pattern detection and analogical thinking, not solely logical processing. Studies using fMRI (functional Magnetic Resonance Imaging) confirm that memory-related regions activate during analogy-heavy tasks. Evolutionarily, this capability enables quick adaptation to unfamiliar surroundings.

Hinton's thesis counters traditional views emphasizing logic as central to cognition. Previously, scientists saw the brain as a logical processor executing deductive reasoning. However, this view neglected the dynamism and ingenuity of human thought. Hinton asserts that analogy-based thinking dominates, with logic assuming a supplementary role (Abbas, 2025).

Together with Terrence J. Sejnowski, Hinton first introduced this computational model in their notable 1983 study "Optimal Perceptual Inference". Building on Hinton's influential analogy machine theory, the Boltzmann machine incorporates important concepts like probabilistic methods and pattern recognition. Like humans, it identifies patterns and applies them to new situations, departing from rigid logical rules. Furthermore, the introduction of

simpler variations known as Restricted Boltzmann Machines enhanced the field of deep learning, strengthening Hinton's position as a pioneer in computational neuroscience.

Overall, the Boltzmann machine demonstrates Hinton's forward-thinking ideas, blending cognitive psychology with advanced computing techniques. This invention marked significant progress toward creating more sophisticated models capable of handling complex tasks involving pattern recognition and decision-making processes similar to human cognition.

Thus, the human brain is indeed attuned to perceiving the world by identifying similarities and differences, which enables us to effectively process new information, synthesize experiences, and construct understandings of complex phenomena. "These analogies sometimes allow us to see a particular object or idea as if 'in the light' of another object or idea, enabling us to apply knowledge and experience gained in one field to solve problems in another. This is precisely how knowledge spreads from one scientific paradigm to another. Thus, we increasingly grow accustomed to viewing gases and liquids as collections of particles, particles as waves, and waves as expanding spherical surfaces" (Minsky, 1988).

An important insight into the nature of metaphor creation came from a psycholinguistic experiment carried out by S. Glucksberg and B. Keysar (cited in Thagard, 1996). The study demonstrated that interpreting metaphorical meanings is an integral aspect of human linguistic processing, happening concurrently with the comprehension of literal meanings, rather than subsequently. Participants reliably inferred metaphorical senses even when tasked with focusing solely on literal meanings: "...literal and metaphorical processing interact with each other. Metaphorical interpretation appears to be an obligatory process accompanying literal processing, rather than an optional process occurring afterwards" (Thagard, 1996).

Literal processing (verbatim meaning), just like metaphorical interpretation, is never overlooked by our consciousness. This fact is corroborated by the well-known Stroop Test. The Stroop Task highlights the interaction be-

tween automatic (low-effort) and controlled (high-effort) cognitive processes. Applied to metaphors, this means that understanding literal meanings happens automatically, whereas grasping metaphorical meanings requires additional conscious effort.

Similar to the classic Stroop phenomenon where naming colors takes longer when incongruent words interfere, recognizing metaphors also entails delays when conflicting semantic cues must be reconciled. For example, reading phrases like "sharp criticism" requires resolving whether "sharp" refers literally to physical sharpness or figuratively to harsh verbal attacks.

Research suggests that literal and metaphorical meanings compete simultaneously rather than sequentially. This dual activation implies that the brain continuously evaluates multiple possibilities before settling on the intended interpretation.

Studies employing modified Stroop-like tasks reveal increased cognitive load when decoding ambiguous expressions containing both literal and metaphorical elements. This adds weight to arguments supporting the simultaneous activation of competing interpretations.

Earth sciences tackle complex, slow-moving, large-scale processes and systems imperceptible to humans directly (like tectonic movements, climate shifts, etc.). Metaphors are widespread in geoscientific terminology, aiming to convey complicated meanings buried beneath extensive scientific knowledge and facilitate visualization of typical processes in this field. Metaphorical terms hinge on personally experienced sensations easily extrapolated onto geological occurrences.

A term-metaphor is not merely a result of secondary nomination; it's a far more complex phenomenon tied to cognitive processes and information perception. A term-metaphor acts as a bridge between the known and unknown, serving as a potent tool that not only names but explains by tapping into existing knowledge and images. This facilitates cognitive effort economy for both parties – the recipient of the metaphor and the introducer of the metaphor. The latter does not need to elaborate exhaustively on a complex phenomenon but simply

employs a familiar image or concept. Therefore, the use of a familiar source is essential for successful term-metaphor reception: "There is no point in explaining science or some other complex, unfamiliar target in terms of something that is equally unfamiliar. You cannot explain the structure of atoms to young children by analogy to the solar system if they do not know the structure of the solar system" (Thagard, 1996).

Even for someone who sees or hears it for the first time, a term based on a metaphor is more informative. Consider, for instance, the term 'genetic code'. If this structure were called 'DNA information sequence', its biological meaning would probably be difficult to understand. However, the use of the word 'code' immediately evokes associations with ciphers, algorithms and information transfer. Therefore, even a person hearing this term for the first time would have an idea that it is systematic and orderly, and intended for the transfer of information. However, the effectiveness of a metaphorical term depends on the cultural and educational background of the audience. Metaphors work best when they build on shared knowledge and experience.

If metaphors reshape our understanding of the world and uncover conceptual connections, then metaphorical terms do not simply label new ideas; they guide our thinking to interpret unfamiliar realities. They help us discover hidden links and create new meanings. Thus, a metaphorical term evolves from simple labeling into a cognitive tool for interpreting and comprehending the world. Through metaphor, we do more than just name new phenomena; we enrich them with meaning grounded in our prior experiences and knowledge. This integrates the unknown into our existing framework, making it more comprehensible and suitable for thorough examination.

Methods

This study employed a multifaceted analytical approach that encompassed continuous sampling, structural-semantic and conceptual methods, corpus and contextual analyses, and analysis of metaphorical reinterpretation. The cognitive discourse analysis enabled us to de-

lineate the communicative and cognitive potential of metaphors in science communication. The subject matter encompasses scientific texts reflecting knowledge in the field of Earth Sciences (speciality: Geosciences). We analyzed a corpus of Russian-language scientific texts (56,787 words) that was limited in scope and characterized by technical precision and structure using specialized terminology.

Discussion

We examined the informational space of scientific texts as metaphorical and conducted both quantitative and content analysis of scientific articles. To identify and analyze types of metaphors, their functions, and cognitive grounds for metaphorical transference in scientific geological terminology, we analyzed articles by contemporary scholars from the online journal "Geodynamics and Tectonophysics", as well as some articles selected from periodic publications in "Earth Sciences and Subsurface Use" (Rus.: "Nauki o Zemle i nedropol'zovanie") and "Saint Petersburg University Bulletin. Earth Sciences" (Rus.: "Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Nauki o Zemle").

Applying the theory of conceptual metaphor to the prepared corpus enabled us to identify metaphorical models underlying the scientific terminology of the studied scientific field and classify them into three types according to the theory (structural, orientational, ontological). The results of the analysis are shown in Fig. 3.

Based on the function that metaphors perform, we identified criteria (see Table 1) that enable the systematization of metaphors according to the directions of property transfer from one semantic sphere to another (from source domain to target domain):

The frequency of metaphorical expressions used in the analyzed scientific texts in Earth sciences is shown in percentage terms in Fig. 4.

The analysis shows that certain types of metaphors predominate depending on the specific features of the subject domain. The proportion of 'spatial metaphors' in the analyzed corpus constituted 46 %, whereas anthropomorphic, contextual and structural metaphors showed the lowest usage percentages in the

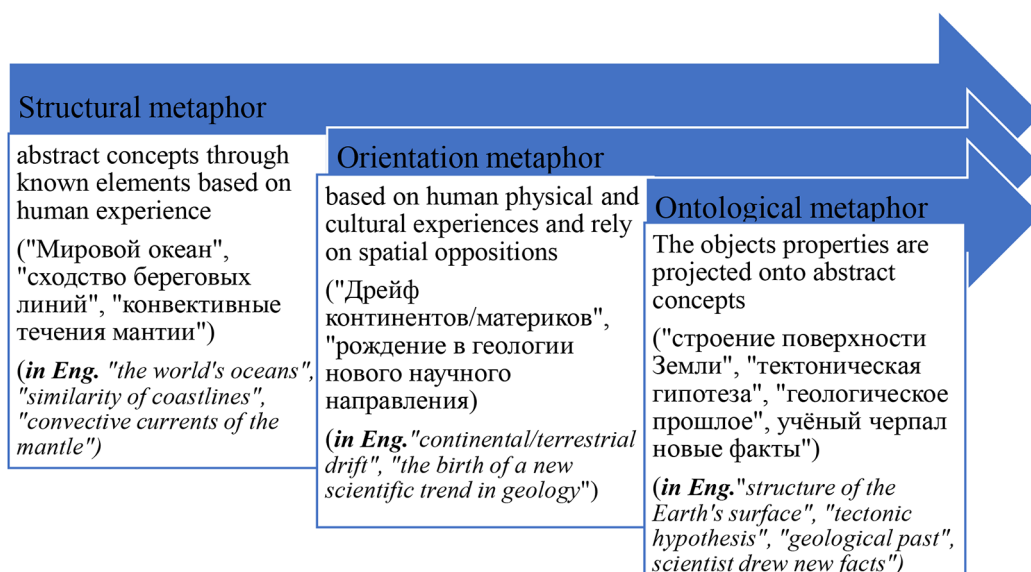

Fig. 3. Types of metaphors and their functions according to the theory of conceptual metaphor by Lakoff, G., Johnson, M. and examples from the corpus of articles

Table 1. Sample criteria for identifying metaphors

	Criteria	Finction/ feature	Examples
1	Cognitive metaphors	Facilitate the formation of new understandings of scientific processes grounded in personal experience and knowledge, presenting abstract concepts in accessible, concrete form. They serve to structure cognitive processes and systematize complex ideas into coherent frameworks	"Земля – живой организм", "сейсмическая активность", "твёрдое основание Огненного водопада", "тектоническая регенерация", "мантийные ксенолиты" (meaning, correspondently "Earth is a living organism", "seismic activity", "solid foundation of the Fire Waterfall/ Firefall", "tectonic regeneration", "mantle xenoliths")
2	Structural metaphors	Explain complex phenomena through analogies with familiar objects and processes	"реки лавы", "зеленый каркас города", "Мировой океан", "конвективные течения мантии" (meaning correspondently "rivers of lava," "green framework of the city," "World Ocean," "convective currents of the mantle")
3	Spatial (orientational) metaphors	Associated with spatial or directional perception of objects. They express processes through the categories "up–down" and "inside–outside"	"глубинные процессы", "осадочные отложения накапливаются", "разломы", "тектонические плиты", "геологические слои", "осадочный разрез", "ядро Земли", "шламовое опробование", "цифровая модель рельефа", "виртуальная геологическая карта", "геоинформационная система" (meaning correspondently "deep processes" or "deep-seated processes", "sedimentary deposits accumulate", "faults" or "fractures", "tectonic plates", "geological layers", "sedimentary section", "Earth's core", "cuttings sampling", "digital elevation model", "virtual geological map", "geographic information system")

Table 1. Continued

	Criteria	Finction/ feature	Examples
4	Dynamic metaphors	Reflect processes of change, movement, and transformation	"разломы земной коры разрывают континенты", "ледники съедают горные вершины", "река прорезает долину" (meaning correspondently "crustal faults tear apart continents", "glaciers eat away at mountain peaks", "the river cuts through the valley")
5	Time metaphors	Deal with natural phenomena in terms of geological periods and events	"геологическое время» (meaning correspondently "geological time")
6	Anthropomorphic metaphors	Attribute human qualities to natural objects	"горы стареют", "литосфера дышит" (meaning correspondently "mountains age", "lithosphere breathes")
7	Contextual metaphors	The interpretation of meaning can vary depending on the contex	горизонт (Horizon) "Горизонт" meaning "horizon" or "stratigraphic horizon" in stratigraphic context as sedimentary rock layer deposited at the same time over a specific area of the Earth's surface. A horizon can also refer to a geological layer or package of layers distinguished by arbitrary characteristics or a complex of characteristics; "Нефтяной горизонт" (свита) meaning "oil horizon (formation)" or "petroleum-bearing formation" in petroleum geology context. Rock formation from which oil and liquid condensate are extracted; "Водоносный горизонт" meaning "aquifer" in hydrogeological context. Geological layer that contains and transmits groundwater, capable of movement through porous or fractured rocks; "Горизонт событий" meaning "event horizon" in event stratigraphy context, marker bed for geological event, such as an earthquake or meteorite impact

analyzed corpus, accounting for 4 % in each category.

The reason for this distribution lies, in our opinion, in the narrow specialization of particular texts. Texts in petrology, geotectonics, volcanology, and cartography are rich in spatial, dynamic, and cognitive metaphors, as these help model complex processes (plate movement, volcanic activity, mineral formation) and describe relief transformation processes. In geocology, structural and anthropomorphic metaphors are more common, highlighting the interconnections between natural processes and their environmental impact.

Contextual metaphors hold a special position, accounting for 4 % of occurrences, as the meaning of the metaphor in such cases depends on the context, scientific domain, and communicative situation.

The analysis of metaphor usage in geoscience texts reveals the infiltration of high-frequency terms from another subject domain into the studied terminological system – terms that are already widely recognized due to the current relevance of the topic. This refers to metaphors associated with computer modeling and geographic information systems (GIS). Terms such as “digital elevation model”

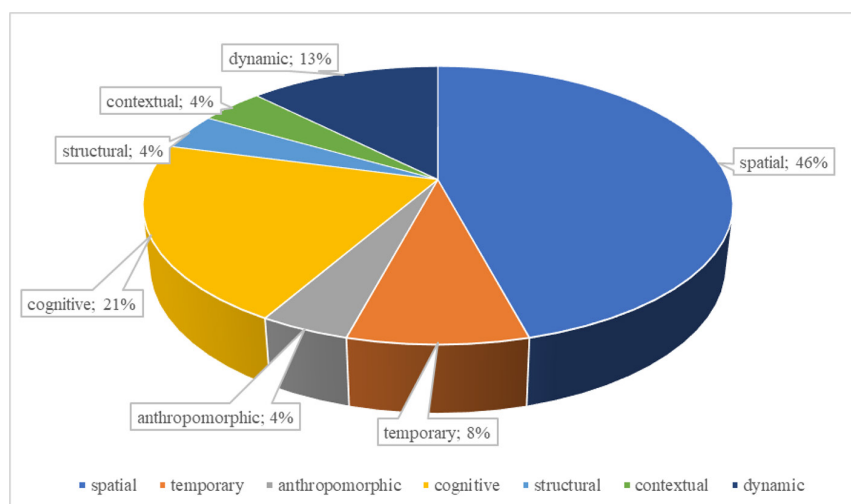

Fig. 4. Types of metaphorical transfer and total number of uses in %

(“цифровая модель рельефа”), “virtual geological map” (“виртуальная геологическая карта”), and “geographic information system” (“геоинформационная система”) employ metaphorical imagery to describe complex digital representations of geological objects and processes.

An important conceptual conclusion of our study is that metaphorization in “Earth Sciences” texts leads to significant changes, including transformations in geology’s metaphorical worldview. Whereas in early geology the Earth was represented as something static and unchanging, with scientific advancement and the emergence of plate tectonic theory, the Earth began to be perceived as a dynamic system of interacting elements. New metaphors associated with computer modeling and geographic information systems enable the creation of more precise and detailed models of geological objects and processes, thereby contributing to a deeper understanding of Earth’s geological history and the prediction of geological hazards.

Conclusion / Results

This work analyzes and illustrates metaphorical transfer phenomena in the terminological apparatus of geosciences, confirming the creation of mental spaces that are represented in language through terminological units reflecting new properties of the objects being

described, which indicates development in the conceptual sphere of this scientific knowledge domain.

The metaphorical models identified as underlying Earth sciences scientific terminology were categorized by type into structural, orientational, and ontological metaphors. The significance of each type was examined; the examples provided were classified according to the criteria governing feature transfer from the source domain to the target domain.

Frequency analysis revealed specific conceptual metaphors underlying the metaphorization process within the particular scientific domain considered. This finding confirms the feasibility of developing conceptual-metaphorical models for individual branches of scientific knowledge through analysis of the metaphors employed in scientific discourse formation.

Modern technological development significantly influences scientific progress overall and the modernization of language for special purposes (LSP) in particular. Language for special purposes, which serves specific knowledge domains, is terminological by nature, encompasses extensive (professional) highly specialized vocabulary, and becomes enriched with new terms (including metaphorical terms demonstrating new capabilities for geological data visualization and analysis).

References

- Abbas A. Beyond Logic: Rethinking Human Thought with Geoffrey Hinton's Analogy Machine Theory. 2025. Available at: <https://www.unite.ai/beyond-logic-rethinking-human-thought-with-geoffrey-hintons-analogy-machine-theory/> (accessed 19 June 2025).
- All about DNA testing. 2022. Available at: <https://genetico.ru/stati/vsyo-o-dnk-testirovanii.html> (accessed 19 June 2025).
- Arutyunova N.D. *Teoriya metafory [Theory of metaphor]*. M., Progress, 1990. 511.
- Avanesyan M.O. *Psikhologicheskiye mekhanizmy ponimaniya i sozdaniya metafory [Psychological mechanisms of understanding and creating metaphors]*. SPb., 2013. 22.
- Black M. More about metaphor. In: *Metaphor and thought*, 1979, 19–41.
- Budayev E.V., Chudinov A.P. «Metaphors We Live by»: transformatsii pretsedentnogo nazvaniya [«Metaphors We Live by»: transformations of the precedent title]. In: *Voprosy kognitivnoy lingvistiki [Journal Issues of Cognitive Linguistics]*, 2006, 79–83.
- Fauconnier G. Mental Spaces. In: *The Oxford handbook of Cognitive Linguistics*, 2007. 351.
- Fauconnier G., Turner M. *The Way We Think: Conceptual Blending And The Mind's Hidden Complexities*. New York, A member of the Perseus Books Group, 2003. 464.
- Glazunova O.I. *Logika metaforicheskikh preobrazovaniy [The logic of metaphorical transformations]*. SPb., Piter, 2000. 190.
- Halliday M.A.K. *Halliday's Introduction to Functional Grammar*. London and New York, Routledge, 2014. 780.
- Hinton G.E., Sejnowski T.J. Optimal perceptual inference. Conference: Proceedings of the IEEE conference on Computer Vision and Pattern, Washington, 1983, 448–453.
- Kedrov B.M. Opyt metodologicheskogo analiza nauchnykh, otkrytiy. [Experience in methodological analysis of scientific discoveries]. In: *Voprosy filosofii [questions of philosophy]*, 1960, (5), 63–78.
- Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. Chicago, University of Chicago Press, 2008. 256.
- Matz S. How does human consciousness work? 2024. Available at: <https://www.techinsider.ru/science/15045-labirinty-soznaniya/> (accessed 19 June 2025).
- Minskiy M. Ostroumie i logika kognitivnogo bessoznatel'nogo. [Wit and the Logic of the Cognitive Unconscious]. In: *Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Kognitivnye aspekty yazyka [News of Foreign Linguistics. The Cognitive Aspects of Language]*, 1988 (23), 281–309.
- Mityakov S.N., Mityakov Ev.N. Razvitiye teorii riskov i porogovykh znacheniy ekonomicheskoy bezopasnosti [Developing the theory of economic security risks and thresholds]. In: *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiyskoy akademii nauk [Bulletin of the Institute of Economics of the RAS]*, 2023, (5) 83–113.
- Mokyr J. Podnimayas na novyye vysoty [Rising to new heights]. In: *Finansy I razvitiye [Finance and Development]*, 2018, 32–35.
- Razumovskaya V.A. Artistic image metaphoricity: cultural memory and translation. [Metaforichnost khudozhestvennogo obraza: kulturnaya pamyat i perevod]. *Metaphor as means of knowledge Communication: International Symposium: book of abstracts*. Perm, 2016, 195–196.
- Stroop Experiment. 2017. Available at: <https://explorable.com/stroop-experiment> (accessed 19 June 2025)
- Thagard P. *Mind: Introduction to Cognitive Science*. Cambridge, Massachusetts, MIT Press, 1996. 213.
- Turner M. Conceptual Integration. In: *The Oxford handbook of Cognitive Linguistics*, 2007. 377.

EDN: YXSLQZ
УДК 82.09 (821.161.1, 821.512.122)

Artistic Images and Value Orientations in the Works of Ivan Bunin and in the Kazakh Literary Tradition

Nazgul T. Yedrenova^{*a}, Zhadyra A. Baiyanbaeva^a
and Karina N. Galay^b

^a*Al-Farabi Kazakh National University
Almaty, Republic of Kazakhstan*

^b*Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba
Moscow, Russian Federation*

Received 10.12.2025, received in revised form 28.12.2025, accepted 30.01.2026

Abstract. The purpose of this study is to analyze the artistic world of I. A. Bunin's prose, paying particular attention to his use of metaphors, space-time structures, and the depiction of the human psyche. It also attempts to compare Bunin's literary vision with that of Mukhtar Auezov in order to highlight the differences in the approaches of the Russian and Kazakh literature to the depiction of time, nature, and identity. The study uses a combination of structural-stylistic, intertextual, anthropological, and historical methodologies to examine Bunin's works with the focus on his use of metaphors in character construction, and on his anthropological approach, which provides a deep analysis of Russian identity, moral struggle, social criticism, and philosophical reflections. A comparative approach is used to study the thematic and aesthetic parallels between the literary views of Bunin and Auezov. The analysis shows that Bunin's prose conveys a deeply personal and existential understanding of time, nostalgia, and alienation, while Auezov's works emphasize historical continuity and collective identity. Nature in Bunin's literature serves as a reflection of human emotions, while in the Kazakh literary tradition it embodies national history and cultural heritage. These differences illustrate broader differences in how the Russian and Kazakh literary traditions interpret human experience.

Keywords: I. A. Bunin, cultural dimension, figurative language, genre forms, symbolism of nature, cultural realities, historical realities.

Research area: Theory and History of Culture, Art; Philology and Cultural Studies.

Citation: Yedrenova N. T., Baiyanbaeva Zh. A., Galay K. N. Artistic Images and Value Orientations in the Works of Ivan Bunin and in the Kazakh Literary Tradition. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2026, 19(2), 388–398. EDN: YXSLQZ

© Siberian Federal University. All rights reserved

* Corresponding author E-mail address: nedrenova5@gmail.com

ORCID: 0000-0002-6877-2344 (Yedrenova); 0000-0002-1710-0791 (Baiyanbaeva); 0000-0001-7564-2014 (Galay)

Художественные образы и ценностные ориентиры у И.А. Бунина и в казахской литературной традиции

Н.Т. Едренова^а, Ж.А. Баянбаева^а, К.Н. Галай^б

^аКазахский национальный университет имени аль-Фараби

Республика Казахстан, Алматы

^бРоссийский университет дружбы народов

имени Патриса Лумумбы

Российская Федерация, Москва

Аннотация. Цель данного исследования – проанализировать художественный мир И. А. Бунина, уделив особое внимание использованию им метафор, пространственно-временных структур и изображению человеческой психики. В нем также делается попытка сравнить литературное видение И. А. Бунина с видением Мухтара Ауэзова, чтобы подчеркнуть различия в подходах русской и казахской литературы к изображению тем времени, природы и идентичности. В исследовании используется сочетание структурно-стилистической, интертекстуальной, антропологической и исторической методологий для изучения произведений И. А. Бунина. Особое внимание в исследовании уделяется использованию им зооморфных, антропоморфных и фитоморфных метафор при построении характера, а также антропологическому подходу автора, который обеспечивает глубокий анализ русской идентичности, моральной борьбы, социальной критики и философских размышлений. Сравнительный подход используется для изучения тематических и эстетических параллелей между литературными взглядами И. А. Бунина и Ауэзова. Анализ показывает, что проза И. А. Бунина передает глубоко личное и экзистенциальное понимание времени, ностальгии и отчуждения, в то время как произведения Ауэзова подчеркивают историческую преемственность и коллективную идентичность. Природа в литературе Бунина служит отражением внутренних эмоций человека, в то время как в казахской литературной традиции она воплощает национальную историю и культурное наследие. Эти расхождения иллюстрируют более широкие различия в том, как русская и казахская литературные традиции осмысливают человеческий опыт.

Ключевые слова: И. А. Бунин, культурное измерение, образный язык, жанровые формы, символика природы, культурные реалии, исторические реалии.

Научная специальность: 5.10.1. Теория и история культуры, искусства; 5.9.1 Русская литература и литературы народов Российской Федерации; 10.01.03. Литература народов стран зарубежья (казахская литература).

Цитирование: Едренова Н. Т., Баянбаева Ж. А., Галай К. Н. Художественные образы и ценностные ориентиры у И. А. Бунина и в казахской литературной традиции. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2026, 19(2), 388–398. EDN: YXSLQZ

Introduction

The cultural dimension of a literary work is of fundamental importance, since the text is inevitably shaped by the historical, social, and

mental conditions of its era. Literature reflects the characteristics of public consciousness and acts as a mechanism for transmitting cultural norms, values, and historical memory. In this context,

analyzing literature in its cultural context allows us to interpret the text also as a kind of document of the epoch (Kustina, Shodiq et al., 2024: 279). The historical development of Kazakhstan and Russia is characterized by stable cultural and social interrelationships that have developed as a result of long-term historical interaction and the exchange of spiritual traditions. The prose of I. A. Bunin, as an inherent part of Russian classical literature, provides students in Kazakhstan with an opportunity to expand their knowledge of Russian culture, while also identifying elements related to national identity.

The use of Bunin's prose in educational practice requires modern pedagogical strategies that take into account the psychological and age characteristics of students. This implies adapting the content of the works to current educational standards and developing innovative teaching methods aimed at developing aesthetic perception, analytical skills, and emotional intelligence. In this regard, research into the pedagogical and methodological foundations of teaching Bunin's prose is particularly relevant in the context of improving the quality of humanities education.

Statement of the Problem

A cultural studies approach to teaching literature is a key tool for developing students' understanding of both fiction and the cultural context in which it was created. The prose of Ivan Alekseevich Bunin, an outstanding Russian writer and Nobel Prize winner, is a rich source of material for study at universities in the Republic of Kazakhstan. His work, based on the contemplation of eternal values, such as love of nature, home, homeland, spirituality, and human beauty, remains highly relevant in the modern educational environment.

The methodological study of Bunin's prose is principally important in the multicultural society of Kazakhstan, where literary heritage serves as a bridge for cultural dialogue. Studying his works not only improves students' education, but also adds to their aesthetic, moral, and spiritual development. Bunin's prose, with its refined poetic style and philosophical depth, gives opportunities for interdisciplinary analysis, combining pedagogy, cultural studies,

and philology. The purpose of this article is to examine Bunin's prose in light of the intercultural context, as well as the psychological, pedagogical, and methodological foundations of his work.

At the same time, the process of teaching Bunin's prose in higher education institutions faces a number of difficulties. One of these problems is the need to adapt the content of literary works to modern educational standards in light of the intercultural context. Given the cultural and intellectual depth of Bunin's work, it is extremely important to study how his prose can be effectively integrated into modern curricula. This research lays a solid foundation for the development of critical thinking, emotional engagement, and understanding of literature, as well as meeting the diverse needs of modern students. Bunin's works, with their complex philosophical themes and subtle psychological insights, offer valuable resources for developing interdisciplinary teaching methods and promoting students' personal and academic growth (Krylova, 1999: 160).

The author's anthropological approach is also noteworthy. Bunin paid close attention to how society is structured and how people feel, which helped him create detailed stories about Russian life. His works show the struggles of rural residents and touch on important questions such as why we exist, how history affects us, and why social problems continue to recur (Buneeva, 2022: 58). By exploring Russian identity, Bunin showed how people are connected to their surroundings, offering a deep understanding of human nature. His clear and vivid writing reveals the inner struggles of his characters, especially the clash between old traditions and new ideas, freedom and control, and the question whether life is determined by fate or personal choice.

Methods

In this article, we used literary methods to analyze the features of Ivan Bunin's prose, with an emphasis on elements of poetics, the depiction of humanity, and the representation of artistic space. In addition, the study examines the cultural foundations underlying the methodological development of Bunin's works

in universities throughout Kazakhstan. Structural and stylistic analysis has been made to delve deeper into the poetics of Bunin's prose. Genre, compositional and intertextual analysis are aimed at studying specific genre forms and structural components of Bunin's works. Sociocultural analysis places his characters in the broader context of the social and cultural processes that prevailed at the time the works were created.

In addition, cultural-historical analysis allows us to correlate Bunin's prose with the cultural and historical realities of his era. Furthermore, cross-cultural analysis compares Bunin's works with the literature of other cultures, including Kazakh literature, in order to identify both common and distinctive features.

Poetics of Ivan Bunin's Prose

The prose of Ivan Bunin is a striking example of Russian literature, combining profound philosophical thought, artistic expressiveness, cultural and historical complexity. In the universities of the Republic of Kazakhstan, the study of Bunin's prose is of particular importance, as it marks the intersection of Russian and Kazakh cultures, as well as an understanding of cultural and literary traditions.

Ivan Alekseevich Bunin is an outstanding Russian writer and Nobel Prize winner whose works occupy a special place in 20th-century literature. His prose is distinguished by its stylistic subtlety, philosophical wisdom, lyricism and emotionality. Bunin's works are filled with sensual descriptions of nature that echo his poetic heritage. For example, landscape sketches such as "Pines" and "Golden Bottom" are written with a high degree of detail and subjective interpretation of the surrounding world.

Bunin's prose is a mixture of genres, which is evident in his use of various literary forms, such as prose poetry, fairy tales, traveller's essays, and diaries. One of the most remarkable aspects of Bunin's work is his magical fairy tales, in which fantastical and realistic elements are intertwined. Another key feature of his work is the rhythm of his prose. Bunin pays heed to linguistic techniques and the inclusion of rhythm in his texts, which is a distinctive feature of poetry in prose. This tech-

nique adds emotional depth. For example, in the novel "The Life of Arseniev", the rhythmic structure of the text emphasizes the inner lives of the characters, creating a deep connection with them (Bunin, 2006: 68).

The spatial-temporal organization of Bunin's prose is complex and profound. The author uses various types of chronotopes, including nature, home, roads, Russia, emigration, and dreams, to create a unique artistic space. In Bunin's stories, nature is not just a backdrop, but an active participant in the unfolding events, reflecting the emotional states of the characters. In fairy tales such as "Clean Monday," nature often symbolizes the feelings and experiences of the characters. With vivid descriptions of the weather and landscapes, Bunin creates an atmosphere of loneliness, sadness, or peace. For him, the house is not only a physical refuge, but also the psychological and emotional space of the main character. In his stories, the house often is the center of emotional drama, especially in the morning hours or when reflecting on the past. For example, in "The Gentleman from San Francisco," home plays the role of a grounding force in the protagonist's life, ultimately becoming a symbol of isolation and disappointment. This chronotope conveys not only a three-dimensional space, but also the character's inner isolation (Babareko, 1983: 168). Bunin's diary prose, like his other genres, is mosaic-like. This narrative structure emphasizes the idea of the incomprehensibility and complexity of the world, making Bunin's work even more profound and multifaceted. For example, "Dark Alleys" is a collection of short stories in which the fragmentary nature of the narrative plays a decisive role. In "Dark Alleys," Bunin often interrupts the narrative, shifting the focus to the inner world of the characters.

Imagery and symbolism in Ivan Bunin's prose are crucial to creating a rich and multi-layered fiction reality. The way landscapes are described often reflects the spiritual state of the characters and their inner experiences, as shown in such works as "Dust" and "The Cry." The symbolism of the East is a crucial aspect of Bunin's poetics. It is depicted as a representation of spiritual purity and wealth, in stark contrast

to the desolation and chaos associated with Russia. In stories such as “The Cry” and “Dust,” the East embodies symbolic meaning, emphasizing the differences between various cultural and spiritual spheres. Bunin also explores the concept of the “Russian soul,” which is characterized by complexity, contradiction, and multifacetedness. To create these images, he draws on motifs from folklore and Old Russian literature, as can be seen in works such as “Lyrist Rodion.” His characters often undergo an inner search which, despite their desire for harmony, is not always fulfilled. This struggle is vividly depicted in “The Gentleman from San Francisco” (Bugakova, Popova, Sulemina, 2019: 364).

The genre of diary stories plays a special role in Bunin’s prose, which becomes particularly noticeable during his emigration. Intertextuality also occupies a central place in Bunin’s genre palette. His works are often enriched with continental, Buddhist, and folkloric motifs, as seen in stories such as “Aglaia” and “The Brothers.”

The motif of travel, both physical and spiritual, becomes one of the main metaphors in Bunin’s prose. Many stories are structured as a journey of the characters in search of the meaning of life and self-knowledge. This symbolic journey reflects the existential questions that the author poses to the reader.

The Genre and Composition of Ivan Bunin’s Prose

In his works, the concept of “human” is often depicted using zoomorphic, anthropomorphic, and phytomorphic metaphors. Comparing people to animals is often used to express external or behavioural traits. For example, metaphors such as “laughs like a snake” or “works with his legs and feet like a water spider” highlight both physical similarities and behavioural traits, focusing attention on characteristics such as vulnerability or rudeness (Popova, Sternin, 2002: 314).

Bunin also uses metaphors in which a person is compared to well-known personalities or types of people (for example, “like Socrates” or “like Don Quixote”). This not only visualizes the image, but also creates consistent associations with cultural and historical figures.

Using metaphors such as “hands like branches” or “a nose like a toadstool,” Bunin emphasizes the fragility or roughness of the human body, and with metaphors such as “iron tongs,” he conveys the harshness of character, creating images with clear boundaries between humans and the world of nature or artifacts (Rudneva, 2011).

In the works of Bunin, women are often depicted through various metaphorical models, with particular attention paid to their fragility, beauty, and internal contradictions. Phytomorphic metaphors are common, where women are often described as flowers (for example, “she is like a rose, wilted from fatigue”). In Bunin’s system, flowers symbolize beauty, but also transience, reflecting not only physical but also emotional vulnerability.

Women are often portrayed as birds, horses, or even snakes, emphasizing their behaviour or role in society. For example, comparing a woman to a horse or a female deer can represent her strength, but can also be perceived as an image of victimhood in the context of love, unfolding in more complex cultural scenarios. A woman can also be depicted as an icon or goddess, symbolizing her inaccessibility and mystical charm to those around her. Bunin often uses these metaphors to create images that are both real and unreal, encompassing both earthly and heavenly qualities (Pleshkov, 1997: 18).

Man in the World of Ivan Bunin’s Works

The psychological depth of Bunin’s characters, especially in “The Life of Arseniev” and “Dark Alleys,” is inextricably linked to their introspective journeys and the complex relationships between their inner lives and the world around them. In both stories, the characters face internal conflicts, spiritual trials, and a deep desire for self-knowledge. In “The Life of Arseniev,” Alexei Arseniev engages in self-analysis, which allows him to explore his psyche more deeply. This self-analysis is closely linked to introjection, as he absorbs the psychological attitudes of those around him and weaves them into his own understanding. He is not simply an isolated figure; rather, he is constantly influenced by external factors that illustrate the dynamic relationship between his

personal experience and the broader cultural context (Ibid: 145).

Bunin skillfully combines aesthetic ideals with ethical considerations in "Arseniev's Journey," using the protagonist's experiences to explore the contradictions between beauty and morality. This aesthetic point of view serves as a means for Arseniev to develop his ethical understanding, guiding him toward a higher spiritual awareness. His inner evolution is aimed at achieving a balance between beauty and ethical integrity, which emphasizes Bunin's belief in the interconnection of aesthetics and morality in the formation of a person's inner life. Bunin's works keenly reflect the sociocultural context of his era, especially in "The Life of Arseniev", where the protagonist's inner experiences resonate with broader social and cultural dynamics.

Bunin's works deeply reflect the socio-cultural landscape of his time, especially in Arseniev's life, where the inner world of the main character interacts with broader social and cultural processes. The protagonist's journey is not only a personal one, but also a reaction to the prevailing cultural atmosphere, where his self-analysis is both a response to and a critique of the social norms of the time. The form of "The Life of Arseniev" is a monological structure, akin to a "lyrical epic," which enables the expression of a person's inner thoughts and emotional experiences. This structure serves both as a means of self-expression and as a reflection of the broader social expectations of the time. With the help of this form, Bunin's characters realize their need for self-expression and the search for personal truth in a world that does not always support such introspective pursuits (Kovaleva, 2004: 245). The characters in "The Life of Arseniev" are shaped by their interaction with society, but they are also isolated in their own worlds. This isolation is not merely physical, but an existential condition arising from the gap between the individual's inner experience and the outside world. Bunin criticizes this division, illustrating how social processes and cultural values influence the inner workings of his main characters.

In "Dark Alleys," Bunin depicts love as a powerful and all-consuming force, where the protagonist's experiences reflect both spiritual

and physical aspects. This duality prompts reflection on the nature of human relationships and desires. The search for love goes beyond society's expectations and leads to a personal and emotional journey of self-discovery that echoes the changing cultural perspectives of early 20th-century Russia, a time when traditional views on relationships and morality were questioned and transformed.

Bunin also explores the archetype of the "loving man", who overcomes individualism to achieve a broader understanding of love and human relationships. This archetype evolves and develops across the various narratives of "Dark Alleys". It incorporates the complexities and contradictions of human emotions, and love as a source of both joy and suffering.

The ethical and ontological aspects of Bunin's works are closely intertwined with their aesthetic ideals. In "Dark Alleys", the ethical perspective challenges traditional moral foundations. For the "loving man", love is not constrained by societal expectations, but exists as an integral part of the human experience, valued in its own right. This is consistent with Bunin's broader philosophical views, according to which love in its true form spiritualizes the carnal and elevates man above the material world. However, this transcendence is fleeting and often accompanied by a sense of tragedy. Moments of harmony in love are brief but delightful, marked by the simultaneous beauty and horror of the loss of one's individuality (Berdnikova, 2012: 315).

Symbolism of Natural and Everyday Images

According to literary scholars, critics, and readers, Bunin is known primarily as a master of landscape depiction. A semiotic analysis of Bunin's works reveals weighty symbolic meanings embedded in both natural and everyday images, emphasizing their role in conveying the philosophical essence of his narratives. In Bunin's works, nature often takes on a symbolic dimension, reflecting not only the emotional states of characters but also universal philosophical themes such as the transience of existence, the inexorable passage of time, and the interplay of harmony and tragedy in life (Mironova, 2022: 142).

Elements such as the changing seasons, the play of light and shadow, the movement of water or wind serve as metaphors for the inevitable changes in human destiny. His meticulous attention to interior details, clothing, and everyday objects highlights the social and psychological context of his works, often being a metaphor for the inner state of the characters.

Natural phenomena in Bunin's works acquire symbolic significance, reflecting both the inner states of his characters and fundamental philosophical ideas. For example, the changing seasons symbolize the flow of life and the inevitability of transformation. In "Antonovka Apples", the autumn landscape is imbued with nostalgia, reminiscent of the fading of youth and the loss of a carefree childhood:

*I remember the early, beautiful autumn...
I remember the early, fresh, quiet morning...
I remember the large, golden, dried-up and
thinned-out garden, I remember the maple alleys,
the subtle aroma of fallen leaves and the
smell of Antonovka apples, the smell of honey
and autumn freshness (Bunin, 1987: 45).*

These descriptions create an atmosphere of warmth and comfort, characteristic of the noble lifestyle. At the same time, they emphasize humanity's intrinsic connection with nature and its inevitable dependence on it.

Landscape in Bunin's work also serves as a pretext for philosophical reflection. In "The Muse", the cycle of rain, thunder, and sunshine imitates the ups and downs of human destiny. The use of descriptions such as a "black pond" and a "purple land" creates striking images that, rather than directly reflecting the characters' feelings, emphasize their detachment from the world around them.

In "Tanya", changes in nature occur in parallel with the development of the love story. Initially, the landscape creates a sense of alienation: the "cold wind" and "damp haze" evoke a sense of loneliness. However, during the lovers' meeting, nature comes alive only to become hostile again after their separation: "the sky was gloomy", "clouds gathered, the moon hid". The symbolism of inclement weather stresses the inevitability of their separation (Ryzhakova, 2014: 142).

In "Smaragda", the landscape serves as a metaphor for love. The changing colors of the sky coincide with the characters' different perceptions of love itself: the "terrible and wonderful" emerald sky symbolizes deep emotions, while another character's sarcastic comment lays emphasis on his indifference. Similarly, in "Antigone", nature foreshadows the characters' destinies. The singing of nightingales and the crisp air suggest the blossoming of feelings, but soon "various rain clouds" and "purple clouds" appear as signs of impending separation. The motif of rain as a harbinger of change reinforces the tragic ending of the story.

Chronotope in Bunin's Works and its Influence

on the Perception of the Text

The spatial and temporal organization of text plays a crucial role in Ivan Bunin's world. In his works, the chronotope serves not only a descriptive but also a symbolic, philosophical, and emotional functions. It reveals the characters' inner worlds, conveys their experiences, and creates a unique narrative atmosphere.

Being aesthetic elements, space and time play a central role in the structuring and thematic organization of "The Life of Arseniev". They serve as tools for creating meaning, functioning as a "language" through which moral and spiritual ideas, as well as the views of both the author and the protagonist, are conveyed. A key element in Bunin's thinking is the concept of time, which resonates with his understanding of the temporal boundaries of human life. The finite nature of human existence contrasts with the infinite expanses of universal time and space, encapsulating the tension between personal experience and the infinite continuum of existence (Kurbatova, 2008: 84).

In Bunin's works, natural space is vibrant and emotionally charged, changing depending on the characters' states of mind and destinies. In "Antonovka Apples", the autumn landscape, with its golden orchards and the scent of ripe fruit, symbolizes a lost noble past and its evanescent charm. Conversely, urban spaces often feel cold, oppressive, and alienating. Moscow in "The Caucasus" is depicted as gray

and dreary, with “dark, disgusting evenings” that intensify the protagonist’s foreboding. In “Light Breathing”, the train serves as a metaphor for the unescapable passage of time, and in “The Gentleman from San Francisco”, the narrative continues to explore these themes.

The temporal structure of Bunin’s works echoes his belief in the transience of life and the inevitability of loss. In “The Muse”, the interplay of rain, thunder, and sunlight mirrors the unpredictability of human destiny. In “Antonovka Apples”, the changing seasons denote the passing of youth and the decline of the nobility. Bunin depicts brief but vibrant moments of happiness, love, and natural beauty, incarnating their fragility and fleeting nature. In “Sunstroke”, an entire love story unfolds in just one day, yet this moment remains eternally in the protagonist’s memory. In “The Gentleman from San Francisco”, time drags slowly during the protagonist’s idle life, but accelerates abruptly after his death, creating the illusion of time under control.

In Bunin’s prose, the chronotope is not just a structural device but also a powerful tool that shapes the reader’s perception. The interplay of space and time creates a complex nostalgic, anxious, and philosophical palette. The contrast between open and closed spaces, the interplay of cyclical and fleeting time deepen the exploration of themes such as loneliness, loss, love, and the unavoidability of change. Bunin’s chronotope is thus more than just a decorative device; it is an essential element, defining the philosophical depth of his works and their emotional impact on the reader (Dvinyatina et al., 2021: 83).

In the works of Bunin and Kazakh writers, nature is not just a picturesque setting but also an active participant in the narrative, replicating the characters’ inner worlds and their reflections on time, memory, and fate. While Bunin presents time as elusive and cyclical, evoking feelings of nostalgia and loss, Kazakh literature, shaped by oral tradition, places greater emphasis on collective memory, folklore, and cultural continuity.

Bunin’s works often dwell in themes of loneliness and inner alienation, while Kazakh literature traditionally emphasizes social con-

nections, depicting individuals as inseparable from the collective. This contrast reflects deeper cultural values: Bunin’s individualistic worldview contrasts with the Kazakh notion of the individual as an integral part of their nation.

Nevertheless, comparative analysis reveals that literature across cultures touches on universal existential themes. The works of Bunin and Kazakh writers share a considerable connection with nature, memory, time, and human destiny, offering new opportunities for intercultural dialogue and a deeper understanding of literature.

For example, Abai Kunanbayev wrote: “Everything around is sad, the grass has withered, the Earth is exhausted, and everything is withering...” (Kunanbayev, Abai. 1986: 45–47)

Here, autumn symbolizes not only the decay of nature but also the transience of human life, as in Bunin’s works, where seasonal changes reify his character’s inner turmoil.

Similarly, in Mukhtar Auezov’s novel “The Path of Abai”, one can find the following lines: “Before him stretched the steppe, a boundless expanse where the voices of his ancestors still resounded...” (Auezov, 1971: 28–35).

The steppe represents not only the physical landscape, but also the spiritual and historical heritage of the Kazakh people, defining Abai’s struggle between tradition and new ideas.

In Ilyas Yesenberlin’s novel “Nomads”, the steppe becomes a symbol of national identity and the fate of a nomadic people: “The steppe remembers the traces of great batyrs, their victories and defeats, as if the earth itself had preserved the memory of past generations...” (Yesenberlin, 2006: 40). The steppe is more than just a natural setting; it is a living chronicle of history, a space that integrates the trials, hopes, and legacy of people.

Bunin’s works demonstrate a similar approach to nature. In “Antonovka Apples”, the autumn landscape evokes a sense of loss and nostalgia, as in Abai’s poetic motifs:

I remember the early golden autumn... A vast, sunlit garden, fading, thinning out...

Autumn becomes a symbol of the past, a reminder of inevitable change and loss, as in Abai’s poetry, where this season emblemizes reflections on life and impermanence.

In “The Life of Arsenyev”, Bunin explores the protagonist’s journey to self-discovery, echoing Abai’s coming-of-age experience in Auezov’s novel:

I was like dew amidst endless plains, feeling that beyond the horizon lay a whole new world, full of discoveries and transformations... (Auezov, 1971: 35)

The landscape indicates the hero’s spiritual growth, very similar to the steppe in “The Path of Abai”, which symbolizes the protagonist’s growing sense of responsibility to his people and traditions.

Thus, in both Bunin’s and Kazakh literature, nature plays a key role not only as a literary device but also as a heartfelt metaphor for time, memory, and spiritual quests. It serves as a bridge between individuals and their stories, embodying philosophical reflections on fate, tradition, and the inevitability of change.

Time also plays a major role in literature, serving not only as a milieu for events but also as a means of understanding human experience, history, and culture. In the works of I. A. Bunin and M. Auezov, time is presented in different aspects: in Bunin’s works as personal nostalgia and a vanishing world; in Auezov’s ones – as historical development and the collective memory of a people. An analysis of their works allows us to see how these authors use imagery to convey the influence of time on the fate of individuals and society.

I. A. Bunin depicts time as elusive and cyclical, arousing feelings of loss and loneliness. In his novel “The Life of Arseniev”, the past is not simply an environment but a living fabric of memory, in which images of childhood, provincial life, and the vanishing world of the nobility dissolve. The author uses descriptions of individual events, characters, and details to recreate the spirit of the times (Ponomarev, 2011: 16).

In Kazakh literature, time is perceived through the connection between generations, the collective memory of the people, and its cultural traditions. The epic novel “The Path of Abai” illustrates the historical evolution of the Kazakh people, their path “from darkness to light”.

The historical development of Kazakh society is exposed through its philosophy, poetic talent, traditions, and customs, making the

novel not only a historical but also a cultural monument. The protagonist, a real historical figure, Abai Kunanbayev, embodies the national character. Throughout his journey, Auezov depicts the difficulties of historical change and the complexity of choices at turning points in the nation’s development (Fazilova, 2014: 643).

Thus, while Bunin’s concept of time revolves around a past tinged with personal memories, Auezov presents time as dynamic progress, overcoming difficulties, and the search for a better future for his people. From the above facts, it can be seen that time is represented differently in the works of Bunin and Auezov, but in both cases, it serves as the key to understanding history and culture.

For Bunin, the past is viewed through the prism of personal memory, inducing melancholy and an inevitable sense of loss. In “The Path of Abai”, time acts as the driving force of history, illustrating the people’s struggle for progress and the preservation of cultural heritage.

These two approaches reflect the differences in the historical perception of Russian and Kazakh literature: Bunin’s is personal and emotional, while Auezov’s is national and epic.

Discussion and Conclusion

Bunin’s prose forms a unique combination of philosophical insight, stylistic elegance, and cultural richness. His works serve as a link between tradition and modernity, reflecting the historical context of pre-revolutionary Russia alongside the existential dilemmas of human experience. Through a combination of lyrical expression, a blend of genres, and complex spatial and temporal frameworks, Bunin creates a realm of profound emotional and intellectual power. The study of Bunin’s prose is significant not only in Russian literary circles but also in the broader context of world literature. His works reveal a wealth of cultural intersections, particularly in Kazakhstan, where Russian and Kazakh traditions interact and shape each other.

In Bunin’s stories, the depiction of humanity is saturated with metaphors, including zoomorphic, anthropomorphic, and phytomorphic elements. Bunin’s exploration of the human

psyche is inextricably linked to the sociocultural dynamics of his era. His characters, influenced by personal reflections and external factors, personify the conflict between individuality and societal norms.

Works such as “The Life of Arseniev” and “Dark Alleys” demonstrate how personal experiences of love, isolation, and moral dilemmas are shaped by larger cultural transformations, particularly in the early 20th century. A comparison of the literary works of Ivan Bunin and Mukhtar Auezov reveals the insightful role of time, nature, and memory in the formation of individual and collective identity. While Bunin portrays time as a deeply personal, nostalgic, and cyclical force evoking a sense of loss and impermanence, Auezov presents time as historical progress, reflecting the Kazakh people’s struggle to preserve and develop culture. This fundamental difference highlights the differences in how Russian and Kazakh literature interpret human experience: Bunin’s works stand for the personal and existential, while Auezov’s emphasizes the collective and historical.

In both literary traditions, nature serves not only as a backdrop but also as a crucial means of conveying philosophical ideas and emotions. In Bunin’s works, landscapes reflect the inner turmoil and fleeting happiness of his characters, while in Kazakh literature, nature is closely linked to historical memory, national identity, and the continuity of cultural traditions. The steppe, for example, is more than just a geographical location; it is a symbol of Kazakh heritage, embodying the voices of past generations and the resilience of a nomadic lifestyle.

From a cross-cultural perspective, this comparative analysis highlights both the universal and culture-specific aspects of literature. Despite differences in historical and philosophical perspectives, both Bunin and Auezov use fiction imagery to explore fundamental human issues: love, time, memory, and the search for meaning. This dialogue between Russian and Kazakh literary traditions opens new possibilities for understanding the interconnectedness of human experience across cultures.

References

- Auezov M. *The Path of Abai*. Alma-Ata, 1961, 632.
- Baboreko A. I. *Bunin I. A.: Materialy k biografii [Bunin I. A.: Materials for a biography]*. M., Khudozhestvennaia literatura, 1983. 435.
- Berdnikova O. A. Reministsentsii, tsitaty i motivy Psaltiri v tvorchestve I. A. Bunina [Reminiscences, quotations and motives of the Psalter in the works of I. A. Bunin]. In: *Problemy istoricheskoi poetiki [Problems of historical poetics]*, 2012, 10, 315–327.
- Bugakova N. B., Popova Yu. S., Sulemina O. V. Ob osobennostiakh funktsionirovaniia predmetnoi detali v proizvedeniiakh I. A. Bunina [On the features of the subject detail functioning in the works of I. A. Bunin]. In: *Neofilologiya [Neofilologiya]*, 2019, 2(5), 364–370. DOI: 10.20310/2587–6953–2019–5–19–364–370.
- Buneeva E. V. Literaturno-pedagogicheskaiia antropologiya I. A. Bunina kak kliuch k ponimaniu russkogo natsional’nogo kharaktera [Literary and pedagogical anthropology by I. A. Bunin as a key to understanding the Russian national character]. In: *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniia [Problems of modern teacher education]*, 2022, (77), 58–60.
- Bunin I. A. Antonovskie iabloki [Antonovka Apples]. In: *Sobranie sochinenii: v 6 t. T. 2 [Collection of works: in 13 volumes. Vol. 2]*. M., 1987. 511 p.
- Bunin I. A. *Polnoe sobranie sochinenii: v 13 t. T. 4 [Complete Works: in 13 volumes. Vol. 4]*. M., Voskresenye, 2006. 680.
- Dvinyatina T. M., Morozov S. N., Bakuntsev A. V., Ponomarev E. R. (eds.). *I. A. Bunin i ego vremia: kontekst zhizni – istoriia tvorchestva [I. A. Bunin and His Time: The Context of Life – the History of Creativity]*. M., IMLI RAS, 2021. 1040 p. DOI: 10.22455/AB-978–5–9208–0675–8.
- Fazilova K. B. Epos istorizma Muhtara Auezova “Put’ Abaia” [The epic of historicism of Mukhtar Auezov “The Path of Abai”]. In: *Molodoi uchenyi [Young scientist]*, 2014, 7(66), 643–645. Available at: <https://moluch.ru/archive/66/10823/>.

Kovaleva T.N. *Khudozhestvennoe vremia i prostranstvo v romane I. A. Bunina "Zhizn' Arsen'eva"*: diss. ... kand. filol. nauk [Artistic Time-Space of I. A. Bunin's Novel "The Life of Arseniev": dissertation for Candidate of Philological Sciences]. SPb., 2004, 245.

Krylova M.N. *Metodika izucheniia tvorchestva I. A. Bunina v sovremennoi obshcheobrazovatel'noi shkole (5–9 klassy): diss. ... kand. ped. nauk* [Methods of teaching the works of I. A. Bunin in a modern comprehensive school, grades 5–9: dissertation for Candidate of Ped. Sciences]. M., 1999. 160.

Kurbatova Yu. V. Khronotopicheskaia organizatsiia romana I. A. Bunina "Zhizn' Arsen'eva" [Chronotopic organization of the novel by I. A. Bunin "The Life of Arseniev" and "The Tale of Life" by K. G. Paus-tovsky]. In: *Problemy filologii, kul'turologii i iskusstvovedeniia* [Problems of Philology, Cultural Studies and Art Criticism], 2008, 4, 83–87.

Kustina K., Shodiq M., Syaifullah M., & I. Surohman. The Intercultural Aspect of Teaching Arabic as a Foreign Language in Indonesia. In: *Mantiq Tayr: Journal of Arabic Language*, 2024, 2(4), 279–293. DOI: 10.25217/mantiqtayr.v4i1.4086.

Mironova N.R. "Temnye allei" I. A. Bunina: filosofskii smysl obraznoi sistemy [Dark Alleys by I. A. Bunin: the philosophical meaning of natural images]. In: *Vestnik MGPU* [MCU Journal of Philology, Theory of Linguistics, Linguistic Education], 2022, 1(45), 142–149. DOI: 10.25688/2076–913X.2022.45.1.15 EDN: JUZEFU

Pleshkov V. V. *Kontseptsiiia cheloveka v tvorchestve I. A. Bunina: diss. ... kand. filol. nauk.* [The concept of man in the works of I. A. Bunin: dissertation for Candidate of Philological Sciences]. Yelets. 1997. 145.

Ponomarev E.R. "Zhizn' Arsen'eva" kak "istoriia moego sovremennika" (I. A. Bunin i V.G. Korolenko) ["The Life of Arseniev" as "the history of my contemporary" (I. A. Bunin and V.G. Korolenko)]. In: *Metafizika I. A. Bunina: sb. nauch. tr., posviashchennyi tvorchestvu I. A. Bunina* [Metaphysics of I. A. Bunin: Collection of scientific papers dedicated to the work of I. A. Bunin], 2, 16–32. Voronezh, Science-UNIPRESS, 2011.

Popov Z.D., Sternin I. A. (eds.) *Iazyk i natsional'noe soznanie. Teoreticheskie i metodologicheskie problemy* [Language and National Consciousness. Theoretical and Methodological Issues]. Voronezh, Voronezh State University, 2002. 314.

Rudneva O. V. Metaforicheskaiia model' mira v proizvedeniiakh I. A. Bunina [Metaphorical model of the world in the works of I. A. Bunin]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 2011, (345), 26–33.

Ryzhakova T. I. Zhanrovoe svoeobrazie maloi prozy I. A. Bunina 1917–1953 gg. [Genre originality of Ivan Bunin's short fiction of 1917–1953]. In: *Vestnik KGU im. N. A. Nekrasova* [Bulletin of KSU named after N. A. Nekrasov], 2014, 4, 145–147.

Yesenberlin I. *Nomads: Historical Trilogy*. Almaty, Publishing House "Nomads", 2006. 202–204.

EDN: ZYDGPP
УДК 81–139

Translation Studies: Quantum Text Interpretation

Polina P. Dashinimaeva and Ariuna G. Itigilova*

*Banzarov Buryat State University
Ulan-Ude, Russian Federation*

Received 16.09.2025, received in revised form 01.12.2025, accepted 29.01.2026

Abstract. The paper applies the principles of quantum physics to the translation process. The relevance of the paper lies in both the demand of interdisciplinary research into interpretation process and the global scientific community's keen interest in quantum physics findings. Here the authors analogize the double-slit experiment with the process of speech production and perception when a thought undergoes transmission and its interiorization in the realm of intra- and intercultural. So, the author's message progression starts as the state of superposition, having the potential to be dually perceived before a transfer into the target text comes into being. The analysis of the cross-disciplinary research is generalized into a translation metamodel. In its core lie the ideas of C. Nord, A. V. Karpov, H.-G. Gadamer, J. Ortega y Gasset, A. Chesterman, M. Baker, and P. P. Dashinimaeva. Political discourse serves as the metamodel illustration material.

Keywords: Translation Studies, Quantum Physics, interpretation, translation metamodel, observer, double-slit experiment, cognitive structure of consciousness.

Research area: Theory and History of Culture, Art (Cultural Studies); Translation Studies, Cross-cultural Communication, Psycholinguistics.

Citation: Dashinimaeva P. P., Itigilova A. G. Translation Studies: Quantum Text Interpretation. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2026, 19(2), 399–408. EDN: ZYDGPP

Квантовая переводческая интерпретация текста

П.П. Дашинимаева, А.Г. Итигилова

*Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова
Российская Федерация, Улан-Удэ*

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению возможности деятельностного применения принципов квантовой физики в переводческом процессе. Актуальность статьи обусловлена как востребованностью в междисциплинарных исследованиях в области транслатологии, так и высоким интересом мирового научного сообщества в работах по квантовой физике. В данной статье двухщелевой эксперимент аналогизируется процессу производства и восприятия речи в аспекте интериоризации мысли автора до момента ее трансфера в целевой текст. Так, предлагаемая кроссдисциплинарная метамодель исследует движение интерпретации как путь от суперпозитивного состояния авторского сообщения к ее дуальному восприятию в интра- и интеркультуре. Авторы руководствуются, в частности, идеями К. Норд, А. В. Карпова, Х.-Г. Гадамера, Х. Ортеги-и-Гассета, Э. Честермана, М. Бейкер и П. П. Дашинимаевой. Аппликация метамодели происходит на материале политического дискурса.

Ключевые слова: транслатология, квантовая физика, интерпретация, модель перевода, наблюдатель, двухщелевой эксперимент, когнитивные структуры сознания.

Научное направление: 5.10.1. Теория и история культуры, искусства; 05.09.08. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

Цитирование: Дашинимаева П. П., Итигилова А. Г. Квантовая переводческая интерпретация текста. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2026, 19(2), 399–408. EDN: ZYDGPP

Introduction

It comes as no surprise that quantum physics has begun to interact with other scientific disciplines, creating interdisciplinary studies such as Quantum Biology, Quantum Information Science, Quantum Optics, Quantum Materials Science, and others. According to Latypova Iu. A., Vorob'eva O.V., and Absaliyeva L. F., to implement the interdisciplinary approach one should adopt the initial idea that the phenomenon under focus does not exist in isolation; rather, it is intricately connected with subjects of other scientific domains (Latypova et al., 2023).

Our proposed keystone for fostering collaboration between quantum physics and linguistics is the concept of 'interpretation', which serves as a common foundation for both scientific domains, regardless of the inherent differences in their subjects of study.

In quantum physics, the existence of a single reality is highly questionable. According to the Copenhagen interpretation, specifically Niels Bohr's formulation, reality is observer-dependent, meaning there can be no reality independent of observation; John Wheeler, an American physicist, expanding on Niels Bohr's ideas, asserted that the universe is the result of acts of observation (Bohr, cited in Verkhovozin, 2013: 232, 233).

In line with the contemporary concept of Quantum Bayesianism (QBism), quantum entities reflect an observer's belief in the possible outcomes of future measurements. In this view, QBism presents quantum states as a measure of the observer's confidence in those outcomes. Essentially, reality in QBism is heavily influenced by the observer's experiences and beliefs. Consequently, this experience is entirely

individual and unique, varying between different observers, see: “<...> different observers using the same wave function will <...> possess different knowledge. <...> Quantum mechanics applies only to my experience <...> A meta-observer, embodying collective experience, is absent” (Pechenkin, 2020: 212).

Similarly to physics, linguistics has come a long way in its understanding and interpretation of hidden or mysterious aspects of reality. Analogously, modern linguistics’ approach to the existence of objective reality mirrors that of quantum physics in many ways. For example, the thesis that each individual language has its own unique worldview (in other words, reality) serves as a consistent basis for the way speakers of the language cognize and perceive their world (Weisgerber, 2009). Further, according to constructivist theory, individual does not merely reflect what they see, namely, they construct the world according to their attitudes of consciousness (Galushko, 2020). Therefore, the meaning is not something inherent in words, since it is a being directly (re)constructed in cognitive processing of communication elements.

It is noteworthy what J. Ortega y Gasset says about the relationship between the physical world and its mental reflection: “But an absolute distance always separates the idea from the thing. The real thing always overflows the concept that is supposed to hold it. An object is more and other than what is implied in the idea of it. The idea remains a bare pattern, a sort of scaffold with which we try to get at reality. Yet a tendency resident in human nature prompts us to assume that reality is what we think of it and thus to confound reality and idea by taking in good faith the latter for the thing itself. Our yearning for reality leads us to an ingenuous idealization of reality. Such is the innate predisposition of man” (Ortega y Gasset, 2019: 37–38). The quote indicates that limiting the interpretation of reality to mental categories of consciousness, as shaped by language, is also consistent with fundamental concepts in psycholinguistics and cognitive linguistics (Dashinimaeva, 2010, 2017, 2025).

Thus, the lack of a consistent reality in a text or communication stems from individual

interpretations of the author and readers, and interlocutors. The issue lies not only in the subjectivity and ambiguity of the reality fragment perceived, but also in how the aspect is reinterpreted by them within their cultural, social, and temporal contexts.

Methodology

The methodological basis of our interdisciplinary study is the dual nature of interpretation, which we understand as the manifestation of two contradictory and irreconcilable aspects in the translation process: the author’s audience (AA) and the translator’s audience (TA), meaning that the translator/interpreter represents the addressees.

In physics, dualism refers to a situation where the same phenomenon exhibits two contradictory properties that do not manifest simultaneously. Light, which exhibits the phenomenon of wave-particle duality, is one such example.

Thus, drawing an analogy between the process of (pre)translation and light radiation, we believe that interpretation can also manifest:

1) wave properties, characterized by their non-localized nature in space, are subject to continuous change and are susceptible to interference (Martinson); in translation context, interference arises when the expectations of speakers from the source culture (SC) and target culture (TC) collide, overlap, or superimpose, where the author’s discourse acting as a “bridge” between the opposite cultures is most coherent with the SC audience;

2) particle properties, which are in equilibrium and localized around a particular point in space, exhibit stable interpretive values. Consequently, these properties are not the primary focus of our current research.

The first mode suggests that, similarly to the laws of quantum physics, the conceptual language of translation involves the collapse of a wave-like function, leading to quantum interference that results in detecting “a particle” in different locations. Consequently, interpreter-observer may encounter diverse and sometimes even contradictory interpretations of the translated text.

The Structure of the Translation Metamodel

While constructing the interdisciplinary metatheory, we adhere to the principles outlined in ‘Interdisciplinary Metatheory as a Form of Modeling Translation Semiosis’ (Dashinimaeva, 2025). The work introduces a natural science-oriented perspective on the nature of translation mediation, emphasizing its epistemological aspects, thereby guiding students towards a deeper understanding of the subject. The work further illustrates a logical pattern, in which fundamental knowledge from one scientific discipline can influence and shape patterns in another through a chain reaction-like process. The structure of the metatheory is created by a list of synthesized concepts: a nuclear translation theory, donor theory(–ies) and accompanying supra-theory(–ies).

Since translation itself is a process focused on the target audience, K. Nord’s functional theory (Nord, 2005a, 2005b, 2011, 2016) is accepted as the nuclear conception. The interpretation process itself is scaled within a donor theory – the concept of wave-particle duality (Volkov, 2017; Putenikhin, 2009).

The three concepts to follow, distinguished by stage, are taken as supra-theories:

1) psycholinguistic approach towards semiosis perception mechanism (Dashinimaeva, 2017);

2) of hermeneutics interpretation by H.-G. Gadamer (Gadamer, 1988);

3) discursive concept of transition to the production of target discourse (TD) (Karpov, 2012).

The Logic of Translation Stages

Before constructing a text, the authors formulate a certain idea or content to be displayed both verbally and non-verbally. We will call this ideal substance a message. It is formed in the author’s mental space, and its maturation is conditioned by psychoneurophysiological – atomic – laws of semiosis, among which the inevitable “filtering” of thought via cognitive structures should be particularly noted (Dashinimaeva, 2017). Thus, preverbal thinking within the framework of psycholinguistics allows us to refer to the ideas of quantum physics

as the principle of complementarity. Since messages are implemented not only through language but also nonverbal means, the further analysis of the source text (ST) takes also into account the salience of non-verbal communication codes, including the ideas of E. Hall (Edward T. Hall, 2017), G. Kreidlin (Kreidlin, 2004).

The translator’s task at this stage is to attempt to identify the author’s message by correlating the structure and internal logic of the original, as a result the process of interiorization transforms ST into the source discourse (SD). The external sequence of graphemes or sounds gradually appears in the mind of the interpreter-observer as a polymeric dynamic picture: the beginning of acquaintance with the text “leads to the activation of certain features of the language and, ultimately, to a special grammar and special rules of vocabulary,” and, “in turn, creates a special “mental world” (Stepanov, 1995: 37–38), “holistic constructions of speech (external and internal) and text messages in a certain contextual correlation,” so that the discourse can be called “actant psyche” (Karpov, 2012: 141). The intrasemiotic transformation stage is a significant component of our methodology.

According to the functional theory, the author “creates” a message, which is then externalized with a focus on the audience with whom the author shares cultural, spatial-temporal, geopolitical and other characteristics: a text fulfills the communicative function “in its concrete situation of production/reception. It is derived from the specific configuration of extratextual factors (sender’s role, intention, receiver’s expectation, medium, place, time, and motive)” (Nord, 2005a: 77). But “behaviour conventions make behaviour predictable, and a target text that does not conform to target-culture norms and conventions will be more difficult to process for the target audience” (Nord, 2011: 12). That is why translator works along a different trajectory on a multitude of cognitive categories with the aim of facilitating the recipient’s perception of the ST as utmost clear. To achieve the aim textual references to images and concepts that form the author’s internal worldview are identified,

and only then the communicative intention is (re)interpreted in a relevant way. At the same time, those SD nuances cannot be understood in an absolute sense, since values, conventions, or social practices will definitely vary in different degrees and forms not only across mediated cultures, but within generations and social groups inside the culture. So, the situation of a priori language-and-culture asymmetry in translation contact causes the impossibility of comprehensive understanding the author's implications being on the opposite side.

In this regard, we use the idea of dual interpretation. In translation, this refers to a dual focus on both AA and TA, which means a co-awareness of the both factors to ensure a further high-quality translation.

How should we provide evidence to explain the arrival at a unique interpretation of ST by an individual? It is quite relevant to address A. Karpov's term "psychic representamen," based on basic ideas of Ch. Peirce and C. Morris and named the "discourse – actant psyche" model: "being the object of interpretation, discursive substance is perceived through its psychic representation (sign); the latter is constructed in the individual psyche within the intrasubjective context. The extended code is thus individualized" (Karpov, 2012: 148). In other words, it is in the space of the individual psyche that words and accompanying non-verbal elements acquire a polymeric sign nature, consistently reducing to "almost nothing" the identity and proximity of the others' worlds.

Here we draw an analogy between the process of light transmission from physics, and translation itself. In the absence of measurement (observation), light behaves like a wave, i.e., it passes through both slits simultaneously, colliding with its peaks and ultimately forming an interference pattern, likewise, the author's message, in the absence of a translator, does not adapt to TA, and, passing through the "both slits simultaneously," "collides" with subtleties that are contradictory for the AA, but quite understandable to the TA representatives. Noteworthy, the result of AI programs is equivalent to cases *where there is no* interpreter-observer.

Thus, such a dissonance of a large set of collisions of "wave peaks" leads to its own "in-

terference pattern," and translation options will have the following characteristics of contradictions:

- internal contradiction between the components of the target text (TT);
- an unclear literal-linguistic translation of the message in terms of genre, social etiquette and subject matter in language-2, which contradicts the cultural and other characteristics of the SC;
- contradiction between the features of worldview-1 that are authentic to AA, and the conceptual attitudes and (pre)conceptions of the TA;
- interlingual asynchrony and intercultural contradictions in general.

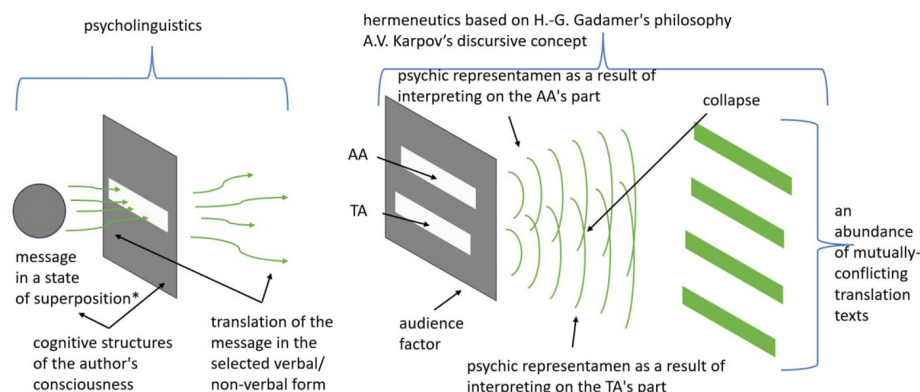
Finally, we present the metamodel Quantum Text Interpretation (QTI) in the form of diagrams, considering a case with and without the participation of a systemically thinking translator (Fig. 1 and 2).

As in the case of a photon, where a flow, with the appearance of an observer, "chooses" and passes only through one slit (not simultaneously through the both), and ultimately forms two stripes instead of a pattern, likewise DO advanced translators: they influence the "behaviour" of the message, identifying and "distinguishing" interpretations, thereby they finally prevent their confrontation. Thus, we postulate the fundamental importance of the presence of an interpreter-observer who, in the process of building a dialogue between the two cultures, is guided by a complementary approach, i.e., the presence of an interpreter-observer who consciously scales their cognitive activity and therefore has the right to call themselves a quantum-thinking intellectual.

The situation radically changes when there appears an observer.

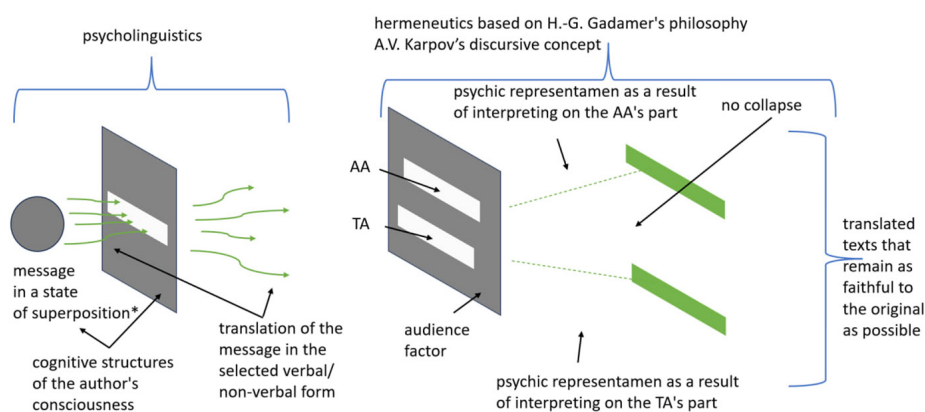
Experimental Translation Tactics Using the QTI Metamodel

As material for applying the QTI metamodel, we consider an excerpt from the press conference meeting between the current US President Donald Trump, US Vice President Jay Vance, and the Ukrainian President Volodymyr Zelenskyy (<https://www.theguardian.com/us-news/2025/feb/28/trump-zelenskyy>).

*superposition: the ability to exist in multiple states concurrently

Fig. 1. QTI metamodel without an interpreter-observer

*superposition: the ability to exist in multiple states concurrently

Fig. 2. QTI metamodel WITH an interpreter-observer

meeting-transcript). It should be noted that the negotiations had been primarily aimed at reaching an agreement on the sale of minerals extracted in Ukraine, but it ultimately turned into a tense skirmish centered on the topic of military conflict.

Zelenskyy: "I am telling you. You will feel influenced."

Trump: "You're, right now, not in a very good position. You've allowed yourself to be in a very bad position –"

Zelenskyy: "From the very beginning of the war –"

Trump: "You're not in a good position. You don't have the cards, right now. With us, you start having cards."

Zelenskyy: "I'm not playing cards. I'm very serious, Mr. President. I'm very serious."

As can be seen, the misunderstanding reaches its peak at the moment when the metaphor "to have cards" is introduced. To explain it, we formulate variants of interpretation of the cognitive mechanisms that might have been actualized during the communicative act and present them as the metamodel comments (Fig. 3):

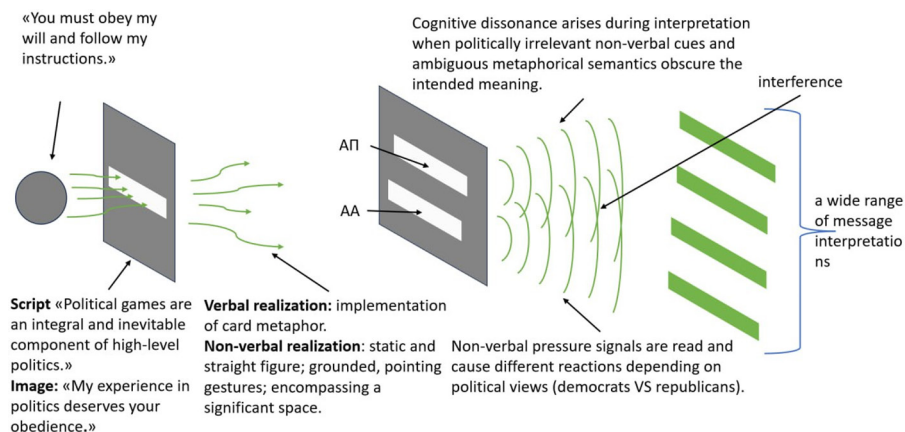

Fig. 3. Dialogue between Donald Trump and Volodymyr Zelenskyy (without an interpreter)

V. Zelenskyy's mental representations, which led to an irrelevant¹ interpretation of Trump's discourse, can be summarized as follows: "Games, including card games, belong to the realm of light-heartedness, mischief and little responsibility," therefore, "resorting to the concept of games is frivolous and therefore completely inappropriate in politics, when the fates of hundreds of thousands of lives are at stake, which means that the interlocutor does not understand the seriousness of the situation." This "might-have-thought" hypothesis agrees with Nord's idea: "Contrastive text competence is the ability to analyze the culture specific features of textual and other communicative conventions in two cultures. What is needed here, is a number of general parameters that may have different forms in the source and the target culture, for example: textual macro-strategies or types of argument, i.e. how the material is organized rhetorically..." (Nord, 2005b: 33)

However, Trump's message exploits game theory not to belittle the situation or to diminish the interlocutor's merits, but as a metaphor traditionally describing the game as an integral and extremely important part of the socio-political life of modern society as a whole and military conflict cases in American politics in particular (see Lakoff, 1991).

¹ This case may serve as a telling example which illustrates the need for intercultural communicators to identify the phraseological worldview of the other culture, especially when discussing politically salient situations.

On the other hand, Donald Trump's main communicative goal, pursued throughout the press conference, can be summarized as "You must obey my will." An experienced manager who resolutely and aggressively pursues his goals, an agitator with an inflated self-esteem (Aibazova, 2019), plays political games that are familiar to his compatriots with their "heated" election races and highly rated series such as *Game of Thrones*, *House of Cards*, etc. This is also evidenced by the existence of the word "politainment," which combines the words "politics" and "entertainment" to denote a political communication (Riegert, 2016).

The message of subordination is conveyed particularly clearly through nonverbal communication: he has a static figure with a stable vertical line, broad, complete gestures, and he allows himself to touch his interlocutor, that is, to "invade" his opponent's personal space, sometimes in a rather rude manner, poking the opponent in the shoulder and pushing him, and he harshly suppresses any attempts to respond (Dementiev at: https://www.youtube.com/watch?v=vpAN_7gZ4qVg (accessed 10 April 2025)). Thus, Trump contributes equally to his message not only through verbal communication tactics, but also through the body language, which puts his partner in a psychologically vulnerable position.

It is logical that in the absence of an interpreter, the weight of the metaphorical argument "playing cards" was not accessible to the

Ukrainian side due to the lack of a worldview in the given key, resulting in a misunderstanding (the phenomenon named as “wave peaks collision”) and a wrong turn with a further increase in tension. As for D. Trump’s message, it is relevantly accepted by the AA², as it is supported by arguments that are authentic to the American recipient, but in SD (for a potential Ukrainian listener) it takes on a different, negative, meaning.

Thus, QTI was aimed at explaining the following key components of interpretation:

1. Studying the psychotypical portrait of the author for the purpose of predicting their discourse production rhetoric. Above is a fragment of the portrait of the American president.

2. Analysis of his communication tactics and methods of conveying his message. We’ve examined Donald Trump’s verbal and non-verbal communication codes during a specific press conference.

3. Quantum pre-translation interpretation of the text:

- considering the cultural, social and geopolitical factors of the SD (presented as the intrasubjective context of the AA);

- taking into account the cultural, social and geopolitical factors of the TA, when creating the TD (a number of relevant comments are presented).

Finally, we need to implement the results of the QTI in an experimental complementary translation³, for which we perform an important (for this case) pre-translation operation – thinking through the tactics of “returning to the genre”:

- we familiarize ourselves with the basic characteristics of the genre “political press conference”;

- we study M. Baker’s theory of re-narration (Baker, 2006) and A. Chesterman’s theory (Chesterman, 2007) on argumentation and deliberate elevation/lowering of the style/modality of the text in translation;

- in order to synchronize (to a certain extent) the communicative event under discussion with the genre requirements for a political press conference, we sort through stylistic transformations to demetaphorize the conceptual metaphor *have (the) cards*.

Thus, an attempt to reduce the tension of the press conference atmosphere by raising the style leads to a version of intralanguage translation of the passage:

You are not in a favourable position. You do not have sufficient resources to issue ultimatums. However, by cooperating with us, you will be provided with them.

As a result, the QTI with comments on this experimental translation option looks as follows (Fig. 4).

Conclusion. We have presented the meta-model “Quantum Text Interpretation” developed within the framework of the complementary approach. Its application confirmed our hypothesis that a professional translator, in analogy with an observer in a quantum experiment, is a key factor in influencing the events under study.

The advantages of our proposed model include the following:

1. From the point of view of scientific research focus, the analogy between perceptual thinking and quantum thinking is justified by the fact that the both are aimed at revealing the atomic phenomena of the microcosm – physical and cognitive-semiotic ones.

2. The model provides an opportunity to study the translation process from the perspective of a holistic – systemic-critical – examination of a text production and its perception, and the selection of a re-narrating translation option, which represents not only a mediation between languages and cultures, but also an intralingual translation of an interlocutor’s register by other participants speaking the same language.

3. The applied novelty of the model lies in the implementation of the principle of complementarity as one of the requirements for mod-

² Of course, the American audience’s successful understanding of their president’s metaphorical message does not necessarily mean that they support his position.

³ This translation is not a traditional transfer of text into another language and culture, but rather a kind of systemic-critical intellectual activity aimed at preserving the meaning of the ST and the author’s message, in which the translator’s stylistic, ecologically-oriented transformations not only ensure the ethics of re-narration, but also make it possible to avoid irrelevant communicative effects. In our case, the complementarity of translation exercise also consists in the practical illustration of the meta-theory “QTI”.

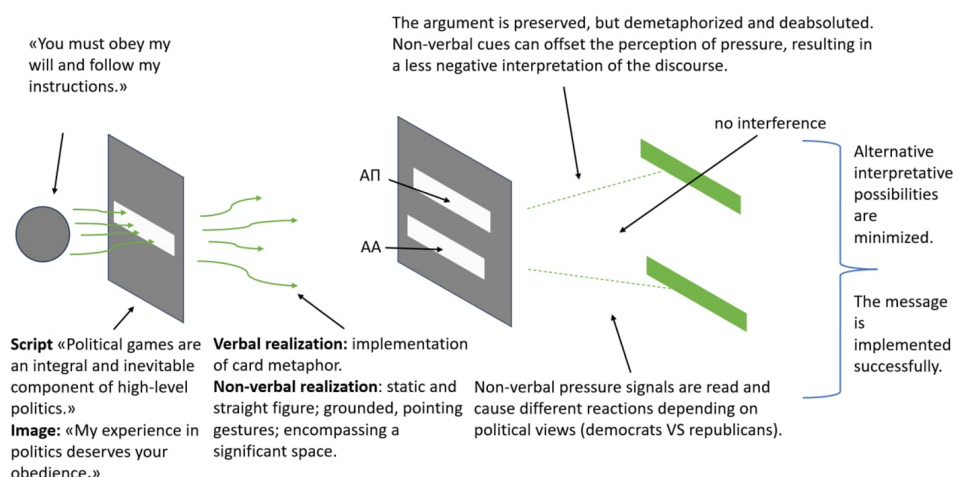

Fig. 4. QTI metamodel: illustration of the experimental translation variant

ern scientific research. As a result of the model application, a researcher can reasonably and holistically – from the point of view of a set of theories – present the logic of connecting the stages and be able to identify the reasons that lead to an irrelevant translation.

4. The above three arguments imply the possibility of formulating the prescriptive aspect of translation modelling based on interdisciplinary synthesis, followed by a description of the taxonomy of methods for forming and enhancing translation competences.

References

- Aibazova M. M. Politiko-psihologicheskii profil' Donal'da Trampa [Political and Psychological Identity of Donald Trump]. In: *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov [Herald of the Peoples' Friendship University of Russia]*, 2019, 3(19), 463–471.
- Baker M. *Translation and Conflict: A Narrative Account*. London, New York: Routledge Publ., 2006. 201.
- Chesterman, A. The Unbearable Lightness of English Words. In: *Text, processes, and corpora*, 2007, 231–241.
- Dashinimaeva P. P. Interdisciplinarnaja metateoriya kak forma modelirovaniya perevodcheskogo semiozisa [Interdisciplinary Metatheory as a Form of Modeling Translational Semiosis]. In: *Perevod, perevodovedenie i didaktika perevoda. Vostok i Severo-Vostok Rossii [Translation, Translation Studies and Translation Didactics. East and North-East of Russia]*, 2025, 41–82.
- Dashinimaeva P. P. *Teoriia znachimosti kak osnova psihoneirolingvisticheskoi kontseptsii neperevodimosti [Theory of Salience as the Basis of the Psychoneurolinguistic Concept of Untranslability]*. Irkutsk, Irkutsk State University, 2010. 379.
- Dashinimaeva P. P. *Teoriya perevoda. Psiholingvisticheskij podhod: uchebnik [Translation Theory. Psycholinguistic Approach: Textbook]*. Ulan-Ude, Buryat State University, 2017. 360.
- Dementiev D. Trump and Zelensky. Parsing non-verbal and speech strategies in negotiations. 2025. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=vpAN7gZ4qVg> (accessed 10 April 2025).
- Gadamer H.-G. *Istina i metod: Osnovy filos. Gernenevtiki [Truth and Method: Fundamentals of Philosophical Hermeneutics]*. M., Progress, 1988. 704.
- Galushko T. G. K voprosu o konstruktivizme v lingvistike [On the Question of Constructivism in Linguistics]. In: *Gertsenovskie chteniia. Inostrannye iazyki [Herzen Readings. Foreign Languages]*, 2020, 379–382.

- Hall E. T. *Bezmolvnyj jazyk [Silent Language]*. M., URSS: LENAND, 2017. 208.
- Karpov A. O. Epistemologicheskaia taksonomiia diskursivnykh innovatsii. [Epistemological Taxonomy of Discursive Novelties] In: *Voprosy kognitivnoi lingvistiki [Questions of Cognitive Linguistics]*, 2012, 2(031), 141–150.
- Kreidlin G. E. *Neverbal'naia semiotika: iazyk tela i estestvennyj iazyk [Nonverbal Semiotics: Body and Conversational Language]*. M., Novoe literaturnoe obozrenie, 2004. 582.
- Lakoff G. Metaphor and War. The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf. 1991. Available at: <https://www.ari-everhagen.nl/files/George-Lakoff-1991-Metaphor-and-War>.
- Latypova Iu. A., Vorob'eva O. V., Absaliyeva L. F. Interpretatsiia kontsepta skvoz' prizmu kvantovoi teorii [Concept Interpretation Through the Prism of Quantum Theory]. In: *Filologiya: nauchnye issledovaniia [Philology: Scientific Research]*, 2023, 12, 80–87.
- Martinson L. K., Smirnov E. V. Quantum Physics. Available at: <http://fn.bmstu.ru/data-physics/library/physbook/tom5/front.html> (accessed 27 February 2025).
- Nord C. From the “Protective Workshop” to Professional Reality: Grading the Difficulty of Translation Tasks. In: *T&I Review*, 2011, 9–33.
- Nord C. Function + Loyalty: Theology Meets Skopos, In: *Open Theology*, 2016, 566–580. DOI: 10.1515/oph-2016-0045.
- Nord C. *Text Analysis in Translation: Theory, Method, and Didactic Application of a Model for Translation-Oriented Text Analysis*. 2nd edition. 2005a. 274.
- Nord C. Training Functional Translators. In: *Training for the New Millennium: Pedagogies for translation and interpreting* / ed. by Martha Tennent. Benjamins Translation Library, 2005b, 27–46.
- Ortega y Gasset, J. The Dehumanization of Art / transl. from Spanish by Helene Weyl. In: *The Dehumanization of Art and Other Essays on Art, Culture, and Literature*, 2019, 3–54.
- Pechenkin A. A. Kvantovyi baiesinizm (qbism): analiticheskii obzor [Quantum Bayesianism (qbism): an Analytical Review]. In: *Epistemology & Philosophy of Science*, 2020, 4, 199–214.
- Putenikhin P. V. The Main Mystery of Quantum Physics. Scientific electronic archive. 2009. Available at: <http://econf.rae.ru/article/6357> (accessed 18 May 2025).
- Rieght C., Collins S. Politainment. In: *The International Encyclopedia of Political Communication*, 2016, 1–11.
- Stepanov Iu. S. Al'ternativnyi mir, diskurs, fakt i printsip prichinnosti [Alternative World, Discourse, Fact and Causation Principle]. In: *Iazyk i nauka kontsa XX veka [Language and Science of the Late 20th Century]*, 1995, 35–37.
- Verhozin A. N. Interpretatsiia kvantovoj mehaniki [Interpretation of Quantum Mechanics]. In: *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta [Herald of Pskov State University]*, 2013, 2, 231–245.
- Volkov A. G., Povzner A. A. *Kurs fiziki [Physics Course]*. Yekaterinburg, Ural'skii federal'nyi universitet, 2017. 155.
- Weisgerber J. L. *Rodnoi iazyk i formirovanie duha [Native Language and Spirit Development]*. M., Knizhnyj dom “LIBROKOM”, 2009. 232.

**Anthropology
of the North, Siberia
and the Far East**

**Антропология
Севера, Сибири
и Дальнего Востока**

EDN: YNTPMZ
УДК 338.439.6(571.511)

The Art of Agitation in Chukotka in the Late Soviet Period: “Meetings beyond the 180th Meridian”

Vladimir N. Davydov^{a, b} and Olga M. Shulgina^{a, b}

^a *Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography
St. Petersburg, Russian Federation*

^b *Chukotka Branch of the Northern Federal University
Anadyr, Russian Federation*

Received 16.10.2025, received in revised form 28.12.2025, accepted 31.01.2026

Abstract. This article examines the phenomenon of agitation in Chukotka during the late Soviet period using a specific event as an example. Using a microhistorical approach, the authors attempt to reconstruct the context of the agitation trip that took place in the summer of 1985 on the steamship “Captain Sotnikov”. A key objective of the agitation and propaganda campaigns conducted in Chukotka was communication with dwellers of remote settlements. These included meetings between cultural workers from the regional center and local administration representatives, as well as agitation events organized for local people. In 1985, the agitation team successfully implemented a series of traveling photo exhibitions, which were displayed in the field. The organizers displayed photographs in familiar settings for local inhabitants, creating a temporary exhibition space that facilitated communication. The use of “landscape” for display created an important strategy for blurring the boundaries between the photographers and their audience. Organizing agitation trips in Chukotka was crucial for monitoring Soviet construction on the ground, planning across all spheres of Soviet society, and identifying problems that arose locally and required specific solutions from administration officials. The Chukotka agitation trip was an extremely dynamic event, allowing for a short tour of selected settlements and the collection of information on ongoing events. This was essential for compiling the adequate picture of situation on the ground, summarizing the collected materials, analyzing them, and identifying solutions to the actual problems and improving various aspects of life in the settlements and working collectives visited by the propaganda teams.

Keywords: Soviet agitation, agitation race, Arctic, Chukotka, communication, flying photo exhibition.

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes; Ethnography.

The article supported by a grant from the Russian Science Foundation (project No. 23–18–00637) “Changing Materiality of the Arctic and Siberia: Technology, Innovation, and Infrastructure” (PI–V.N. Davydov). Source of funding: MAE RAS. <https://rscf.ru/project/23–18–00637/>

Citation: Davydov V.N., Shulgina O.M. The Art of Agitation in Chukotka in the Late Soviet Period: "Meetings beyond the 180th Meridian". In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2026, 19(2), 410–423. EDN: YNTPMZ

Искусство агитации на Чукотке в поздний советский период: «Встречи за 180-м меридианом»

В.Н. Давыдов^{а, б}, О.М. Шульгина^{а, б}

^а Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Российская Федерация, Санкт-Петербург

^б Чукотский филиал СВФУ
Российская Федерация, Анадырь

Аннотация. В статье на примере конкретного события рассматривается феномен агитации на Чукотке в поздний советский период. Используя микроисторический подход, авторы попытались реконструировать контекст агитрейса, который был осуществлен летом 1985 г. на теплоходе «Капитан Сотников». Важнейшая задача реализованных на Чукотке агитационно-пропагандистских компаний – коммуникация с жителями отдаленных сел. В их рамках проходили встречи работников сферы культуры из окружного центра и представителей местной администрации, а также агитационные мероприятия, организованные для местных жителей. В 1985 г. агитбригадой была успешно реализована серия летучих фотовыставок, которые экспонировались в полевых условиях. Демонстрация фотографий происходила в привычных для местных жителей условиях, создавая временное экспозиционное пространство, позволяющее лучше наладить коммуникацию. Использование «ландшафтных» возможностей для экспонирования создавало важную стратегию размывания границы между авторами фотографий и аудиторией. Организация агитрейсов на Чукотке была крайне важна для осуществления мониторинга советского строительства на местах, планирования во всех сферах жизни советского общества, а также для выявления проблем, которые возникали на местах и требовали принятия определенных решений со стороны представителей администрации. Чукотский агитрейс являлся крайне динамичным событием, позволил за краткий срок осуществить поездку по удаленным населенным пунктам и собрать информацию о происходящих там событиях. Все это было необходимо для составления максимально объективной картины ситуации на местах, обобщения собранных материалов, их последующего анализа и поиска путей решения выявленных проблем, улучшения различных сторон жизни в посещенных агитбригадой населенных пунктах и трудовых коллективах.

Ключевые слова: советская агитация, агитрейс, Арктика, Чукотка, коммуникация, летучая фотовыставка.

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы; 5.6.4. Этнология, антропология и этнография.

Статья написана за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23–18–00637) «Меняющаяся материальность Арктики и Сибири: технологии, инновации, инфраструктура» (рук. В. Н. Давыдов). Источник финансирования МАЭ РАН. <https://rscf.ru/project/23–18–00637/>

Цитирование: Давыдов В. Н., Шульгина О. М. Искусство агитации на Чукотке в поздний советский период: «Встречи за 180-м меридианом». *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2026, 19(2), 410–423. EDN: YNTPMZ

Введение

Феномен советской агитации

Агитационная кампания – это особая форма коммуникации, взаимодействия с населением, носившая интерактивный характер. Одним из важнейших компонентов агитационно-пропагандистской деятельности была наглядность. На Чукотке важную роль в практиках агитации играли институты культбаз, местные особенности проявлялась в том, что для работы с кочевым населением создавались красные яранги (Terletskii, 1935; АМАЭ РАН Ф. К-V. Оп. 1. Д. 531). В поздний советский период красные яранги были заменены на агиткультибригады (АКБ), которые привозили тундровикам газеты, журналы, показывали кинофильмы, а также «кочевые журналы» с картинками о последних событиях в мире и стране, наклеенными работниками культуры и просвещения (Bobrov, 2019: 57).

Так, наглядная агитация, представлявшая особый вид изобразительного творчества, опиравшаяся на принципы убеждать наглядно, конкретно, глубоко и, безусловно, по-партийному, прочно вошла в инструментарий пропагандистов уже к началу 1980-х гг. Вместе с тем еще во времена X пятилетки, т.е. с середины 1970-х гг. участники АКБ оформляли для оленеводов альбомы малого формата методом аппликации из газетного, журнального и плакатного материалов, тем самым положив начало развитию содержательного и художественного исполнения выставляемых работ (Идеологической работе – конкретность, 1981).

Нельзя не упомянуть и о значении устной агитации в таких формах массово-политической работы, как беседы, лекции, обзоры – т.е. в тех случаях, где деятельность пропагандистов основывалась на жи-

вом общении с людьми, но наибольшего эффекта они достигали именно в сочетании с наглядными средствами. Важен тот факт, что в выполнении отдельных элементов наглядности широко привлекались фотографии. Кроме того, агиткультибригады активно выпускали слайд-фильмы и диафильмы на местном материале, что делало лекции и беседы с населением более убедительными и злободневными. Основная заслуга фотографических средств агитации заключалась и том, что люди имели возможность заочного «знакомства». Таким образом могли познакомиться соревнующиеся бригады разных хозяйств, шефы и подшефные и т.д. Соответственно, нередко во время агитационных кампаний делались летучие фотовыставки, показывали фильмы и разыгрывали театрализованные сценки.

Агитационные кампании на Чукотке предполагали выезд агитационных бригад на места. Регион всегда отличала сложная транспортная схема. Для перемещения использовались авиация (самолеты, вертолеты), флот, вездеходы, а сами агитационные кампании особым образом объединяли мобильное и стационарное (Shulgina, Davydov, 2024).

Методология исследования

Для анализа практики агитации на Чукотке мы использовали в своем исследовании **микроисторический подход**, предполагающий рассмотрение событий и явлений действительности с автобиографических позиций, нацеленный скорее не на количественные, а качественные изменения (Ginzburg, 1993). Нами была рассмотрена конкретная агитационная кампания. По воспоминаниям участников рейса, архивным документам, фотографиям

Рис. 1. АКБ в конергинской тундре, 1984. Фото Н.Н. Боброва

Fig. 1. Agitation and cultural team in the Konerginskaya tundra, 1984. Photo by N.N. Bobrov

Н. Н. Боброва, публикациям в газетах был восстановлен агитрейс 1985 г. на теплоходе «Капитан Сотников». В журнале «Сибирские исторические исследования» была опубликована статья, где подробно рассмотрен маршрут (Shulgina, Davydov 2024). Важной исследовательской задачей было рассмотрение динамики материальности – изменения, которые произошли за 40 лет на Чукотке. Мы дважды повторили часть маршрута на том же самом теплоходе – бессменном «Капитане Сотникове», который эксплуатируется на Чукотке с 1979 г. В 2025 г. исследование включило работу с материалами АМАЭ РАН (г. Санкт-Петербург), местными («Советская Чукотка») и центральными («Известия», «Правда» и др.) газетами.

В Анадыре в Музейном центре «Наследие Чукотки» по результатам исследований в 2024 г. была организована фотовыставка, посвященная памяти Николая Боброва. Авторы статьи прочитали серию лекций (г. Анадырь, с. Уэлен), общались с аудиторией – местными жителями и непосредственными участниками агитационных компаний.

Участники и маршрут агитрейса

Агитационный рейс 1985 г. на теплоходе «Капитан Сотников» был организо-

ван окружным комитетом КПСС и посвящен предстоящему XXVII съезду КПСС. Маршрут агитационно-пропагандистского рейса проходил по девяти прибрежным национальным селам. В целом агиткультурбригадой было пройдено более 1100 миль по трем районам Восточной Чукотки: Иультинскому, Провиденскому и Чукотскому.

Отметим, что подобные рейсы не были уникальным явлением – они проводились по всем регионам бывшего СССР, в частности, в 1985 г. подобная агиткампания проходила на Камчатке, планировалось задействовать теплоход «Корчагинец», который судоремонтники взялись отремонтировать на месяц раньше запланированного срока (Колган, 1985).

В чукотском агитрейсе 1985 г., о котором идет речь, участвовали партийные деятели, работники окружного Дома политического просвещения, творческая интеллигенция, корреспонденты местных газет, а также экипаж судна, который состоял из девяти человек: капитана, механика, матросов, мотористов, повара и бортпроводника. Средний возраст коллектива теплохода «Капитан Сотников» был 30 лет, а самым «опытным», как полагается, был капитан Г. И. Булашкин.

Участники агитрейсов нередко совмещали агитаторскую, политпросветительскую и культурную деятельность со сбором краеведческих и этнографических материалов, участвовали в совместных мероприятиях с учеными. Например, на «Капитане Сотникове» вместе с агитаторами до мест «полевой работы» в национальных селах проделала путь Зоя Владимировна Тагри-на. Кроме того, одним из участников совместных концертов с представителями АКБ являлся находившийся в экспедиции известный ученый-этномузыковед Юрий Вячеславович Шейкин.

«Встречи за 180-м меридианом»

Как уже было сказано выше, важнейшая задача агитационно-пропагандистских кампаний – коммуникация с жителями отдаленных сел. Важную роль играли встречи агитаторов и представителей местной администрации, а также агитационные мероприятия, организованные для местных жителей. После того как завершился агитационный маршрут 1985 г., в газете «Советская Чукотка» вышла серия публикаций, которые были объединены в рубрике с символическим названием «Встречи за 180-м меридианом».

Название рубрики отсылало широкий круг читателей к тому, что фактически условная и невидимая глазу линия 180-го меридиана проходит в районе залива Креста, однако для человека, а особенно для мореплавателей, 180-й меридиан всегда определял вполне осязаемый рубеж смены дат: пересек в одну сторону – потерял сутки, вернулся обратно, наоборот, – опередил время на 24 часа.

Для северянина, живущего в Чукотском округе, 180-й меридиан имел и другое значение. Так, «180-й» имел не столько темпоральное значение, сколько всего был лишь географическим понятием, которое разграничивало Центральную и Западную Чукотку, и Восточную ее часть: Иультинский, Провиденский и Чукотский районы. Именно в девять национальных сел перечисленных районов (Конергино, Энмелен, Нунлигран, Новое Чаплино, Янракыннот,

Лорино, Уэлен, Уэлькаль, Провидения) вдоль Восточного побережья Чукотского полуострова лежал путь агитрейса Чукотского окружкома КПСС в 1985 г. (По нашему округу, 1985, № 206–207).

Отметим, что встречи культармейцев, руководителей райкома партии и хозяйственных органов с населением прочно укоренились в практике задолго до агитационного рейса на «Капитане Сотникове» 1985 г. (Встречи с населением, 1985). Нередко подобные встречи, о которых заранее извещали, вывешивая афиши на видном месте, проходили в местных клубах. Главной их целью был отчет перед населением о проделанной работе, обмен мнениями по насущным вопросам, что позволяло руководителям и депутатам лучше понимать нужды и заботы местных жителей. К примеру, за 1984 г. в Чукотском округе было проведено более 12 тысяч клубных мероприятий, которые отличались разнообразием форм и жанров (Учреждения культуры, 1985). Особенно прочно в практику учреждений культуры вошли тематические мероприятия, где главными героями являлись люди труда, а чествование передовиков производства стало доброй традицией и действенным моральным стимулом в социалистическом соревновании.

Встречи проходили не только в клубах, но и прямо на берегу и борту теплохода «Капитан Сотников» и позволяли не просто обмениваться информацией. Они знакомили людей, работавших на Чукотке.

Необходимо отметить, что не во всех селах участников агитрейса встречали одинаково. Так, участники агиткультбригады столкнулись с тем, что в Провидения, где для жителей был построен и оборудован великолепный Дворец культуры, один из лучших на Чукотке, в зале на несколько сотен человек их ждало только несколько десятков человек, в основном работников культуры. На встречу не пришли не только рядовые работники, но и начальники, и партийное руководство (По нашему округу, 1985, № 212–213). «Прием» провиденцев участники объясняли тем, что жители райцентра уже успели избаловаться достиже-

ниями цивилизации, а потому предпочли программу по телевидению встрече с агит-культбригадой.

В других, более отдаленных селах дело обстояло совершенно иначе. Например, жители Энмелена и Нунлигран очень ждали агитрейса, который стал традиционным и посещал эти села уже в третий раз, высказывая пожелание, чтобы такие поездки продолжались и впредь (По нашему округу, 1985, № 206–207).

Участники агитрейса использовали самые различные формы идеологического воздействия – от лекций и бесед до устных агитплакатов, развертывания фотоэкспозиций, концертов (По нашему округу, 1985, № 218–219). Причем многие способы подачи материалов изобретались участниками на ходу. Например, летучие фотовыставки организовывались на стенах и фундаментах домов, фотографии размещались на стульях и у сцен в Домах культуры и т.д.

Лекции и беседы

Частью агитационных кампаний была работа с аудиторией. Участники агитрейса читали лекции на актуальные для того времени темы. Они были посвящены рассмотрению политической ситуации в мире, обзору достижений народного хозяйства,

а также были направлены на обсуждение социальных проблем. В 1980-е гг. в селах Чукотки проводились антиалкогольные кампании. В лекциях рассказывали о вреде алкоголя. Подобные выступления сопровождались разыгрываемыми театрализованными сценками, наглядно высмеивающих лиц, чрезмерно употреблявших алкогольные напитки.

Задолго до 1985 г. лекции общественно-политической направленности стали основным «стержнем» и одной из форм коммунистического воспитания (Народные университеты, 1985). Основным методическим источником по тематическому планированию и подготовке лекций для чукотских АКБ стал журнал «Агитатор». Важнейшая составляющая лекционной агитации – непосредственный контакт с аудиторией, возможность задать вопросы, подискутировать. Более свободная форма, предполагавшая обмен информацией с местными жителями, – беседа. Беседа предполагала более свободный разговор, наполненный конкретными примерами и разбором жизненных ситуаций. Участие в подобных мероприятиях требовало от организаторов определенных коммуникационных навыков, умения концентрировать внимание аудитории, держать

Рис. 2. Фотовыставка в ДК с. Нунлигран, 1985. Фото Н. Н. Боброва
Fig. 2. Photo exhibition at the Nunlingran community center, 1985. Photo by N. N. Bobrov

зрительный контакт, воспринимать реакцию слушателей.

Лозунги и слоганы

Важной составляющей агитации были **лозунги**. Их отличала лаконичность и четкость формулировок. Многие лозунги, которые встречали участники агитрейса и запечатленные на фотографиях и в опубликованных воспоминаниях участников – дублировали заголовки местных и центральных газет. Например, в с. Новое Чаплино участников агитрейса встретил лозунг «XXVII съезду КПСС – достойную встречу» (Riga, 1986: 136–137).

Лозунги и другая торжественная атрибутика сопровождали также места проведения агитационных мероприятий, а также украшали теплоход. На рубке «Капитана Сотникова» было закреплено красное полотнище с надписью: «Агитрейс окружка КПСС, посвященный XXVII съезду КПСС» (Riga, 1986: 129).

Очерк участника агитрейса журналиста И.Г. Риги, опубликованный в магаданском литературно-художественном альманахе «На Севере Дальнем» в 1986 г., предварял агитационный слоган – «Энергию планов и замыслов – в энергию дел» (Riga, 1986).

Одна из задач, которая стояла перед агитаторами в середине 1980-х гг., – борьба с чрезмерным употреблением алкоголя в национальных селах, которая рассматривалась как задача большой политической важности. Подобные задачи были отражены в серии публикаций в местных газетах. Неоднократно, как один из методов по преодолению пьянства, в постановлениях ЦК КПСС отмечали необходимость улучшать организацию досуга трудящихся и молодежи, что обеспечивало бы их разумное использование свободного времени. Было рекомендовано приобщать население к занятиям спортом, поощрялось развитие коллективного садоводства и огородничества (О мерах..., 1985).

Неслучайно особым пунктом в работе агиткультурбригады с теплохода «Капитан Сотников» была борьба с алкоголизмом. Интересная концертная программа была подготовлена работниками окружного Дома культпросветработы. В ее арсенале был агитплакат с надписью «Пьянству – бой!» и инсценировка на эту же тему. Так, участники агитрейса разыгрывали театрализованные сценки на местном материале, высмеивающие лиц, употребляющих спиртное, пытаясь донести главную мысль партии – «Трезвость – норма жизни»

Рис. 3. Концерт АКБ в с. Энмелен, 1985. Фото Н.Н. Боброва

Fig. 3. Agitation and cultural team concert in Enmelen, 1985. Photo by N.N. Bobrov

(Агитационно-пропагандистский..., 1985). Участник агитрейса О. К. Манасбаева играла в этих сценках водку. Именно она участвовала в подготовке реквизита для выступлений агитаторов, а также писала тексты на плакатах: «Агитбригада от Дома Культуры по всем сёлам Чукотки. Я же в ДК работала главным художником» (ПМА 2023–2025).

Летучая фотовыставка как форма агитации

В рамках агитрейса была запланирована и успешно реализована серия летучих фотовыставок, которые экспонировались в полевых условиях. Прежде всего, передвижную выставку «За строкой решений съездов» подготовили сотрудники окружного краеведческого музея, а фотостудия «Чукотка» представила материалы для фотовыставки «Край мой – гордость моя» (Агитационно-пропагандистский..., 1985).

Фотографии выполняют функцию агитации, но действуют они несколько иначе, нежели слова, фразы, текстовые документы и книги (Campbell, 2014: 267). В отличие от классических этнографических фотографий, демонстрируемые фотоработы отражали современные процессы, происходившие на Чукотке, показывали людей разных профессий, выполнявших определенные задачи. В то же время нельзя сказать, что фотохудожники четко следовали сформированному внешними агентами «советскому канону» (Советский канон), скорее они его создавали, часто демонстрируя эмоциональные моменты, отражая художественное видение авторов фоторабот. Н. Н. Бобров старался поймать настроение людей, его интересовала живая картина происходящих событий: «Стыдись, фотографирую эмоции, не вникая в окружающую ситуацию и масштаб происходящей драмы» (Bobrov, 2023: 547). По его словам, он «снимал “что надо, что не надо”, красивое, некрасивое, обыденное и торжественное» (Bobrov, 2019: 57).

Использование «ландшафтных» возможностей для экспонирования создавало важную стратегию размывания границы

между авторами фотографий и аудиторией. Демонстрация фотографий происходила в привычных для местных жителей условиях, создавая временное экспозиционное пространство, позволяющее лучше наладить коммуникацию. Показывались фотографии, сделанные в других населенных пунктах Чукотки, что давало возможность увидеть активную деятельность соседей. Подобные мероприятия объединяли удаленные друг от друга населенные пункты, позволяли осуществлять оперативный обмен информацией.

Отметим, что руководители фотостудий «Чукотка» и «Беренгия» В. В. Сертун и Н. Н. Бобров не только фотографировали, но и проводили занятия с фотолюбителями из национальных сел (Агитационно-пропагандистский..., 1985).

Задачи агитационных мероприятий на Чукотке

Всплеск агитационных кампаний на Чукотке наблюдался в середине 1980-х гг. Это было обусловлено тем, что в 1985 г. праздновалось 80 лет с начала революции 1905–1907 гг., а также 40 лет победы в Великой Отечественной войне. Ввиду этого ЦК КПСС принял ряд постановлений, который предполагал празднования юбилея российской революции как знаменательного события в истории партии и страны. Соответственно, всем партийным и общественным органам и организациям было рекомендовано развернуть активную работу, направленную на воспитание патриотизма, укрепление единства народа, сплочение трудящихся. Не осталась в стороне массово-политическая и идеологическая работа (О 80-летию..., 1985).

С 25 февраля по 6 марта 1986 г. в Москве проходил XXVII съезд Коммунистической партии Советского Союза. На встречу XXVII съезду КПСС организовывались агитрейсы по городам Сибири и Дальнего Востока (Боевые задачи киноискусства, 1985).

Организация подобных рейсов была крайне важна для осуществления мониторинга советского строительства на ме-

стах, планирования во всех сферах жизни советского общества, а также для выявления проблем, которые возникали на местах и требовали принятия определенных решений со стороны администрации. Например, как показали беседы участников агитрейса с главой с. Конергино И. Н. Нанутагиным, несмотря на решение одних проблем: успехи в строительстве нового жилого фонда, реконструкцию теплосетей села, благоустройство участка центральной улицы, появление причала, – вслед за ними открывались другие проблемы, которые требовали особого внимания. Так, было запланировано дальнейшее строительство домов и работы по благоустройству, которые, в свою очередь, требовали большого количества строительных материалов; на очереди стояло расширение котельной и увеличение

Рис. 4. Стройка в с. Нунлингран, 1985.
Фото Н. Н. Боброва

Fig. 4. Construction site in Nunlingran, 1985.
Photo by N. N. Bobrov

мощности электростанции. Все эти планы, по мнению главы села, можно было реализовать лишь при условии устранения главной **проблемы – ведомственных барьеров**. Перед конергинцами стояла острая проблема надежной транспортной доступности с районным центром, пгт. Эгвекинот, так как весь груз прибывал именно на основную базу ССК-3 и эгвекинотский морпорт, а каботажные перевозки «не являлись профилем» морского порта. Следовательно, руководство Эгвекинотского морского порта, не имея из вышестоящих инстанций прямых указаний по этому вопросу, выступало против принятия на себя обязательств по выполнению каботажных работ, апеллируя к тому, что дело портовиков – привезти груз и как можно оперативнее сгрузить его. Ситуацию не спасал даже зимний период – никакой лед не мог выдержать, к примеру, перевозку дизель-генератора весом в 40 тонн, не учитывая вес саней и трактора (По нашему округу, 1985, № 218–219). Безусловно, участники агитрейса приводят частный пример, однако подобные транспортные проблемы были присущи всем селам, в которых побывала агиткультбригада: так или иначе, в каждом селе разговор заходил о слабо развитых связях отделений с центральными усадьбами совхозом, а тех, в свою очередь, с районными центрами. Следовательно, именно неразвитая инфраструктура чаще всего становилась основным тормозом для развития всех сторон жизни прибрежных национальных сел Чукотки.

Еще одна не менее серьезная **проблема некомплексного решения задач**, присущая буквально каждому прибрежному селу Чукотки, вскрылась при встрече агитбригады с руководителями совхозов с. Янракинот (По нашему округу, 1985, № 212–213). Когда речь зашла о техническом оснащении морзверобоев, руководители хозяйств отметили, что, хотя проблему отсутствия рульмоторов и пришедших в негодность вельботов удалось решить, оставалось неясным, как будет решаться вопрос с запасными частями для поставленной импортной техники. Ведь даже при самом бережном от-

ношении моторы иногда выходят из строя, а запчасти для японских моторов просто не найти. Такая ситуация крайне беспокоила морских охотников — дело шло к тому, что на складах движки для вельботов будут числиться в наличии, но по факту на промысел выходить будет не на чем.

Другим примером «половинчатого» решения проблем послужила ситуация с несостоявшимся сооружением в селе 100-тонного холодильника. Власти считали, что раз совхозу был выделен комплект финских сборных складов, вопрос мог быть снят с повестки дня. Но в с. Янракыннот такой комплект так и пролежал на косе, так как где-то по дороге в пункт назначения затерялся контейнер с болтами и другим крепежом, а потому, ввиду нехватки четырех десятков позиций, монтаж не велся и выделенное оборудование приходило в негодность (Там же).

Третья важнейшая проблема, на которую обратили внимание участники агитрейса при посещении сел Восточной Чукотки, — **проблема транспортных связей**. Так, например, отсутствие связи села с районным центром являлось для этого региона не исключением, а скорее правилом, что подчеркивал в беседе с членами агитбригады глава с. Янракыннот (Там же).

Наиболее репрезентативной является ситуация с насыпной автодорогой длиной около 50 км между с. Лаврентия, районным центром, и с. Лорино, которая пролежала через Горячие ключи. Деньги на строительство дороги были успешно освоены, план по вводу в теории выполнен, и, наконец, в 1985 г. магистраль была сдана в эксплуатацию. Имелся лишь один маленький нюанс: ездить по дороге было нельзя, так как насыпь получилась не сплошная, а «пунктиром». Ведь в чукотской тундре множество ручьев и мелких рек, через которые надо сооружать мосты или же пропускать их под насыпью через трубы, а необходимого материала у строителей под рукой не оказалось. Впрочем, согласно документам, план полностью был выполнен, а средства освоены («Самоконтроль» или самообман, 1987).

Практически в каждом хозяйстве, которое посетили участники агитрейса

давала о себе знать еще одна проблема, требовавшая оперативного решения, — **несоответствие технологических схем и оборудования северным требованиям**. Ведь ряд машин и механизмов, которые успешно эксплуатировались «на материке», приносили на Чукотке не прибыль, а убыток. Например, типовые кормокухни в ряде чукотских звероводческих ферм были слишком громоздкими и энергоемкими, так что для их полноценного запуска прежде всего требовалось увеличить мощность местных ДЭС практически в два раза, что было совершенно невозможным. Ряд хозяйств испытывали необходимость в разработке комплексов по безотходной переработке морского зверя. Безусловно, эту проблему невозможно было решить на месте, вместе с тем участники агитрейса, по крайней мере, в очередной раз подчеркнули ее и подняли вопрос необходимости капитальных вложений в местный агропромышленный комплекс, более активной деятельности руководящих кадров, партийных и хозяйственных органов.

Отдельным аспектом выступало **рассмотрение и апробация инфраструктуры** — клубов, выставочных пространств, предприятий. Весьма показательным является посещение агиткультибригадовцами лоринских Горячих ключей — природной парной, на которую советские чиновники обратили внимание еще в конце 1930-х гг. (Горячие источники на Чукотке, 1937). К моменту приезда туда агитбригады на Горячих ключах раскинулся хороший пионерлагерь, плавательный бассейн, гостиница, птицеферма и цепочка теплиц, несмотря на то, что летом овощи там можно было выращивать прямо в открытом грунте (Последняя яранга, 1969). Очевидно, что урожай овощей, выращенных в Горячих ключах, был значительным, так как, например, салат из свежих огурцов, помидоров и зеленого лука можно было заказать в поселковой лаврентьевской столовой (Счет № 70008, 1972). Многие, кому приходилось бывать в этой местности, были впечатлены тем, что даже зимой во время пурги в хрустальных парниках к бледному

северному солнцу тянулись сочные побеги огурцов и помидоров (У белой прибрежной волны..., 1970). Горячие ключи уже давно могли бы стать местом межрайонного профилактория-санатория для оленеводов, морских зверобоев и жителей Восточной Чукотки в целом, но строительство здравницы, обсуждение которой длилось на протяжении полувека, так и не было реализовано.

Кроме того, одной из важнейших задач агитрейса 1985 г. была **мобилизация труженников** чукотских сел **на ударный труд** в честь XXVII съезда КПСС, их **поощрение и стимулирование к выполнению намеченных ранее социальных обязательств** (Агитационно-пропагандистский..., 1985). Особенно участники агитрейса отмечали успехи в с. Нунлигран, где старшекласники, объединенные в отряд «Альтаир», помогали благоустраивать село: они выполнили внутреннюю отделку и наружную покраску нового детсада. Заслуживала внимания и инициатива энмеленцев, которые начали строить здание под телестанцию «Москва» методом народной стройки (По нашему округу, 1985, № 206–207). Кроме того, сильное впечатление произвел на участников АKB коллективный труд жителей с. Уэлен. Глава школы и член сельского исполком

С. М. Раскин рассказал, что многие работы выполнялись жителями села на субботниках безвозмездно, и из года в год дух коллективизма лишь набирает бороты. К примеру, решение исполкома о выходе сельчан на подсобные работы, чтобы помочь строителям сдать школу с хорошим качеством к началу учебного года, нашло единодушную поддержку среди сельчан. Местные энтузиасты также создали оазис на берегу Ледовитого океана – около школы была построена собственная теплица, где мальчики и девочки выращивали огурцы, помидоры, болгарский перец, редис, а также астры и розы (По нашему округу, 1985, № 218–219).

Оптимистичный настрой и дух агитбригады в честь XXVII съезда КПСС отразился и в том, что сами участники рейса и члены экипажа сумели выполнить один из важнейших пунктов своих социалистических обязательств на завершающий год 11-й пятилетки: повысить производительность судна на один процент, на полпроцента сэкономить горючесмазочные материалы и отработать двое суток на сбереженном топливе («В пароходы, строчки...», 1985). Таким образом, за счет сэкономленного топлива экипажу удалось осуществить двухсуточный переход от Нового Чаплино до Лорино через Янракинот.

Рис. 5. В теплицах с. Уэлен, 1985. Фото Н.Н. Боброва
Fig. 5. In the greenhouses of Uelen, 1985. Photo by N. N. Bobrov

Кроме того, выполненные за время пятилетки агитрейсы свидетельствовали о том, что было удачно осуществлено добавление к регулярным рейсам судов-снабженцев в прибрежные села. С экономической точки зрения, по мнению портовиков Провидения и Анадыря, это предприятие было нерентабельным, однако с социальной – выигрыш был колоссальный (По нашему округу, 1985, № 218–219).

Эффективность агитрейса на «Капитане Сотникове», впрочем, как и любого другого идеологического мероприятия, определяется несколькими параметрами: во-первых, географическим масштабом, во-вторых, количественным охватом населения. В случае с «Капитаном Сотниковым» оба критерия были соблюдены: агитбригада поработала в трех районах Чукотского округа, а аудитория в общей сложности составила три тысячи человек, в основном из коренного населения (По нашему округу, 1985, № 218–219).

Скорость и динамизм в условиях удаленности

Чукотский агитрейс являлся чрезвычайно динамичным событием, позволял за краткий срок осуществить поездку по удаленным населенным пунктам и собрать информацию о происходящих там событиях. Все это было необходимо для составления максимально объективной картины действительности на местах, обобщения собранных материалов, их последующего анализа и поиска путей решения выявленных проблем, улучшения различных сторон жизни в посещенных агитбригадой населенных пунктах и трудовых коллективах.

Скорость проявлялась и в том, насколько быстро появлялись в местных газетах результаты и обзоры проведения мероприятий. Буквально через пару месяцев в окружной газете появляется серия публикаций под рубрикой «Встречи за 180-м меридианом». В этих публикациях не только излагалась последовательность выполненных мероприятий, но и лаконично делались обобщения об актуальных для населенных

пунктов Чукотки проблемах. В условиях удаленности подобный динамизм позволял сфокусироваться на существующих проблемах и максимально быстро распространить информацию на территории Чукотки. Это была своего рода обратная связь, позволявшая проинформировать слушателей, участников агитационных мероприятий об основных результатах, увидеть свои достижения и разного рода проблемы в контексте сравнения с данными из других населенных пунктов.

Агитационные кампании и быстрая публикация итогов в местных газетах позволяли выработать общую картину происходящего, выполняя важнейшую коммуникационную функцию. Как лица ответственные за принятие решений, так и жители удаленных сел получали актуальную информацию о строительстве, сельском хозяйстве, промысловой деятельности и в целом о ходе экономических преобразований на Чукотке.

Документы, создаваемые членами агитбригады

Участники агитрейса во время поездки делали фотографии, готовили материалы о событиях для публикации в газетах и журналах. Важнейшим источником являются фотографии Н.Н. Боброва, демонстрирующие повседневность посещенных чукотских сел. Материалы участников поездки отражают процессы, происходившие в сельском хозяйстве, тепличном хозяйстве (с. Уэлен, Горячие ключи – с. Лорино), есть материалы об уэленских косторезах.

Агитрейс позволял собрать информацию на местах и являлся формой рефлексивности, которая осуществлялась в процессе перемещения по Чукотскому полуострову, позволяла производить сравнения. В публикациях его участников, а также газетных статьях, написанных по материалам интервью с ними, отражались текущие изменения, достижения (как было и как стало), а также акцентировалось внимание на том, что необходимо сделать и какие конкретные планы озвучивало местное руководство (Riga, 1986; По нашему округу, 1985, № 218–219, 206–207,

218–219). Он выполнял не только функцию информирования, но и позволял произвести оперативный мониторинг происходивших на Чукотке процессов и изменений (Shulgina, Davydov, 2024: 227). Важную роль в данном процессе играли создаваемые участниками агитрейса фотографии, а также заметки в печатных изданиях.

Заключение

Что пришло на смену?

Сейчас подобные формы взаимодействия с местным населением, которые объединяли бы серию населенных пунктов, отсутствуют. Налажено взаимодействие в спортивной сфере – местные жители принимают участие в различного рода соревнованиях, проводятся масштабные гонки на собачьих упряжках «Надежда», гонки на оленьих упряжках. Пользуется популярностью одно из главных спортивно-культурных событий Чукотки – фестиваль морских охотников «Берингия», самой зрелищной частью которого является регата на кожаных байдарках. Специально для данного мероприятия местные умельцы ремонтируют и изготавливают покрытые кожей байдары. Наконец, объединяет представителей различных населенных пунктов Чу-

котки окружной фольклорный фестиваль «Эргав», собирающий самодеятельных исполнителей Чукотки.

На сегодняшний день тематические мероприятия организуют работники местных клубов, осуществляется выезд в соседние села, но отсутствуют мероприятия, которые бы позволяли проводить работу с местными жителями в тех же масштабах, которых достигали советские агитационные кампании. В данном контексте чрезвычайно важно обратить внимание на апробированные ранее мобильные формы социального взаимодействия, позволявшие консолидировать жителей различных удаленных друг от друга населенных пунктов.

Список сокращений

АКБ – агиткультбригада

АМАЭ РАН – Архив Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук (г. Санкт-Петербург)

ДК – Дом культуры

КПСС – Коммунистическая партия Советского Союза

ПМА – полевые материалы авторов

ЦК КПСС – Центральный Комитет КПСС

Источники

- «В пароходы, строчки...» // Советская Чукотка. 1985. № 170 (12622). С. 4.
- «Самоконтроль» или самообман: почему расходятся оценки приемных комиссий и потребителей // Известия. 1987. № 6. С. 2.
- Агитационно-пропагандистский // Советская Чукотка. 1985. № 187 (12639). С. 1.
- Архив Музея антропологии и этнографии РАН (АМАЭ РАН). Ф. К-V. Оп. 1. Д. 531. Отчет о работе политпросветпункта «Красная Яранга» при Чукотской культбазе.
- Боевые задачи киноискусства // Известия, 28 февраля 1985, № 59 (21136). С. 8.
- Встречи с населением // Советская Чукотка. 1985. № 4 (12456). С. 2.
- Горячие источники на Чукотке // Правда. 1937. № 138 (7104). С. 4.
- Идеологической работе – конкретность, наступательность, действенность // Советская Чукотка. 1981. № 83 (11334). С. 3.
- Колган С. Петропавловск-Камчатский / Твои друзья, фестиваль! // Советский спорт. 11 апреля 1985, № 86 (11405). С.1.
- Народные университеты // Советская Чукотка. 1985. № 176 (12628). С. 2.
- О 80-летию 1905–1907 гг. // Советская Чукотка. 1985. № 5 (12457). С. 1
- О 80-летию 1905–1907 гг. // Советская Чукотка. 1985. № 5 (12457). С. 1.
- О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма // Советская Чукотка. 1985. № 114 (12566). С. 1.

ПМА 2023–2025 – полевые материалы В.Н. Давыдова, О.М. Шульгиной – записи интервью Н.Н. Боброва, В.В. Сертуна, О.К. Манасбаевой, полевые дневники и фотоматериалы экспедиций в Чукотский автономный округ 2023–2025 гг.

По нашему округу. Встречи за 180-м меридианом // Советская Чукотка. 1985. № 218–219 (12670–12671). С. 3

По нашему округу. Встречи за 180-м меридианом // Советская Чукотка. 1985. № 206–207 (12658–12659). С. 3.

По нашему округу. Встречи за 180-м меридианом // Советская Чукотка. 1985. № 218–219 (12670–12671). С. 3.

Последняя яранга // Известия. 1969. № 91 (16069). С. 6.

Советский канон: чукотские фотографии Николая Боброва // Сайт Европейского Университета в Санкт-Петербурге. URL: <http://arch.eu.spb.ru/Bobrov> (дата обращения: 07.10.2023).

Счет № 70008 // Известия. 1972. № 115. С. 3.

У белой прибрежной волны... // Вечерняя Москва. 1970. № 253. С. 3.

Учреждения культуры – XXVII Съезду КПСС // Советская Чукотка. 1985. № 81 (12533). С. 1.

Список литературы / References

Bobrov N.N. *Deshovoe zoloto: Avtofaktografiia [Cheap gold: Autofactography]*. St. Petersburg, 2023. 619.

Bobrov N.N. *Sovetskaia Chukotka. Eto bylo tak. (Fotografiia. Zhizn' na Severe. Kn. 2) [Soviet Chukotka. This is how it was. (Photography. Life in the North. Book 2)]*. Magadan, 2019.

Campbell C. *Agitating images: Photography against history in Indigenous Siberia*. Minneapolis, 2014. 267.

Ginzburg C. Microhistory: Two or three things that I know about it. *Critical Inquiry*, 1993, 20(1): 10–35.

Riga I.G. U dal'nikh beregov Rossii [On the distant shores of Russia]. *Na Severe Dal'nem. Vyp. 1: literaturno-khudozhestvennyi al'manakh [In the Far North. Issue 1: Literary and artistic almanac]*. Magadan, 1986: 129–144.

Shulgina O.M., Davydov V.N. Agitreis na Chukotke: «Energiiu planov i zamyslov – v energiiu del». K 90-letiiu fotografa N.N. Bobrova [Agitreis in Chukotka: “The energy of plans and thoughts – to the energy of deeds”. To the 90th anniversary of photographer N.N. Bobrov]. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia [Siberian Historical Research]*, 2024, 1: 210–228.

Terletskiy P.E. Kul'tbazy Komiteta Severa [Cultural bases of the Committee of the North]. *Sovetskii Sever [Soviet North]*, 1935, 1: 36–47.

EDN: WCOKBD
УДК 902.674:72.03(571.51)

Features of the Development of the Iconic Wooden Architecture of Nizhny Angara Based on the Materials of Dendrochronological Analysis

Valeria V. Dzyuba^a, Maksim A. Glushenko^{a, b},
Zakhar Yu. Zharnikov^{*a} and Vladimir S. Myglan^a

^a Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation

^b The Bratsk City United Museum
of the Angara river Development History
Bratsk, Russian Federation

Received 25.11.2025, received in revised form 28.12.2025, accepted 03.02.2026

Abstract. The article discusses the possibilities of using dendrochronology to determine the date of construction of religious buildings. The object of the study was two unique monuments of wooden architecture located in the Lower Angara basin: churches in the villages of Bedoba and Mozgovaya (the Krasnoyarsk Krai). Currently, both structures are in a state of disrepair, and no information about the time and circumstances of their construction has been preserved. However, their architectural forms allow these objects to be classified as potentially significant monuments of rural religious architecture of the late 19th – early 20th centuries. The study was carried out using an interdisciplinary approach combining methods from the humanities (history) and natural sciences (dendrochronology). The key method is dendrochronological analysis, which has made it possible to determine the time when the timber for the structures under study was harvested: the church in Mozgovaya no earlier than 1904, and the church in Bedoba no earlier than 1889. It has also been established that all volumes (the temple, altar, gallery) of the objects under study were erected at the same time, despite their complex multi-component construction. The result obtained is of fundamental importance for the methodology of studying monuments of religious architecture, as well as for resolving the issue of the evolution of their architectural forms and identifying typological features. The work clearly shows that in the absence of the necessary information about the time of construction in written documentation, the only possible solution to the problem is to use the dendrochronological method in the study of architectural monuments, and the architectural complexity of religious monuments does not always indicate that they were built at different times.

© Siberian Federal University. All rights reserved

* Corresponding author E-mail address: zaxari1@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-0991-9422 (Glushenko); 0000-0001-6505-0824 (Zharnikov); 0000-0002-5268-653X (Myglan)

Keywords: history of Siberia, religious buildings, Orthodox Church, dendrochronology, Bedoba, Mozgovaya.

Research area: Theory and History of Culture, Art.

The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Scientific Foundation № 24–28–01451 “Dendrochronological view on religious Siberian architecture”

Citation: Dzyuba V. V., Glushenko M. A., Zharnikov Z. Yu., Myglan V. S. Features of the Development of the Iconic Wooden Architecture of Nizhny Angara Based on the Materials of Dendrochronological Analysis. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2026, 19(2), 424–436. EDN: WCOKBD

Особенности развития культового деревянного зодчества Нижней Ангары по материалам дендрохронологического анализа

В.В. Дзюба^а, М.А. Глушенко^{а,б},

З.Ю. Жарников^а, В.С. Мыглан^а

^а Сибирский федеральный университет

Российская Федерация, Красноярск

^б Братский городской объединенный музей истории освоения Ангары

Российская Федерация, Братск

Аннотация. В статье рассматриваются возможности применения дендрохронологического метода для решения проблемы установления времени строительства культовых сооружений. Объектом исследования послужили два уникальных памятника деревянного зодчества, расположенных в бассейне Нижней Ангары, – церкви в деревнях Бедоба и Мозговая (Красноярский край). В настоящее время оба сооружения находятся в аварийном состоянии, информации о времени и обстоятельствах их строительства не сохранилось. При этом архитектурные формы позволяют отнести данные объекты к числу потенциально значимых памятников сельской культовой архитектуры кон. XIX – нач. XX вв. Исследование выполнено в рамках междисциплинарного подхода, сочетающего методы гуманитарных (исторических) и естественнонаучных (дендрохронологических) направлений. Ключевым методом выступает дендрохронологический анализ, благодаря которому получено время заготовки строительной древесины исследуемых сооружений – церковь из д. Мозговая не ранее 1904 г., церковь д. Бедоба не ранее 1889 г. Дополнительно установлено, что все объемы (храм, алтарь, галерея) исследуемых объектов были возведены единовременно, несмотря на сложную многосоставную конструкцию. Полученный результат имеет принципиальное значение для методологии изучения памятников культового зодчества, а также решения вопроса эволюции их архитектурных форм и выделения типологических признаков. В работе наглядно показано, что при отсутствии необходимой информации о времени сооружения в письменной документации единственным возможным решением проблемы становится применение дендрохронологического метода в исследовании памятников

архитектуры, а архитектурная многосоставность культовых памятников не всегда говорит о разновременности их возведения.

Ключевые слова: история Сибири, культовые сооружения, православная церковь, дендрохронология, Бедоба, Мозговая.

Научная специальность: 5.10.1. Теория и история культуры, искусства

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24–28–01451 «Культовая архитектура Сибири глазами дендрохронологов».

Цитирование: Дзюба В. В., Глушенко М. А., Жарников З. Ю., Мыглан В. С. Особенности развития культового деревянного зодчества Нижней Ангары по материалам дендрохронологического анализа. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2026, 19(2), 424–436. EDN: WCOKBD

Введение

На территории Сибири сохранилось множество культовых христианских сооружений, являющихся памятниками русской культуры XVII–XX вв., которые на протяжении более чем столетия остаются объектом пристального внимания представителей разных научных направлений (историков, архитекторов, археологов и др.). За годы исследовательских изысканий сформировалась обширная база данных, включающая монографии, статьи и фотоматериалы (Kalinina, 2000; Minert, 1983; Shushkanova, 2019; Bode, 2011; Mainicheva, 2023; Gerasimov, 2016 и др.), в которых рассматриваются философско-культурные аспекты, строительная история, социально-экономические вопросы (о сборе пожертвований, характеристике прихожан и др.), архитектурно-планировочные и стилистические особенности, а также технологии возведения данных объектов. Тем не менее часть ключевых вопросов в рамках существующей исследовательской базы и сохранившихся источников не имеют ответов.

На современном этапе изучения культовой архитектуры Сибири одной из таких исследовательских проблем является построение модели эволюции/развития архитектурных форм, которая во многом вытекает из проблемы отсутствия точных датировок. Особую актуальность проблеме придает факт того, что в составленных списках «объектов культурного наследия» многие архитектурные сооружения

(не только культовые) не имеют точной даты строительства. Более того, некоторые установленные предполагаемые рамки времени возведения объектов охватывают весьма широкие временные периоды (Perechen' OKN, 2023). Таким образом, без точных данных о времени сооружения построек сложно проследить генезис и развитие сибирского культового зодчества, а без понимания процессов формирования архитектурных форм в условиях утраты значительной части исторических источников определение возраста этих памятников становится относительным процессом.

Частично данную проблему решает внедрение в изучение памятников архитектуры естественнонаучных методов, в частности дендрохронологического. Данный метод дает возможность установить даты рубки деревьев, используемых при возведении сооружения, что позволяет определить (уточнить) время строительства объектов, даты перестроек, реконструкций и других событий, которые могли повлиять на строительную историю сооружения. Благодаря ему, на сегодняшний день были датированы такие уникальные памятники, как Илимская церковь Казанской иконы Божией Матери (Myglan et al., 2010), Спасская церковь из Зашиверска (Myglan, Slyusarenko, Mainicheva, 2009), церковь Параскевы Пятницы в д. Барабаново (Zharnikov et al., 2025) и др. Массовая дендрохронологическая датировка памятников архитектуры зна-

чительно способствует развитию аналитической составляющей, благодаря которой можно будет составить хронологическую типологию Сибирского культового зодчества. На данный момент получены материалы и хронологическая информация о 28 сооружениях (в рамках проекта РНФ № 24–28–01451).

Данное исследование посвящено вопросу установления времени сооружения двух церквей с Приангарья, история возведения которых до сих пор вызывала дискуссию (Glukhikh, 2013), и разрешение которой стало возможно только благодаря комплексному историко-дендрохронологическому анализу.

Материалы и методы

Источниковая база исследования включает два вида источников:

– *исторические (письменные)*, которые представлены делопроизводственной документацией православной церкви (кли-

ровые ведомости, статистические и справочные данные) (GATO, F. 170. Op. 1. D. 121; *Kratkoe opisanie prikhodov*, 1916), церковной периодической печатью (Енисейские епархиальные ведомости) (Levitskii, 1890; *Selo Boguchanskoe*, 1890) и ранее опубликованными исследованиями, посвященными данным памятникам: И.В. Калининой, Л.М. Сабуровой, А.В. Дулова, Е.И. Глухих (Saburova, 1967; *Architectural and ethnographic museum*, 1985; Kalinina, 2000; Dulov, Sannikov, 2006; Glukhikh, 2013 и др.).

– *дендрохронологические материалы*, представлены образцами древесины и древесно-кольцевыми хронологиями (далее ДКХ), построенными в южно-таежной зоне Енисейской Сибири. В 2023 г. был произведен отбор проб в виде кернов с сохранившихся деревянных конструкций культовых объектов (в рамках данной работы мы условно обозначаем их как церкви), расположенных в д. Мозговая (Верхняя Кежда) и д. Бедоба Красноярского края (рис. 1).

Рис. 1. Карта-схема расположения датруемых церквей и используемых для датировки ДКХ zai, ENS, KR, BR. Расстояние между точками: zai-bed – 63 км; zai-mzg – 206 км; ENS-bed – 295 км; ENS-mzg – 532 км; KR-bed – 445 км; KR-mzg – 659 км; BR-bed – 386 км; BR-mzg – 294 км

Fig. 1. Map of the location of the dated churches and the DKH zai, ENS, KR, and BR used for dating. The distances between the points are as follows: zai-bed – 63 км; zai-mzg – 206 км; ENS-bed – 295 км; ENS-mzg – 532 км; KR-bed – 445 км; KR-mzg – 659 км; BR-bed – 386 км; BR-mzg – 294 км

С церкви из д. Мозговая отобрано 12 образцов древесины (девять с северной и восточной части сруба галереи и три образца с северной стены алтаря) (табл. 1). К моменту отбора проб объект, перенесенный в г. Козьмодемьянск, значительно утратил свой прежний вид и находился в полуразрушенном состоянии (рис. 2с). В д. Бедобя с церкви было отобрано 11 образцов древесины (семь образцов с южной и восточных стен храмовой части и четыре с южной и восточных стен алтаря) (рис. 2, табл. 2).

Для календарной датировки памятников в районе исследования был заложен пробный участок **zai** по произрастающим деревьям, однако в связи с тем, что было отобрано всего 10 деревьев, протяженность ДКХ составила только 256 лет (1772–2017). По этой причине для верификации датировки были привлечены три ранее построенные ДКХ (рис. 1): «**BR**» протяженностью 520 лет (1505–2024), построенной по произрастающим деревьям и историческим сооружениям Братского р-на Иркутской области (Mygla et al., 2010); «**ENS**» протяженностью 540 лет (1485–2020), в ос-

нову которой легли ДКХ по живым деревьям, произрастающим вокруг г. Енисейска, и образцам древесины с памятников деревянного зодчества (Zharnikov, Mygla, 2017; Zharnikov, Gevel', Mygla, 2017), ДКХ «**KR**» протяженностью 419 лет (1606–2020), в которую вошли ДКХ «**prg**», построенная по произрастающим деревьям в лесном массиве рядом с д. Большой Кемчуг, и ДКХ, построенные по красноярским историческим постройкам (Zharnikov et al., 2025).

В основу *методологии исследования* лег междисциплинарный подход, сочетающий гуманитарные (исторические) и естественнонаучные (дендрохронологический) методы. *Исторический анализ* письменных источников и фотодокументов выполнен классическими специально-историческими методами: историко-сравнительным, историко-типологическим, хронологическим и ретроспективным (Koval'chenko, 2003). *Дендрохронологический анализ* – естественнонаучный метод, основанный на анализе ежегодного прироста годовичных колец. Активно применяется для датировки памятников культурного наследия (каменная и де-

Таблица 1. Результаты перекрестной датировки образцов древесины с культовой постройкой д. Мозговая (абсолютные значения прироста)

Table 1. Results of cross-dating of wood samples from the cult building of D. Brain (absolute values of growth)

№	Лаб. шифр	Интервал		Длина серии	г	σ	m	Место отбора
1	mzg01	1827	1901	75	0,67	0,98	0,21	Галерея, С. ст. 8 венец
2	mzg02	1820	1904	85	0,49	0,36	0,20	Галерея, С. ст. 9 венец
3	mzg03	1838	1900	63	0,68	0,65	0,23	Галерея, С. ст. 5 венец
4	mzg04	1825	1904	80	0,61	0,74	0,23	Галерея, С. ст. 6 венец
5	mzg05	1830	1904	75	0,34	0,55	0,23	Галерея, С. ст. 4 венец
6	mzg06	1834	1904	71	0,47	0,68	0,19	Галерея, С. ст. 3 венец
7	mzg07	1658	1887	230	0,51	0,32	0,24	Галерея, В. ст. 6 венец
8	mzg08	1789	1904	116	0,40	0,36	0,30	Галерея, В. ст. 5 венец
9	mzg09	1778	1886	109	0,65	0,51	0,33	Алтарь, С. ст. 5 венец
10	mzg10	1681	1903	223	0,52	0,40	0,37	Алтарь, С. ст. 4 венец
11	mzg11	1785	1882	98	0,52	0,41	0,16	Алтарь, С. ст. 7 венец
12	mzg12	1688	1856	169	0,51	0,62	0,26	Храм, Ю. ст. 5 венец

Примечания: г – межсерийный коэффициент корреляции; σ – стандартное отклонение; m – коэффициент чувствительности; жирным шрифтом выделены наиболее поздние даты периферийных колец

Рис. 2. Культурный объект в д. Мозговая: а – фото предположительно 1960-х гг.; б – фото предположительно 1970-х гг. (Architectural and ethnographic museum, 1985); в – фото 2023 г.

Fig. 2. A cult object in Mozgovaya village: a – photo presumably taken in the 1960s; b – photo presumably taken in the 1970s (Architectural and ethnographic museum, 1985); c – photo taken in 2023

Таблица 2. Результаты перекрестной датировки образцов древесины с культовой постройкой д. Бедоба (абсолютные значения прироста)

Table 2. The results of cross-dating of wood samples from the cult building of D. Trouble (absolute values of growth)

№	Лаб. шифр	Интервал		Длина серии	r	σ	m	Место отбора
1	bed01	1756	1889	134	0,83	0,44	0,15	Храм, Ю. ст. 8 венец
2	bed02	1747	1889	143	0,69	0,41	0,15	Алтарь, В. ст. 12 венец
3	bed03	1730	1888	159	0,60	0,29	0,18	Храм, Ю. ст. 1 венец
4	bed04	1739	1889	151	0,69	0,25	0,14	Алтарь, Ю. ст. 5 венец
5	bed05	1716	1888	173	0,69	0,31	0,14	Алтарь, Ю. ст. 7 венец
6	bed06	не датирован						Храм, Ю. ст. 4 венец
7	bed07	1753	1886	134	0,61	0,34	0,19	Храм, В. ст. 10 венец
8	bed08	1738	1846	109	0,62	0,46	0,24	Храм, В. ст. 4 венец
9	bed09	1728	1863	136	0,74	0,43	0,21	Храм, В. ст. 9 венец
10	bed10	1634	1885	252	0,45	0,22	0,23	Храм, В. ст. 12 венец
11	bed11	1750	1869	120	0,57	0,44	0,15	Алтарь, В. ст. 1 венец

Примечания: r – межсерийный коэффициент корреляции; σ – стандартное отклонение; m – коэффициент чувствительности; жирным шрифтом выделены наиболее поздние даты периферийных колец.

ревянная архитектура, археологизированные деревянные остатки, предметы быта, искусства и др.), выполненных из дерева или имеющих в своей конструкции деревянные элементы. При помощи данного метода на территории Сибири датировано уже более 300 памятников архитектуры и археологии (Zharnikov et al., 2024; Filatova et al., 2024).

Для датировки церквей из д. Мозговая и д. Бедоба отобранный материал (керны) был последовательно выварен в ультразвуковой ванне, автоклаве (для удаления загрязнений и смол), и далее после процедуры сушки наклеен на подложки и отшлифован. Более детально методика отбора и пробоподготовки описана на сайте Сибирской дендрохронологической лаборатории (SibDendro). Далее производилась оцифровка рисунка годичных колец. В зависимости от ширины годичных колец образцы сканировались на сканере Epson Perfection V850 Pro или фотографировались в отраженном свете при 20-кратном увеличении с помощью микроскопа AXIO zoom.V16. Измерение ширины годичных колец по цифровым изображениям и графическое представление полученных данных осуществлено в программах CooRecorder и CDendro (Larsson, 2023). Датировка измеренных серий произведена при помощи сочетания графической перекрестной датировки (Douglass, 1919) и кросс-корреляционного анализа в пакете специализированных программ для дендрохронологических исследований – DPL (Holmes, 1983) и TSAP V3.5 (Rinn, 1996). Для исключения влияния возрастного тренда и прочих негативных для датировки факторов как индивидуальные серии были стандартизированы сплайном в 2/3 от длины каждой серии в программе ARSTAN (Cook, Krusic, 2008). Оценка качества перекрестной датировки выполнена при помощи коэффициентов корреляции (межсерийный и Пирсона) в программах COFECHA и STATISTICA 10 (Wigley et al., 1984). Идентификация породного состава древесины (*кислотомический анализ*) выполнена при помощи атласа «Анатомия древесины растений России» (Benkova, Schweingruber, 2004).

На заключительном этапе был проведен *комплексный анализ* полученной исторической информации и данных древесно-кольцевого анализа (Zharnikov, Barinov, 2019; Mainicheva, 2016), который обеспечил надежную верификацию итоговых результатов исследования.

Результаты

Историко-архитектурная справка

Церковь д. Мозговая

Деревня Мозговая, которую также именовали Верхняя Кежда, располагалась выше по течению на 15 верст от с. Кежда, на противоположном от нее берегу. В 1825 г. в д. Мозговая был построен молитвенный дом без разрешения высшего начальства (GATO, F. 170. Op. 1. D. 121. L. 10). В 1890 г. сообщается, что в часовне д. Верхне-Кежемской «совершались литургии, на походном св. антиминсе, выданном в 1872 году» (Levitskii, 1890: 259). В Кратком описании приходов Енисейской епархии за 1916 г. часовня д. Мозговой вновь упомянута как молитвенный дом (Kratкое opisaniye prikhodov, 1916: 211). В рамках подготовки к созданию архитектурно-этнографического музея в г. Козьмодемьянске в 1985 г. было сделано ее архитектурное описание: «Основной объем церкви представляет собой четверик с прирубленной к нему пятистенной алтарной частью и галереей, расположенной на северном фасаде. На западном фасаде остались следы от примыкающего к его объему звонницы, ныне утраченной. Четверик церкви крыт четырехскатной тесовой кровлей с венчающей ее полуразрушенной главкой. Алтарь крыт пятискатной тесовой кровлей, также увенчанной главкой. Окна в четверике растесаны, но остались следы от старых окон. Церковь находится в аварийном состоянии» (Architectural and ethnographic museum, 1985: 13). На фотографиях церкви 1960–1970-х гг. еще сохранялся притвор с надстроенной над ним покосившейся звонницей, которую до обследования середины 1980-х уже разобрали (рис. 2, 3). В 2011 г. церковь была разобрана и перевезена в г. Козьмодемьянск (рис. 3). Ко времени отбо-

Рис. 3. Культурный объект в д. Бедоба. Фото 2017 г.
Fig. 3. A cult object in the village of Bedoba. Photo taken in 2017

ра проб исследуемый объект представлял собой неполную сборку. Храмовая часть с галереей была собрана в разных стенах на высоту от 3 до 9 венцов. Алтарь собран на 9–11 венцов. Храмовая часть, как и галерея, рублена «в крюк». Галерея пристыкована к зауголкам храма без дополнительных соединений. Алтарь пятистенный из бруса рублен «в прямую лапу». Брус соединяется через штрабу в храмовой части. Состояние древесины сруба неудовлетворительное.

Обследовав ее и имеющиеся документальные источники, Е. И. Глухих предположила, что либо церковь была построена в 1916 г., после выхода справочника (*Kratkoe opisaniye prikhodov*, 1916), либо молитвенный дом был переделан в церковь, что могло, по мнению исследователя, произойти лишь после 1916 г. (Glukhikh, 2013: 119).

Церковь д. Бедоба

Деревня Бедоба находится на р. Иркинеевой в 55 верстах от впадения в р. Ангара и 110 верстах от с. Богучанского, к приходу которого относилась Бедоба. Полнота информации о культовых постройках деревни в письменных источниках аналогична рассмотренной часовне д. Мозговой. В 1857 г.

упоминается о наличии в деревне часовни, построенной «издавна, но с чьего разрешения неизвестно» (*GATO... L. 27*). Часовня в д. Бедобе также упоминается и в 1890 г. (*Selo Boguchanskoye*, 1890: 187). В справочнике Енисейской епархии за 1916 г. часовня, как и в д. Мозговой, уже именуется как молитвенный дом. Указано, что такие дома в деревнях Богучанского прихода существуют с конца XVII в. и что теперь они заменены новыми (*Kratkoye opisaniye prikhodov*, 1916: 206).

В 2017 и 2023 гг. в д. Бедоба была обследована часовня – как ее называют местные жители (рис. 3). По их словам, данное здание было разобрано и перевезено на окраину деревни, где позднее была оборудована кузница. Постройка представляет собой бревенчатый сруб, рубленный «в крюк», основной объем которого – четверик, крытый четырехскатной кровлей. К нему через штрабу прирублен крытый односкатной кровлей пристен, углы которого рублены «в прямую лапу». По всей видимости он являлся алтарем, так как в противоположной стене сохранились штрабы от более крупной пристройки, вероятно, притвора. Большой проём с этой стороны заложен бревнами.

Дендрохронологическая датировка

Породный состав отобранного древесного материала с обоих сооружений определен как сосна обыкновенная (*Pinus sylvestris* L.). После камеральной обработки и измерения образцов полученные индивидуальные графики изменчивости прироста годовых колец были сопоставлены между собой и собраны в две «плавающие» (календарно непривязанные) ДКХ **mzg** и **bed** по каждой церкви. Усредненный межсерийный коэффициент корреляции для образцов с церкви д. Мозговая составил 0,53, для образцов с часовни д. Бедоба – 0,65 (табл. 1, 2).

Для календарной перекрестной датировки полученных плавающих ДКХ **mzg** и **bed** была привлечена ДКХ по живым деревьям **zai**, протяженностью 256 лет, построенная в районе Нижнего Приангарья (рис. 1). Учитывая, что на участке **zai** найдено всего 10 приемлемых для дендрохронологических исследований деревьев, для калибровки полученного результата также были задействованы три ранее построенные региональные ДКХ: **BR**, **ENS** и **KR** (табл. 3). Корреляционный анализ показал, что наиболее высокая связь отмечает-

ся между ДКХ **ENS-mzg** (0,40), **ENS-bed** (0,45), **zai-mzg** (0,39), **zai-bed** (0,40). Полученный результат подтвержден графически (рис. 4).

По результатам перекрестной датировки образцов из церкви д. Мозговая было выделено две группы дат. В первую группу входят образцы, дата образования периферийных колец у которых приходится на 1850–1880-е гг. (**mzg07**, **mzg09**, **mzg11**, **mzg12**). В основном это образцы, отобранные с алтарной части сооружения (табл. 1). Более поздние даты этой группы объясняются сильным стесыванием бревен, с которых были отобраны образцы. Во вторую группу вошли образцы, которые приходятся на 1903–1904 гг. (**mzg02**, **mzg04–06**, **mzg08**, **mzg10**). Как правило, они были отобраны с галереи и алтаря (табл. 1).

В случае датировки часовни из д. Бедоба наиболее позднее кольцо, 1889 г., фиксируется у образцов **bed01**, **bed02**, **bed04**, отобранных с объема храмовой и алтарной части сооружения (табл. 2). У остальных образцов, скорее всего, потеряно несколько внешних колец в ходе подготовки древесины к строительству и под действием внешних факторов (выветривания).

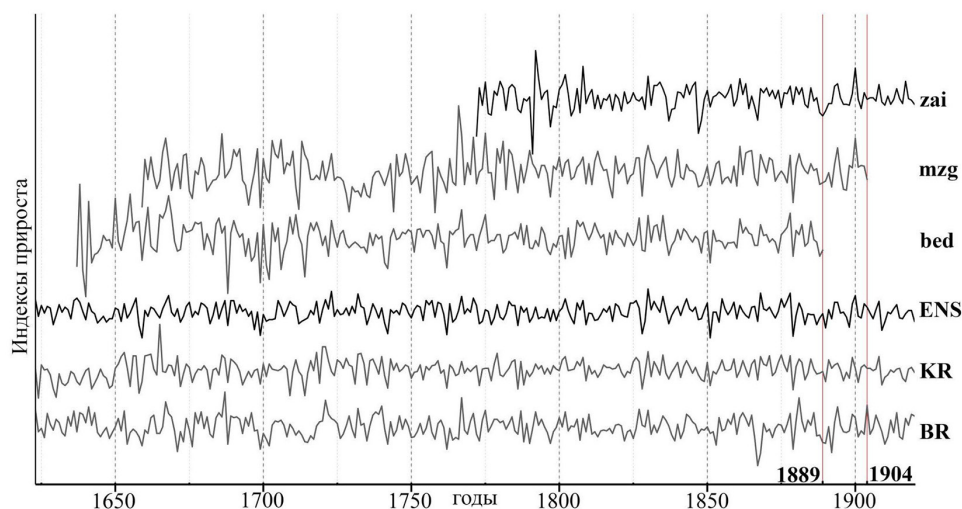

Рис. 4. Графическая перекрестная датировка обобщенных ДКХ по церквям (церковь д. Мозговая – **mzg**, церковь д. Бедоба – **bed**) с тремя региональными ДКХ **ENS**, **KR** и **BR**

Fig. 4. Graphical cross-dating of generalized DCHs by church (Mozgovaya Church – **mzg**, Bedoba Church – **bed**) with three regional DCHs **ENS**, **KR**, and **BR**

Таблица 3. Коэффициенты корреляции (Пирсона) между ДКХ, построенными по объектам архитектуры, и региональными ДКХ

Table 3. Correlation coefficients (Pearson) between DCF constructed from architectural objects and regional DCF

Название хронологии	ENS	BR	KR	mzg	bed
mzg	0,40 (1659–1904)	0,31 (1659–1904)	0,22 (1659–1904)	-	-
bed	0,45 (1634–1889)	0,31 (1634–1889)	0,28 (1634–1889)	0,33 (1652–1889)	-
zai	0,42 (1772–2017)	0,34 (1772–2017)	0,29 (1772–2017)	0,39 (1772–1904)	0,40 (1772–1889)

Примечание: mzg – церковь д. Мозговая; bed – церковь д. Бедоба; все коэффициенты корреляции значимые, жирным шрифтом выделены коэффициенты корреляции между ДКХ, построенным по датированным сооружениям, и календарно привязанным ДКХ, в скобках указан период перекрытия в годах.

Обсуждение

При исследовании сибирских деревянных культовых объектов можно заметить, что часть из них являются многосоставными (Glushenko et al., 2025), что вносит особую трудность в изучение времени их строительства и прослеживание развития их архитектурных форм. Особенно это ярко показано на малых культовых сооружениях – часовнях и молитвенных домах. На протяжении длительного времени церковь не раз меняла свое отношение к подобным сооружениям. При Петре I их строительство неоднократно запрещалось Синодом (указ 1707 г. «Об упразднении деревянных часовен и запрещении строить вновь», в 1727 г. дозволено было не разрушать часовни и строить новые, но в 1734 г. вновь подтвержден указ 1707 г. о запрещении строительства новых часовен) (Opolovnikov, Opolovnikova, 1989), поскольку неконтролируемое распространение часовен способствовало укреплению позиций старообрядчества (Dulov, Sannikov, 2006). Зачастую они возводились без какого-либо на то разрешения. По этой причине до первой половины XIX в. часовни практически не отражались в официальных церковных документах, и только после этого периода они начали восприниматься не только как старообрядческие постройки, но и как объекты православного зодчества, что привело к их фиксации в церковных документах. Увеличение численности на-

селения привело к увеличению размеров малых культовых сооружений (их достройки) и получению статуса церкви. Редким примером описания такой ситуации является документ «Грамота Игумену Мисаилу о прирубке алтаря к часовне Знамения Пресвятая Богородица на Посольском мысу» (Drevnie tserkovnye gramoty, 1875: 104–105). Тем не менее отсутствие для большинства сибирских часовен подобной исторической информации вынуждает исследователей обращаться к косвенным источникам информации, и в частности – к дендрохронологическим.

Ангара долгое время оставалась малонаселенным регионом, поэтому церкви в первое время строились лишь в волостных и слободских центрах. Но ввиду огромных расстояний между населенными пунктами почти в каждой деревне был молитвенный дом или часовня, где церковная служба проводилась 2–3 раза в год во время приезда священника, который крестил всех родившихся детей и отпевал умерших (Saburova, 1967: 235). По мере демографического роста в наиболее крупных приангарских деревнях стали появляться церкви. К нач. XX в. уже по одной церкви приходилось на каждый «куст деревень» из 3–5 населенных пунктов, относящихся к одному приходу (Kalinina, 2000; Kratkoe opisanie prikhodov, 1916: 205–223), но даже в этом случае в условиях таежной местности расстояние между

деревнями и храмом оставалось значительным. По этой причине жители населенных пунктов, где были поставлены малые культовые объекты, были заинтересованы расширить их до уровня церквей и в создании собственного прихода. В результате сложилось устойчивое мнение, что обследованные деревянные сооружения (часовня, молитвенный дом) характеризуются наличием многосоставных архитектурных элементов, т.е. признаками реконструкции. Однако результаты дендрохронологического анализа показали, что церковь в д. Бедоба, датированная кон. 80-х гг. XIX в., как и церковь в д. Мозговая, возведенная в первом десятилетии XX в., строились одновременно. В то же время в случае с церковью в д. Мозговая дендрохронологическая дата не соотносится с ранее опубликованной версией о сооружении этой постройки после 1916 г. (Kratkoe opisaniye prikhodov, 1916: 206). Таким образом, результаты исследования показывают, что часовни Приангарья возводились одновременно с алтарной частью по технологии пристраивания разных архитектурных объемов.

Ни народная память, ни другие источники не сохранили информации о том, в честь кого были освящены церкви д. Мозговой и д. Бедобы. Скорее всего, данное противоречие указывает на существовавшие проблемы выделения новых приходов на Ангаре. Причина этого заключалась в нехватке служителей культа (Saburova, 1967: 235), как следствие, службы в часовнях проводились лишь 2–3 раза в год. По этой причине, несмотря на наличие архитектурных признаков церквей, объекты продолжали существовать в качестве часовен.

Заключение

Результаты исследования Нижнеангарских малых культовых сооружений показали, что тема истории строительства и развития малых культовых сооружений изучена в отечественной историографии весьма скудно по причине слабой источниковой базы. В церковных реестрах отсутствует информация о части малых культовых сооружений. На это повлияли три основных фактора: масштабность строительства, которая делала его практически неконтролируемым, жесткая государственная политика в религиозной сфере и утрата части документальных свидетельств, из-за чего строительная история многих таких объектов остается в тени. В связи с чем большую роль в установлении времени возведения таких сооружений играет дендрохронологический метод, благодаря которому можно установить как время строительства объекта в целом, так и для составных элементов. В нашем случае дендрохронологическая датировка церкви из д. Мозговая и д. Бедоба показала, что все объемы сооружения были поставлены одновременно: в д. Мозговая – не ранее 1904 г., а в д. Бедобы – не ранее 1889 г. при помощи прирубов. Из чего можно сделать вывод, что технология прирубов в строительстве применялась не только для увеличения общего объема сооружения (путем пристройки дополнительных помещений галереи, алтаря и др.), но и как самостоятельный строительный прием. В этом случае можно говорить о том, что наличие прирубов не указывает на тот факт, что сооружение является разновременным.

Список литературы / References

- Arkhiturno-etnograficheskii muzei v g. Kodinske. Obsledovanie pamyatnikov arkhitektury Keshemskogo raiona Krasnoyarskogo kraia. Scientific report. M., 1985, 45.
- Benkova V., Schweingruber F. Anatomy of Russian woods: An atlas for the identification of trees, shrubs, dwarf shrubs and woody lianas from Russia. Bern, 2004, 456.
- Bode A. B. Derevyannyye khramy Russkogo Severa. Arkhitektura i mestnoe svoeobrazie [Wooden Churches of the Russian North: Architecture and Local Character]. M., 2011, 127.
- Douglas A. E. Climatic cycles and tree-growth. A study of the annual rings in trees in relation to climate and solar activity. Washington, 1919, 1, 127.

Drevnie tserkovnye gramoty Vostochno-Sibirskogo kraia (1653–1726) i svedeniya o Dauriskoi missii, sobrannye missionerom arhimandritom Meletiem. Kazan': Univ. tip., 1875, 199.

Dulov A. V., Sannikov A. P. Pravoslavnyaya tserkov' v Vostochnoi Sibiri v XVII – nachale XX vekov [The Orthodox Church in Eastern Siberia in the 17th and early 20th centuries]. Irkutsk, 2006, 288.

Filatova M. O., Myglan V. S., Zhamikov Z. Yu., Barinov V. V., Taynik A. V., Vakhnina I. L., Naumova O. V. Razvitie dendroarkheologicheskikh issledovaniy v Sibiri [Development of dendroarchaeological research in Siberia]. In: *Brief Communications of the Institute of Archaeology*, 2024, 274, 7–25.

Gerasimov A. P. Pravoslavnye khramy zapadnoi Sibiri XVII – pervoi poloviny XVIII v. [Orthodox churches of west Siberia in the 17th and early 18th centuries]. In: *Vestnik of Tomsk State University of Architecture and Building*, 2016, 1, 80–90.

Glukhikh E. I. Sibirskaya tserkovnaya arkhitektura na primere maloizvestnogo pamyatnika derevyanogo zodchestva – tserkvi iz derevni Mozgovaya Kezhemskogo raiona Krasnoyarskogo kraia [Siberian church architecture on the example of a little-known monument of wooden architecture – a church from the village of Mozgovaya in the Kezhemsky district of the Krasnoyarsk territory]. In: *Balandinskie chteniya*, 2013, 1, 116–121.

Glushenko M. A., Zharnikov Z. Yu., Dzyuba V. V., Myglan V. S. Datirovka tserkvi Mikhaila Arkhangelia iz derevni Nizhnekareliino [Dating of the Church of St. Michael the Archangel from the village of Nizhnekareliino]. In: *Materialy IV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Anoshinskie chteniya»*, 2025, 169–176.

Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti. F. 170. Op. 1. D. 121. Klirovye vedomosti tserkvei Tomskoi eparkhii, 1857, 21.

Holmes R. L. Computer-assisted quality control in tree-ring dating and measurement. *Tree-Ring bulletin*, 1983, 44, 69–78.

Kalinina I. V. Pravoslavnye khramy Irkutskoi eparkhii, XVII – nachalo XX veka [Orthodox churches of the Irkutsk diocese, XVII – early XX century]. M., 2000, 495.

Koval'chenko I. D. Metody istoricheskogo issledovaniya [Methods of historical research]. M., 2003, 486.

Kratkoe opisanie prikhodov Eniseiskoi eparkhii [A brief description of the parishes of the Yenisei Diocese]. Izdanie Eniseiskago Tserkovno-Istoriko-Arkheologicheskago Obshchestva. Krasnoyarsk, 1916, 243.

Larsson L. CooRecorder and Cdendro programs of the CooRecorder/Cdendro package version 7.6. 2013. Available at: <http://www.cybis.se/forfun/dendro/> (accessed 15 November 2024).

Levitskii E. Selo Kezhemskoe, Eniseiskoi eparkhii. Eniseiskie eparkhial'nye vedomosti, 1890, 16–17, 257–261.

Mainicheva A. Y. Novye materialy o Spasskoi tserkvi iz Zashiverska [New evidence on the Savior church from Zashiversk]. In: *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*, 2023, 29, 1056–1060.

Mainicheva A. Yu. Metodika polevogo etnograficheskogo issledovaniya zhilishcha russkikh v Sibiri: problemy vyavleniya traditsii i novatsii [Methods of field ethnographic research of Russian dwellings in Siberia: problems of revealing traditions and innovations]. In: *Balandinskie chteniya*, 2016, 52–55.

Metodiki obrabotki i izmereniya [Methods of processing and measurement]. Siberian Dendrochronological Laboratory. Available at: <https://www.sibdendro.com/obrabotka-materiala> (accessed 14 April 2024).

Minert L. K. Pamyatniki arkhitektury Buryatii [Architectural monuments of Buryatia]. Novosibirsk, 1983, 192.

Myglan V. S., Slyusarenko I. Yu., Mainicheva A. Yu. Spasskaya tserkov' iz Zashiverska: dendrokhnologicheskii aspekt [The Church of the Saviour from Zashiversk: The Dendrochronological Aspect]. In: *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 2009, 3, 103–110.

Myglan V. S., Zharnikov Z. Yu., Mainicheva A. Yu., Lykhin Yu. P. Result of dendrochronological dating of the Ilimsk stockaded town (the saviour tower of the Ilimsk stockaded town and the Ilimsk kazan church). In: *Mir Evrazii*, 2010, 4, 36–41.

Opolovnikov A. V., Opolovnikova Y. A. The use of Wood in the Achitecture by A. and E. Opolovnikov. New York, Abrams, 1989, 256.

Perechen' ob"ektov kul'turnogo naslediya federal'nogo, regional'nogo i mestnogo (munitsipal'nogo) znacheniya (pamyatnikov istorii, arkhitektury) Irkutskoi oblasti (01.10.2023). Official portal of the Government of the Irkutsk Region. Available at: https://irkobl.ru/sites/oknio/nerecen/List_GO_architectura%2001.10.2023.pdf (accessed 23 April 2024).

Rinn F. TSAP V3.5. Computer program for tree-ring analysis and presentation. Heidelberg: Frank Rinn Distribution, 1996, 269.

Saburova L. M. Kul'tura i byt russkogo naseleniya Priangar'ya [Culture and life of the Russian population in Angara region]. L., 1967, 280.

Selo Boguchanskoe Eniseiskogo okruga. Eniseiskie eparkhial'nye vedomost, 1890, 12, 186–188.

Shushkanova E. A. Cerkov' Svjatoj Paraskevyy sela Barabanovskoe Enisejskoj gubernii v kontekste sibirskoy istorii (vtoraya polovina XIX–XX vv.) [The Church of St. Paraskeva of the village of Barabanovskoye of the Yenisei province in the context of Siberian history (the second half of the XIX–XX centuries)]. Krasnoyarsk, 2019, 140.

Wigley T., Briffa K., Jones P. On the average value of correlated time series, with application in dendroclimatology and hydrometeorology. In: *J. Clim. Appl. Met.*, 1984, 23, 201–213.

Zharnikov Z. Yu., Dzyuba V. V., Barinov V. V., Shushkanova E. A., Yazev A. D., Myglan V. S. Tserkov' Paraskevyy Pyatnitsy v d. Barabanovo Krasnoyarskogo kraya: istoriko-dendrokronologicheskii ocherk [Church of Paraskeva Pyatnitsa in the Village of Barabanovo, Krasnoyarsk Krai: Historical and Dendrochronological Sketch]. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2025, 18(8), 1656–1668.

Zharnikov Z. Yu., Barinov V. V. «Dom voevody» goroda Eniseiska: istoriko-dendrokronologicheskii analiz [Historical and year-ring analysis of «Dom Voevody» in Yeniseysk]. In: *Balandinskije chteniya*, 2019, 32–39.

Zharnikov Z. Yu., Dzyuba V. V., Myglan V. S. Kul'tovaya derevyannaya arkhitektura Sibiri glazami dendrokronologov [Iconic wooden architecture of Siberia through the eyes of dendrochronologists]. In: *Materialy IV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Anoshinskie chteniya»*, 2025, 181–185.

Zharnikov Z. Yu., Gevel' E. V., Myglan V. S. Brevenchatoe nasledie Sibiri – stareishie sooruzheniya derevyannogo zodchestva Eniseiska [The Wooden Heritage of Siberia: Old Log Houses of Yeniseysk]. In: *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2017, 5, 24–36.

Zharnikov Z. Yu., Myglan V. S. Opreделение vremeni sooruzheniya bol'nichnogo kompleksa v yuzhnoi Nagornoj zone Eniseiska [Time constructing determination of the hospital complex in Yeniseisk mountainous southern zone.]. In: *Drevnosti Prieniseiskoi Sibiri*, 2017, VIII, 33–39.

Zharnikov Z. Yu., Myglan V. S., Barinov V. V., Taynik A. V., Naumova O. V., Filatova M. O., Dzyuba V. V., Vakhnina I. L. Dendroistoricheskie issledovaniya pamyatnikov Novogo Vremeni v tsentral'noi i vostochnoi Sibiri [Dendrohistorical research of modern period sites in Central and Eastern Siberia]. In: *Brief Communications of the Institute of Archaeology*, 2024, 274, 67–82.

**Philosophical
Anthropology,
Anthropology
of Art, Art Criticism
Философская
антропология,
антропология искусства,
искусствоведение**

EDN: WCVCH
УДК 114; 130.3

Once Again, about the Search for Russian Truth

Andrei M. Sergeev*

*St. Petersburg State University
Russian Christian Academy
for Humanities named after Fyodor Dostoevsky
St. Petersburg, Russian Federation*

Received 25.11.2025, received in revised form 28.12.2025, accepted 03.02.2026

Abstract. Within the Russian worldview, a loss of meaning is intrinsically tied to the absence of *pravda* (a concept encompassing both truth and righteousness). *Pravda* represents a fundamental relation from which the Russian people derive their origin. Both the Russian individual and the Russian world are defined not by the local, but by the universal. The Russian principle manifests as a boundless scope and a striving for open space, which inherently resists a “settled” or “ordered” existence. While many nations seek to build their lives on the principle of *samostoianie* (self-reliance) – which implies a rejection of God – such an arrangement is fatal for the Russian people.

The very emergence of the Russian people in history is closely linked to the idea of the universal, against which any self-reliant order is ultimately doomed to oblivion. The Russian readiness to submit to the universal leads to a willingness to sacrifice earthly well-being. From this perspective, the earthly is revealed as incomplete, unnecessary, and merely temporary when juxtaposed with the heavenly.

In Russia, power is called to answer not to an earthly, but to a metaphysical standard. Russian history presents itself as a continual testing of the people’s conformity to *pravda* – a verification of their alignment with the task of bearing witness to it, irrespective of human cost.

Metrics and measurement cannot allow an individual or a people to attain *pravda*, as they are separated from it by space. Space, in turn, is defined by the strangeness of human presence. Within space, the individual and the people are rendered fragmented; they are gathered into unity only through the “event.” *Pravda* is not discovered within space; rather, it is introduced into space by the individual and the people, and is upheld by them. This article may be of interest to philosophers of culture, cultural scholars, and anthropologists.

Keywords: truth, people, meaning, border, space, being, non-being, metaphysics.

Research area: Theory and History of Culture, Art; Philosophical Anthropology, Philosophy of Culture.

© Siberian Federal University. All rights reserved

* Corresponding author E-mail address: asergeev8@yandex.ru

The research was funded by the Russian Science Foundation Grant No. 25–28–00841, <https://rscf.ru/project/25–28–00841/>; Dostoevsky Russian Christian Humanitarian Academy.

Citation: Sergeev A. M. Once Again, about the Search for Russian Truth. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2026, 19(2), 438–446. EDN: WCVCI

Ещё раз по поводу поиска русской правды

А.М. Сергеев

*Санкт-Петербургский государственный университет
Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского
Российская Федерация, Санкт-Петербург*

Аннотация. В параметрах русского мира отсутствие смысла изначально связывается с отсутствием правды. Правда оказывается первичным отношением, из которого русские берут своё начало. Русский человек и русский мир живут не местным, но вселенским. Русское начало проявляет себя в размахе, в выходе на простор, что принципиально не позволяет жизни быть «устроенной». Многие народы хотят устроить свою жизнь на самостоянии, т.е. на отказе от Бога. Для русских такое устройство смертельно. Само вхождение русских в мир тесно связано с идеей всеобщего, в сопоставлении с которым любое самостоятельное устройство обречено на забвение. Готовность русского народа отдаться всеобщему ведёт к тому, что он готов жертвовать своим земным устройством. В сопоставлении с небесным земное оказывается неполным, ненужным и только временным.

Власть в России призвана отвечать не земной, но метафизической мере. Русская история предстаёт историей испытания народа на соответствие правде, на проверке соответствия делу несения правды независимо от любых человеческих трат.

Метрика не позволяет человеку и народу выйти к правде, так как они отстранены от неё пространством. Пространство раскрывает себя на основании странности человеческого присутствия. В пространстве человек и народ оказываются раздвоенными. Собираются они в событии. В пространстве правды не найти: она вносится в пространство человеком и народом, отстаивается ими.

Статья может быть интересна философам культуры, культурологам и антропологам.

Ключевые слова: правда, народ, смысл, граница, пространство, бытие, небытие, метафизика.

Научная специальность: 5.10.1. Теория и история культуры, искусства; философская антропология, философия культуры.

«Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25–28–00841, <https://rscf.ru/project/25–28–00841/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского».

Цитирование: Сергеев А. М. Ещё раз по поводу поиска русской правды. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2026, 19(2), 438–446. EDN: WCVCI

Ранее вопрос о понимании правды русским человеком и русским народом нами уже поднимался, в том числе и в данном журнале (Sergeev, 2025a; Sergeev, 2025b: 66–76, 105–107). Однако по истечении времени возникла потребность выявить некоторые новые аспекты размышления по поводу этой темы. Важным моментом осмысления стали работы В. В. Бибикина.

* * *

Во всём, с чем сегодня сталкивается человек, проявляет себя несоответствие. Теперь уже надо понять, что у всего, с чем взаимодействует человек, нет основания. Речь идёт не о том, что есть само по себе и вне человека, т.е. не о живом, не о природе. Кризис безосновности пронизывает как раз ту сферу, которая связана с человеком, является его построением и есть благодаря ему. Речь идёт о цивилизации в широком смысле этого слова, когда во всех цивилизационных постройках, исходящих от человека, выявляет себя несоответствие замысла и результата, ожидания и воплощений, декларации и результата. Современная цивилизация напоминает Вавилонскую башню, которая начинает обваливаться.

Формы «проекта» и «проектности» современных людей связаны с желанием обрести схему, без которых человеку трудно. Ему трудно быть таким, каков он есть сам по себе, трудно себя вынести. Человеку трудно отказаться от найденных ментальных построений, конструкций и схем, которые сегодня нацелены – в форме «проекта» и «прогноза» – не только на настоящее, но и на будущее. Особенно трудно, если такие построения обретены в труде и муках. Рождаясь и входя в мир ребёнком, человек пробует мир чувством, мыслью и действием, но за них не держится. Отношение ребёнка к миру – это именно проба. Постройка побуждает к отказу от проб ввиду уже построенного и достигнутого. Открытость сменяется закрытостью и отстаиванием внутренних границ в ущерб открытой стороне границы (Sergeev, 2020). Впустить в себя мир, Бога и жизнь может тот, кто не хватается за полученное и найденное.

И здесь встаёт вопрос, что считать жизнью: саму жизнь или результаты, в которых она воплотилась, но где её уже нет (Berdiaev, 1994). Божественное, как таковое, по сути дела, неопишимо. Оно описывается через присутствие в человеческом мире и участии или неучастии людей и народов в деле Бога. Там и тогда, где и когда есть человек, там и тогда может проявить себя и Бог. Для того чтобы столкнуться с Ним, человек реально, а не в грёзах должен быть наделён простором. Бога не заметишь во внутренней узости, захламлённости и тесноте.

Похоже, что цивилизационный кризис связан с самым началом «человеческих» построек: он связан с самим человеком, с кризисом человека, когда в основе любой фиктивности проявляет себя отсутствие того, чем живёт человек и что ведёт его по жизни, – отсутствие смысла. В параметрах русского мира такое отсутствие смысла изначально связывается с отсутствием правды, без которой размывается существо человека. В конечном счёте правда оказывается фундаментом всякого проявления жизни, опорой всего и вся. Добавим и то, что действительные и значимые, а не мнимые смыслы, побуждают человека к ответственности перед ними и служению им. Напротив, «удобные» смыслы, исходящие от человека и вводимые им по конкретному поводу, служат человеку. И тогда неизбежно – рано или поздно – смысловая вертикаль исчезает из жизни таких людей и народов. Она выветривается из сознания, которое, в свою очередь, замещает смыслы, которым служит человек и народы, закрывает путь к ним.

Россия отождествила себя с целью внесения – в мир – правды, понимая эту цель как дело всей жизни русских. По мысли В. В. Бибикина, «никакое самоустройство человека на земле всё равно по-настоящему не устроит» (Bibikhin, 2017г: 224). В другом месте он отмечает, что «на самом деле русский размах и не допускает никаких “устроений” и не имеет никакого отношения к самосохранению». (Bibikhin, 1998: 526.) Дело в том, что «непомерная неуместимая правда распирает изнутри, не даёт

минуты покоя, велит поворачивать речи и реки; правда, которую телевизионный мир, лепечущий на свих латинизированных припомаженных шлифованных языках, не знает». (Bibikhin, 1998: 526.)

Вместе с тем многое из того, что мы – русские – считаем в своей жизни негативным, как и многое из того, что мы принимаем – в своём устройстве жизни – как отрицательное, предстаёт совершенно другим, если мы сами начинаем относиться к себе всерьёз. Для понимания себя – себя русского и народа русского – необходим онтологический поворот, когда именно из топоса онтологии, но не из оптики, характерной для других народов и стран, определяется другое понимание отдельных черт нашей жизни. Понимание приходит из самостояния человека и народа, из вхождения в глубину себя. При том что русские легко связывают себя с поверхностью и могут быть поверхностными, сталкиваясь с глубиной, они испытывают доверие к ней,веряют и отдают ей себя.

Никакое понимание жизни и существования в мире без правды не устраивает и не может устроить русского человека и русский народ. Любой намёк на устройство и обустройство – перед открытостью души русских людей – оказывается скомпрометированным. Годность человека и народа связана не с устройством ими своей жизни, но с совершением действий своего внутреннего собирания, ведь человеком и народом движет осуществление. Наш человек и наш мир живёт не местным, но вселенским, и задачи местной жизни непременно связываются с неземными целями пребывания человека в мире. Русское проявляет себя в размахе, в выходе на простор, а это принципиально не допускает жизни «устроенным» и «построенным».

Во всё русское вкоренена метафизика, которая пронизывает собой любые начинания существования. Правда оказывается тем метафизическим источником энергии, который позволяет русскому человеку связывать всё видимое с невидимым и видеть разное в единстве. Это питание, необходимое человеку и народу для роста, движения

и осуществления, связанного с деятельностью, результаты, продукты и эффекты которой вновь и вновь становятся духовным питанием для дальнейших поколений.

Человеку и народу нужно жить не только спорадическими действиями и реакциями на происходящее: им нужна сила, обретаемая в понимании, нужно мышление, позволяющее жить общим и всеобщим. В противном случае с ними случаются ужасные вещи, которые предстают как «разные для разных людей», но «одинаковые они тем, что все не под силу индивиду» (Bibikhin, 2017б: 143). Преодолеть ужас можно путём расщепления того, кто ужасается, на мысль и тело, и в этом случае ужас оказывается неовеществлённым и нематериализованным. Практике овеществления мысли надо противопоставить возможность чистого мышления, т.е. возможность мысли быть собой, быть именно мыслью. Связывая себя с мыслью, человек пробивается к самому себе вне тела. Напротив, болезнь проявляет себя именно телесно, когда человек остро чувствует и переживает воздействие и давление на себя своего тела, а также странность своего поведения под воздействием – на себя и своё мыслительное воплощение – своего тела.

Бескорыстие – это атрибут мысли. Оно ей нужно как воздух, ибо в противном случае мысль извращается и изнашивается. Мысль служит человеку, точнее – идее и образу (форме) человека в нём самом. Мысль расширяет человека до существа себя, выводя его к тому, что больше и важнее, просторнее и шире его самого. При этом мысль не предполагает готового решения. И, мысля, человек не знает, куда мысль его приведёт, и куда он – её посредством – будет затащен. Надо попробовать принять мысль как таковую. Но поступок вверения себя мысли оборачивается отказом человека от себя немыслящего вплоть до констатации того, что меня (его, их) нет, когда я (он, они) – вне мышления. Значимо и то, что, отдавая себя мысли, человек порой не может её – собой и в себе – нести и вынести, хотя и может понимать, что временное перекрывается вечным, а ранее предопределяет текущее.

Человеку и народу свойственно ожидать лучших времён. И такое положение дел характерно для тех, кто считает, что «бывают небывалые не временные времена» (Bibikhin, 2022: 166), которых такой человек и дожидается. Между тем «временное – всегда временно», и «исполняются времена не когда-то, а сейчас» (Bibikhin, 2022: 166). Ожидать другого времени не приходится, ибо время всегда есть время и только время. И для того, чтобы проверить «исполнились времена или нет, человеку надо иметь то, чем проверяют: веру» (Bibikhin, 2022: 166). А если у человека и народа есть вера, они уже связаны с вечностью, и им по большому счёту неважно, какие сейчас времена. В вере они находят понимание того, что верно, а что нет, и держатся такого понимания. Самое значимое во времени увидеть трудно, оно то появляется, то исчезает. Если это и возможно, только в вере и с верой. Так что в вере человек и народ связаны с правдой, и на ней основывают свою жизнь во времени.

Человек и народ живут правдой: тем, что принимают её как дыхание жизни, без чего им трудно дышать. «Народ, как человек, оправдывает свою жизнь тем, что вмещает правду и служит ей» (Bibikhin, 2017г: 229). Русскому человеку и русскому народу важно служить правде, отстаивать её даже наперекор своему существованию. Как отмечает В. В. Биbihин, «правда правит историей нечеловечески сурово», «она не терпит ни умиловления, ни частного устройства, ни отлагательства» (Bibikhin, 2017в: 189). Без отдачи всего себя делу правды русским не стать и не быть. Правду можно услышать и заметить, но её нельзя «иметь» и ей невозможно «владеть». Ей можно отдаваться и служить. Русские понимают это, и это – то, что оправдывает их существование. По мысли Биbihина, «русский тот, кто проснулся для ноши мира, для груза правды, долга и памяти» (Bibikhin, 2017в: 191).

Важно жить не эгоизмом – индивидуальным и национальным, но идеей человека и идеей народа. Важно вносить это в свою жизнь и жизнь своего народа, нести это в себе и при этом выстаивать. Правда есть

основание человека и народа. Она помогает им не только понять себя, но и не потерять себя. Такое понимание себя самое трудное, ибо трудно жить своей жизнью, спрашивая именно себя и отвечая именно себе. Но когда живёшь так, то уже не нужно прятаться за спины и лица других людей, не нужно скрываться за разные точки зрения и за отдельные учения, концепции и доктрины, сколь бы они ни были авторитетны. Самоотречение и принятие служения как закона жизни позволяет человеку и народу быть открытым и соотносить себя как с миром, так и с иномирным, а значит, даёт им расширяться до идеи (формы) себя и этим – до мира и присутствия в них иномирного начала.

Всеобщее жизни – одно для всех людей и народов – может быть разнесено по разным углам и представлять разным для разных людей и народов. Особенность русских людей в том, что они готовы жить всеобщим, принимать всеобщее как своё и отдавать – ему – себя.

Русские способны заражать всеобщим других людей и другие народы. Исторически они заразили этим народы Поволжья и южных степей, народы Крайнего Севера, народы Западной и Восточной Сибири, народы Дальнего Востока. В виде проекта строительства коммунизма, отстаивая всеобщее, русские привнесли весть о нём в Европу, Азию, Африку и Латинскую Америку.

Да, многие народы мира хотят устроиться и жить самостоятельно, т.е. хотят устроиться без Бога, и у них это почти получается. Получается, правда, только отчасти и на некоторое время. Для русских же такое устройство смертельно. Само вхождение русских в мир тесно связано с идеей всеобщего, в сопоставлении с которым любое устройство без Бога оказывается ничем и обречено на забвение.

Россия напоминает всем народам о правде. Её дело и её историческая миссия в том, чтобы своим существованием вносить в мир весть о правде и не дать миру выродиться. Но если на земле может возникнуть мир без правды, то само существование мира связывается с концом мира, с апокалипсисом. В русской истории и в на-

стоящем всё объясняет именно ориентир целого и всеобщего. При этом необходимо различать свою веру и свою связь с ней и то, что есть другие люди, другие народы и другая вера. При этом такое различие не должно вести к обособлению. Надо принять, что другое тоже есть, но, принимая это, в первую очередь надо верить и служить своей вере. Вера, если она есть, всегда всецелостна, всегда есть всё и вся. И это не может не быть связано с одержимостью и радикализмом.

Без события всеобщего, без событийной полноты жизни люди и народы способствуют привнесению в жизнь ничто, отдавая ему свои силы. За счёт человека небытие вторгается в жизнь и поражает её изнутри. В этом случае люди и народы становятся проводниками небытия. Обман и грабёж онтологически связаны с ничто и принятием его людьми: они разворачиваются из пустоты, из ниоткуда.

При этом сами люди и народы могут не знать о том, что они привносят в мир и чему служат основанием. Могут не знать, чем они задеты, могут не знать, какое настроение ими движет. Настроения становятся понятными, когда в них входят и в них погружаются. Извне любое настроение может представлять совершенно другим.

Готовность русского народа отдаться всеобщему приводит к тому, что он готов жертвовать своим земным устроением. Земное – у русских – отдаётся, им не живут и от него отказываются. При этом чувство небесного, мысль о нём и свою связь с ним русский человек и народ не отдают никому. Небесное есть то, что объединяет людей друг с другом и делает их народом. Связь с небесным настолько крепка, что всё земное – в сравнении с ней – оказывается неполным и ненужным, временным и недолговечным. Надо принять, что всё земное и порознь, и всецело меньше небесного и объемлемо им. Присутствие метафизики позволяет восполнить земное – физическое – ослепление. Корректирование земного – небесным – возможно и необходимо, тогда как обратное сужает взгляд и лишает понимание глубины, высоты и широты.

Изменяя себе и подменяя себя, люди и народы вырождаются и сходят на «нет». У нас – в России – жизнь равняет себя по всеобщему, но никак не по частному, которое предстаёт только «довеском» к жизни. Изменение жизни и её преобразование допускаются, но только не по отношению к сути, не к внутренней и стержневой линии, связывающей идею (форму), энергию и цель жизни русских. И даже если изменение жизни – в форме игры – подминает собой выверенные и сохраняющиеся – традиционные – устои жизни, то со временем выясняется, что в широкой исторической перспективе игра не захватывает внутреннюю суть русской жизни. Изменению подвержено то, что не трогает душу русского человека и душу русского народа.

Другой стороной связи русской жизни с всеобщим является присутствие в ней безмерного. В нашем бытии всегда проявляет себя то, чему невозможно задать меру. Таковы настроения горя и несчастья, связанные с голодом, войной, разрухой, побуждающие и принуждающие человека и народ тесниться и сжиматься всему земному, всегда имеющему некую меру: меру времени, меру сил, меру денег, меру иных ресурсов и меру удовольствия. Безмерное высказывает и выказывает себя в бессилии, бездушии и непонимании – человеком и народом – своей жизни. Проявляя себя по-разному, безмерное оказывается значимым фактором русской жизни, проверяя её на предмет соответствия сущего – бытию.

Русский народ «имеет опыт края и имеет вкус к нему», он «готов встретиться с предельным» (Bibikhin, 2017a: 31). Безусловное начало таково, что не человек его выбирает. Оно, а не он, начинает человека; человек начинается со столкновения с безусловным. Причём исчерпать безусловное условным нельзя. Когда вводятся какие-то условия рассмотрения мира, то метафизическое понимание мира уступает место его техническому рассмотрению.

Люди – не боги, и понимая это, они могут хранить память о разделяющей их дистанции, но в то же время понимать и сохранять свою связь с божественным.

Правда связывает человека и народ с Богом, когда другой конец такой связи оказывается в них самих, если только они сами не отказываются от такого присутствия и искусственно (технически) от него закрываются. Правда – это другая сторона присутствия в человеке и в народе нетленного другого, ближе которого – в них – нет ничего.

Власть в России должна отвечать и отвечает не земной, но метафизической мере. И если она этого не делает и оказывается к этому неспособной, то такая власть должна уступить место другой – правой – власти, ибо иначе она воспринимается народом как нерусская и неподлинная.

Безоговорочность власти проявляет себя по-разному: в самодержавии, в ответе метафизике русской жизни, в тождестве себя с правдой как сутью народной жизни, в служении ей и в крепости души и духа. Любое сказанное слово – в таком случае – оказывается только частичным. Власть мало любого слова и, ориентируясь на метафизическую глубину русской жизни, она связывает себя с молчанием. Власть в России не может этого не делать. Во всём сказанном, исходящем и от самой власти, и во всём говоримом – от имени власти народу – всегда присутствует несказанное, но подразумеваемое. Поэтому русское слово, направленное к власти и от неё исходящее, всегда соотносится с оговорками и намёками, другой стороной которого становится конспирология.

История России непонятна без метафизики. Наша история – это история испытания народа на соответствие правде, на проверке ответа ей и делу несения правды независимо от того, какие для этого требуются человеческие траты. В этом – разница между «мы» и «они», между «нами» и «ними». Мы – русские – принимаем её как должное, принимаем безмерность правды, но нам мало и недостаточно задать правде меру, исходящую от себя, как и не хватает принятия любых мер в отстранении от должного и связывании себя с отчуждением, рефлексией и отказом от внутренней связи с должным как таковым.

Сознание неизбежно интерпретирует странность и отдельность живого от себя. И делает это на своих основаниях, устанавливая и удерживая разницу между сознанием и сознаваемым. Связав себя с метрикой и привязавшись к ней, человек не может выйти к правде, ибо он отстранён от себя: отстранён метрикой, пространством и временем, отстранён сознанием. Человек не может слиться с собой, если опирается на сознание. Сознание блокирует понимание человеком его онтологии, устанавливая – бытию – свою дисциплину и свой порядок, когда такая дисциплина и такой порядок, связаны с осознанием. Показательно и то, что христианин понимает себя не индивидуально, не личностно. Он опирается не на сознание, а на любовь, принятие и принятие.

Сознание мешает человеку попасть в себя как такового. Каждый раз, когда человек отталкивается от сознания, он раздвигается между тем, что порождено его сознанием и с ним связано, и тем, что есть вне и до осознанности. Человек отстраняется от того, что действует – в нём – само, когда связывает себя с действием смотрения и зрения. Как замечает Библихин в статье «Онтологические основания правды»¹, так возникает пространство между своим и другим в себе (Bibikhin, 1998–1999). Одно предстаёт разным и не собранным воедино. В перспективе смотрения – рассматриваемое (предмет) всегда не полно. Оно отдаляется от человека, и связь между предметом и человеком поддерживается только смотрением. Не будет его – и предмет исчезнет, уйдёт от человека в сторону.

Странное показывает себя в отделении и отдалении чего-либо от себя самого, когда такое отстранение человеком и народом замечается и наблюдается. На основании такой странности определяется пространство. Но существо человека и существо

¹ Текст состоит из семи частично отредактированных лекций из курса «Правда (онтологическое обоснование этики)», прочитанного В. В. Библихиным на философском факультете МГУ осенью 1998 – весной/осенью 1999 годов. Особо следует оговорить, что в указанной статье, размещенной на сайте, страницы текста не пронумерованы.

народа – в таком пространстве и осознанности странного – не меняется. Суть их остаётся неизменной. В пространстве человек и народ различены и раздвоены, но они могут и собраться: собираются они в событии. Может собраться и собирается тот, кто – по жизни – пребывает в рассеянности. Фактором такой собираемости человека становится проступание в существовании явных черт бытия человека и народа. И там, где такое очевидно, выказывает себя событие. Заметим и то, что человек и народ не могут ощущать и переживать другую эпоху и другое время как свои, но они могут их знать. И в этом случае история учит, но учит путём отстранения, учит посредством дистанции и показа разницы.

Итак, пространство определяется в отстранённости человека от себя. По мысли Бибикина, в зрении, во взгляде, в смотре-нии человек ощущает участие и присутствие странности (Bibikhin, 1998–1999). В зрении всегда есть разница между тем, кто смотрит, и тем, что смотрится и рассматривается. Обрести тождество, которое бы нивелировало странность различия между ними, крайне трудно. И сделать это можно только на время. «Открытая нам странность, начало пространства, вручена нам» (Bibikhin, 1998–1999). И её приходится принимать. Пространство фиксирует странность человека, когда он оказывается между собой и собою же.

В пространстве правды не найти, ибо её там нет. Правда вносится в пространство человеком и народом, если они от неё не отказываются, а не отказываются они от правды тогда, когда различают себя, которые действуют в пространстве, от себя внутренних. Внутренний человек в чело-

веке – это тот, кто за ним присматривает и наблюдает. Так проявляет себя правда. Принятие внутреннего присматривания оказывается безоговорочным и беспричинным, принципиальным и первичным. Уже потом возникают разные оговорки, причины и следствия, и определяются они на основе сознания.

Человек сталкивается с присутствием в себе начала, которое наблюдает за ним изнутри. Правда – одно из имён этого невидимого присутствия. Наряду с наблюдением за собой человек ещё и показывает себя таким, какой он есть. Здесь важна неостановимость такого показа. Сам показ себя миру оказывается способом – для человека и народа – быть в мире и заявлять о себе, показывая себя.

Есть только то, что показывает себя и может наблюдаться. Так и только так человек и народ могут быть. Проблема-тичность бытия нарастает по мере утраты внутреннего присмотра за собой и показа себя миру, т.е. по мере отказа от правды. Правда действует – в человеке и в народе – как нечто постороннее: как другая их – открытая – сторона, благодаря чему человек и народ становятся высвеченными не извне, но изнутри, когда даёт о себе знать их внутренняя собранность и состоятельность.

Похоже, что у русских такая собранность и состоятельность есть. Всё дело в связывании себя с правдой, в принятии нездешнего её характера, в отстаивании созерцания наряду с действием, в связывании себя с внутренним человеком. Правда – это то, из чего русские исходят. Это первичное отношение, из которого они берут начало, которому они себя показывают и веряют. Веряют такими, какие есть, без прикрас.

Список литературы / References

- Berdiaev N. A. *IA i mir ob"ektov* [I and the world of objects]. In: *Filosofia svobodnogo dukha. Vstup. st. A. G. Myslivchenko; Podgot. teksta i primech. R. K. Medvedevoi* [Philosophy of the free spirit. Introduction by Myslivchenko A. G.; Subg. of text and notes by Medvedeva R. K.]. M., Respublika, 1994, 230–316.
- Bibikhin V. V. *Nashe mesto v mire* [Our Place in the World]. In: *Drugoe nachalo* [Another Beginning]. SPb., Nauka, 2017, 221–230. Next (Bibikhin, 2017r)
- Bibikhin V. V. *Ontologicheskie osnovaniia pravdy* [The Ontological Foundations of Truth]. 1998–1999. Available at: http://bibikhin.ru/ontologicheskie_osnovaniya_pravdy#b4286 (accessed 17 October 2025).

- Bibikhin V. V. *Otdel'nye zapisi 1965–1989 godov [Selected recordings from 1965–1989]*. SPb., Vladimir Dal, 2022. 814.
- Bibikhin V. V. Svoi i chuzhye [Ours and Ourselves]. In: *Drugoe nachalo [Another Beginning]*. SPb., Nauka, 2017, 176–191. Next (Bibikhin, 2017b)
- Bibikhin V. V. Uzhasnye veshchi [Terrible Things]. In: *Drugoe nachalo [Another Beginning]*. SPb., Nauka, 2017, 143–151. Next (Bibikhin, 2017c)
- Bibikhin V. V. *Uznaj sebya [Get to know yourself]*. SPb., Nauka, 1998. 577.
- Bibikhin V. V. Zakon russkoi istorii [The Law of Russian History]. In: *Drugoe nachalo [Another Beginning]*. SPb., Nauka, 2017, 8–61. Next (Bibikhin, 2017a)
- Sergeev A. M. *Blizkie mysli [Close Thoughts]*. SPb., Vladimir Dal, 2020. 351.
- Sergeev A. M. *Russkie: opyt samoponimaniia [Russians: An Experience of Self-Understanding]*. SPb., Vladimir Dal, 2025. 284. Next (Sergeev, 2025b)
- Sergeev A. M. *The Search for Russian Truth*. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2025, 18(9), 1748–1756. EDN: SAGODS. Next (Sergeev, 2025a)

EDN: XKAFOQ
УДК 745.04

Search for a National Image in Art Industry of USSR (Using Example of Assortment of “Ural Stonecutter” Factory in 1960s and 1980s)

Sergey Ye. Vinokurov*

*Ural Federal University
Yekaterinburg, Russian Federation*

Received 14.09.2025, received in revised form 09.12.2025, accepted 04.02.2026

Abstract. The article examines the process of searching and analyzing ways to embody the national image using the example of the activities of the leading art enterprise of the Kama Region in the 1960s and 1980s, “Ural Stonecutter” factory. The examples analyzed in the article, information about which was revealed in the factory archive, are being introduced into scientific circulation for the first time. It is shown how the masters come to embody folk types, folklore heroes, and, ultimately, turn to images significant for the region from the methods of adapting the forms of Russian antiquities that were established in the previous pre-revolutionary period. As a result, the author concludes that the image of regional identity is important in the context of the late Soviet experience of visualizing the search for a national image, and also confirms the thesis about the revival of the Russian style in Russian art in the 1960s and 1980s.

Keywords: decorative art, stone-carving art, art industry of USSR, “Ural Stonecutter” factory, Russian style, national identity, regional identity.

Research area: Theory and History of Culture and Art.

This work was supported by grant from the Russian Science Foundation (Project No. 24-78-00150) “Centers for “soft stone” carving in the USSR: general trends and regional features” (supervised by S. Ye. Vinokurov). Source of funding Ural Federal University.

Citation: Vinokurov S. Ye. Search for a National Image in Art Industry of USSR (Using Example of Assortment of “Ural Stonecutter” Factory in 1960s and 1980s). In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2026, 19(2), 447–459. EDN: XKAFOQ

Поиски национального образа в художественной промышленности СССР (на примере ассортимента завода «Уральский камнерез» 1960–1980-х годов)

С.Е. Винокуров

Уральский федеральный университет
Российская Федерация, Екатеринбург

Аннотация. В статье рассматривается процесс поиска и анализ путей воплощения национального образа на примере деятельности ведущего художественного предприятия Прикамья в 1960–1980-х годах – завода «Уральский камнерез». Анализируемые в статье примеры, информация о которых была выявлена в заводском архиве, впервые вводятся в научный оборот. Показано, как от устоявшихся в предыдущий дореволюционный период приемов адаптации форм предметов русской старины мастера приходят к воплощению народных типажей, фольклорных героев и в конечном счете обращаются к образам, значимым для региона. В результате приводится вывод о значимости образа региональной идентичности в контексте позднесоветского опыта визуализации поисков образа национального, а также подтверждается тезис о возрождении русского стиля в отечественном искусстве 1960–1980-х годов.

Ключевые слова: декоративно-прикладное искусство, камнерезное искусство, художественная промышленность СССР, завод «Уральский камнерез», русский стиль, национальная идентичность, региональная идентичность.

Научная специальность: 5.10.1. Теория и история культуры, искусства; 5.10.3. Виды искусства (изобразительное, декоративно-прикладное искусство и архитектура).

Работа выполнена за счет гранта Российского научного фонда (проект № 24-78-00150) «Центры художественной обработки «мягкого камня» в СССР: общие тенденции и региональные особенности» (рук. С.Е. Винокуров). Источник финансирования Уральский федеральный университет.

Цитирование: Винокуров С.Е. Поиски национального образа в художественной промышленности СССР (на примере ассортимента завода «Уральский камнерез» 1960–1980-х годов). *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2026, 19(2), 447–459. EDN: ХКАFOQ

Введение

Одной из актуальных тенденций современных искусствоведческих и культурологических исследований является обращение к проблеме развития художественной промышленности СССР послевоенных десятилетий. Этот аспект подтверждается как возросшим количеством публикаций (статьи, монографии), посвященных различным сто-

ронам этой чрезвычайно обширной области советского производства, так и активной поддержкой научными фондами проектов по исследованию деятельности отдельных предприятий или их региональной совокупности, проведением профильных конференций. Из последних таких мероприятий можно упомянуть круглый стол «Предметная среда Ленинграда. Музей и архив. Текст и контекст»

в рамках III Архивного съезда (2023, СПбГУ), а также всероссийские научные конференции Государственного института искусствознания: «Художественная культура советского времени: советское искусство за рубежом – зарубежное искусство в советской России» (2024), «Искусство советского времени: неосуществленные замыслы, незамеченные произведения, дискуссия, рецепция» (2025) и другие.

Обращение в рамках настоящей статьи к деятельности завода «Уральский камнерез» (село Красный Ясыл, Ординский район, Пермский край) обусловлено необходимостью рассмотрения актуального вопроса о новой волне попыток поиска национального образа в отечественном декоративно-прикладном и, в частности, камнерезном искусстве в 1960–1980-е годы. Временные рамки исследования обусловлены пониманием этого периода в качестве наиболее продуктивного в деятельности художественно-промышленных предприятий СССР в послевоенный период и до начала перестройки. Это положение подтверждается как заводскими документами, а именно количественными показателями производства, так и широкой представленностью произведений этого времени в музейных и частных коллекциях.

Относительно деятельности предприятий, специализирующихся на обработке так называемого мягкого камня (имеются в виду в первую очередь гипсовые породы, а именно селенит, ангидрит, кальцит и другие), к которым относится завод «Уральский камнерез», на сегодняшний день не существует сколько-нибудь полных исследований. Существующая лакуна обоснована недостатком информации ввиду их реорганизации или полного закрытия в 1990–2000-е годы. Однако нельзя не отметить, что в музейных и частных коллекциях предметы этих производств представлены достаточно обширно.

Единственный момент повышенного интереса специалистов к рассматриваемому направлению художественной промышленности наблюдается лишь в 1950-х годах на волне общего подъема интереса к про-

блемам развития искусства в контексте смены государственных ориентиров, в том числе проблемам качества выпускаемых художественно-промышленными предприятиями изделий. Среди таких работ нельзя не отметить первое профильное издание – небольшую брошюру (Lyalitskaya, 1955), посвященную кунгурской традиции обработки гипсовых пород. Несколькими годами позднее была издана брошюра С. М. Буданова – художника-камнереза и ювелира, сотрудника Научно-исследовательского института художественной промышленности (Budanov, 1959). В 1960-е годы информация о деятельности предприятий по художественной обработке мягкого камня встречается на страницах профильного журнала «Декоративное искусство СССР» (Vinokurov, 2024). Характерно, что поводом для публикации была критика устаревших моделей довоенного времени или позднего советского (называемого «сталинским») ампира.

Первое и до сегодняшнего дня последнее монографическое издание, посвященное деятельности завода «Уральский камнерез», было опубликовано в 1982 году. Это двуязычная монография (на русском и английском языках) известного публициста и исследователя В. Б. Семенова (Semenov, 1982). В этой небольшой работе, большую часть которой занимает альбом фотоизображений, автор сосредотачивает внимание на природных условиях, определивших появление промысла в XIX веке, а также дает краткую справку об истории завода и делает акцент на деятельности завода в 1960–1970-х годах – времени появления на производстве профессиональных художников.

В последние два десятилетия был опубликован ряд каталогов и альбомов музейных коллекций, в которых лишь намечены отдельные аспекты художественно-стилистического анализа произведений, создаваемых резчиками по мягкому камню в советские годы. В качестве примера можно привести обзор предметов из собрания екатеринбургского Музея истории камнерезного и ювелирного искусства (Budrina, 2007), альбом о творчестве А. М. Овчинни-

кова (Pestova, 2018) и другие. В этих и подобных изданиях представлены отдельные работы артелей 1920–1930-х годов и завода послевоенных десятилетий, ряд авторских произведений. Однако нельзя не отметить основное внимание составителей к анализу произведений авторского круга (т.е. существующих в единичных образцах или нешироком тираже). Между тем за пределами внимания авторов часто оказывались работы, внедряемые на заводе «Уральский камнерез» в тиражное производство.

Постановка проблемы

В статье предлагается анализ процесса поисков и путей реализации национального образа на примере ассортимента ведущего художественного предприятия Прикамья завода «Уральский камнерез» в 1960–1980-х годах. В качестве рабочей гипотезы выступает тезис о рассматриваемом периоде как времени возникновения новой волны так называемого русского стиля в декоративном искусстве и художественной промышленности СССР.

Так, на одном из последних научных мероприятий в Российской академии художеств (научная конференция «Проблемы национального стиля в культуре России XIX – начала XX вв.», 2023) в ходе дискуссий временные рамки этого явления в художественной жизни России, отражающего поиски национального художниками и мастерами, были существенно расширены, в том числе на XX век. Чтения были посвящены памяти Е.И. Кириченко (1931–2021) – ведущего специалиста по проблемам развития «русского стиля» в отечественном искусстве, автора фундаментального труда, служащего для исследователей этого художественного явления методологической основой (Kirichenko, 2020).

Художественным особенностям обращения к «русскому стилю» ювелирных фирм и камнерезных предприятий середины XIX – начала XX века посвящен целый ряд работ. Так, подробный анализ этого направления в деятельности фирмы Фаберже можно найти в статье петербургских исследователей А.В. Карпова и Н.Н. Мутя

(Karpov, 2022). В статье Л.А. Будриной (Budrina, 2025) предлагается подробный анализ опыта обращения императорских и частных камнерезных и ювелирных предприятий Санкт-Петербурга и Екатеринбурга к национальным сюжетам и мотивам. В работе, посвященной стилистическим поискам и камнерезной деятельности свердловского завода «Русские самоцветы» второй половины XX века, также в качестве одной из линий рассматривается обращение предприятия к мотивам и образам русского стиля (Vinokurov, 2025).

О возможности и справедливости определения поисков художественно-промышленными предприятиями СССР заявленного периода национального образа свидетельствуют современные им публикации. Так, в профильных изданиях нередко можно встретить замечания, нередко критические, о нехватке в современных моделях национальной составляющей, отражающей многовековые культурные основы (Budanov, 1961). В этом же контексте нельзя не отметить и Постановление совета министров РСФСР № 570 (1975), одним из важных постулатов которого являлась необходимость *«усилить внимание к работе художественных промыслов, оказывая помощь в бережном сохранении и творческом развитии народных художественных традиций»* (Postanovlenie).

Возможность детального анализа ассортимента ряда красносельского завода «Уральский камнерез» возникла благодаря получению доступа к архивным документам завода, в котором были выявлены технические описания¹ на вводимые в тиражное производство модели. Совокупность этих материалов, впервые вводимых в научный оборот, позволила составить объемное представление о различных аспектах проявления национальных тем и мотивов в деятельности завода. Вслед за ведущими исследователями в настоя-

¹ Техническое описание – тип документа художественно-промышленных предприятий, специальная форма представления сведений о предмете, включающая технические и образные характеристики, а также фотозображение утверждаемой в производство модели.

щей статье предлагается выделение типологии, отражающей специфику обращения и форму выражения в конкретных образцах заводских художников-камнерезов к культурному наследию.

Образцы «русского стиля»

Прежде чем перейти непосредственно к анализу ассортимента завода «Уральский камнерез», нельзя не отметить, что в деятельности кустарных мастерских и артелей конца XIX – начала XX века современных Кунгурского и Ординского районов были широко представлены модели, отражающие интерес к темам и формам, присущим допетровской Руси. Ярким свидетельством этому может служить участие Покрово-Ясылской артели во Второй Всероссийской кустарной выставке, состоявшейся в 1913 году в Санкт-Петербурге (Prahova, 1914: 81). Опубликованная в изданном по итогам этого смотра альбоме фотография дает представление об ассортименте артели начала XX века, представленном различными настольными украшениями и письменными приборами, анималистической пластикой достаточно условных форм,

а также работами, выполненными в русском стиле, имитирующими традиции русской резьбы по дереву как в моделях, так и в характере работы с материалом (рис. 1).

В послереволюционные десятилетия, вплоть до начала 1960-х годов, модели «русского стиля» уступили место преимущественно анималистике и мелкой пластике, иллюстрирующей принципы соцреализма, в частности, темам, актуальным для нового государства – спорт, достижения в сельском хозяйстве, освоение Севера и т.д. В это же время особое развитие обретают функциональные предметы, например ночные лампы и пепельницы, включающие изображения животных или повторяющие их формы. За все эти перечисленные типы моделей, отмеченные чертами натурализма и нередко тяготеющие к принципам советского ампира, в профильной литературе конца 1950 – начала 1960-х годов завод часто подвергался критике (Vinokurov, 2024).

В этой обстановке постоянной критики, с одной стороны, и необходимости исполнения плановых показателей ввода новых моделей в ассортимент – с другой, в 1960-е годы на заводе «Уральский камнерез» появ-

Рис. 1. Изделия мастеров Покрово-Ясылской волости.

Фотография из альбома Второй Всероссийской кустарной выставки 1913 года (Prahova, 1914: 81)

Fig. 1. The products of the masters of the Pokrovo-Yasylsky volost.

Photo from the album of the Second All-Russian Handicraft Exhibition in 1913 [Prahova, 1914: 81]

ляются модели, иллюстрирующие интерес к темам и формам русского стиля. В ходе работы с архивом завода было выявлено несколько десятков образцов, демонстрирующих этот процесс. В этих произведениях отчетливо прослеживается влияние на художников активного взаимодействия завода с московским Научно-исследовательским институтом художественной промышленности. Именно в это время Институт занимается активными разработками образцов для художественно-промышленных предприятий, в частности для камнерезных заводов, специализирующихся на резьбе по мягкому камню (среди них – Хаджохский и Архангельский камнерезные заводы, нижегородский завод «Борнуковская пещера») (Vinokurov, 2024: 159–160). Для каждого из названных предприятий специалисты предлагают модели, отражающие национальные черты декоративного искусства в зависимости от местоположения завода и истории региона, в котором он находится.

Рис. 2. В. А. Хлюпин. Пепельница «Птицы». 1969. Ангидрит. Фотография из архива завода «Уральский камнерез»

Fig. 2. V. A. Khlyupin. "The Birds" ashtray. 1969. Anhydrite. Photo from the archive of the "Ural Stonecutter" factory

В ряду заводских образцов, демонстрирующих появление и актуальность на протяжении нескольких десятилетий русского стиля, можно типологически выделить различные направления. Наиболее буквальным из них является использование форм русской старины, образцов декоративного искусства допетровской Руси. Одним из приемов, в частности, становится стилизация создаваемых объектов под памятники резьбы по дереву. К таким моделям относятся, например, лоточки, пепельницы и подсвечники 1960–1970-х годов.

Так, в пепельнице «Птицы» 1969 года художник В. А. Хлюпин (род. 1945) предлагает буквальное прочтение формы русского сосуда (рис. 2). Форма уплощенной чарки с ручкой, обретшая свою вторую популярность в ювелирном и камнерезном искусстве рубежа XIX–XX веков, в варианте для пепельницы 1960-х еще больше утрачивает глубину сосуда. Между тем сохраняется традиционный для подобного рода изделий декор в виде рельефного изображения стилизованных птиц, как будто буквально снятых камнерезом с памятника русской резьбы по дереву. Еще большей буквальностью трактовки отличается более ранний пример – ковш, предложенный С. М. Тюняевым (?) (рис. 3). Выпускник Московского художественно-промышленного училища имени М. И. Калинина, чья образовательная программа включала изучение памятников русской культуры, вполне логично при разработке новой модели обратился непосредственно к образцу русской старины, повторив форму традиционного ковша для разлива напитков.

К формам ковша или чарки, адаптированным и порой не сразу читаемым, обращались в своем творчестве и другие камнерезы завода «Уральский камнерез». Среди них такие образцы, как ковш «Курочка» Г. М. Герасимова (?) (рис. 4), пепельница «Декоративная» А. В. Подчезерцева (?) (рис. 5), лоток «Тетерев» А. М. Овчинникова (род. 1939) (рис. 6). В этом ряду выделяется сложностью и редкостью обращения к подобной форме подсвечник «Кони» А. М. Овчинникова (рис. 7). Камнерез для

Рис. 3. С.М. Тюняев. Лоток «Птица». 1966. Гипс, талькохлорит. Фотография из архива завода «Уральский камнерез»

Fig. 3. S.M. Tyunyaev. "The Bird" tray. 1966. Gypsum, talcochlorite. Photo from the archive of the "Ural Stonecutter" factory

Рис. 4. Г.М. Герасимов. Ковш «Курочка». 1960-е. Талькохлорит. Фотография из архива завода «Уральский камнерез»

Fig. 4. G.M. Gerasimov. "The Chicken" ladle. 1960's. Talcochlorite. Photo from the archive of the "Ural Stonecutter" factory

Рис. 5. А.В. Подчерзетцев. Пепельница «Декоративная». 1983. Кальцит. Фотография из архива завода «Уральский камнерез»

Fig. 5. A.V. Podchezertsev. "Decorative" ashtray. 1983. Calcite. Photo from the archive of the "Ural Stonecutter" factory

Рис. 6. А.М. Овчинников. Лоток «Тетерев». 1980. Ангидрит. Фотография из архива завода «Уральский камнерез»

Fig. 6. A.M. Ovchinnikov. "Black Grouse" tray. 1980. Anhydrite. Photo from the archive of the "Ural Stonecutter" factory

этой модели взял за основу тип ковши с двумя ручками – скобкарь. Ручки, переходящие в тулово подсвечника, составлены двумя стилизованными фигурами «коников», очевидно почерпнутых автором из традиционной русской деревянной игрушки.

Еще одно проявление рассматриваемой темы в ассортименте завода прослеживается в моделях, изображающих типы русских

героев и персонажей фольклора. Наиболее известным образцом этой линии является скульптура «Лучник» А.М. Овчинникова (рис. 8). Фигура стрелка из лука в костюме русского витязя, преклонившего колена для прицела, вписана в квадрат, превращая изображение героя в знак или символ. Чуть позднее камнерез предложил еще одну модель – «Витязь» (рис. 9), демонстрирую-

Рис. 7. А. М. Овчинников. Подсвечник «Кони». 1968. Ангидрит. Фотография из архива завода «Уральский камнерез»

Fig. 7. A. M. Ovchinnikov. "Horses" candlestick. 1968. Anhydrite. Photo from the archive of the "Ural Stonecutter" factory

Рис. 8. А. М. Овчинников. Статуэтка «Лучник». 1968. Кальцит. Фотография из архива завода «Уральский камнерез»

Fig. 8. A. M. Ovchinnikov. "The Archer" statuette. 1968. Calcite. Photo from the archive of the "Ural Stonecutter" factory

Рис. 9. А. М. Овчинников. Статуэтка «Богатырь». 1970. Талькохлорит. Фотография из архива завода «Уральский камнерез»

Fig. 9. A. M. Ovchinnikov. "The Bogatyr" statuette. 1970. Talcchlorite. Photo from the archive of the "Ural Stonecutter" factory

щую иной подход к формообразованию через округлые формы, однако по-прежнему обобщающие образ через сохранение блочного характера объема.

Образ русского витязя раскрывается Овчинниковым и в декоративном панно «Победитель», изображающем всадника с горном в руках (рис. 10). Внимательное рассмотрение этой модели обнаруживает под ногами коня условное изображение свернувшегося змея, что дает возможность сопоставить эту модель с образом Георгия Победоносца. Очевидно, что под образом условного победителя художник подразумевал этого важного героя изобразительного и декоративно-прикладного искусства дореволюционной России.

В ассортименте завода можно выделить также декоративные предметы, в которых национальная тема раскрывается через сюжет или лиричный образ героя из народа, часто женского персонажа в традиционном костюме. К таким произведениям можно отнести декоративную пластину «Пряха» и статуэтку «Пастушок» А. М. Овчинникова, статуэтки «За водой» и «Подружки» Ф. П. Овчинниковой (1940–2019), статуэтка «Скоморох» В. В. Потемкина (?).

Отдельную линию составляют произведения, в которых используются декора-

Рис. 10. А. М. Овчинников. Панно «Победитель». 1969. Дерево, ангидрит. Фотография из архива завода «Уральский камнерез»

Fig. 10. A. M. Ovchinnikov. "The Winner" panel. 1969. Wood, anhydrite. Photo from the archive of the "Ural Stonecutter" factory

Рис. 11. Ф. Н. Шаршавин. Пластина «Жар-Птица». 1968. Талькохлорит. Фотография из архива завода «Уральский камнерез»

Fig. 11. F. N. Sharshavin. "The Firebird" plate. 1968. Talcochlorite. Photo from the archive of the "Ural Stonecutter" factory

тивные мотивы древнерусского искусства или русского стиля рубежа XIX–XX веков. Как будто сошли с памятников русской деревянной резьбы стилизованные образы птиц в статуэтке «Петух» и декоративной пластине и подсвечника под одним названием «Жар-Птица» Ф. Н. Шаршавина (рис. 11), в которых художник выстраивает декоративный образ на линии, подчеркнутой невысоким рельефом. Этот же прием использован в ажурной подвеске «Сирин» А. М. Овчинникова, также отсылающей к прорезному декору наличников и других элементов декора русской избы.

Наконец, нельзя не выделить сказочные и фольклорные образы, которые также возможно рассмотреть как пример тенденции по поиску национального образа. К таким моделям относятся статуэтка «Водяной» А. М. Овчинникова и светильник «Нептун» А. И. Шадрина (1935–?), а также декоративная пластина «Аленушка» Ф. Н. Шаршавина. Эти модели отличает иллюстративный характер образа, почерпнутый очевидно

из современной мультипликации. Это же в полной мере относится к моделям ночных ламп «Избушка на курьих ножках» Овчинникова (рис. 12) и «Печка» Ф. П. Овчинниковой.

Региональный аспект как проявление национального

Говоря о поисках национального образа в художественной промышленности СССР последних десятилетий нельзя не уделить отдельное внимание первым попыткам мастеров поиска визуального решения, связанного с пониманием региональной идентичности. Часто в литературе этот аспект рассматривается на примере позднего СССР и 1990-х. Однако, как показывает обращение к документации художественно-промышленных предприятий, этот процесс в отечественном искусстве начался задолго до начала перестроечных движений 1980-х. В этом отношении размышления художников о региональном образе могут быть рассмотрены, на наш

Рис. 12. А.М. Овчинников. Светильник «Избушка на куриных ножках». 1971. Кальцит, ангидрит. Фотография из архива завода «Уральский камнерез»

Fig. 12. A.M. Ovchinnikov. "Hut on chicken legs" lamp. 1971. Calcite, anhydrite. Photo from the archive of the "Ural Stonecutter" factory

Рис. 13. А.М. Овчинников. Скульптура «Хозяйка медной горы». 1960-е. Селенит. Фотография из архива завода «Уральский камнерез»

Fig. 13. A.M. Ovchinnikov. "Mistress of the Copper Mountain" sculpture. The 1960s. Selenite. Photo from the archive of the "Ural Stonecutter" factory

взгляд, как часть тенденции поиска визуального воплощения национальной идентичности многонационального государства.

Завод «Уральский камнерез» как ведущее художественное предприятие Пермской области (сегодня – Пермский край) было плотно включено в процесс поиска образа региона. Так, одним из решений 1960-х годов была попытка обращения к сказам П.П. Бажова, повествующих о горнозаводском Урале. Однако нельзя не отметить, что эта линия производства не нашла своего дальнейшего продолжения. Во многом это связано с тем, что этот аспект идентичности уже был задействован художниками и мастерами Среднего и Южного Урала (в основном Свердловской и Челябинской областей).

Между тем в ассортиментном ряду завода 1960-х – начала 1970-х годов встречается несколько вариантов «бажовской» темы. Среди них несколько вариантов ста-

туэтки «Хозяйка Медной горы» (рис. 13) и «Огневушка» А.М. Овчинникова, статуэтка «Данило мастер» А.И. Шадрина. Иллюстративный характер образов, почерпнутый из широко издававшихся тиражей «Малахитовой шкатулки» П.П. Бажова, не дает новых вариантов прочтений этих образов. В эту же линию укладывается статуэтка «Уралочка» Шадрина, как будто вторящая «Огневушке» Овчинникова. Обращение к сказам П.П. Бажова, посвященным все же заводам и мастерам горного Урала, очевидно, не смогло ответить на вопрос о региональной идентичности Прикамья, пусть частично и связанного территориально с Уралом.

Более интересным решением в этом контексте можно назвать обращение к образу Камы – главной водной артерии Пермской области. Река Кама, воспетая в песнях этого времени, в работах художников обрела лирическое прочтение в образе молодой девушки. Такой она предстает в декоратив-

Рис. 14. Ф.Н. Шаршавин. Пластина «Кама». 1969. Ангидрит. Фотография из архива завода «Уральский камнерез»

Fig. 14. F.N. Sharshavin. "The Kama" plate. 1969. Anhydrite. Photo from the archive of the "Ural Stonecutter" factory

Рис. 15. Подсвечник «Кама». 1969. Ангидрит. Фотография из архива завода «Уральский камнерез»

Fig. 15. "The Kama" candlestick. 1969. Anhydrite. Photo from the archive of the "Ural Stonecutter" factory

ной пластине Ф.Н. Шаршавина (рис. 14). В одноименном подсвечнике (автор – неизвестен) образ девушки трансформируется в изображение русалки, плывущей по речным волнам (рис. 15).

Завод «Уральский камнерез» был одним из первых в Прикамье среди обратившихся к образу медведя в качестве визуального символа региона. Так, в декоративной пластине «Урал» А.М. Овчинникова представлено профильное изображение медведя (рис. 16). Обращение к этому животному не случайно, поскольку тесно связано с народными представлениями обско-угорской культуры (Koshkarova, 2013). Сегодня медведь – один из часто репродуцируемых образов практически во всех сферах жизни Пермского края.

Следующим шагом в этом направлении стало обращение к знаменитому образу «медведь в жертвенной позе» – одному из наиболее узнаваемых сюжетов Пермского звериного стиля (Ovsyannikov, 2013). Так, в 1981 году в производство

на заводе была утверждена модель подвески из кальцита «Медведь» авторства А.М. Овчинникова (рис. 17). Небольшой предмет представляет собой буквальное прочтение известного образа медведя, опустившего голову на передние лапы. Отметим, что в это же время «медведь-жертва» становится одним из частых декоративных мотивов, используемых не только в прикладном искусстве, но и в оформлении архитектурных сооружений Перми (Dianova, 2020). Тем самым можно сделать вывод, что деятельность художников завода «Уральский камнерез» в рассматриваемый период отвечала актуальным тенденциям и запросам.

Заключение

Таким образом, проанализированные примеры, выявленные в архиве завода «Уральский камнерез», позволяют сделать вывод об основных линиях развития русского стиля в художественной промышленности СССР 1960–1980-х го-

Рис. 16. А. М. Овчинников. Пластина «Урал». 1968. Талькохлорит. Фотография из архива завода «Уральский камнерез»

Fig. 16. A. M. Ovchinnikov. "Urals" plate. 1968. Talcchlorite. Photo from the archive of the "Ural Stonecutter" factory

Рис. 17. А. М. Овчинников. Подвес «Медведь». 1981. Кальцит. Фотография из архива завода «Уральский камнерез»

Fig. 17. A. M. Ovchinnikov. "The Bear" pendant. 1981. Calcite. Photo from the archive of the "Ural Stonecutter" factory

дов – времени очередного взлета интереса к национальному наследию в истории отечественного искусства. Так, с одной стороны, можно отметить определенную вторичность поисков художников завода в области переработки древнерусских образцов по сравнению с классическим периодом развития русского стиля (середина XIX – начало XX века). Между тем нельзя не выделить в качестве удачного решения обращение камнерезов к пусть и иллю-

стративным, но удачно решенным образам героев русского фольклора. Рассмотрение в этом контексте произведений, связанных с образом региона, как представляется, еще раз подчеркивает важное значение проблемы поиска национальной идентичности для искусства и художественной промышленности позднего СССР, требующей продолжения исследования, в том числе на материалах других регионов и других видов искусства.

Список литературы / References

- Budanov S. M. *Hudozhestvennaja obrabotka mjagkogo kamnja* [Artistic processing of soft stone]. Moscow, Vsesojuznoe kooperativnoe izdatel'stvo, 1959. 35.
- Budanov S. A. Opjat' o kamne [About the stone again]. In: *Dekorativnoe iskusstvo SSSR (Decorative Art of USSR)*, 1962, 4, 47–48.
- Budrina L. A. «Russkij stil'» v kamnereznom iskusstve vtoroj poloviny XIX – nachala XX veka [“Russian Style” in Stone-Carving Art of the Second Half of the 19th Century to the Early 20th Century]. In: *Terra artis. Iskusstvo i dizajn* [Terra artis. Art and Design.], 2025, 2, 64–75. DOI: 10.53273/27128768_2025_2_64
- Budrina L. A. Mjagkij kamen' [Soft Stone]. In: *Puteshestvie v mir kamnja: Muzej istorii kamnerez-nogo i juvelirnogo iskusstva* [Journey into the world of stone: Museum of the History of Stone-Cutting and Jewelry Art], Ekaterinburg, Izdatel'skij dom «Avtograf», 2007, 217–239.

Dianova Ju.V. “Medvedi v gorode”: vizual’naja jestetika gorodskoj sredy Permi [“Bears in the City”: visual aesthetics of the Perm urban environment]. In: *Urbanistika*, 2020, 3, 37–43. DOI: 10.7256/2310–8673.2020.3.33515

Karpov A. V., Mut’ja N.N. «Russkij stil’» v izdelijah firmy Karla Faberzhe konca XIX – nachala XX vv. [The Russian Style in the Works by the House of Fabergé from the Late 19th Century and the Early 20th Century]. In: *Terra artis. Iskusstvo i dizajn [Terra artis. Art and Design.]*, 2022, 2, 36–62. DOI: 10.53273/27128768_2022_2_36

Kirichenko E.I. Russkij stil’ [Russian Style]. M., BuksMArt, 2020, 580.

Koshkarova Ju. A. Permskaja model’ arhetepicheskogo obraza medvedja [The Perm model of the archetypal image of a bear]. In: *Labirint Zhurnal social’no-gumanitarnyh issledovanij [Labyrinth. Journal of Social and Humanitarian Studies]*, 2013, 3. 7–16.

Lyalitskaya S. D. *Molotovskie kamnerezy [Molotov stone cutters]*. M., Vsesojuznoe kooperativnoe izdatel’stvo, 1955. 56.

Ovsjannikov V. V. K voprosu o proishozhdenii sjuzheta “Medved’ v zhertvennoj poze” v Permskom zverinom stile [To the question of the origin of the plot «a bear in sacrificial posture» in Perm animal style]. In: *Vestnik Permskogo universiteta: Istorija [Perm University Herald. History]*, 2013, 1, 77–83.

Postanovlenie Soveta Ministrov RSFSR ot 22 oktjabrja 1975 g. № 570 «O razvitii narodnyh hudozhestvennyh promyslov v RSFSR». Available at: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&nd=196015299 (accessed: 12 December 2024).

Prahova A. V. Russkoe narodnoe iskusstvo na Vtoroj Vserossijskoj kustarnoj vystavke v Petrograde v 1913 g. [Russian folk art at the Second All-Russian Handicraft Exhibition in Petrograd in 1913.]. Petrograd, Glavnoe upravlenie zemleustrojstva i zemledelija, 1914. 88.

Semenov V.B. Ural’skij kamnerez [Ural stonecutter]. Perm, Permskoe knizhnoe izdatel’stvo, 1982. 197.

Vinokurov S. E. “Protiv bezvkusicy”: kritika kamnereznogo iskusstva na stranicah zhurnala «Dekorativnoe iskusstvo SSSR» konca 1950-h – nachala 1960-h [“Against bad taste”: Criticism of Stonecutting Art on the Pages of “Decorative Art of USSR” Magazine in the Late 1950s – Early 1960s]. *Vesennie iskusstvovedcheskie chtenija – 2024 [Spring Art History Conference – 2024]*. Ekaterinburg, Izdatel’stvo AMB, 2024, 271–278.

Vinokurov S. E. Centry hudozhestvennoj obrabotki mjagkogo kamnja v SSSR: jetapy razvitija i reprezentacija regional’noj specifiky [Soft Stone Carving Centers in the USSR: Stages of Development and Representation of Regional Specifics]. *Vesennie iskusstvovedcheskie chtenija – 2023 [Spring Art History Conference – 2023]*. Ekaterinburg, Izdatel’stvo Ural’skogo universiteta, 2024, 154–161.

Vinokurov S. E., Budrina L. A. Sverdlovskij zavod «Russkie samocvety». Tom 1. V poiskah stilja. [Sverdlovsk factory “Russian Samotcvety”. Volume 1. In search of style]. SPb., Nestor-Istorija, 2025. 208.

Cultural Studies

Культурология

EDN: XZYPIG
УДК 316.722 (304.2)

An Epistemological Research Model of the City Memory Sites' Dynamics

Natalya G. Fedotova*

*Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
Veliky Novgorod, Russian Federation*

Received 09.06.2024, received in revised form 07.11.2024, accepted 04.02.2026

Abstract. The article is devoted to solving the problem of absence of stable scientific approaches in city memory sites researches, caused by the ambiguous interpretation of the “site of memory” concept in Memory Studies. The author proposes to shift the research optics to procedural nature of the significance of the city memory sites for contemporaries in the context of one or other changes. The goal of the article is to identify the epistemological frameworks for conducting the researches of city memory sites in the context of city memorial space dynamics. An epistemological model of studying the dynamics of the city memory sites is based on the process-relational methodology by J. Olick, who identified 4 concepts of “memory figurations”. As a result, the author identified the key aspects of the city memory sites dynamics researches: a) the principles of correlation between the repertoire of the city memory sites and the contexts, political forces, reflecting the dominate views on past of the city; b) understanding the city memory sites as a mediator, that leaves its mark on memorial traditions as well; c) the importance of the communicative processes as a commemorative practices, providing the actualization of city past images in the city memory sites; d) the dependence of the city memory sites interpretations on the official image (profile) of the city, its appearance and inner positioning. As illustrations the paper presents the results of research by Russian scientists, studying the Russian cities' memory sites.

Keywords: city, J. Olick, culture memory, memory sites, city past images.

Research area: Culturology.

The research was funded by the Russian Science Foundation, project No. 24–18–00672, <https://rscf.ru/project/24–18–00672/>

Citation: Fedotova N. G. An Epistemological Research Model of the City Memory Sites' Dynamics. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2026, 19(2), 462–471. EDN: XZYPIG

Эпистемологическая модель исследований динамики мест памяти города

Н.Г. Федотова

*Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
Российская Федерация, Великий Новгород*

Аннотация. Статья посвящена решению проблемы отсутствия устойчивых научных подходов в исследованиях мест памяти города, вызванной неоднозначной интерпретацией концепта «место памяти» в Memory Studies. Автором предлагается смещение исследовательской оптики на процессуальный характер значимости мест памяти города для современников в контексте тех или иных изменений. Целью статьи послужило выявление эпистемологических рамок для проведения исследований мест памяти города в контексте динамики мемориального пространства города. Эпистемологическая модель изучения динамики мест памяти города строится автором на основе процессно-реляционной методологии Дж. Олика, который выделил четыре концепта «фигурации памяти». В результате выявлены ключевые аспекты исследований динамики мест памяти города: а) принципы корреляции между репертуаром мест памяти города и контекстами, политическими силами, отражающими доминирующие взгляды на прошлое города, б) понимание мест памяти города как символических посредников, что накладывает отпечаток и на мемориальные традиции, в) важность коммуникативных процессов как коммеморативных практик, обеспечивающих актуализацию образов городского прошлого в местах памяти города, г) зависимость интерпретации мест памяти города от официального образа (профиля) города, его внешнего и внутреннего позиционирования. В качестве иллюстраций в работе приводятся результаты исследований отечественных ученых, изучающих места памяти российских городов.

Ключевые слова: город, Дж. Олик, культурная память, места памяти, образы городского прошлого.

Научная специальность: 24.00.00. Культурология.

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда, проект № 24–18–00672, <https://rscf.ru/project/24–18–00672/>

Цитирование: Федотова Н.Г. Эпистемологическая модель исследований динамики мест памяти города. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2026, 19(2), 462–471. EDN: XZYPIG

Introduction

In culturological discourse «memorial boom», which opened the new vectors, objects and research methodologies, is becoming more and more diverse every year, adding to the collection of memory studies a certain scientific view on collective memory through the prism of values, cultural codes, images. The relevance

of the culture memory researches is mostly explained on one hand, by those “gaps” in the processes of structuring of collective identities that became the consequence of globalization and digitalization of the society. Besides, the interpretation of meanings, explaining the collective past is the most important factor, defining the structuring of social reality in

different societies. From the Jeffrey Olick's point of view, we can consider the past as an area, "where you can fight not only for interests and resources..., but for that same identity, which first of all maintains and organizes these interests" (Olick, 2016: 49).

Meanwhile the researches of culture memory are relevant to the city. In this context culture memory as a result of interaction of the past and the present in socio-cultural context (Erll, 2008: 2) is constructed around the city past images, which reflected in city space in different ways (in streets' names, in city architecture), in event agendas (festivals), in work of art about the city (cinematography). One of the relevance aspects of this kind of research at the junction of memory studies and urban studies, among other things, is explained by the fact that cities nowadays are in a situation of searching for uniqueness and they compete for mobile resources – for tourists, investors, potential residents, that arouses scientific interest of researchers in cultural practices and phenomena, which "emphasize" authenticity of territories.

City culture memory as "a difficult space of storing, sharing and actualization of city culture meanings" (Fedotova, 2020: 131) manifests itself in a set of city culture elements (symbols, myths, facts, iconic place), representing collective past traces. The culture memory's structuring and dynamics are influenced by different actors and practices, which set the vectors of maintaining of one or another city past images. It should also be pointed out that the city culture memory is closely correlated with the processes of city identity and city images structuring as well as with mechanism of local patriotism and a sense of belonging of the citizens to the city formation. Consequently one of the research focuses in this direction is related to study of the city memory sites as places where urban past images are stored and transmitted to the next generations.

Theoretical Framework

The researches of the city memory sites are based on wide range of scientific sources, setting the conceptual frameworks for memory studies. In particular, the general principles of

collective memory functioning are identified in a classical works of P. Ricœur, M. Halbwachs, E. Durkheim, A. Warburg. So, the research of Maurice Halbwachs shows, that "collective memory and social frameworks of memory exist, and our individual thinking is capable of remembering insofar as it's enclosed within this frameworks..." (Halbwachs, 2007: 30).

A culturological view of culture memory is presented in the works of German school of researches (J. Assmann, A. Erll, A. Assmann), where it's emphasized that it has a conditional or symbolic character, i.e. "it can be carried out only artificially in the institutional frameworks" (Assmann, 2011: 23), transmitting and actualizing the culture meanings. Alideda Assmann thinks that the culture memory uses so-called symbolic mediators as a support, letting to transmit past images beyond generations. Whereas in her opinion, the culture memory is constructed by changing the actual and potential layers where "where recalling and oblivion mutually penetrate each other" (Assmann, 2016: 33). Researches of Frances Yates is in the same context (Yates, 1992). She supposes that from ancient times people choose the sacred places so that they transmit images that are significant to them.

The scientific works that reveal the symbolic functions of city sites, providing the certain attitude of person to the locations of city space are no less important for researcher in this direction. So, Marc Augé defines a space as «anthropological» space, combining past and contemporaneity, "creating the identity, forming connections and relating to history" (Augé, 2017: 36). In contrast, he comprehends "non-sites" as spaces, "devoid of meaning, without purpose, which generate new scales of communicative connections and movings in postindustrial society" (Augé, 1992: 100). City sites maintain the identity, set connection with citizens, carry the memory of city past.

Speaking of culture memory's symbolic nature, it's necessary to emphasize that symbolicalness of memory site is confirmed by the unique connection of site with social and cultural practices, that, in British sociologist J. Urry's opinion, make this place valuable by "a special link between, on one hand, geo-

graphical proximity, characterized by pretty intense interactions based on co-presence and on the other hand – rapidly spreading networks, covering long physical distances” (Urry, 2012: 202).

Meanwhile, the author of the “memory site” concept Pierre Nora comprehends these places as “the remains of the past” (Nora, 1999: 26) or as an objects of material or nonmaterial character, which with time, thanks to the efforts of many people, acquire the symbolic character and become the memory element (Nora, 1996). This includes museums, archives, cemeteries, collections, holidays, anniversaries, treatises, protocols, monuments, temples, associations (Nora, 1999: 26). Since Pierre Nora has set a broad context of memory sites’ understanding, which is rather peculiar to French expression “*lieu de mémoire*”, the consequence of this was an ambiguous interpretation of this concept by scientists. In particular, Russian researches, studying city memory sites as a subject of research, consider not only material objects of urban space – from monuments (Zubanova, 2023) to entire streets (Shub, 2020), but non-material objects (Golovashina, 2022), adhering to a broad interpretation of “memory site” concept.

Statement of the Problem

Ambiguity of memory sites’ interpretation that we have indicated determined in the scientific sources the lack of a clear epistemological frameworks and thus, specific scientific approaches to “memory site” concept usage problem within the urban context. Moreover, discrepancies in understanding of memory sites, caused by the blurring of theoretical positions in this problematics, complicate the process of correlations making in memorial landscape’s empirical researches in one or another city, that reduce the potential for use of this concept in memory studies.

We suggest to consider the solution of the epistemological city memory sites researches’ modeling problem not so much by defining the position to the interpretation of this concept, but through accents on the character of symbolical connections with past images that going through city memory sites. Shifting of re-

search optics from conceptual analysis of city memory site as the phenomenon to emergence, functioning, actualization processes studying of these places will enable to build a certain epistemological frameworks, opening the opportunity for the next theoretical and practical researches conduction.

The key vectors of such epistemological frameworks, from our point of view, are, on one hand, city memory sites researches in statics or semantic researches of city memory sites and memorial culture, including on the basis of such places’ typology, which forms the theoretical basement of these studies. On the other hand, the procedural aspect, enabling to focus attention on the comprehensive vision of the city memory site’s significance dynamics for contemporaries in the context of one or another changes is no less important. The study of the memorial city space in dynamics, as the researchers emphasize, “requires the development of special scientific methodology which will allow us to move from the already passed stage of describing individual monuments and “sites” to the study of city memorial space dynamics as a system” (Val’dman, Krasil’nikova, 2021: 143).

Therefore this paper is devoted to the second vectors from the indicated ones and aimed at solving the epistemological model’s basis identification problem, which can be used by scientist for city memory sites’ researches conduction in the context of city memorial space’s dynamics.

Methods

Methodological basis of this work is the culturological paradigm of culture memory cognition, which has an integrate vision, combining the research contexts and different factors of city sites symbolic encoding, forming the relevant agenda of memory and determining the value of city past images. The culturological slice allow us to focus attention on the processes of past images representation in a city space as ways of transferring the memory, cultural identity through the city locations sacralization.

The communicative approach aims the culturologist at focusing on the memory pre-

serving through meanings' movements in city space and time modern processes, taking into account the features of formation meaning and city memory sites symbolization trajectories, decryption and transmission of past images, while the constructivist one – to consider the city culture memory as a multi-layered and dynamic construct. In this case attention is focused not on content of cultural meanings (the repertoire of past images) but on the processes of its localization in city space.

The epistemological model of city memory sites' dynamics study is based on the process-relational methodology of memory analysis as a social order symbolical production (Olick, 2012). Building on the scientific works of P. Bourdieu and N. Elias, the researcher criticizes the collective memory studies' traditional approaches, showing their inability to work with memory like with process and not like with static object and offer his own methodology of "memory figuration" as a new way to research the past images through 4 concepts – field, memory facilities, genre and profile – focusing attention on memories, which can connect with a certain memory site.

In that regard, we will consider 4 aspects of the epistemological frameworks in relation to city memory sites research that will allow us to focus attention on the city memory sites' functioning processual features analysis.

Discussion

The culturologists often call city memory sites "the way of certain view on the past symbolic reconstruction" (Strelnikova, 2012: 233). The symbolic nature of memory sites enable to consider the memorials, constructions, squares, natural objects as iconic places, containing and expressing the past images – military events, famous personalities' achievements, city's founding. The interpretations of iconic place are associated with "specific local memorialization and symbolization traditions (both individual and group) of the most important past events, becoming significant in the present" (Zamyatin, 2020: 31).

As A. Assmann supposes, the task of the memory site «is to return certain past events to the present" and such modernization hap-

pens in a space localization by "stable forms of preservation" and in time – by "stable forms of repeatability" (Assmann, 2014: 354), that provides collective memories by experience of the past through its immovable indications. From this, memory sites, in our opinion, are localized in the city space fragments, preserving and translating city past images. Such interpretation of city memory sites is based on city space nature, and the places themselves become those locuses of urban space, which manifest, accumulate past images. City memory sites (art object, memorial, alley, temple) are publicly available for citizens and due to its publicity, they can be included in the communicative processes, which emphasize the symbolical connection with city past images (arrangements, excursions, meetings, actions, rally, concerts).

The culturological analysis of the city memory sites supposes, as we noted above, to focus on this research object symbolical nature. Consequently, memory site cannot be considered as an absolutely stable in time phenomenon, because the value of these past images, which are manifested by it, can change. For instance, in one period of time some memory sites are relevant for contemporaries, and others at other time, that mostly depends on social, political, economic and other factors. In other words city memory sites are included in social reality dynamics and this dynamics expressed not only in setting this site or its disappearance but in the changes in the significance of the past images transmitted by it, in the processes of actualization of these images and in many other processes.

In order to understand a range of aspects of this question, let us to turn to the definition of the city memory sites' dynamics epistemological frameworks, which open up an opportunity to focus on the study of these sites functioning processes and therefore on memorialization and dememorialization processes of urban space.

The city memory sites' dynamics epistemological model of research that we offer, based on the process-relational methodology of J. Olick, places an emphasis of 4 aspects of the epistemological frameworks, allowing to iden-

tify a specific directions of city memory sites functioning dynamics scientific analysis. It's important to notice that a number of memory sites researches contexts, which the scientist mentions, are relevant in the national aspect, whereas in relation to the city, other ones are being updated, on which the researcher's accents are less obvious.

Firstly, since the city culture memory is relative and heterogeneous, the city memory sites depend on the contexts and political forces. They reflect the dominant views on the city's past, which, as a rule, can be ambiguously represented in the present. J. Olick indicates on the fields, which structure and activity are never sustainable and the field itself is "a place of fight, its nature and working rules are always either reproduced or changed and therefore cannot be taken for granted" (Olick, 2012: 48).

On this basis city memory sites are symbolically connected with a certain vision of past because they transmit through their semantics a specific meanings, connected with "a certain version of collective memory" (Krasil'nikova, 2018: 61). Herewith, the very emergence of city memory site (for example, a sculpture of famous historic personality) or its reconstruction (for instance, architectural object reconstruction) can be carried out both spontaneously and purposefully, including within the frameworks of so-called memory politics (Malinova, Memory politics..., 2019).

In this case, city memory sites' dynamics can be considered on the base of the dominant views on the city past, not only of political elites, but also of a stable urban communities, which tell about its past (memory of blockade survivor or musicians) through the memory sites' value. Accordingly, the culturological analysis of city memory sites' dynamics can be, particularly, aimed at the memorialization of certain city past images process study, at the legitimization processes of such images as a part of the modern urban culture. Besides, it's also a research of trend changes in the modern citizens' value matrix from the established new city memory sites, which either way connected with the official memorial discourse, impacting the urban locations' planning. Finally, oblivion of the past images are also determined by the

outcome of the dominant views struggle on the past, since their demolition or dismantling are indicated the revision of the assessment for the past events and the change of culture memory's repertoire (Hussein, Stephens, Tiwari, 2020: 264).

On the other hand, the dominant values of a certain communities can be the factor that allows preserving the significance of the city memory sites, despite its dememorialization from the political power's side. As an illustration of what has been said, we note that in one of the researches the Russian scientists showed that religious memory sites in the post-war village, despite the official discourse's negative attitude to them, have been the means of society consolidation for a long time, allowing "to combine the past and the future as a whole, to fill it with hopes for positive changes" (Khasyanov, Migunova, 2021: 22).

Secondly, the city culture memory lives in those mediators, which are the guides of meanings, ensuring the transfer of the city past images. The transfer means of the memorable information (or carriers of culture memory) are diverse – photo, legend, holiday and all those things that verbally, audibly, visually transmit the city past images. In J. Olick's opinion, "there is no perception without interpretation; there is no event that has not been constructed by the social forms; there is no reality in itself" (Olick, 2012: 53).

Accordingly, we are in direct contact not with the past itself but with its representative – memory transfer tool. The past gets to citizens through the symbolically encoded and objectified means in reality, forming their own picture of images. At the same time city memory sites can be considered as one of the special types of memorable information carriers, material representatives of the city past images. Part of them is related to hard carriers of city culture memory, which unlike soft ones (music, event), are firmly inscribed in the urban space.

Respectively, the city is represented in a stone, wood or granite is nothing more than a material heritage, "the memory of which is transmitted over time through the physical carriers such as buildings or monuments" (Prata, 2020: 445). The material objects built-in the ur-

ban space (for instance, bridges or public gardens), form a so-called “sense of place” (Zherdeva, 2015), which is provided by hard carriers of memory, i.e. by those physical mediators that preserve and broadcast of a certain past images to urban communities.

Note that in this case the city memory sites' dynamics culturological research can be focused on the analysis of citizens' attitudes to the city memory sites as the carriers of collective memories, which become part of the remembering process. Particularly, in Perm krai cities research (Usolye, Vsevolodo Vilva, Cherdyn) an author shows 3 typical modus of attitude to the memory sites: the ruined space, the space of imagination and “the space of memory” in a state of living neglect (Gertman, 2015). On the example of 3 cities where the space remembers its previous events “with its shapes, curves and voids” (Gertman, 2015: 160), we can see that the past turns out to be more than the present, however the ways of its representation talk about the existence of memory sites in the form of ruins where the present has burned out the past, or in the form of reminders and imagination due to the bends of the shapes or in the form of objects in a state of neglect that complicates the ideas formation about the past.

Thirdly, the city memory sites themselves, which represent a material object only in communication, acquire their symbolism in discourse and generate the city past images. In J. Olick's opinion “between production and perception of culture there is a text of memory: memory reproduction and perception happen through the textuality of memory, which can be understood only in its connection with other contexts and previous events” (Olick, 2012: 58).

The city memory site will be the source of memories and the object of the emotional experience only in that case when it's inscribed in the range of practices, in the communicative process of city meanings actualization, because the culture memory is always dialogical: it's a conversation of the past with the present. The more valuable and sacred such sites, the deeper and brighter they are inscribed in urban commemorative practices (laying flowers, parades, readings, veneration,

celebration and so on.), including institutional ones (museums, schools, libraries), in tourism trade, creative industries. The commemoration “is in a wide semantic range – from the tool of the collective solidarity maintenance and memory transmission till the specifically activity-based form of this memory embodiment” (Shub, 2016: 81). In this regard, urban commemorative practices “are nothing more than the urban past representation in a modern reality, they somehow revive the separate fragments of urban past through one or another means” (Fedotova, 2020: 136).

In this context the researches, revealing commemorative practices features, which demonstrate one or another logic of urban past images' values formation according to the specificity of the communicative processes, will be relative. The memory lives only in memories that arise in response to the interaction of contemporaries with the fragments of the past as well. The example of this kind of studies can be the analysis of commemorative practices, impacting the specific directions of urban space memorialization. In particular, as the result of the conducted research we identified that medieval images of Hanse (trade union of Europe medieval merchants) of Veliky Novgorod became relevant for residents only in the beginning of XXI century after the implementation of a number of commemorative practices in town's life: from perpetuation of this image in the memory sites (Hansa fountain and the monument to the Hansa Days) to toponymy (The Hansa hotel) and event agenda (the exhibition “Novgorod and Hansa: the window to Europe”, 2020, holding the Hansa Days event).

On the other hand, an illustration of this thesis is the researches of Russian memory sites in the Pacific coast of America's cities where an author analyses “traditional forms of culture memory” (monuments, tombstones and so on.), preserving the Russian past images and those structures that transmit these meanings and purposes: museums, thematic associations, historic parks (Alekseeva, 2020: 92). Or the researches of commemorative practices, allowing to fill in the gap, associated with the study of memory sites in Petrozavodsk and images

related to Peter the Great (Urvantseva, 2021: 50). Among such practices are ceremonies, monuments' laying, unveiling, moving around the city, ritual actions with the monument, socio-cultural action.

Fourthly, the state of city memory sites, their relevance and embedding in the city's agenda are often connected with the external and internal city positioning, its image and brand. In this regard, J. Olick talks about the profile as an image that becomes a factor in revising attitudes towards memory.

Let's agree that city memory sites through sustainable physical forms "harden" in space by the presence in urban space of "cultural landmarks, carrying the memory of the city" in spatial dimension, helping to recognize and identify the city (Gao, 2020: 426). However in order to become the identity marker, which is the most important factor in positioning of urban image in the external environment (in the form of city brand or image), memory site should become a value source of the urban past which is the most significant in the processes of citizens' identification.

This happened, for example, with Veliky Novgorod. Rurikovo Gorodische as a memory site which testifies to the vocation and reign of the Varangians and the first prince of ancient Rus' Rurik, at the beginning of XXI century became a place reflecting the city's positioning as a motherland of statehood and accordingly, it began to attract the attention of both citizens and tourists which required the city to arrange this memory site including the reconstruction of some objects. Consequently, the researches of city memory sites' dynamics can be based on the close correlation with the urban branding and urban identity formation processes. Particularly, a number of Russian studies show how urban memory sites become part of the urban positive image formation. For example, in one of the studies, groups of memory sites in St. Petersburg were identified and "each of

them was analyzed in terms of sustainability in city image creating" (Portnyagina, 2023: 350). Among others, sites associated with the memory of the blockade and the Great Patriotic War (The Motherland monument and so on.) or sites associated with the names of statesmen, artists (Peter the Great, Alexander Nevsky) were identified.

Conclusion

To summarize we note that city memory sites are localized fragment of urban space, preserving and transmitting the city past images. Despite the spatial nature city memory sites are always symbolic, they manifest the value of the past and are the bearer of identity, forming the city's differences and consolidating collective ideas about its uniqueness.

The J. Olick's process-relational methodology based on 4 concepts of "the memory figurations" allows the researcher in studying city culture memory sites to reveal the processes of memories and reconstruct the value of the studied past images in dynamics of urban memorial space. Based on this methodology we highlighted the key aspects of the city memory sites researches:

- the principles of correlation between the city memory sites repertoire and the contexts, political forces, reflecting the dominant views on the past;
- understanding of the city memory sites as a symbolical mediators which also leaves its mark on memorial traditions;
- the importance of the communicative processes as commemorative practices that ensure the city past images actualization in city memory sites;
- the dependence of the city memory sites interpretation on the official city image (profile), its external and internal positioning.

The results of this study can become the basis for further empirical analysis of Russian cities memory sites.

References

- Alekseeva E. V. Russkaya Amerika: aktory, mesta i formy kul'turnoj pamyati [Russian America: actors, places and forms of cultural memory]. In: *Zhurnal Frontirnyh Issledovanij [Journal of Frontier Studies]*, 2020, 5(2), 93–121. DOI: <https://doi.org/10.46539/jfs.v5i2.199>

- Assmann A. *The long shadow of the past: memorial culture and history politics [Der lange Schatten der Vergangenheit: Erinnerungskultur und Geschichtspolitik]*. München, C.H. Beck Verlag. 2014, 328.
- Assmann A. *New dissatisfaction with the memorial culture [Das Neue Unbehagen an der Erinnerungskultur]*. M., New Literary Review Publ., 2016, 223.
- Assmann J. *Cultural memory and early civilization: Writing, remembrance, and political imagination [Das kulturelle Gedächtnis: Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen]*, Cambridge University Press, 2011, 319.
- Augé M. *Non-lieux, introduction à une anthropologie de la surmodernité*. Paris Seuil, 1992, 155.
- Erl A. *Cultural Memory Studies: An Introduction*. Cultural Memory Studies: an International and Interdisciplinary Handbook. Walter de Gruyter, Berlin, New York. 2008, 442, 1–15.
- Fedotova N.G. *Praktiki gorodskoj kommemoracii: osobennosti formirovaniya kul'turnoj pamyati goroda [Practices of urban commemoration: features of the city cultural memory formation]*. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie [Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History]*, 2020, 39, 130–143.
- Gao B. *The Effect of Memory Construction of Cultural Landmarks on Urban Development*. *Proceedings Of The 2nd International Conference On Architecture: Heritage, Traditions And Innovations*, 2020, 471, 426–432.
- Gertman O. *Permskij kraj: mesta pamyati: zametki pochti sluchajnogo turista [Permski kraj: memory sites: notes of an almost random tourist]*. In: *Znanie – sila*, 2015, 11, 160–164.
- Golovashina O.V. *Mesta pamyati: mezhdru metaforoj i konceptom [The realms of memory: between Metaphor and Concept]*. In: *Sociologiya vlasti [Sociology of Power]*, 2022, 34(1), 18–38. DOI: 10.22394/2074–0492–2022–1–18–38
- Halbwachs M. *Social'nye ramki pamyati. [Les cadres sociaux de la mémoire]*. M., “Novoe izdatel'stvo”, 2007, 346.
- Hussein F., Stephens J. & Tiwari R. *Cultural Memories and Sense of Place in Historic Urban Landscapes: The Case of Masrah Al Salam, the Demolished Theatre Context in Alexandria, Egypt*. Land, 2020, 9(8), 264.
- Khasyanov O.R., Migunova L.R. *Rol' «mesta pamyati» v sohranении religioznych tradicij v poslevoennoj kolhoznoj derevne [Role of the «place of memory» in the preservation of religious traditions in the post-war collective farm village]*. In: *Vestnik Samarskogo universiteta. istoriya, pedagogika, filologiya [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology]*, 2021, 27(1), 15–22.
- Malinova O.U. *Politika pamyati kak oblast' simvolicheskoy politiki [Politics of memory as a branch of symbolic politics]*. In: *Moskovskij ezhegodnik trudov iz obshchestvovedcheskih disciplin [METHOD: Moscow Yearbook of Social Studies]*, 2019, 9, 285–312.
- Nora P. *Realms of Memory: Rethinking the French Past: conflicts and divisions*. New York, Chichester, Columbia University Press, 1996, 688.
- Nora P. *Mezhdru pamyat'yu i istoriej. Problematika mest pamyati [Between memory and history. Problems of sites of memory]*. In: *Frantsiya-pamyat' [France-memory]*. SPb., Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet, 1999, 328, 17–50.
- Olick J. *The sins of the fathers*. Germany, Memory, Method. Chicago, The University of Chicago Press, 2016, 517.
- Olick J., Khlevnyuk D. *Figuracii pamyati: processo-relyacionnaya metodologiya, illyustriruemaya na primere Germanii [Figurations of memory: a process-relational methodology illustrated on a German case]*. In: *Sociologicheskoe obozrenie [Russian Sociological Review]*, 2012, 11(1), 40–74.
- Portnyagina M.D. *The role of “places of memory” in shaping the image of the city of the example of St. Petersburg [Rol' «mest pamyati» v formirovanii obraza goroda na primere Sankt-Peterburga]*. *Materialy XXIX mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii “Rossiya i mir v istoricheskoy retrospektive” k 320-letiyu osnovaniya Sankt-Peterburga v 3-h tomah*, 1, SPb., 350–357.
- Prata M.C.R.Q. *Memory stones: urban and cultural heritage in Campos dos Goytacazes*. *Patrimonio E Memoria*, 2023, 2020, 16(2), 444–468.

Shub M. L. Sovremennye kommemorativnye praktiki: obrazovatel'nyj i vospitatel'nyj potencial [Modern commemorative practitioners: educational potential]. In: *Chelyabinskij Gumanitarij*, 2016, 3(36), 80–87.

Shub M. L. Ulica kak mesto pamyati industrial'nogo goroda: ot lokal'noj istorii k geroicheskoj lichnosti. *Hudozhestvennaya kul'tura i transformaciya industrial'nogo mentaliteta v usloviyah monogoroda: Sbornik nauchnyh trudov II Vserossijskoj (nacional'noj) nauchnoj konferencii*. Magnitogorsk, 2020, 44–46.

Strelnikova A. V. “Mesta pamyati” v gorodskom prostranstve [“Sites of memory” in urban space]. In: *Vestnik RGGU. Seriya: Filosofiya. Sociologiya. Iskuststvovedenie* [RGGU Bulletin. Series: Philosophy. Sociology. Art studies], 2012, 2(82), 231–238.

Urry D. *Sociologiya za predelami obshchestv: vidy mobil'nosti dlya XXI stoletiya* [Sociology beyond societies. Mobilities for the twenty-first century]. M., HSE, 2012, 336.

Urvantseva N. G. “Mesta pamyati” Petra I v gorode Petrozavodsk [Places of memory associated with Peter the Great in the city of Petrozavodsk]. In: *Severnye humanitarnye issledovaniya [Studia Humanitatis Borealis]*, 2021, 1(18), 50–62.

Val'dman I. A., Krasil'nikova E. A. Fenomen memorial'nogo prostranstva goroda: osnovnye podhody k izucheniyu [The phenomenon of the memorial space of the city: the main approaches to the study]. In: *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being]*, 2021, 3A(10), 137–146. DOI: 10.34670/AR.2021.65.73.015

Yates F. A. *The art of memory*. The University of Chicago Press, 1996, 479.

Zamyatin D. N. Prostranstvo i geterotopiya: k semiotike metageograficheskogo voobrazheniya [Space and heterotopy: To semiotics of metageographic imagination]. In: *Chelovek: Obraz i sushchnost' [Human being: Image and Essence]*, 2020, 1(41), 29–52. DOI: 10.31249/chel/2020.01.02

Zherdeva U. A. Chuvstvo mesta kak kategoriya social'noj pamyati [Sense of place as a concept of Social Memory]. In: *Mezhdunarodnyj zhurnal issledovaniy kul'tury [International Journal of Cultural Research]*, 2015, 2(19), 5–11.

Zubanova L. B. Memorial'naya identichnost': mezhdum mestom pamyati i pamyat'yu mest [Memorial identity: between the place of remembrance and the memory of places]. In: *Chelyabinskij Gumanitarij*, 2023, 1(62), 32–38.